Азнабаев Б.А.

Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.

Уфа, 2016

УДК 94(470.57) «17-18» (00)
ББК 63.3. (2Рос.Баш)
А35

Печатается по решению Ученого совета Института истории, языка и литературы УНЦ РАН Протокол №10 от 24.12.2015 г.

Рецензенты:

М.Н. Фархшатов
кандидат исторических наук (ИИЯЛ УНЦ РАН, г. Уфа)

Р.Н. Рахимов
кандидат исторических наук Российский институт стратегических исследований, г. Москва)

Азнабаев Б.А.
А35 Башкирское общество в XVII – первой трети XVII в.: монография/Б.А. Азнабаев – Уфа: РИЦ БашГУ , 2016. – 370 с.

В монографии представлены результаты исследования социально-политической формы объединения башкирских общин в XVII-первой трети XVIII в. Во взаимоотношениях с Российским государством и соседними народами башкиры выступали в качестве единой политической организации, высшим институтом которой являлись народные собрания – йыйыны.

Предназначено для историков, а также для всех интересующихся прошлым Башкортостана и России.

ISBN 978-5-91608-143-2 © Б.А. Азнабаев, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4–47
Глава 1. Территория, природные условия Башкирии и хозяйство башкир в XVI–XVIII вв. 48–124
§ 1. Территория и климат 48
§ 2. Скотоводство 56
§3.Охота 70
§4.Бортничество 83
§5.Рыболовство 87
§6. Соляной промысел 93
§7.Торговля и предпринимательство 103
§8.Земледелие 108

Глава 2. Социальное развитие башкирского общества в XVI – первой трети XVIII в. в свете теории «кочевого феодализма 125–220
§1.Историография проблемы 125
§ 2. Формы инкорпорации чужеродцев 137
§3 Структура башкирского рода 155
§4 Мифологизация пространства – основа этнической идентичности башкир 150
§5. Проблема эксплуатации в башкирском обществе 166

Глава 3. Вотчинное право башкирского населения в XVI – первой трети XVIII в. 189-258
§ 1. Легитимизация вотчинного права башкирских родов 189
§ 2.Вотчинное право башкирских родов во условиях господства Ногайской Орды 200
§3. Вотчинное право башкирских родов после добровольного присоединения к Русскому государству 215
§ 4. Ясачная реформа начала 30–х гг. XVII в. и учреждение дорог в Уфимском уезде 227
§ 5. Земельное законодательство Российского государства и вотчинное право башкир 241

Глава 4. Башкирская полития в XVII – XVIII вв. 258-345
§ 1. Представления башкир о государственной власти 261
§2. Концепция «чифдома» и башкирское общество в XVII–первой трети XVIII в. 268
§ 3. Институты власти в башкирском обществе 282
§ 4. Военная организации и структура общества 311
§ 5. Башкирская служилая элита XVII – первой трети XVIII в. 320
§ 6. Башкирская полития в условиях независимости в 1711–1722 гг. 331

Заключение 346

Введение

В предшествующей монографии[1] мы пришли к выводу о том, что специфика интеграции Башкирии в административную структуру Российского государства была обусловлена особенностями экономического, социального и политического развития башкирского общества XVI – XVII вв. В исследовании было отмечено, что марксистская методология не позволяет создать непротиворечивую концепцию истории башкирского общества, которая могла бы дать объяснение некоторым уникальным социальным институтам и историческим процессам. Марксистское учение, будучи откровенно европоцентричным, оценивает уровень развития любого народа по универсальным экономическим и социальным критериям и тем самым отрицает иные формы политической эволюции, выходящие за рамки развития от родового строя к национальному государству. Подобный однолинейный подход создал идеологическое обоснование для определения неерархизированных социумов как примитивных и недоразвитых. По мнению основоположников марксизма, подобные общества нуждаются в цивилизаторском воздействии со стороны более развитых государственных социумов. В отношении башкир данный подход ясно выразил Ф.Энгельс, который в письме к К. Марксу от 1851 г. писал: «Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей, Центральной Азии, для башкир и татар».[2] И только благодаря работам этнологов, антропологов и социологов первой половины XX столетия был преодолен по сути колониальный дискурс в отношении истории народов, безосновательно классифицируемых как неполитические. Основы нового подхода к пониманию безгосударственных социумов были изложены в работе К. Леви-Стросса «Структурная антропология». В одной из своих статей, посвященной сравнительному анализу этнических культур, выдающийся этнолог указал на неадекватность переноса критериев одной социально-политической культуры на другую, поскольку общество можно понять только в его собственном культурном и цивилизационном контексте. Он, в частности, отметил: «Всякий раз, как нам предстоит квалифицировать какую-либо человеческую культуру как инертную, или стационарную, нам, следовательно, необходимо задаться вопросом, не является ли эта видимая неподвижность результатом нашего неведения относительно ее подлинных интересов, сознательных или

---

[1] Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI - первая треть XVIII в. Уфа, РИНЦ БашГУ, 2005. 210 с.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. XXI. М., 1955. с. 211.

бессознательных, и, если критерии этой культуры отличны от наших, не является ли она жертвой все той же иллюзии с нашей стороны».[1]

В современных социологических исследованиях, наряду с эволюционистскими (марксизм, теория модернизации) и цивилизационными (Тойнби, Сорокин) теориями, выдвигаются концепции многолинейности трансформации политических структур. Так, А.В. Коротаев и Д.М. Бондаренко убедительно доказали, что, наряду с развитием иерархических структур (от вождества к национальному государству), может иметь место усложнение общинной организации без появления бюрократии (греческие полисы). И, наконец, существуют политии, в которых сохраняется племенная система. По сути, речь идет о различных измерениях мировой истории, которая разворачивается сразу в нескольких плоскостях. Большинство авторов рассматривает кочевой мир как особую альтернативу социальной эволюции.[2]

Свойственная марксистской методологии чрезвычайная широта обобщений и склонность к поиску ограниченного числа универсальных закономерностей может проявляться даже у тех исследователей, которые не придерживаются основополагающих принципов данной теории. К примеру, декларативный отказ от марксистской методологии («я не хочу хлестать мертвую лошадь») не помешал А.М. Хазанову в своем исследовании «Кочевники и внешний мир»[3] постулировать фундаментальные закономерности, свойственные всем кочевым социумам. По утверждению автора, одним из основополагающих принципов существования кочевников является их связь с оседлыми цивилизациями. Таким образом, неизбежно выстраивается иерархия кочевников по степени вовлеченности в отношения с земледельческими обществами и создается классификация обществ по единому универсальному критерию. Интенциональность исследований, обращенных на поиск взаимосвязей, характерных для всех номадов, неизбежно приводит к недооценке уникальности исторического бытия каждого кочевого этноса. К примеру, в XVII – XVIII вв. на территории юго-восточной окраины Российского государства обитали четыре кочевых и полукочевых народа, а именно – башкиры, калмыки, ногаи и казахи. Даже поверхностное исследование этих обществ обнаруживает

[1] Леви-Стросс Клод. Раса и история//Путь масок. М., Республика, 2000. 400 с. С. 337.

[2] Крадин Н.Н. Бондаренко Д.М. Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. 187 с. С. 9.

[3] Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, Дайк-Пресс, 2002. 604 с. С. 18.

существенное их различие по таким важнейшим аспектам, как уровень социальной иерархии, характер связей между родовыми структурами, отношение к среде обитания, масштабы и формы инкорпорации иноплеменников, отношение к российской власти и т.д. Вполне закономерно, что историческая судьба этих народов сложилась по-разному. Таким образом, идентификация социума как кочевого или полукочевого еще не дает достаточных оснований для понимания его социальной структуры. На основании вышеизложенного, не отказываясь от экономического инструментария при анализе хозяйственных особенностей, мы, тем не менее, предлагаем дополнить исследование башкирского общества XVII – первой трети XVIII в. методами структурной этнологии и исторической антропологии. К примеру, один из основоположников структурной этнологии К. Леви-Стросс настаивал на том, что при изучении любого общества следует его рассматривать в собственном культурном контексте. При этом погружение в контекст исследуемого общества требует отказа от приверженности контексту того общества, к которому принадлежит сам исследователь.[1] В противном случае мы неизбежно будет навязывать обществу понятия и причины, которые были бы абсолютно не понятны людям XVII – XVIII вв. П. Берк, разъясняя суть методологии выдающегося американского этнолога К.Гирца, отметил, что она предполагает интерпретацию социального взаимодействия в данном обществе в терминах норм и категорий самого этого общества.[2]

Приведем пример, московское правительство XVII в. рассматривало башкирских тарханов в качестве служилых людей по отечеству, обязанных участвовать в общих походах русской армии и охранять границы Уфимского уезда в составе подвижных станиц вместе с русскими служилыми людьми. Не имея жалованных поместных и денежных окладов в Уфимском уезде, тарханы освобождались от ясачной подати, подводной гоньбы и других повинностей. Однако в самом башкирском обществе комплекс прав и отношений, присущих тарханскому званию, был намного сложнее. Здесь у тарханов появлялись права, которые не интересовали российскую администрацию. Только благодаря косвенным свидетельствам челобитных XVII в. и научным разысканиям В.Н.Татищева выяснилось, что башкирским тарханам был присущ специфический судебный иммунитет, позаимствованный из правовой практики Золотой Орды.

---

[1] Леви-Строс К. Структурная антропология. М., ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с. С. 234.

[2] Кром М.М. Антропологический подход к изучению русского Средневековья: заметки о новом направлении в американской историографии// Отечественная история. 1999. № 6. С. 90.

Башкирским тарханам, писал В.Н.Татищев, «9 вин, кроме бунта и измены, отпусчалось».[1] Почему о судебных привилегиях тарханов ничего не говорится в официальных документах XVII в.? Дело в том, что прерогативы судебной власти российской администрации в отношении башкир были урегулированы уже после официального принятия подданства. В XVII – первой трети XVIII в. сфера судебных полномочий российской власти была ограничена только земельными спорами и криминальными делами. Коллективные челобитные башкир XVII в. свидетельствуют о том, что тарханы, организуя набеги на калмыков в 30–40-е гг. XVII в., выступали в качестве арбитров при дележе захваченной добычи. Эти полномочия не нашли отражения и в российском праве, поскольку военная организация башкирского ополчения не подчинилась российской администрации непосредственно. И, наконец, существовали отдельные мелкие нормы обычного права, которые были значимы только для самих башкир. Так, только тарханам предоставлялась привилегия владения земельными угодьями с гнездами хищных птиц.[2] Подобное несовпадение в интерпретации многих социальных явлений и фактов создавало почву для конфликтных ситуаций между башкирским обществом и российской администрацией. Однако эти противоречия не были обусловлены социально-экономическими или политическими причинами, а представляли собой результат диссонанса двух различных культур. Аналогичное несовпадение содержания социальных и политических процессов в башкирском и российском обществах мы наблюдаем и в оценке принятия российского подданства, понимании статуса башкирских вотчинных земель и права на отказ от подданства и т.д. В каждом случае мы обнаруживаем различное толкование сущности этих феноменов, что приводило к стремлению утвердить свою собственную позицию вопреки установке другой стороны.

Исходя из этих соображений, в данном исследовании мы не будем придерживаться традиционной схемы анализа социальной структуры башкирского общества, предполагающей отдельное рассмотрение различных общественных групп: от элиты (бии, дуваны, тарханы, батыри) до зависимых и несвободных категорий населения (туснаки, ясырь). Подобный денотативный подход не учитывает то обстоятельство, что кочевым и полукочевым социумам, в отличие от оседлых цивилизаций, свойственна стадиальная изменчивость, которая предполагает вероятность возврата к предшествующей модели

[1] Материалы по истории Башкортостатана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Уфа, Китап, 2002. Т. VI. С. 234.
[2] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1269. Л. 1–13.

социальной структуры. По мнению В.В. Трепавлова, кочевники, проживая в раннем государстве, не допускают отмирания признаков вождества, поскольку первая же пандемия чумы или вражеская агрессия способны уничтожить их нестабильную (по определению) государственную структуру, и им придется возвращаться на один из предыдущих этапов развития.[1] В качестве примера подобной мобильности социальной структуры можно указать на факт возрождения титула «дуван» в башкирском обществе после восстания 1704–1711 гг. С другой стороны, в это время почти на 20 лет из официальных источников исчезает звание «тархан».[2]

В данном исследовании мы попытаемся, насколько это позволит источниковая база, рассмотреть важнейшие институты башкирского общества XVII – первой трети XVIII в. в интерпретации обеих сторон интеграционного процесса.

Специфика исследования избранной нами темы заключается в том, что первоначально разработкой её основных вопросов занимались не историки, а представители местной администрации. Начиная с организатора Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова почти все последующие руководители края были вынуждены обращаться к исследованию башкирского общества. Следует отметить, что этот исследовательский интерес не был обусловлен научными целями. Тем не менее, среди местных администраторов были выдающиеся историки, топографы, географы и филологи. Достаточно назвать имена И.К. Кирилова, В.Н. Татищева и П.И. Рычкова.

Одна из причин, побуждавших представителей власти обращаться к прошлому региона, заключалась в уникальности административно-правового положения юго-восточной окраины России. В ходе восстаний второй половины XVII – начала XVIII в. башкирам удалось добиться сохранения в неизменности почти всех привилегий и прав, утвержденных в ходе добровольного вхождения в состав государства. По этой причине в воеводских наказах и инструкциях первой трети XVIII в. неизменно повторялось предписание «…суд башкирцам чинить по прежним государевым указам». Призыв властей управлять башкирами «по старине», как минимум, предполагал знание этой «старины». Именно поэтому местные чиновники разыскивали в архивах документы вековой давности. К примеру, специальным распоряжением Сената от 1734 г. уфимским канцелярским служащим было указано разыскать все жалованные грамоты, которые получили

[1] Трепавлов В.В. Бий мангытов, коронованный cheef: вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии//Альтернативные пути к цивилизации. М., Логос, 2000. С. 360.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 358.

башкиры от прежних государей.[1] Некоторые уфимские администраторы собирали сведения от информаторов из местного населения, как это делали, к примеру, П.И. Рычков и В.Н. Татищев.

Основательность и методичность, с какой чиновники XVIII в. обращались к изучению края, вызывает у современного исследователя определенные ассоциации с ориентализмом в концептуальном изложении Э. Саида.[2] Однако насколько корректно применять положения книги Э. Саида к изучению юго-восточной окраины Российской империи? Э. Саид рассматривает колониальную культуру Британской и Французской империй XIX в. как идеологию, оправдывавшую колониальную экспансию. А. Эткинд, интерпретируя «ориентализм» Э. Саида контексте феномена российской колонизации, отметил, что ориентальное «знание» формирует общее представление западного человека о колониальных подданных как одинаковых носителях определенных свойств, а не уникальных индивидуальностях. Ориентализм как «знание» обобщает восточных людей в единый образ, приписывая им определенные черты в интересах колониальной власти.[3] Если взглянуть на исследовательские подходы П.И. Рычкова или В.Н. Татищева в рамках дискурса Э. Саида, то обнаружится немало совпадений. Так, П.И. Рычков в одной из своих статей дает краткую и удивляющую своей безапелляционностью оценку некоторых народов юго-востока России. Он, в частности, писал: «Башкиры и киргизцы, издавна смежно кочевавшие, по началам их и по языку, да и по многим обстоятельствам, хотя и мнятся быть одноплеменными, но во нравах их и склонностях примечается великая и удивительная разность. В киргизцах главная страсть – лакомство, от которого бывают они поползновенны на всякие похищения и грабительства, жадны к подаркам и часто просят и вымогают их для себя с великим бесстыдством, но в башкирцах, как оне не грубы, за главную их страсть приметно честолюбие».[4] Во многом благодаря оценкам П.И. Рычкова в научной литературе были созданы стереотипические образы юго-восточных народов, которые значительно упрощали анализ социальных отношений. К примеру, доминирование горизонтальных отношений в башкирском социуме в работах историков XIX в. объясняется

[1] РГАДА. Ф.248. Оп. 15. Д. 821. Л.5.

[2] Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., Русский мир, 2006. 636 с.

[3] Эткинд А. Бремя бритого человека, или внутренняя колонизация России//Ab imperio. 2002. № 1. С. 276.

[4] Рычков Н.П. Ответы на вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъяснения в рассуждении Оренбургской губернии// Труды ВЭО, СПб.,1787. Ч.12. С.179.

исключительно психологическими особенностями башкирского народа, «безглавого и самовластного». Спустя столетие после выхода исследования П.И. Рычкова исследователь Оренбургской губернии В.М. Черемшанский писал, что башкиры – народ «дикий и необузданный, привыкший действовать самопроизвольно, не терпящий над собой никакой власти – одним словом – народ буйный и своевольный».[1]

Какую цель преследовала эта гомогенизация образа народа? По мнению А. Эткинда, ориентализм конструирует культурную дистанцию, которая легитимирует политическое господство. Эта дистанция неизбежно должна была порождать смысловые конфликтные ситуации во взаимоотношениях башкир с российской администрацией. В своем послании в Сенат В.Н. Татищев писал о своеобразном понимании башкирами условий российского подданства: «Земли данными е.и.в. называют они своими, а бунты войной, отпущения же вин миром для того, что народ степной и дикой и к тому же испортила их прежняя воля».[2] Апогеем подобного подхода является речь главы Оренбургской экспедиции В.А. Урусова, адресованная старшинам и «лучшим» башкирам. По мнению Б.Э. Нольде, текст этой речи был написан П.И.Рычковым в 1737 г.[3] В.И. Урусов начинает свое выступление с такого обращения: «Отчаянные воры башкирцы! Разорители своего покоя и отечества!» Далее, углубляясь в прошлое башкирского народа, Урусов утверждает: «Башкирской ваш народ, между которым всегда с начала вашего подданства большая часть воров и возмутителей были, а добрых самое малое число, изстари был один с нагайцами».[4] В XVIII в. высшие чины местной администрации неизменно приписывают башкирам такие черты, как легкомыслие, дикость, высокомерие, непостоянство, невежество, бунтарство, жестокость и злобность. Позитивные качества аборигенов ограничиваются «верностью» и «людкостью». Развитию положительных свойств народа должно способствовать увеличение контактов башкир с русским населением. В своей инструкции Оренбургской пограничной комиссии П.И.Рычков отметил, что те башкиры, которые живут ближе к городам и «обретаются в торгах с русскими», гораздо лучше внутренних и

[1] Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом этнографическом и промышленном отношении. Уфа, типография Оренбургского Губернского Правления, 1859. 472 с. С. 131.
[2] РГАДА, Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 230.
[3] Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., Дмитрий Буланин, 2013. 637 с. С. 113.
[4] Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии., Уфа, УНЦ РАН, 2002. 210 с. С. 106.

зауральских».[1] Таким образом, первый исследователь края видел будущее башкир в сокращении культурной дистанции с русским народом, что позволит искоренить негативные природные свойства характера башкир. По убеждению П.И. Рычкова, зоной культурного контакта должны стать города, но не села и деревни с живущими в них крестьянами. Очевидно, что для оренбургского чиновника русский крестьянин не являлся субъектом благотворного воздействия на башкир.

Несмотря на то, что В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер и М.В. Ломоносов оказали всестороннюю поддержку П.И.Рычкову в его стремлении стать членом Академии наук, Петр Иванович был и оставался, в первую очередь, чиновником, а его административная деятельность имела безусловный приоритет перед научными изысканиями. Следует отметить, что мотивация любого крупного исследования Рычкова была обусловлена какой-либо конкретной управленческой задачей. Например, в 1744 г. по заданию правительства П.И. Рычков закончил отчет о деятельности Оренбургской экспедиции. Впоследствии этот отчет лег в основу «Истории Оренбургской по учреждении Оренбургской губернии». Первоначально П.И. Рычков даже не предполагал публикацию своей работы. Он считал, что написал своего рода справочник или пособие для будущих администраторов, не знакомых с спецификой местного управления. П.И. Рычков предлагал правительству ежегодно дополнять собранные им сведения новыми материалами: «…чтоб на каждый год собрать и впредь содержать особые краткие записи, означивая в них знатные и достопамятные приключения как по заграничной, так и по внутренней экспедициям, такие ежегодные записи не только ради любопытства служить, но и в правлении губернских дел немалую пользу принесть могут определяемым вновь в ту губернию командирам и служителям, потому что они им будут наставлением и всегдашним напоминанием, дабы в настоящих делах, не впоследовало каких ошибок и упущений».[2] Написание П.И. Рычковым «Топографии Оренбургской» было связано с работой по составлению «Генеральной карты» Оренбургской губернии. Начатая в 1752 г., эта работа завершилась созданием в 1755 г. атласа, выполненного геодезистом прапорщиком Иваном Красильниковым. «Топография Оренбургская» рассматривалась автором как пояснение к картам Красильникова по историко-географическому описанию края.

П.И. Рычков подчиняет изложение исторических фактов главной цели исследования – рассмотреть предысторию той или иной административной проблемы. По этой причине события,

[1] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 211. Л. 9.
[2] Рычков П.И. История Оренбургская …С. 12.

предшествующие организации Оренбургской экспедиции, излагаются П.И.Рычковым схематично, небрежно и бюрократически утилитарно. Как правило, П.И. Рычков не считал необходимым подтверждать приводимые факты ссылками на конкретные источники. Будучи главным бухгалтером и секретарем Оренбургской экспедиции, Рычков обладал неограниченным доступом к огромному количеству документов, в том числе и секретных. Он первым описал родоплеменную структуру башкирского общества. П.И. Рычкову принадлежит и приоритет в исследовании хозяйственной деятельности башкирского населения.[1] На основании собственных наблюдений, исследователь сделал вывод о многоотраслевом характере хозяйства башкир. Он подчеркнул ведущую роль полукочевого скотоводства и бортничества. Для нашей темы исключительно важное значение имеют сведения П.И. Рычкова о ногайском владычестве в Башкирии, строительстве Уфы и набегах сибирских царевичей. Именно П.И. Рычков, впервые в отечественной историографии, ввел в научный оборот башкирские шежере. По нашему мнению, кроме архивных документов, находившихся в XVIII в.в Уфе и Оренбурге, П.И.Рычков имел доступ к семейным архивам некоторых старейших фамилий Уфы.

В исторической литературе много внимания уделено формированию исследовательских методов П.И. Рычкова. П.П. Пекарский указал на влияние, которое оказали на научные изыскания П.И. Рычкова работы академика Г.Ф. Миллера, И.К. Кирилова и В.Н.Татищева.[2]

Как и предполагал П.И. Рычков, исследование края для административных целей было продолжено в первой половине XIX в. В 30–50-е г. XIX в. были изданы труды чиновника по особым поручениям при оренбургском военном губернаторе И.В. Жуковского, оренбургских гражданских губернаторов И.Л. Дебу и Я.В. Ханыкова, преподавателя уфимской семинарии В.М. Черемшанского.[3] Все эти работы были

---

[1] Рычков П.И.. Ответы на вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъяснения в рассуждении Оренбургской губернии//Труды ВЭО, СПб.,1787. Ч.12. С.179 – 196.

[2] Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., Типография Императорской Академии Наук, 1867. С. 65.

[3] Жуковский И.В. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края расположенных с 1246 по 1832 год. СПб., Тиопография И.Греча, 1832; Черемшанский В.М. Указ. соч.; Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., Университетская типорафия, 1837; Ханыков Я В. Географическое обозрение оренбургского края. Материалы для статистики Российской империи. СПб., Типография Министерства внутренних дел,1839.

написаны по инициативе и при поддержке губернской администрации, однако по разнообразию источниковой базы и широте затрагиваемых вопросов они уступают трудам П.И. Рычкова.

Во многом благодаря энциклопедическому масштабу работ П.И. Рычкова в конце XVIII – начале XIX в. интерес ученых к Оренбургскому краю и его истории заметно снижается. Руководитель академической экспедиции первой половины 70-х гг. XVIII в. И.И. Лепехин был вынужден признаться, что в Оренбургской губернии П.И. Рычковым было обследовано и описано многое из того, что интересовало петербургских ученых.[1]

При сравнении исследовательских подходов И.И. Лепехина и П.И. Рычкова обнаруживается явное различие. К примеру, П.И. Рычков, описывая какой-либо народ, в первую очередь отмечает его пользу и выгоду для государства. Такое исследование являлось прелюдией к выработке административной стратегии. Напротив, ученый путешественник И.И. Лепехин, фиксируя традиции и обычаи, стремился уловить уникальную сущность повседневной культуры. Неудивительно, что И.И. Лепехин, в ходе своего кратного пребывания в Башкирии, увидел многое из того, на что не обращал внимания местный житель П.И. Рычков. К примеру, И.И. Лепехин отмечает, что, находясь среди группы башкир, «из любопытства» угостил калачом только старшинского сына. Однако тот приступил к еде только после того, как «на малейшие разломав частицы оделил всех председящих башкирцов».[2] В отличие от П.И. Рычкова, И.И. Лепехин фиксирует различия в нравах башкир разных районов Оренбургской губернии независимо от близости к городам. Именно И.И. Лепехину удалось передать эмоциональное состояние башкирской общины при переходе на летнее кочевье: «Всяк, кто видел башкирцев в зимовье, почтет их за других людей. Там он видел их униженных, боязливых и истощенных: тут, напротив, увидит их в кочевках их смелых, некоторым образом горделивых, предприимчивых и здоровых. Но откуда эта перемена? Отдаленные в горах места рождают в них некоторый образ вольности. Чистота и приятность воздуха, здоровейшая по привычкам их пища, свободная и беззаботная жизнь ободряет их телесные и духовные силы».[3]

Некоторые краткие заметки И.И. Лепехина содержат глубокие по своей информативной значимости сведения. Фиксируя башкирские предания, связанные с сакральным значением горы Тура-тау, ученый

[1] Лепехин И.И. Записки путешественника академика Лепехина. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1821. Т. 3. С. 218.
[2] Там же. С. 57.
[3] Там же. С. 131.

записал отметил, что в «книге Чингыз много о сей горе написано».[1] Исследователь башкирской литературы М.Г. Надергулов на основании изучения рукописной коллекции из собрания Г. Киикова установил, что среди башкир была распространена особая редакция «Дафтар-и Чингизнаме». В отличие от монгольских и персидских источников о Чингисхане, в башкирском тексте описываемые события были перенесены на территорию Башкортостана, а главными героями повествования выступают башкиры.[2]

В целом XVIII в. – время интенсивной работы по сбору научной информации, ее обобщению, систематизации в виде словарей и топографических описаний. Башкирия, ввиду огромного интереса к ее природным богатствам, оказалась в центре внимания Сената, Академии наук и других государственных учреждений.

Следующий этап в исследовании проблемы связан с публикацией во второй половине XIX в. фундаментальных трудов по Российской истории, в которых освещались события, происходившие в Башкирии в XVI – XVIII вв. Интерес историков к этому краю был обусловлен масштабами колонизационного процесса, сложностью и противоречивостью процесса интеграции нерусских народов края в административную структуру Российского государства. Следует отметить, что именно в 60–80-е гг. XIX в. происходило активное проникновение России в Казахстан и Среднюю Азию, что рассматривалось исследователями как продолжение колонизационного процесса юго-восточных земель, начатого после падения Казани.

Профессора Н.Н. Фирсов, Г.И. Перетяткович, С.В Ешевский стремились охарактеризовать расширение восточных владений России с позиций государственной школы отечественной историографии. В своей работе «Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России» профессор Казанского университета Н.А. Фирсов впервые определил особенности правового положения башкирского населения в XVII–XVIII вв.[3] Выделив беспрецедентные привилегии башкир, Н.Н. Фирсов указал на то, что они были обусловлены противоречивостью политики российского правительства по отношению к нерусским

[1] Лепехин И.И. Указ. соч. С. 57.

[2] Надергулов М.Х. Башкирские рукописные исторические источники конца XIX – начала XX вв. и письменное наследие Г. Киикова//Уникальные источники по истории Башкортостана. Материалы первой межрегиональной научно-практической конференции и ассамблеи народов Республики Башкортостана, 19 декабря 2000 г. Уфа, 2001. С. 57.

[3] Фирсов Н.Н. Инородческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель//Ученые записки казанского университета. Казань, 1871. Т. VI. С. 297-401.

народам. Он, в частности, отметил: «Но известная вещь, что у нас в центральном правительстве относительно украин, пользовавшихся особыми правами, всегда существовали две партии, из которых одна всегда стояла за решительное меры, к смене этих украин на великорусские области, по средствам подведения их под одинаковые законы, управление и суд, а другая надеялась возбудить в этих вошедших в состав русского государства украинцах чувство приязни и расположения и русской власти и русскому народу посредством охранения особенных их прав и льгот, по отношению к башкирцам между сильными русскими людьми так же было заметно такое расхождение».[1] Историк убедительно доказал, что главная привилегия башкир – вотчинное представляло собой главное препятствие для включения Башкирии в систему общероссийского законодательства и управления. Н.Н.Фирсов сводил все антироссийские выступления башкир XVIII в. исключительно к религиозному фактору: «Открывавшаяся здесь борьба была борьбой русских не с полукочевым, отстаивающим свою независимость и обычая родового быта башкирским народом, но со старым магометанством».[2]

Из всех дореволюционных исследователей башкирского общества Н.Н. Фирсову принадлежит самая глубокая характеристика социальной структуры башкирского общества. Он считал, что в башкирском обществе XVI – XVIII вв. отсутствовал социальный антагонизм между «низами» и «верхами», все общественные дела решались на съездах родовых старшин. Включение башкир, как и других народов Поволжья, в сферу зависимости от Москвы производилось постепенно, чтобы избежать противодействия. Московское государство «желало действовать наверняка». Путь к решению башкирского вопроса, по мысли Н.Н.Фирсова, состоял в замене «полузависимости инородческих союзов полным холопством через насильственное уничтожение их внутренней самобытности».

Г.В. Перетяткович рассматривал структуру башкирского общества только в качестве объекта русской «естественной колонизации». Именно в этом ключе он характеризовал процесс присоединения Башкирии к Русскому государству как мирный и постепенный. В своей докторской диссертации он подчеркнул безусловно благотворное воздействие российской колонизации на общественные отношения и хозяйственное развитие нерусских народов Поволжья и Урала.[3] Г.И. Перетяткович дал крайне негативную оценку

[1] Фирсов Н.Н. Указ. соч. С. 378.
[2] Там же. С. 398.
[3] Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв.: Очерки из истории края и его колонизации. М., Типография И.В. Грачева, 1877. 342 с.

политической и экономической жизни Казанского ханства и Ногайской Орды, не имевших исторических перспектив дальнейшего развития. При этом автор доказывал тезис об абсолютной политической и экономической зависимости Ногайской Орды от Московского государства уже в первой половине XVI в.

Не отрицая факта добровольного принятия российского подданства башкирами, Г.И. Перетяткович приводит слова И. Бичурина о специфическом понимании подданнических отношений кочевыми народами: «Легкость принятия московского подданства объясняется тем, что кочевые народы полагают принятием подданства выиграть четыре процента на один, поэтому при случае они даже соперничают в готовности подданства. Клятву они считают средством выиграть, а клятвопреступление пустыми словами».[1] Г.И. Перетяткович, как и Н.А. Фирсов, констатирует невозможность интеграции кочевых народов в административную структуру Российского государства без разрушения их кочевого быта. Г.И. Перетятковичу принадлежит пальма первенства в исследовании русско-ногайских отношений конца XV — первой половины XVI в. Он установил, что главной политической целью Москвы было удержание Ногайской Орды от союза с Казанью и Крымом. Историк отметил неизбежность решительного столкновения Московского государства с Казанским ханством.

В своем исследовании Г.И. Перетяткович затронул и проблему инкорпорации в состав служилого сословия России представителей местной инородческой знати. На основании изучения земельных отводов и поместных окладов служилых новокрещен и служилых татар, Г.И. Перетяткович сделал вывод об отсутствии у правительства намерения включить эти категории служилого населения в состав российского привилегированного служилого сословия.

В отличие от Г.М. Перетятковича, профессор русской истории Московского и Казанского университетов С. В. Ешевский утверждал, что издревле русский народ прибегал в основном к мирным средствам колонизации инородческих территорий.[2] Российское правительство лишь закрепляло те области, которые были освоены народной колонизацией. С.В. Ешевский обратил внимание на то, что нередко дворцовые села на юго-восточной окраине страны возникали раньше укрепленных центров. Действительно, отношения, возникавшие между дворцовыми крестьянами–переселенцами и башкирами, как правило, имели мирный характер. С.В. Ешевский отметил и важную роль

[1] Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII – начале XVIII в. Очерки из истории колонизации края. Одесса, тип. П.А. Зеленаго,1882. С. 75.

[2] Ешевский С.В. Колонизация северо-восточных окраин России// Вестник Европы. СПб.,1866. Т. I. С. 48-57.

монастырской колонизации в российском освоении территории Южного Урала.

Таким образом, представители университетской науки второй половины XIX в. исследовали основные направления и формы колонизации территории Поволжья и Приуралья. Они впервые обратились к рассмотрению социальной структуры и хозяйства населения колонизуемых регионов. Однако нельзя не отметить, что наиболее интересные и важные концептуальные положения историков не были подтверждены соответствующими архивными источниками. В данном случае сказалось влияние методологических принципов государственной школы, отдававшей предпочтение законодательным материалам, что в наибольшей степени присуще исследованиям Н.А. Фирсова.

Отчасти этот недостаток был восполнен трудами историков-краеведов, которым во второй половине XIX – начале XX в. удалось ввести в научный оборот целый комплекс архивных материалов.

Уездный предводитель В.А. Новиков посвятил свое исследование местного дворянства 300-летнему юбилею основания Уфы.[1] Преподаватель уфимской гимназии В.А. Ефремов написал небольшую, но содержательную работу об истории Уфимского края в XVI – XVII вв.[2] Автор воспользовался архивными материалами, собранными по инициативе городских властей для издания фундаментального исследования по истории Уфы. Священник и член Оренбургской ученой архивной комиссии Н.М. Модестов обратился к истории Табынска, сыгравшего главную роль в деле промыслового освоения Уфимского уезда в XVII в.[3] Н.В. Ремезов, занимавший должность землемера Уфимского по крестьянским делам присутствия, собрал обширный архивный материал для своего исследования, посвященного земледельческой колонизации Башкирии XVI – XIX в.[4] Местные исследователи обратили внимание на то, что с Башкирией и Оренбургским краем были связаны судьбы многих выдающихся ученых, общественных и государственных деятелей. В Уфимских губернских ведомостях за 1880–1882 гг. были опубликованы статьи историка-краеведа Р.Г. Игнатьева о начальниках Оренбургской экспедиции И.К.

---

[1] Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, печатня Н. Блохина, 1879. 269 с.

[2] Ефремов В.А. Из истории Уфимского края//Вестник Оренбургского учебного округа.. Уфа, 1913. Вып. 1–3.

[3] Модестов Н.М. Село Табынское и Вознесенская пустынь.//Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1914. Вып. 31.

[4] Ремезов Н.В. Землевладение в Уфимской губернии//Записки императорского географического общества . Отделение статистики. СПб.,1889. Т.VI. С.7-134.

Кирилове, В.Н. Татищеве и В.А. Урусове.[1] Казанский историк В.Н. Витевский свою монографию «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.» посвятил первому губернатору Оренбургской губернии И.И. Неплюеву.[2]

В.А.Новиков всесторонне изучил материалы фондов Уфимского дворянского собрания, которые были полностью утрачены в 1919 г. Особый интерес представляют опубликованные В.А. Новиковым документы XVII в., среди которых наиболее спорной и неоднозначной является копия с жалованной грамоты башкирам Юрматинской волости. Согласно шежере события и персоналии, зафиксированные в ней, должны относиться ко второй половине XVI в., однако грамота выдана от имени Алексея Михайловича и датирована 21 августа 7157 г. т.е. 1649 г.[3] В.А.Ефремов впервые ввел в научный оборот «Отводную книгу по Уфе», сведения которой позволили выяснить некоторые особенности хозяйственного освоения русскими людьми территории Башкирии в конце XVI – начале XVII в. Наибольший интерес вызывают свидетельства этого источника о существовании в конце XVI в. под Уфой татарской слободы, основанной башкиром Шугуром Кокузовым.[4]

Н.М. Модестов опубликовал фрагмент указа начала 80-х гг. XVI в., который говорит о том, что монастырская колонизация Башкирии началась одновременно с присоединением края к России. Первая монашеская пустынь была сожжена башкирами в годы правления Федора Иоанновича.

Н.В.Ремезовым был обнаружен документ из архива Уфимского дворянского собрания, в котором утверждалось, что еще в 1560-х гг. московское правительство направляло своих представителей в Башкирию для поиска места для города и отвода городских земель.

Р.Г. Игнатьев впервые опубликовал судебно-следственные документы, раскрывающие характер и масштабы злоупотреблений представителей уфимской администрации 20–30-х гг. XVIII в. Особый интерес представляет исследование взаимоотношений провинциальных

---

[1] Игнатьев Р. Г. Иван Кирилович Кирилов, основатель Оренбургского края//Уфимские Губернские ведомости. 1880. № 16, 18, 20, 23-25, 27, 28, 32-34; его же. В. Н. Татищев, второй начальник Оренбургского края//Уфимские губернские ведомости. 1881. № 4, 6,7, 26-32, 34-38, 40, 42, 46, 47; его же. Князь В. А. Урусов, третий начальник Оренбургского края//Уфимские губернские ведомости. 1882. № 10, 14, 17, 20, 24, 27, 29-32.

[2] Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань,1889-1892. Вып.1-3.

[3] Новиков В.А. Указ. соч. С. 204.

[4] Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92-1629)»// Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, БФАН РАН, 1971. С. 245 – 298.

начальников с башкирами. Ему же принадлежит первая публикация фрагментов уфимских летописей XVII – XVIII вв.

В монографии В.Н. Витевского вводится в научный оборот текст наказа царя Алексея Михайловича уфимскому воеводе Ф.И. Сомову за 1664 г., в котором подтверждались все основные положения подданства башкир.

Собирая материал для исследования земельных конфликтов, возникавших между уфимскими служилыми людьми и башкирами, В.А. Новиков обратил внимание на то, что башкирские шежере (родословные) в XVIII – начале XIX в. признавались администрацией в качестве документов, доказывающих владельческие права на вотчинные земли. На основании данных башкирских шежере, летописных и генеалогических данных В.А.Новиков показал добровольный характер присоединения башкир к России в середине XVI в. При этом В.А. Новиков уточнил, что «…башкирцы приняли российское подданство после пятилетней войны московских воевод, присланных для усмирения народов, от Казанского ханства зависевших, под влиянием страха, наведенного на инородцев царскими воеводами».[1]

Документальные материалы, приведенные в исследовании В.А. Ефремова, поставили под сомнение утверждение Н.А. Фирсова об исключительно враждебном отношении башкирского населения к российским властям. В.А. Ефремов показал, что в первой половине XVII в. между башкирскими общинами и уфимской администрацией осуществлялось военное и политическое сотрудничество, направленное на противодействие калмыцкому вторжению.

Небольшая работа Н.М. Модестова опровергла распространенное мнение о том, что первые русские поселения в Башкирии возникли под защитой крепостей.

Н.В. Ремезов установил, что строительству первого русского города в Башкирии предшествовали переговоры с башкирскими родами, продолжавшиеся на протяжении почти 20 лет. В соответствии с достигнутым соглашением под будущий город был отведен ограниченный район прежней ногайской ставки. Сведения из преданий башкир Стерлитмакского уезда позволили Н.В.Ремезову сделать вывод о том, что еще до взятия Казани всю западную часть Башкирии от Белой, Камы и Зая занимали кочевники-ногайцы, значительная часть которых покинула территорию Башкирии не в середине XVI в., а во время калмыцкого вторжения в Поволжье в начале XVII в. Он определил количество земельных угодий, изъятых из владения башкир со времени присоединения к России до начала XIX в.

[1] Новиков В.А. Указ .соч. С. 27.

Р.Г. Игнатьев обратил внимание на существование принципиальных противоречий в среде высшей местной администрации по вопросу о методах управления башкирами в 30-е гг. XVIII в.

В своем труде, посвященном деятельности И.И. Неплюева, В.Н. Витевский впервые в отечественной историографии затронул проблему происхождения вотчинного права башкирского населения. На основании многочисленных источников автор показал, что до середины XVIII в. Башкирия была закрыта для переселенческого движения из центральной России. В.Н. Витевский считал, что процесс включения Башкирии в административную структуру государства начался только со времени свободной колонизации края русским населением. В.Н. Витевский категорически отрицал факт добровольного принятия башкирами Российского подданства в середине XVI в. Вплоть до 30-х гг. XVIII в. башкиры не признавали власть российского государства, их подданство имело номинальный характер. В.Н. Витевский указал на то, что правительство в XVII – XVIII вв. по-разному относилось к элите нерусских народов. Представители верхних слоев оседлых и земледельческих народов при условии лояльного отношения к российской власти активно включались в структуру русского служилого сословия. Однако башкирские тарханы и старшины никогда не верстались в иноземный служилый список. Историк отметил, что российскому правительству в целом было свойственно недоверчивое отношение к элите кочевых народов.

Работам историков-краеведов свойственны определенные просчеты, вызванные некритическим отношением к информации источников и отсутствием необходимых профессиональных навыков. В.А. Новиков считал, что поместная колонизация Уфимского уезда не нарушала земельных прав башкирского населения. Он отметил, что отводы земельных дач производились только из «диких полей», не принадлежавших башкирам. Благодаря ошибочному утверждению В.А. Ефремова в литературе по истории края сложилось мнение о том, что основным источником формирования приказного и служилого населения Уфимского уезда в XVI – XVII вв. являлись выходцы из местной новокрещенской среды, служилых татар, полоцкой и смоленской шляхты. Н.М. Модестов безосновательно полагал, что первое постоянное поселение на соляных на реке Усолка появилось уже в начале XVI в. Н.В. Ремезов считал, что колонизация Башкирии в первой половине XVII в. носила исключительно мирный характер. Р.Г.Игнатьев не сомневался в достоверности сведений уфимских летописей. К примеру, он писал о том, что к 1584 г. Табынск, Бирск и Мензелинск уже были построены.

В.Н. Витевскому как выпускнику историко-юридического факультета Казанского университета в меньшей степени были свойственны подобные ошибки, и он не избежал ошибок, характерных многим биографическим исследованиям. Так, работа В.Н. Витевского не лишена определенного субъективизма в оценке деятельности И.И.Неплюева. Историк полагал, что до создания Оренбургской губернии Башкирия являла собой не составную часть Российского государства, а была непокоренным и диким краем. Только благодаря деятельности И.И. Неплюева, в 40–50-е гг. XVIII в. Башкирия была окончательно подчинена Российского власти.

На рубеже XIX – XX вв. объектом внимания историков оказываются вопросы, связанные с колонизацией Башкирии: русско-казахские отношения, башкирские восстания, история Оренбургской епархии, история яицкого казачества и другие.[1]

Во время революции и гражданской войны были утеряны многие архивные документы, которыми пользовались дореволюционные исследователи. Полностью был утрачен архив Уфимского дворянского собрания, пропала и основная часть рукописного фонда Уфимского краеведческого музея, в котором были сосредоточены материалы семейных архивов уфимских дворян, священников и купцов.

В соответствии с общими принципами марксистской методологии в работах, посвященных истории Башкирии XVI – XVIII вв., решающее значение придавалось изучению колониальной политики царизма и классовой борьбы. До начала 60-х гг. XX в. практически не было монографических исследований по истории Башкирии, в названии которых отсутствовало упоминание о восстаниях XVII – первой половины XVIII в. Именно этой проблематике были посвящены работы А.П. Чулошникова, Н.В. Устюгова, В.И. Лебедева и Н.Ф. Демидовой.[2]

---

[1] Крафт И. Принятие киргизами русского подданства//Известия Оренбургского отдела Русского географического общества.. Оренбург, 1887. Вып.12С.2-52; Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк//Известия Оренб. отдела РГО. Оренбург, 1900. Вып. 15.С.1-124; Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г.//Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. XVIII. 104 с.; Дмитриев А.А. К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации//Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. VIII. 172 с.; Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем//Труды ОУАК. Оренбург, 1900. Вып. VII, X. 108 с.; Стариков Ф. Откуда взялись казаки. Оренбург, Типолитогр. И.И. Евфимовского–Мировицкого, 1881. 352 с.

[2] Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII – первой половины XVIII в//Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в 17 и первой половине 18 вв. М.-Л., АН СССР. 1936. Ч. 1. 631 с. С. 5–87; Устюгов Н.В. Башкирские восстание 1662 – 1664 гг.//

Несмотря на то, что все перечисленные исследователи разделяли основные положения теории «кочевого феодализма», они все же расходились в оценке ключевых событий история края, таких например, как присоединение Башкирии к Российскому государству и характер башкирских восстаний XVII – XVIII вв. А.П.Чулошников, исходя из своего понимания специфики башкирского феодализма, опровергал добровольность присоединения башкир к России. Он стремился доказать, что основная часть Башкирии фактически была завоевана Россией в течение XVI – XVII вв. Н.В.Устюгов писал, что уже в XVI столетии Башкирия переживала период феодальной раздробленности, поэтому вхождение Башкирии в состав России приобрело форму феодального вассалитета: «Принятие башкирами русского подданства было по сути дела переходом башкирских биев на службу к более сильному сюзерену – московскому государю. Каждый башкирский феодал принимал подданство лично».[1]

Н.Ф. Демидова попыталась устранить очевидные противоречия, возникающие при механическом переносе теории кочевого феодализма на башкирское общество XVII – XVIII вв. К примеру, стремление трактовать башкирские восстания как феодально-сепаратистские выступления, направленные против централизации, наталкивалось на ряд вопросов, которые не могли быть разрешены в рамках формационной теории. Именно поэтому Н.Ф. Демидова обратила внимание на специфические черты, свойственные башкирскому феодализму XVII – XVIII вв., которые не позволяли башкирским феодалам интегрироваться в служилую элиту Российского государства. Она отмечает, что башкирскому феодализму были присущи сильные пережитки родовых отношений. Напротив, русский феодализм в начале XVIII в. находился на ступени, предшествующей его разложению. Это столкновение двух обществ с различным уровнем развития феодальных отношений не могло разрешиться прямым включением Башкирии в общую систему феодальных отношений России.

Среди работ 30–50-х гг. XX в. особое место занимает фундаментальное исследование М.К. Любавского «Обзор истории

Исторические записки. М.Л., 1947. Т. 24.С 112-176; его же. Башкирское восстание 1737 – 1739 гг. М., АН СССР, 1950. 155 с.; Лебедев В.И.Башкирское восстание 1705 -1706 годов//Исторические записки М., 1937. Т. 1. С. 24-65; Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 годов: дис. … канд. ист. наук. М., 1955. 44 с.

[1] Устюгов Н.В. Башкирские восстание 1662 – 1664 гг.//Исторические записки. М.Л., 1947. Т. 24. С 119.

русской колонизации с древнейших времен до XX в.».[1] К сожалению, для массового читателя этот труд стал доступным только в конце XIX в. В специальной главе М.К. Любавский интерпретирует колонизацию башкирских земель не как завоевание, а как процесс постепенного хозяйственного освоения территории крестьянским населением из центральных районов страны. Таким образом, даже в 30-е гг. XX в. М.К.Любавский придерживался основных положений государственной школы. Он считал, что российское государство выполняло на юго-восточной окраине роль главного регулятора колонизационных потоков. Чтобы не раздражать башкир, а главным образом, чтобы не сокращать ясачные поступления в казну, правительство на первых порах занимало позицию защитника башкирского землевладения. Всем переселенцам отводились земли из диких полей, не освоенных башкирами. М.К. Любавский указал на то, что простой инстинкт самосохранения подсказывал властям, что в отношении башкир надо «держать ласку», не ожесточать их, чтобы не иметь в их лице не врагов, а союзников. С другой стороны, сами башкиры нуждались в помощи русских в своей борьбе с калмыками. Москве приходилось защищать ясачных людей как военными, так и дипломатическими средствами. Все это в определенной мере принуждало башкир мириться с русским владычеством. Но с течением времени это владычество становилось для края все более тягостным, что привело к хроническим волнениям и мятежам башкирского населения.

М.К. Любавский заметил, что Российской империи военная экспансия в качестве инструмента присоединения новых территорий была не характерна. Основная часть территории Башкирии была колонизована путем освоения земель крестьянами-земледельцами, методом «народной колонизации». Инициаторами переселения в Башкирию выступали разные социальные группы: от монастырей до различных типов землевладельцев и их поверенных. После того, как первоначальное освоение земель произошло, государство, решая проблемы безопасности своих границ, продолжает начатую колонизацию, руководствуясь уже экономическими соображениями или политической целесообразностью.

Тем не менее, М.К.Любавский не разграничивает два принципиально различных процесса – демографическое заселение территории и ее интеграцию в административную и правовую структуру государства. В процессе колонизации Башкирии происходило не только переселение земледельческого населения, но и приспособление

[1] Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX в. М., Московский Университет, 1996. 688 с.

существующих социальных институтов и структур башкирского общества к государственным порядкам Русского государства. Рассмотрение колонизационных процессов только в ракурсе земледельческого освоения территории не может объяснить специфику управления Башкирией и существование особого правового статуса башкирского общинного землевладения. Определяя колонизацию Башкирии как заселение ее русскими земледельцами, Любавский не считает Польшу и Финляндию колонизованными территориями. Колонизация – «экспансия русского народа и создание им его собственной территории».

В те же 30-е гг. XX в. во Франции выходит двухтомник «История формирования Российской империи» Б.Э. Нольде.[1] Он еще в 1911 г. сформулировал важнейшую проблему изучения интеграции национальных окраин в правовую структуру Российского государства. Нольде указал на характерную ошибку историков государственной школы, исследовавших управление окраинами государства в отрыве от региональной специфики: «Русское право никогда само не разбиралось систематически в том, что оно здесь творило, наше право знало лишь отдельные земли и индивидуально характеризовало их отношение к целому русского государства». В итоге Б.Э. Нольде формулирует принципиальное положение: «Осуществление одной и той же государственно-правовой мысли лежит через изучение каждой из автономных земель, взятой в отдельности».[2]

В отличие от М.К. Любавского, стремившегося по возможности избегать оценки современных исследований, Б.Э. Нольде мог позволить себе не сдерживаться в критике работ советских авторов, взявших на вооружение теорию «кочевого феодализма». Анализируя исследование В. Лебедева, посвященное башкирскому восстанию 1704–1711 гг., Нольде дал обобщенную характеристику работам всех советских историков этого времени: «…оно нашпиговано марксистскими цитатами, которые автор приводит, совершенно не учитывая их контекст». Обратим внимание на то, что Нольде не отрицал марксизм в качестве метода исследования, однако выступает категорическим противником его формального применения. В то же время Б.Э. Нольде вынес за скобки социально-экономический аспект истории Башкирии XVI–XVIII вв., обратившись к исключительно историко-правовому дискурсу проблемы. Например, юридический статус тептярей, бобылей и мишарей обычно рассматривается им только с точки зрения

[1] Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.

[2] Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., тип. Правда,1911. С. 280-281

вотчинного права. По этой причине Б.Э. Нольде категорически отрицал существование тептярей до выхода указа 1734 г. До этого времени, с точки зрения норм тогдашнего права, большинство их считалось беглыми. Нольде особо подчеркнул, что с изданием указа 1734 г. юридическую силу обрело фактическое, а не правовое положение вещей. Этот вывод выдающегося юриста имеет принципиальное значение для понимания истории управления Башкирией в XVI – первой трети XVIII в., когда российское правительство было вынуждено не утверждать новые правовые основы, а подтверждать уже существующие традиционные отношения, приспосабливая их к своим политическим интересам.

Интерес к правовой стороне истории края позволили Б.Э. Нольде открыть новое значение указа 1727 г., который, по словам автора, «должен рассматриваться как кульминация политики status quo в Башкирии. Все требования нерусских влиятельных кругов были удовлетворены: русские признали за краем значительную автономию, установив для башкир умеренный размер ясака и несение некоторых других традиционных повинностей; башкиры, в свою очередь, обещали больше не восставать». Таким образом, в историографии впервые был выражен юридически обоснованный вывод о том, что до начала деятельности Оренбургской экспедиции башкиры сохранили все основные привилегии, закрепленные за ними в период установления российского подданства.

Однако важнейшим открытием Б.Э. Нольде, на наш взгляд, не утратившим актуального значения и для современной историографии, является анализ политики российского правительства в отношении башкирской элиты. Б.Э. Нольде отмечает, что с юридической точки зрения башкирская элита представляла собой племенную аристократию, легитимность которой утверждалась не государственными правовыми институтами, а традиционными обычаями башкирских общин. По этой причине, но отнюдь не в силу специфики феодальных отношений, местная знать не могла представлять прочную опору для российских властей. Б.Э. Нольде подчеркивает, что правительству пришлось создавать новую элиту искусственно, нередко из представителей социальных низов, проявивших лояльность в ходе башкирских восстаний. Б.Э. Нольде одним из первых историков отметил, что мероприятия И.И. Неплюева, нацеленные на предотвращение восстаний, были направлены и против народных масс, которые несли не меньшую ответственность за начало выступлений.

Не отрицая наличия в восстаниях башкир антирусских мотивов, Б.Э. Нольде справедливо указал на то, что для самих башкир восстания были «не бесполезными», поскольку они замедляли поглощение края

русскими. Достаточно сказать, что крупная налоговая и военная реформа – введение подушной подати, которая без проблем была осуществлена в Казанской губернии и полностью реализована в других частях России – остановилась у границ Башкирии.

Б.Э. Нольдэ не стремится восполнить отсутствие документов повторением принятых в науке положений или созданием ничем не обоснованных концепций. Некоторые тонкие замечания в отношении ряда известных источников покажутся интересными и для современного исследователя. К примеру, самый ранний, из сохранившихся списков башкирских тарханов, датируется 1681 г. На основании его сведений современные исследователи сделали вывод о малочисленности тарханского сословия среди башкир. Однако Б.Э. Нольде отметил, что опубликованный В.А. Новиковым список тархан уфимского воеводы П. Скуратова представляет собой неполный документ, поскольку в него вошли тарханы лишь 11 родов. Действительно, в 80-е гг. XVII в. по другим делопроизводственным документам отмечены фамилии тархан, не вошедших в список 1681 г.

Б.Э. Нольде одним из первых историков указал на то, что башкирские восстания XVII в. не ставили целью получить независимость. Только в 1708 г. башкиры, призвав хана, встали на путь создания самостоятельного государства, независимого от русских. Автор обоснованно критикует историков, чересчур доверчиво воспринявших информацию П.И. Рычкова о сепаратистском характере башкирских восстаний XVII в. Б.Э. Нольде отмечает, что история восстания излагается автором «Истории Оренбургской», вероятно, со слов современников. Столь же критично отнесся Б.Э. Нольде к объяснениям, которые дал П.И. Рычков по поводу причины основания Уфы. Нольде считал, что в 1586 г. правительство не испытывало никакой необходимости создавать центр управления Башкирией. По мнению автора, утверждение русской крепости на берегу Белой было лишь частным эпизодом исторической экспансии российского государства в Сибири. О том, что Уфа располагалась на древнем пути кочевников из Сибири в Европу, знали еще дореволюционные исследователи.[1] Однако только Нольде связал военные действия, в которых участвовали правительственные войска в Западной Сибири, с созданием стратегического транзитного пункта для дальнейшего продвижения за Урал.

В 60–90 гг. XX в. исследователи обратились к изучению вопросов социально-экономического развития башкирского общества

[1] Дмитриев А.И. К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации//Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. VIII. 172 с. С. 98.

XVI – XVIII в. Н.Ф.Демидова опубликовала ряд статей, характеризующих систему управления Башкирией в XVII – первой трети XVIII в.[1] И.Г.Акманов исследовал изменения, которые произошли в системе государственных повинностей башкирского населения на протяжении XVI – XVIII вв.[2] С.М. Васильев посвятил свою работу изучению форм землепользования пришлого населения Башкирии в конце XVII – начале XVIII вв.[3] У.Х.Рахматуллин разрабатывал вопросы, связанные с земледельческой колонизацией территории Башкирии в XVII – XVIII вв.[4] Исследование У.Х. Рахматуллина примечательно тем, что впервые после значительного периода времени им была сделана попытка подвергнуть сомнению реальность исторического факта «пожалования» башкирам особых прав на землю правительством Ивана VI. Считая, что вотчинного права башкир никогда в действительности не существовало, У.Х. Рахматуллин отказывается от употребления понятия «башкирские земли» как методологически неверного, предпочитая использовать понятие «государственные» или «великокняжеские» земли на территории Башкирии.[5]

В 80–90-е г. XX в. появились исследования этнологов, разрабатывавших проблемы социальной истории башкир. Эти работы отличались разнообразием методологических подходов и намного более интересными положениями, нежели труды историков. Так, Ф.А. Шакурова рассмотрела правовой статус башкирской поземельной общины.[6] Не перечисляя всех достоинств этой небольшой книги, отметим только, что это первое в башкирской историографии исследование, автор которого при анализе социальной структуры

---

[1] Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII вв// 400-летие присоединения Башкирии к русскому государству материалы научной сессии посвященной Уфа, 1958. С. 26-39; её же. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI-XVII вв// Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы. 1960. Минск, 1962. С.12-128; Она же. Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в.// Исторические записки. М., 1961. Т. 68. С. 45-72.

[2] Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII–первой половине XVIII в. Свердловск, 1991. 153 с.

[3] Васильев С.М. К вопросу о землепользовании пришлого населения Башкирии в конце XVII – начале XVIII вв.//400-летие присоединения Башкирии к русскому государству. Уфа, 1958. С. 98 – 121.

[4] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв: Вопросы формирования небашкирского населения. М., Наука, 1988. 188 с.

[5] Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С. 39.

[6] Шакурова Ф. А. Башкирская волость в середине XVIII – первой половине XIX в. Уфа, БНЦ УрО РАН, 1992. 137 с.

башкирского общества попытался выйти из прокрустова ложа теории «кочевого феодализма». Ф.А. Шакурова предложила рассмотреть башкирские родовые структуры в дискурсе концепции «чифдом». Впервые это понятие ввел в советскую науку этнограф Л.С. Васильев. Он считал, что чифдом это – особая политическая структура общества, предшествующая появлению раннего государства. [1] Не разделяя мнение Ф.А. Шакуровой о том, что башкирские волости представляли собой «протогосударственные образования», отметим все же стремление исследователя найти более рациональное объяснение специфическим чертам социально-политической структуры башкирского общества. Сопоставив вотчинные права башкир с правовым статусом землевладения других сословий и этносов России, Ф.А. Шакурова пришла к выводу, что башкирские земли представляли собой исключительный вид вотчинного землевладения, который существовал в России де-факто и де-юре наряду с такими категориями владельческих земель, как дворцовые, помещичьи, казенные и т.д. В отличие от И.Г. Акманова, Ф.А. Шакурова характеризует башкирские волости XVI – XVII вв не только как поземельные организации, но и субэтносы.

В исследовании, посвященном происхождению тептярей, Р.И. Якупов[2] Он не побоялся затронуть одну из самых запутанных в историографии проблем социальной структуры населения Башкирии. Дискуссионность темы во многом определяется тем, что тептяри представляют собой уникальный феномен социальной группы в Российской империи, процесс этногенеза которой был не завершен в силу целого исторических комплекса причин. Юридической основой для возникновения этой группы стало вотчинное право башкирского населения.

В монографии «Земельная политика царского правительства в Башкирии» А.И. Акманов выделил основные этапы земельной политики царизма в Башкирии XVI – XIX вв.[3]

Таким образом, ключевой проблемой всех без исключения перечисленных исследований является проблема вотчинного права, т.е. земельного законодательства, осуществлявшегося в Башкирии со времени присоединения к России.

---

[1] Васильев Л.С. Феномен власти-собственности: К проблеме типологии докапиталистических структур// Типы общественных отношений на Востоке в середине века. М., Наука, 1982. С. 60-99.

[2] Якупов Р.И. Тептяри: этносоциальный феномен и научная проблема. Уфа, Гилем, 1998. 119 с.

[3] Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии. Уфа, Китап, 2000. 208 с.

Н.Ф. Демидова отмечает, что в XVI – XVII вв. Башкирия сохраняла особую систему управления и ряд привилегий для местного населения. Эта специфика была вызвана стремлением правительства переложить охрану границ края на башкирское племенное ополчение. Таким образом, в основу управления Башкирией в XVI – XVII вв. был положен принцип сохранения самостоятельности внутрифеодального управления башкирских общин и признание правительством вотчинного права башкир на землю.

С.М. Васильев отмечал, что наличие обширных земельных запасов, принадлежавших башкирской общине на основе вотчинного права, и сохранение самоуправления башкирской общины создавали благоприятные условия для притока в Башкирию пришлого нерусского населения.

Признавая существование вотчинного права у башкир, И.Г. Акманов подчеркивал ограниченность этого института: «Не только отдельный общинник, но и община не могли распоряжаться собственной землей. Община не могла ни продавать, ни сдавать в аренду на длительный срок свои владения».[1]

А.И. Акманов установил, что российское правительство уже в XVI – XVII вв. защищало вотчинные права башкир только в тех случаях, когда эти права нарушались частными лицами или земледельческими общинами. При этом уже в XVI – начале XVII в. царское правительство произвело масштабные изъятия вотчинных земель под строительство крепостей и основание дворцовых волостей на территории Башкирии. А.И. Акманов проводит мысль о том, что правительство рассматривало башкирские вотчинные земли в качестве государственного резерва.

Однако перечисленные авторы не ставили перед собой задачи выяснить происхождение этого института. Н.Ф. Демидова отметила лишь, что вотчинное право сложилось у башкир задолго до принятия российского подданства.

До работ Р.Г. Кузеева, А.Н. Усманова, Н.А. Мажитова и В.В. Трепавлова в отечественной историографии отсутствовали исследования, посвященные золотоордынскому и ногайскому периодам истории Башкирии.[2]

---

[1] Акманов А.И. Указ. Соч. С. 47.

[2] Кузеев Р.Г. К этнографической истории башкир I – начала II тысячелетия нашей эры//Археология и этнография башкир. Уфа, 1968. Том III. С. 228-248.; его же. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1978. 263 с.; его же. Происхождение башкирского народа. М., Наука, 1974 571 с.; его же. Башкиры и ногайцы: этнографические взаимосвязи// Основные аспекты историко-географического развития Ногайской орды. Тез. докладов. М., 1991. С. 119-123; его же. Народы Среднего Поволжья и

Р.Г. Кузеев сформулировал положение, согласно которому ногайские правители в Башкирии претендовали на золотоордынское политическое наследство, на власть над башкирскими племенами. Он подчеркнул, что мирное соседство и сотрудничество чередовалось с враждой и столкновениями; но конфликтность стала преобладать лишь к середине XVI в. Р.Г.Кузеев обратил внимание на изменение расселения башкирских племен в конце XV – начале XVI вв. Эти переселения были вызваны вытеснением башкир с вотчинных земель в период ногайского владычества.

На основании сведений башкирских шежере А.Н. Усманов сделал вывод о том, что вотчинное право сложилось у башкир в период создания монгольской империи. После присоединения Башкирии Российское правительство не изменило порядка землевладения, закрепив за башкирами исконные их владения, оставив за ними права вотчинников. Фактически был сохранен старый порядок землевладения.

А.З. Асфандияров в 70–80-е гг. XX в. сделал несколько чрезвычайно важных теоретических наблюдений, оказавших влияние на представления о социальной структуре башкирского общества XVII–XVIII вв. К числу подобных работ следует отнести исследование, посвященное истории башкирской семьи XVIII–XIX вв. Общим местом многих исследований 60–70-х гг. стало утверждение о существовании патриархальных пережитков в башкирском обществе в XVII–XVIII вв. В качестве одного из основных маркеров существования подобной архаики исследователи ссылались на господствовавшие формы семьи. Значительная заселенность башкирского двора XVIII в. давала основания предполагать существование у башкир большой патриархальной семьи. В своем исследовании А.З. Асфандияров убедительно доказал, что у башкир XVI–XVIII вв. господствовали только две формы семьи: малая и большая неразделенная. Существование неразделенных семей было вызвано не патриархальными пережитками, а фискальными соображениями, поскольку малые семьи в составе неразделенной никогда не были объектом государственного тягла.[1]

Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., Наука, 1992. 347 с.; Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, Башкнигоиздат, 1982. 355 с. ; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времён до XVI в. Уфа, Китап, 1994. 360 с.; Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, Урал. науч. центр РАН, 1997. 72 с.; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., Восточная литература, 2002. 752 с.

[1] Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII - первая половина XIX в.). Уфа, Китап, 1997. 104 с.

Трактовка А.З. Асфандияровым происхождения тептярей принципиально отличается от прежних представлений об этнокультурной специфике этой сложной во всех отношениях социальной группы. А.З. Асфандияров придерживался точки зрения, утверждающей социально-экономическую природу происхождения тептярей. На многочисленных источниках он доказывал, что «типтяри – вытесненные, отторгнутые из своего сословия люди, в основном башкиры». [1]

Согласно исследованию Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой, вотчинное право возникло у башкир в результате договора о союзе, который был заключен между вождями башкирских племен и правителями Монгольской империи. Н.А. Мажитов указал на то, что владение землями было обусловлено определенными обязательствами башкир, среди которых главную роль играли ясак и военная служба.

Благодаря введению в научный оборот комплекса документов из фонда «Ногайские дела» Российского государственного архива древних актов, В.В. Трепавлову удалось воссоздать систему управления Башкирией правителями Ногайской Орды. Историк доказал, что территория Башкирии не была разделена между улусами Ногайской Орды, а представляла особое наместничество, подати с которого поступали в общую казну Ногайской Орды.[2] Кроме того, В.В. Трепавлов установил, что система господства ногайских правителей существенно отличалась от методов управления башкирами, применявшимися казанскими властями. Если казанские ханы предоставляли башкирам тарханные привилегии на занимаемые земли, то ногайские бии захватили лучшие вотчинные угодья башкирских племен, вытеснив их на непригодные для кочевания территории.

В одной из последних своих монографий В.В.Трепавлов обратился к изучению истории почти столетнего периода сибирского дома Кучумовичей.[3] Впервые в исторической литературе исследованы факторы, обусловившие поддержку некоторыми башкирскими родами сибирских шибанидов.

В процессе исследования истории городов на территории Башкирии Р.Г. Буканова рассмотрела вопрос о принадлежности земель,

---

[1] Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в). Уфа, Китап, 2006. 504 с.

[2] Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., Восточная литература, 2001. 752 с. С. 210.

[3] Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., Восточная литература, 2012. 231 с.

на которых были построены правительственные центры в XVI – XVII в.[1] Она установила, что все русские укрепленные поселения были основаны в Башкирии на месте древних городов и ногайских ставок, поскольку на земли, занятые городами или культовыми сооружениями, никто не мог предъявить владельческих прав. Р.Г. Буканова подчеркнула, что это обстоятельство не исключало предварительных переговоров правительства с башкирами по каждому конкретному случаю. Р.Г.Буканова обратила внимание на то, что строительству Уфы предшествовало соглашение, в котором участвовали не только владельцы городской территории, но и башкирские волости, расположенные на значительном расстоянии от будущего административного центра края.

Одна из наиболее взвешенных и продуктивных концепций исследований башкирского общества XVIII в. представлена в монографии Н.Н. Петрухинцева, посвященной внутренней политике Анны Иоанновны.[2] Автор полагает, что башкиры в первой половине XVIII в. представляли собой «сплоченный этнос (зачастую военизированный), обладающий автономией».[3] Н.Н. Петрухинцев затрагивает проблему применимости «теории кочевого феодализма» к исследованию социальной структуры башкирского общества. Несмотря на некоторые колебания, автор склонен рассматривать башкирское общество как феодальное.[4]

Из исследований отечественной историографии последних лет следует особо выделить фундаментальную монографию Р.Н. Рахимова, посвященную анализу военной службы нерусских народов юго-востока России.[5] Автор, на основании широкого круга архивных источников приходит к выводу о том, что только перевод в военное сословие создал условия для последующей интеграции башкир в имперское пространство России.

В ходе подготовки плана лекций по истории тюркских народов Стамбульском университете А.-З. Валиди разработал спецкурс «История башкир», о котором он упоминает впервые в 1955 г. Перевод на русский и башкирский языки был осуществлен только в 90-е гг. XX

---

[1] Буканова Р.Г. Города-крепости Юго-востока России в XVIII в. Уфа, Китап, 1997. 253 с.

[2] Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М., Политическая энциклопедия, 2014. 1063 с.

[3] Там же. С. 436.

[4] Там же. С. 439.

[5] Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII-первой половине XIX в. М, «РИСИ», 2014. 544 с.

в.[1] Это исследование выбивается из общего ряда исторических работ как по уникальности привлекаемых источников, так и по своим концептуальным положениям. Источники по политической истории башкир XVII в. считались безвозвратно утраченными в ходе пожара, уничтожившего в 1704 г. архив Приказа Казанского дворца. А.-З. Валиди в Стамбуле обнаружил переписку, датируемую 30–40-ми гг. XVII в., между сибирскими султанами и среднеазиатскими ханами. Это позволило историку уточнить представления о некоторых ключевых событиях на территории Уфимского уезда того времени. А.-З. Валиди не без основания полагал, что информация шежере существенно искажает хронологию исторических процессов. Так, он считал, что присоединение центральной Башкирии к Русскому государству происходит только в середине XVII в. Источники восточного происхождения позволили ему выявить специфический статус некоторых башкирских родов. Историк считал, что башкирское племя Салжаут являлось правящим кланом сибирских тайбугидов.

Зарубежные исследователи, как и дореволюционные отечественные авторы, затрагивали проблему социальной структуры башкирского общества исключительно в контексте изучения процесса интеграции башкирских родов в состав Российского государства. В 1999 г. в Уфе был издан сборник статей известного французского исследователя Роже Порталя. Из всего комплекса вошедших в книгу работ наибольший интерес представляет ранее не публиковавшаяся рукопись монографии о российско-башкирских отношениях в XVII–XVIII вв.[2] Историк не ставил перед собой цель дать подробную политическую историю башкирского края XVII – XVIII вв. Он стремился показать сущность отношений, «которые установились между русскими и башкирами (точнее, между различными социальными категориями двух народов)», дать оценку «степени цивилизаторского влияния русских на башкир». В итоге на примере русско-башкирских взаимоотношений автор сделал попытку сравнить российскую колониальную политику с политикой других колониальных империй того времени. В своем исследовании Порталь руководствовался ведущим методом «школы анналов» – принципом «тотальной» истории. Порталь выступил против концепции завоевания Башкирии Россией. Он доказывает, что российское правительство всегда проводило тонкую и продуманную политику в отношении Башкирии. В силу пограничного расположения региона царизм не имел возможности действовать силовыми методами. Порталь считает, что отношения, установившиеся

[1] Валиди А.-З. История башкир. Уфа., Китап, 2010. 352 с.
[2] Порталь Р. Башкирия в XVII – XVIII вв. Уфа, Китап, 1999. 312 с .

после присоединения Башкирии к России, носили договорной характер. Французский историк придерживался концепции, согласно которой власть России над башкирами до 1730 г. представляла собой протекторат. Порталь утверждал, что нарушение договорных отношений российским правительством в XVII – первой трети XVIII в. было обусловлено экономическими проблемами Российского государства. Медный бунт и башкирское восстание 1662 – 1664 гг. имели одну причину – развал финансово-податной системы государства. Впрочем, работе присущи некоторые бросающиеся в глаза фактические неточности. К примеру, автор считает, что основным занятием башкир, проживающих на севере региона, являлась охота и сбор меда.

В 1968 г. была опубликована монография американского историка Алтона Доннелли «Завоевание Башкирии Россией 1552 – 1740».[1] В отличие от Роже Порталя, американский исследователь характеризует колониальную экспансию России исключительно как процесс постепенного увеличения её военного присутствия в Башкирии. Доннелли считает, что присоединение Башкирии к России в 50–е гг. XVI в. имело характер формального признания российского подданства главами родоплеменных образований. Находясь в зависимости от Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств, башкиры сравнительно легко пошли на подчинение России. Доннелли не ставил перед собой задачу выяснить, как сами башкиры трактовали российское подданство. Если бы Доннелли обратился к информации башкирских шежере, опубликованных еще до выхода в свет его книги, то обнаружил бы, что башкиры добровольно платили ясак и несли повинности с первых лет признания власти России. К сожалению, американский историк проигнорировал проблему социальной структуры башкирского общества, спроецировав на местное население универсальные стереотипы поведения кочевников. Исследуя феномен башкирских восстаний, Доннелли считал, что причины подобного противостояния господству России коренились в неистово оберегаемыми кочевниками вольном образе жизни и обычаях, интригах со стороны Турции и Крыма, а также нежелании местных правителей подчиняться указам правительства. Их способность к сопротивлению проистекала из громадной боеспособности конного войска, состоявшего на защите аулов, стад и табунов и способного к передвижению вне пределов досягаемости русских войск.[2] При этом Башкирия сыграла роль опытного полигона, на котором были испытаны основные методы

[1] Доннелли Алтон С. Завоевание Башкирии Россией: 1552–1740. Страницы истории империализма. Уфа, Китап, 1997. 230 с.
[2] Доннелли Алтон С. Указ. соч. С. 117.

колониальной экспансии русского империализма. Доннелли считал, что резкий поворот в методах управления Башкирией в 30-е гг. XVIII в. был вызван обострением военной ситуации на юго-восточной границе России. Таким образом, А. Доннелли не проявил интереса к проектам Оренбургской экспедиции, которые свидетельствуют о том, что изменение политики в отношении юго-восточной окраины было обусловлено в том числе и интересами торгово-экономической экспансии российского правительства в Центральной Азии.

Монография Андреаса Каппелера «Россия – многонациональная империя» представляет собой эпохальное исследование национального вопроса в западной русистике, что недвусмысленно выражено в полном его названии.[1] Автор категорически отказался использовать труды российских историков по заданной проблематике по причине их «русоцентристской оптики, что неизбежно приводит к заблуждению».[2] Впрочем, это заявление не помешало Каппелеру согласиться с российскими историками в том, что башкиры, в отличие от большинства других кочевников, входивших в Золотую Орду, «не образовали собственной политической целостной структуры». Разумеется, что под этим выражением понимаются исключительно государственные структуры. Каппелер обратил внимание на то, что в среде башкирской элиты никогда не было единства по вопросу о присоединении к Русскому государству, во всяком случае, «клятвы в верности, которые давали кочевые вожди «белому царю», интерпретировались сторонами по-разному. В то время как в глазах кочевников это означало временное подчинение, не обязательное для других вождей или кланов, Москва с ее патримониальным мышлением, характерным для оседлых народов, выводила из этого претензии на свое полное господство на территории соседей, на их объединение под своим началом других вождей или кланов».[3] В отличие от своих зарубежных коллег, изучавших структуру башкирского общества XVII – XVIII вв., (Порталя и Доннелли), Каппелер полагает, что в социальном отношении башкиры не были интегрированы в российское общество вплоть до середины XIX в. Автор справедливо указал на то, что резкое обострение отношений между российским правительством и башкирами было связано с началом преобразований XVIII в., когда «воспринятая из Западной Европы цель и установка на превращение России в абсолютистское, регулируемое, систематизированное и нивелируемое государство не оставляла пространства для тех прав и традиций нерусского населения, с

[1] Каппелер А. Россия - многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., Традиция, 2000. 344 с.
[2] Там же. С. 15.
[3] Каппелер А. Указ. соч.С. 36.

которыми до сих пор еще считались».[1] Некоторые утверждения автора в отношении башкирского общества XVIII – первой половины XIX в. не могут не вызывать вопросов. На наш взгляд, понимание Каппелером процесса интеграции очень далеко от ясного представления. Автор утверждает, что башкиры не были интегрированы в российское общество до середины XIX в. ввиду того, что они сохраняли особое положение. Таким образом, сводит всю специфику социальной структуры башкирского общества к военному управлению, забывая при этом, что кантонную систему создали сами российские власти в конце XVIII в. Мы же полагаем, что принципиальной особенностью статуса башкир в Российском государстве являлся не тип административной системы, а вотчинное право, которое возникло еще до вхождения башкир в состав государства. В основных своих положениях оно сохранялось до декрета о земле 1917 г. Подводя итог обзору литературы по теме, необходимо сделать следующие выводы:

Во-первых, социальная структура башкирского общества XVII – первой трети XVIII в. изучалась либо в контексте ключевых политических событий (добровольное вхождение и башкирские восстания), либо в связи с исследованием правовых проблем, таких, как статус башкирского вотчинного землевладения, положение припущенников и т.д. Подобный дискурс неизбежно приводил к одностороннему восприятию общественных связей, поскольку историков интересовало башкирское общество лишь в проекции взаимодействия с объектом исследования. К примеру, обращение к анализу социальной структуры общества в период башкирских восстаний неизбежно должно было приводить к абсолютизации жестких отношений подчинения, которые в обычное время не были присущи данному социуму.

Во-вторых, в изучении башкирского общества XVII – первой трети XVIII в. по-прежнему господствуют методологические установки 30–50-х гг. XX в., сводящие все многообразие социальных отношений внутри башкирского общества к универсальным конструкциям теории «кочевого феодализма».[2]

В-третьих, в исторической литературе существуют различные оценки уровня развития политических отношений в башкирском обществе XVII – первой трети XVIII в. (от родоплеменного строя до протогосударственных форм). Тем не менее, все без исключения, исследователи не выходят за рамки эволюционной парадигмы, согласно которой рост политической сложности общества неизбежно приводит к

[1] Каппелер А. Указ. соч. С. 244.
[2] История башкирского народа. Уфа, Гилем, 2011. 467 с. Т. 3. С. 11.

формированию политического неравенства, закрепленного в социальной иерархии, уменьшению уровня политического участия основной массы населения и т.д. В последние годы появился целый комплекс исследований, которые доказывают наличие альтернативных путей развития социальных отношений.[1]

Источники. Законодательные акты. До 30-х гг. XVIII в. законодательные акты, затрагивающие данную тему, исчисляются единицами. Дело в том, что начала деятельности Оренбургской экспедиции юрисдикция российского права на территории Уфимского уезда была ограничена только делами, связанными с земельными конфликтами и наиболее тяжкими уголовными преступлениями. Причем, как видно из многочисленных делопроизводственных документов, даже эти ограниченные полномочия российской администрации башкиры признавали далеко не всегда. Весь комплекс грамот и указов, определяющих отношения центральной власти и башкир, хранился в Приказе Казанского дворца и в Уфе. В расследовании Сената 1741 г. было отмечено, что «о содержании башкирцев в Уфе имеются указы особые, а в тех местах (Мензелинск, Исетская, Пермская провинции) не имеется оных, поступая с ними равномерно как с прочими русскими людьми, от чего им может происходить не без отягощения».[2]

Особый правовой статус населения Уфимской провинции к 30-м гг. XVIII в. едва не привел к административному кризису. Дело в том, что после пожара, уничтожившего в начале XVIII в. значительную часть архива Приказа Казанского дворца, все указы, определяющие положение башкирского населения, сохранились только в Уфе. В 1734 г., т.е. спустя 30 лет после утраты архива, Сенат распорядился сделать копии с грамот провинциальной канцелярии Уфы, касающихся управления башкирами. В воеводской инструкции, данной будущему начальнику Уфимской провинции П.И. Бутурлину, практически отсутствовали какие-либо конкретные наставления, кроме требования «во всем сверяться с данными от предков наших Великих Государей жалованными грамотами, находящимися в Уфимской провинциальной канцелярии».[3]

С конца 20-х гг. XVIII в. правительство взяло курс на восстановление системы управления башкирами, которая существовала до петровских преобразований. В эти годы принимаются указы, позволяющие реконструировать некоторые положения жалованных

[1] Альтернативные пути к цивилизации: кол. монография/ под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши М., Логос, 2000. 368 с.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д.138. Л. 672.
[3] ПСЗ –I . Т.VIII. № 5318. С. 69-70

грамот XVI – начала XVII вв. Так, сенатский указ 24 октября 1729 г. «О посылке сборщиков к башкирцам для ясачнаго сбора» утверждал порядок сбора ясачной подати «по древнему их башкирскому обыкновению».[1] Особую роль в провозглашении правительством незыблемости вотчинного права башкирского населения сыграл сенатский указ 31 мая 1734 г.[2] В нем сообщается о возвращении башкирам земельных угодий, которые были изъяты государством еще в середине XVII в. В данном указе было подтверждено право башкирского населения «судиться» в своих третейских шариатских судах.

О радикальном изменении правительственной политики в отношении башкир говорят законодательные акты, принятые в период организации и деятельности Оренбургской экспедиции. 11 февраля 1736 г. был утвержден указ, который представлял собой долгосрочную программу включения башкирских общин в административную структуру государства. Кроме установления собственно правовых норм, законодательные источники содержат важную информацию, связанную с обстоятельствами выработки того или иного указа. Например, большинство указов 20-х гг. XVIII в. были приняты по коллективным челобитным башкир. Подобная практика представляла собой восстановление традиции XVII в., когда для уточнения или развития тех или иных положений башкирского подданства в Москву периодически отправлялись посольства, представлявшие всех башкир Уфимского уезда.

Законодательным актам периода деятельности Оренбургской экспедиции свойственна форма высочайше утвержденных проектов, доношений и предложений И.К. Кирилова, В.Н.Татищева и В.А. Урусова. Эти источники, как правило, содержат обширную нарративную часть, предназначенную для обоснования необходимости тех или иных преобразований в сфере управления и правовых отношений.

Законодательные акты, наряду с малочисленностью, имеют еще один существенный недостаток. Есть основание полагать, что даже самые важнейшие указы, касающиеся управления башкирами, не всегда соблюдались. К примеру, указ о запрещении продажи башкирских вотчинных земель в течение XVII в. повторялся трижды, однако сохранилось немалое число актовых источников, свидетельствующих о признании подобных сделок официальными властями.

Этот изъян отчасти восполняют делопроизводственные источники XVII–первой половины XVIII в., основной массив которых

[1] ПСЗ –I . Т. VIII. № 5473. С. 232.
[2] Там же. Т. IX. № 6581. С. 335 – 342.

дошел до нас в составе фондов Уфимской приказной избы, Печатного приказа, Уфимской провинциальной канцелярии и дел Правительствующего Сената.

Комплексное источниковедческое исследование документации местных приказных учреждений началось сравнительно недавно. Среди наиболее полных исследований приказных, воеводских съезжих изб XVII в. следует выделить прежде всего работу М.Б. Булгакова, посвященную археографическому обзору Ростовской приказной избы.[1] На высоком источниковедческом уровне выполнен анализ приказных книг Псковской и Новгородской изб.[2]

Что же касается изучения и публикации документов Уфимской приказной избы[3], то краткое археографическое описание можно найти в «Документах и материалах по истории башкирского народа».[4] В этом издании был опубликован и ряд документов Уфимской приказной избы, в основном вошедших в архивную коллекцию В.С. Тольца.[5]

А.З. Асфандияров в приложении к монографии о башкирских тарханах опубликовал значительную часть дел Уфимской приказной избы, связанных с пожалованием тарханского звания.[6] Казанские историки В.В. Ермаков и Ю.Н. Иванов издали обширный комплекс документов Уфимской приказной избы, касающихся русской колонизации Закамья. Согласно классификации Н.Н. Оглоблина, архив каждой приказной избы разделялся на грамоты, книги и дела, состоящие из разнообразных документов.[7]

Финансово-хозяйственную деятельность уфимских воевод отражали отказные, отводные, переписные, ясачные, окладные и выписи из них. Они служили основанием для сбора государственных податей и

---

[1] Булгаков М.Б. Состав документации Ростовской приказной избы первой половины 60-х годов XVII в. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2001. С. 46–49.

[2] Богданов А.П., Плигузов А.И. Книги Псковской приказной избы XVII в. // Советские архивы. 1987. № 4. С. 7–83; Моппель Э.Л. Приходно-расходные книги Псковской приказной избы// Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 22. С. 204–217; Лавров А.С. Записные книги Новгородской приказной палаты 1686–1689 гг.// Книга в России XVIII – середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук. Л., 1989. С. 148–154.

[3] РГАДА. Ф. 1173. 1418 ед. хр., 1613–1719.

[4] Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). сост.: И.М. Гвоздикова, Б.А. Азнабаев, И.И. Буляков, И.М. Васильев, Н.С. Корепанов, В.С. Тольц. Уфа, 2012. С. 8–9.

[5] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д.1-232.

[6] Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, Китап. 2006. 160 с. С. 100–115.

[7] Оглоблин Н.Н. Провинциальные архивы в XVII в// Вестник археологии и истории. Издание СПб-го Археологического ин-та). СПб., 1886. Вып. 6. С. 140.

оброков с населения уезда и города, а также для выдачи жалования и отвода поместных дач уфимским служилым людям. Однако далеко не все названные разновидности книг содержатся в фонде приказной избы. Самая ранняя отводная книга по Уфе была обнаружена Н.Ф. Демидовой в составе фонда Поместного приказа.[1] В этом же фонде хранится и единственная переписная книга по Уфимскому уезду 1647 г.[2] Копия с нее была сделана по поручению Д.С. Волкова, собиравшего коллекцию документов по истории Уфы в 70-е гг. XIX в.[3] М.К. Любавский проделал образцовый анализ этого источника, выявив, что в структуру этой переписной книги полностью вошли материалы переписи 1630 г., послужившие в качестве приправочной книги.[4]

В фонде Уфимской приказной избы отсутствуют ясачные книги XVII в., что объясняется последствиями административной реформы 1701 г. Тогда все ясачные книги были переданы из Уфы в Казань, а ясак с башкир стали собирать приказные и служилые люди, присылаемые из Казани.[5] Тем не менее, более 40 документов Уфимской приказной избы содержат выписи с ясачных книг, что позволяет получить сведения о величине ясачного оклада почти для всех башкирских волостей XVII в. Выписи с ясачных книг Гирейской волости 70-х гг. XVII в. свидетельствуют о том, что миграция башкир в Уфимский уезд с территории Сибирского уезда не освобождала их от выплаты ясака по окладам, которые собирали с них сибирские ханы. [6]

Выписи с ясачных книг использовались воеводской администрацией для составления наказов ясачным сборщикам. Следует подчеркнуть, что при отсутствии других документов выписи с ясачных книг являлись единственным доказательством прав на владение вотчинными угодьями. Так, длительный спор между башкиром Кыпчакской волости Ногайчурой Тляповым и башкиром Тангаурской волости Иткиней Сармановым в 1682 г. был решен только на основании выписей с ясачных книг.[7]

---

[1] Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.)// Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 253–354.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д.6. Л. 468.

[3] НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10.

[4] Любавский М.К. Русская помещичья и заводская колонизация Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX в.: Свод и первоначальная обработка архивных материалов// РГБ. Отдел рукописей. Ф. 346. Карт. 7. Д. 2(а). Л. 98.

[5] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1 361. Л. 2.

[6] Там же. Д. 430. Л. 21.

[7] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 95. Л. 4.

Большинство грамот царей было вызвано челобитными башкир, жаловавшихся на нарушения вотчинных прав и злоупотребления административного аппарата. При получении челобитной от башкир Приказ казанского дворца направлял уфимскому воеводе грамоту, на основании которой уфимский воевода обязывался русских и служилых чинов «крепко наказать». В свою очередь воевода сам выдавал башкирам конкретных волостей, чьи права подверглись нарушению, оберегательную память как гарантию сохранения прав башкир.

Выдача оберегательных грамот в XVI – начале XVIII в. являлась основной правовой формой защиты прав башкирского населения. Будучи особой разновидностью документов приказного делопроизводства, оберегательные грамоты выдавались просителям только от имени царя судьями Приказа Казанского дворца. Инициативным документом во всех случаях оформления грамоты выступала челобитная, содержание которой почти полностью повторялось в основном формуляре грамоты. Цель оберегательной грамоты выражалась в заключительной клаузуле формуляра, где воеводам предписывалось «оберегать» челобитчика, чтоб ему «без суда и без иску обид и продаж не чинить». Большинство оберегательных грамот XVII в. было выдано представителям нерусского населения, подведомственным Приказу Казанского дворца.

Включение башкир-вотчинников в административно-судебную систему Русского государства продолжалось на протяжении всей первой половины XVII в. Московские власти стремились посредством подобных грамот воздействовать на правовую практику представителей местной администрации. Уфимских воевод, таким образом, ставили перед тем фактом, что новые подданные также нуждаются в правовой защите администрации, как и русское население уезда. Об этом говорит и тот факт, что оберегальные памяти были призваны защищать не только земельные права вотчинников. В 1686 г. башкирам Кыпчакской волости была дана оберегательная память, которая должна была защитить их от «напрасных приметок и насильства ясачных сборщиков».[1]

Сравнительно немного в составе коллекции данного фонда владенных грамот. В отличие от оберегательных грамот, для оформления которых требовалось лишь оформить челобитную и получить соответствующую память из Приказа Казанского дворца, владенные грамоты выдавались победившей в судебном процессе стороне. Таким образом, владенные памяти представляли собой краткую форму правой грамоты. В судебных тяжбах о принадлежности земли она

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 933. Л. 5.

выдавалась как документ на право владения и в случае вторичных споров представлялась в суд как доказательство. Например, в 1700 г. владенная память была дана башкирам Бурзянской волости Якшимбету Ялтикееву и Алдару Искееву на вотчину по реке Иргиз, на которую претендовали башкиры Кыпчакской волости Шекар и Сапар Уразовы.[1] Именно в составе владенной грамоты башкир Гирейской волости 1672 г. была обнаружена оброчная грамота 1575 (7083) г., данная башкиру Кукею Боскосееву на вотчину по реке Каме напротив реки Белой.[2]

Оберегательные и владенные грамоты санкционировали право на собственную защиту. Например, в 1700 г. в своей челобитной башкир Курпеч-Табынской волости Илчигур Илчибаев прямо указывает, что оберегательная ему необходима в том случае, «…буде кто насильством учнет в тое их вотчину въезжать и раззоренье чинить, и их имать и приходить на Уфу в Приказную избу».[3] В 1612 г. башкир Гирейской волости Янзигит Ямбеков подал челобитную о выдаче владенной грамоты на озеро Илимбеткуль для того, что «…кто в те их вотчины приедет и станет какое насильство чинить, и, их имая, велено привозить в город на Уфу».[4]

Грамоты о пожаловании тарханского звания утверждались только Приказом Казанского дворца. А.З. Асфандияров внес существенный вклад в источниковедческое изучение этих документов.[5] Все документы фиксировались в тарханской книге с указанием имен, видов службы, чтобы «никто бы другие, не записанные в ту книгу, не могли напрасно называться тарханами».[6] Замечание В.Н. Татищева о том, что тарханов «…не токмо указами от коллегии, но от губернаторов и воевод намножено» не следует понимать буквально. Это высказывание надо рассматривать в контексте взаимоотношений В.Н. Татищева и И.К. Кирилова. В данном случае Татищев критикует своего предшественника на посту руководителя Оренбургской экспедиции за запись без разбора в тарханы всех башкир, пожелавших принять участие в экспедиции. Действительно, Кирилов добился от Сената права снимать окладной ясак с башкир, которых он находил подходящими для своих целей. Однако в XVII в. подобные действия воевод были равносильны казнокрадству, ведь такое массовое снятие ясачных окладов неминуемо отразилось на доходах Приказа Казанского дворца.

---

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1312. Л. 4.
[2] Там же. Д. 1337. Л. 8.
[3] Там же. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 4838. Л. 17.
[4] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1336. Л. 14.
[5] Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, Китап, 2006. 160 с.
[6] Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Оренбург, Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. Т. I. С. 197.

В фонде Уфимской приказной избы сохранилась копия с уникального ярлыка, выданного казанским ханом Ибрагимом (с 1467 по 1479 г.) вдове Гуль-Бустан-хатун, ее сыну Мухамет-Газиз-хану и их служащему Хуш-Килде.[1] Впервые этот документ был обнаружен и введен в научный оборот казанским историком Р.Н. Степановым.[2] Аристократическое происхождение Мухамет-Газиз-хана утверждается в данном ярлыке не только тем, что он именуется «ханом», но и представлением его как выходца из царского рода («шах нэселе») и потомком Джанэкэ султана. М.Г. Сафаргалиев прямо связывает эту историческую личность с представителем «золотого рода» Джанэкэ (или Джанаса), дедом казанского хана Улуг-Мухамеда.[3]

Сравнение этого документа и других ярлыков казанских ханов с жалованными грамотами российских правителей обнаруживает существенное различие между ними, прежде не попадавшее в поле зрения исследователей. Несмотря на то, что оба вида актов имеют одну цель – обязать претендентов на тарханство к службе хану или царю, форма пожалования у них различная. Казанские ярлыки акцентируют внимание на отарханивании земельных владений служилого человека, в то время как русские грамоты абсолютно лишены клаузул, затрагивающих правовой статус землевладения. Тарханные ярлыки казанской эпохи по своему формуляру близки к суюргальным актам, они обусловливают службу не только освобождением от многочисленных повинностей и сборов, но и самим фактом вотчинного владения. Российские акты вообще не касаются вопросов землевладения и судебного иммунитета. Таким образом, землевладение тархана XVII – начала XVIII в. было легитимировано принадлежностью к сословию башкир, а не фактом пожалования со стороны верховной власти. Неслучайно, отарханенные земли башкир вне территории Уфимского уезда превратились в поместья, утратив свой вотчинный статус. Так, в ходе давнего спора между башкирами Ирехтинской волости Уфимского уезда и татарами деревни Мишуги Казанского уезда относительно вотчинных владений по реке Ик в 1680 г. башкирам было заявлено, что «вотчина, на которую они бьют челом, татарская, а не башкирская, а башкирцы владеют своими угодьями в Уфинском уезде».[4]

---

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1381.

[2] Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения// Сборник научных работ. Вторая итоговая конференция молодых ученых города Казани. 27–28 марта 1964 г. Казань, изд-во КГУ, 1966. С. 98–99.

[3] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, изд-во МГУ им. Н.П.Огарева,1960. 279 с.

[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д.765. Л. 4.

Наиболее интересными и важными для историка являются судебные дела, представленные в фонде Уфимской приказной избы. Следует отметить, что некоторые судные списки, будучи весьма объемными, в процессе расклейки столбцов были совершенно произвольно разделены на части и помещены в папки в качестве отдельных архивных дел. Так, длительное судебное разбирательство между башкирами Иланской волости Рысаем Аккучуковым и Янчурой Ногаевым представлено двумя архивными делами[1]. Земельная тяжба за вотчинные угодья по реке Ик между башкирским князем Кипчакской волости Акбулатом Иселемановым и ясачными чувашами деревни Кугарчи было разделено на три части[2].

Ряд судных дел Уфимской приказной избы свидетельствует о распространенной практике продажи вотчинных угодий как между башкирами одной волости, так и между вотчинниками разных волостей.[3] Как правило, такие купчие были написаны «татарским письмом» и не представлялись для утверждения в приказную избу. Тем не менее, в случае судебных разбирательств они предъявлялись в качестве доказательства на право владения вотчиной. [4]

Коллективные челобитные башкир отдельных волостей и дорог о назначении толмачей и ясачных сборщиков говорят о серьезном влиянии, которое оказывали башкирские общины на административное управление Уфимским уездом. Документы Приказной избы свидетельствуют о том, что в XVII в. имели место случаи отстранения от своих должностей представителей уфимской администрации (от подьячих до воевод) в результате подачи коллективных челобитных башкирами.

Значительное количество башкирских челобитных содержится в составе подготовительных материалов сенатских указов. Большинство подобных прошений было вызвано нарушением вотчинных прав башкирских общин. Число жалоб, вызванных административными злоупотреблениями отдельных должностных лиц, заметно возрастает в 20–30-е г. XVIII в. Нередко башкиры просили назначить на должности уфимских и бирских воевод, толмачей, ясачных сборщиков определенных служилых людей Уфы. Особый интерес представляют башкирские коллективные челобитные, которые послужили первичным материалом для разработки указов Сената. Это прошение башкир о третейских судах, изменении порядка ясачного сбора, привилегии беспошлинной торговли и праве пользоваться Илецкими соляными

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 423, 794.
[2] Там же. Д. 92, 93, 94.
[3] Там же. Д. 57. Л. 2. Д. 794. Л. 3. Д. 423. Л. 5. Д. 433. Л. 3.
[4] Там же. Д. 433. Л. 3.

месторождениями. Данные материалы позволяют углубить наши представления о степени влияния башкирского населения на решение важнейших административных вопросов управления краем. Челобитные башкир на утверждение тарханских званий характеризуют процесс верстания в службу.

Законодательные меры правительства, запрещающие любые формы отчуждения вотчинных угодий обусловили ситуацию, когда почти единственным видом земельных актовых источников XVII в. становятся грамоты о припуске в башкирские вотчины. Эти акты представляли собой договора о сдаче в аренду (в припуск) башкирских угодий на конкретный срок. В 1664 г. из-за многочисленных злоупотреблений арендаторов припуск был ограничен 2 годами. Формуляр грамоты о припуске содержал сведения о башкирских вотчинниках, сословном положении припущенников, условиях припуска, определении объекта хозяйственной деятельности (угодья и их границы), величине и характере оплаты. Анализ этих актов в комплексе с материалами фонда Спорные дела Генерального межевания показал, что большинство подобных договоров с участием уфимских служилых людей представляло собой замаскированную форму продажи вотчинных угодий.

Для изучения экономических связей, промысловой и ростовщической деятельности населения Уфимской провинции первой трети XVIII в. необходимо обратиться к актам крепостных книг Уфимской провинциальной канцелярии.[1] Нами изучены материалы с 1701 по 1744 г. Это 93 разрозненные книги, в которые занесены 3673 записи с разного рода сделок. Делопроизводство в Уфимской провинциальной канцелярии велось таким образом, что, наряду с регистрацией актов по отдельным видам, в специальных книгах (вотчинных, крестьянских, подрядных, заемных и поручных) по истечении каждого года составлялись общие приходные книги, в которые в кратком изложении заносились записи актов из всех других книг. Таких записных книг в Уфе каждый год составлялось по 2–3. В свою очередь, каждая из них состояла из 2 книг, сшитых вместе. Одна из них содержит записи кабал (заемных, закладных и купчих), другая – житейские кабалы.

Подавляющее количество кабальных записей относится к заемным документам. Все они имеют практически одинаковые статьи. В них указываются число и месяц совершения займа, имена и фамилии должников, кредиторов, социальное положение, размеры суммы, условия и срок займа, имена поручителей. В некоторых случаях жители

[1] РГАДА. Ф.615. Оп.1. Ч.1-2. Д. 12130-12223.

Уфимского уезда, чтобы избежать уплаты пошлин, уклонялись от регистрации заемных кабал. Но подобных фактов не могло быть много, так как регистрация кабал давала правовую гарантию взимания долга. Репрезентативность заемных записей крепостных книг позволяет с большой точностью определить интенсивность ростовщической деятельности представителей различных сословных категорий.

Большой интерес представляют сделки, в которых участвовали башкиры. Эти материалы позволяют выяснить вопрос, в какой мере коренное население Уфимской провинции было втянуто в финансово-экономическую деятельность русского города. По количеству ростовщических операций можно судить о размерах финансовых накоплений горожан и сельских жителей. Некоторые заемные операции свидетельствуют о предназначении кредитных сумм.

Для характеристики хозяйственной деятельности населения определенное значение имеют закладные, купчие записи на землю, имущество, крепостных и дворовых людей. В работе также используются данные наемных, работных, житейских записей, записи в половничество, свидетельствующие о сравнительно небольших объемах применения наемного труда в хозяйстве служилых людей и башкир в первой трети XVIII в.

Башкирские шежере представляют собой генеалогические записи башкирских племен и родов.[1] В.В. Трепавлов отнес башкирские шежере к фольклорным источникам, однако содержание большинства известных шежере выходит за рамки памятников народного художественного творчества. Например, в XVI – XVIII вв. сведения шежере использовались в качестве документа для подтверждения принадлежности того или иного рода к башкирскому сословию, что, в свою очередь, являлось юридическим обоснованием прав на владение вотчинными землями. Нередко земельные операции башкир не имели юридического оформления в официальных учреждениях. Участники договора об аренде земли ограничивались подобными записками на полях шежере. Наличие шежере было так же обязательно в каждом башкирском роде, как и родовые атрибуты собственности – тамги. При составлении шежере в текст могли включаться тексты жалованных царских грамот, фрагменты ханских ярлыков, раздельные акты на земли и т.д.

В период принятия российского подданства башкирские племена оформляли свои отношения с российским правительством в соответствии с их политическими представлениями о государственном

[1] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.

подчинении. Таким образом, только шежере позволяют рассмотреть отношение самих башкир к форме и условиям присоединения к России. Сопоставление информации шежере, имеющей отношение к XIII и XVI вв., свидетельствует о том, что их авторы подчеркивали принципиальное сходство между добровольным подчинением некоторых башкирских племен Чингисхану и добровольным присоединением Башкирии к России. Титулатура, которая использовалась в шежере всех башкирских родов, говорит о том, что башкиры видели в Иване IV законного правопреемника власти золотоордынских ханов.

Большой интерес представляет информация шежере о том, что правительство Ивана IV передало во владение башкирских родов территории, ранее принадлежавшие ногаям. Шежере семиродцев отмечает, что строительство Уфы на месте бывшей ставки ногайского наместничества велось по соглашению со всеми башкирскими племенам, что подтверждается отказными грамотами XVII в. Фольклорные материалы преобладают в шежере ранних периодов, однако начиная с событий XIII – XIV вв. основное место занимает описание исторических фактов.

Глава 1. Территория, природные условия Башкирии и хозяйство башкир в XVI – XVIII вв.

§ 1. Территория и климат

Один из основоположников современной этнологии С.М. Широкогоров особо подчеркивал роль территории и ландшафта для жизни этнических сообществ. Диагноз «здоровья» любого этноса определяется соотношением трех основных компонентов – территории, культуры и количества населения.[1] Под культурой автор в данном случае понимал исключительно материальную и духовную адаптацию этноса к среде обитания. С.М. Широкогоров доказал, что эти факторы находятся в подвижном равновесии относительно друг друга. При сокращении территории этноса (по причине завоевания, стихийных бедствий и природных катаклизмов) может произойти или рост культуры или же понижение плотности населения, либо то и другое вместе. Л.Н. Гумилев, в некотором роде ученик С.М.Широкогорова, также подчеркнул влияние территории на этногенез. Смена территории неизбежно влечет за собой изменения стереотипа поведения. Адаптация в новых условиях – это географический аспект этногенеза, в результате которого возникли этнические системные целостности, где побежденные оказываются на положении субэтносов.[2]

Согласно исследованиям Р.Г. Кузеева и В.В. Трепавлова, башкиры уже к XV в. имели четко ограниченный ареал расселения.[3] В историко-этнографической литературе эта территория получила название исторического Башкортостана. Его границы на юге проходили по рекам Яик и Киил, на западе – по Ику, а также низовьям Белой и верховьям Камы. По археологическим изысканиям Н.А.Мажитова, на севере башкирские поселения в период ногайского господства достигли района Перми и Кунгура, а на востоке границы башкирских кочевий проходили по течению рек Тобол, Исеть и Ишим.[4] Документы Уфимской приказной избы свидетельствуют о наличии башкирских вотчинных угодий севернее Пермского уезда. Причем, если пермские башкиры племени Гайна признавали над собой фискальную и судебную власть уфимских властей, то башкиры Соликамского уезда

---

[1] Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений// Избранные работы и материалы. Владивосток, 2001. Кн. 1. 191 с. С. 67.

[2] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., АСТ, 2005. 512 с. С. 175.

[3] Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии XV-XVII вв… С. 15; Кузеев Р.Г.Происхождение башкирского народа…С.157

[4] Мажитов Н.А. Султанова А.Н. История Башкортостана… С.39.

категорически отказывались подчиняться Уфе. В 1635 г. во время вотчинного спора между башкирами Гайнинской волости Уфимского уезда и башкирами Соликамского уезда произошел вооруженный конфликт, в ходе которого один из гайнинцев был убит. По челобитной башкира Гайнинской волости Досая Ижболдина на башкир Соликамского уезда Байтеряка Каразаева «с товарищи» в Соликамский уезда для расследования инцидента был послан уфимский сын боярский Степан Гладышев. Однако, как сказано в доездной памяти уфимца, «соликамские башкирцы не дались и собрались со многими людьми с братией и черемисой гулящей и надели на себя доспехи и хотели из луков нас стрелять и ослопем бить и говорят, так-де мы де Соликамского уезду и на нас пиши к Соли Камской, а на Уфу-де мы не едем».[1]

В ногайский период (последняя четверть XV – первая половина XVI в.) северо-восточная граница башкирского наместничества проходила по рекам Уй, озерам Итуль, Синарское, Касли, Увильды, Кизилташ. Южная граница в начале XVI в. проходила по низовьям рек Большой и Малый Узень, далее по среднему течению Яика и по его притоку Илеку, верховьям Ори к верховьям Тобола. Западная граница Ногайской Башкирии располагалась по реке Ик. По полевым записям Р.Г. Кузеева, эта река не просто разделяла ногаев и башкир-юрми; те и другие с противоположных берегов стреляли друг в друга из луков, т.е. находились во враждебных отношениях.[2]

Наиболее сложным в историографии вопросом является проблема определения южной границы земли башкир в XVI – начале XVII в. Р.Г.Кузеев установил, что зимние перекочевки башкирских племен в Прикаспийскую низменность прекратились еще в домонгольский период. Это произошло в результате образования политического объединения Дешт-и-кипчак.[3] Сначала на горных склонах Урала находились только летние пастбища башкир, куда скот пригоняли на несколько жарких месяцев. Однако со временем башкиры перестали уходить из предгорий и в зимнее время. Лишь в степных просторах южного Зауралья и в самарских степях башкиры продолжали кочевать круглый год. Ограничению кочевых маршрутов способствовал и массовый приход в Башкирию в XII–XV в. кыпчакских племен, вызвавший резкий рост плотности населения в данном регионе. Создание монгольской империи окончательно изолировало башкир от

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп1. Д. 331. Л. 2-3.
[2] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 318.
[3] Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа… С. 12.

привычных путей кочевания в направлении Аральского и Каспийского морей.

Историки не учитывают фактор нестабильности политической обстановки на юго-восточной окраине. Дело в том, что степная граница не могла иметь устойчивых и определенных очертаний на протяжении нескольких столетий. Еще в середине XIX в., рассматривая границы России и Хивинского ханства, русский географ и путешественник Н.А. Северцов выделял два рода границ в Средней Азии: «...постоянные границы оседлого населения и подвижные, беспрестанно изменяющиеся — границы кочевых племен».[1] К примеру, еще в XIX в. башкиры говорили о постоянном перемещении южной границы своего обитания. Они помнили о маршрутах своих перекочевок в направлении Аральского моря. В описании Киргиз-кайсацкой Орды, составленном в 1734 г., указывается, что казахи Среднего Жуза кочуют по реке Тургай и по другим рекам, которые башкирцы называют своими.[2] Казахи Младшего Жуза кочевали вблизи Аральского моря, где «немало башкирской земли захватили».[3] Тем не менее, на сегодняшний день в литературе утвердилась точка зрения, в соответствии с которой вотчинные владения башкирского населения простирались по среднему и верхнему течениям реки Яик и его притокам Илеку, Ори, Сакмаре и Килу.[4] Н.Н. Томашевская иначе располагает южную границу территории, занимаемой башкирами накануне присоединения к Русскому государству. Опираясь на архивные материалы конца XVI – начала XVII вв, она пришла к выводу о том, что территория расселения башкир достигала на юге рек Эмбы, Большой и Малый Узень, Чижи и доходила до низовья Яика.[5]

Документы Посольского приказа подтверждают факт нестабильности южной границы обитания башкир. Как определялись государственные рубежи в XVI – XVII вв.? Южная граница Уфимского уезда в XVII в. ограничивала территорию, с которой башкиры платили ясак. В дипломатической документации эти области так и назывались «государевых ясашных людей вотчинные земли». Например, о том, что башкиры платили ясак и со своих вотчинных угодий на реке Эмба свидетельствует документ Посольского приказа от 1649 г., в котором

---

[1] Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., Знак, 2006. 488 с. С. 283.
[2] ПСЗ. Т. IX. 1830. С. 309.
[3] Там же. С. 310.
[4] История башкирского народа. Уфа, Гилем, 2011. 476 с. Т.3. С.81.
[5] Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: опыт этнической итории башкирского этноса в новое время. Уфа, Китап, 2002. 238 с. С. 132.

отмечено: «…били челом великого государя всего Уфинского уезду тарханы и ясачные башкирцы, а сказали с которых-де они из дальних своих вотчин государеву казну ясаку платить, которые-де их вотчины по рекам по Яику и Илеку и по Ори и по Килу и по Сакмаре и по Еми кочуют калмацкие люди по вся годы и их башкирцев побивают, и вотчины их завладели и они башкирцы тех воинских людей побили и языки поимали и ныне велел великий государь для миру послов своих послать, а который башкирский и русский полон велено разменять и их взятой полон».[1] Таким образом, бассейн реки Эмбы отмечен в качестве ясачных угодий башкир. Однако уже к 1649 г. эти земли были захвачены калмыками, что подтверждается и другими источниками. В.В. Трепавлов отмечает, что река Эмба с 1549 г. фигурирует в источниках в качестве кочевых угодий Алтыульской Орды. В 1611 г. бий Иштерек извещал российские власти о том, что «как Смаиль князь убил Юсуфа князя, и Смаиль князь с мурзами и с улусными людьми учал кочевать на нагайской стороне [Волге], а Шихмомаево родство учали кочевати по Яику, и за Яиком по Еми реке и по Сыру реке, и учали с тех мест слыти алтаульския мурзы».[2] В.В.Трепавлов приводит интересные данные о том, что в 70-е гг. XVI в. на Эмбе находилась ставка Динбая б. Исмаила. В 1581 г. Динбай, вспоминая обстоятельства, предшествовавшие вступлению его в 1578 г. в должность нурадина (главы правого крыла Ногайской Орды), указывал: «... Яз кочевал за Ейком на реке на Еми, имал есми из башкирцы дани». [3] Таким образом, уже в конце 70-х гг. XVI в. центр управления Башкирским наместничеством Ногайской Орды был перенесен из центра Башкирии (Имэн-кала) на Эмбу. Это подтверждает и послание приемника Динбая на посту наместника Башкирии Сайд-Ахмеда б. Мухаммеда, который в 1579 г. писал в Москву: «А брат мой Тинбай, что владел иштяки – мне пожаловал».[4] Это обстоятельство косвенным образом подтверждает предположение о том, что ликвидация ставки ногайского наместника в центре Башкирии произошла в те же годы, когда впервые упоминается город Уфа в качестве русской крепости. Река Эмба отмечена и в историческом предании, записанном П.И. Рычковым: во время междоусобицы один из двух ногайских наместников Башкирии создает на Эмбе базу для борьбы с соперником – другим наместником.[5] Таким образом, верховное управление Ногайской Башкирией велось из эмбинских кочевий – центра левого крыла Орды.

[1] РГАДА. Ф. 116. Оп. 2. Л. 12.
[2] История Казахстана в русских источниках. Алматы, Дайк-Пресс, 2005. 721 с. Т.1. С. 220.
[3] Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии XV–XVII вв…С. 9.
[4] РГАДА. Ф. 127. Д. 9. Л.46.
[5] Рычков П.И. История Оренбургская… С. 69.

Однако почему башкиры заявили свою права на эти земли и куда девались ногаи с Эмбы? Согласно данным В.В. Трепавлова, ногаи уже в 70-е гг. XVI в. откочевали на восток, опасаясь близкого соседства казаков, которым в 1581 г. удалось уничтожить Сарайчик. С этого времени река Эмба становится западным рубежом кочевий алтыулов.[1] К тому же их численность в начале XVII в. была ничтожной для того, чтобы удерживать за собой степные пространства за Яиком. В воеводской отписке 1628 г. говорится, что алтыульских ратных людей с пятьсот человек.[2] Алтыулы, таким образом, не могли быть серьезным препятствием на пути башкирской экспансии, идущей вслед за отступлением на юго-восток слабеющих ногаев.

Когда же башкиры смогли утвердить свои права на территорию по Эмбе в такой мере, чтобы платить с нее ясак в российскую казну? Очевидно, это произошло только в период максимального ослабления Ногайской державы. Это время наступило для ногаев в 90-е гг. XVI в., когда началась так называемая «третья смута». После убийства Малыми Ногаями бия Ногайской Орды Уруса в 1590 г., разгорелась очередная война за лидирующее положение в Орде. Победу, благодаря помощи русского оружия, одержал Иштерек бин Тинахмет. Ногайская Орда вышла из усобицы не только политически ослабленной и полностью зависимой от Москвы. Однако должность наместника Башкирии в номенклатуре Орды все же сохранилась. В 1600 г. на нее избирается Кара Кель-Мухаммед, известный по башкирским шежере как Каракилембет. Одновременно он занял пост тайбуги – главы кочевников бывшего Сибирского юрта.[3] Таким образом, центр управления Башкирией сместился с Эмбы в Зауральскую Башкирию. Несмотря на официальное назначение в тайбуги, Кара Кель-Мухаммеду пришлось выдержать борьбу с кейковатом Яштереком, не желавшего довольствоваться положенным ему по рангу левым крылом Орды, ставшим малопривлекательным из-за усилившейся экспансии калмыков. Ослабление ногаев в этот момент дошло до такой степени, что даже прежние данники Орды – башкиры внезапно превратились в опасных соседей ногаев. В 1611 г. кейковат Яштерек отказался участвовать в совместном походе российских войск, поскольку «…на государеву службу братье и людем его итти нельзе. А сам де он ко мне на съезд за тем не поехал, что стоит в заставе от калмык и от башкирцев».[4] Вероятно, именно в этот период башкиры получили возможность вытеснить ногаев с Эмбы и добиться обложения вновь

[1] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1.Д.2. Л. 116.
[2] Там же. Л. 106.
[3] Трепавлов В.В. Тюркские народы Средневековой Евразии//Избранные труды. Казань, Фолиант, 2011. 252 с. С.75.
[4] История Казахстана в русских источниках… Т.1. С. 250.

обретенных земель ясаком. В 1607 г. в Уфимском уезде имело место проведение широкомасштабного размежевания вотчинных владений башкирских волостей, которое сопровождалось уточнением ясачных окладов.[1] Утверждение за башкирами кочевых угодий ногаев становится основным направлением политики российского правительства в Башкирии. Н.Ф. Демидова отмечает, что все посольства башкир, приезжавших в Казань для принятия русского подданства, просили русское правительство передать в их пользование земли, оставшиеся после ногайских феодалов. К примеру, владения башкир-минцев увеличились более чем в два раза.[2] В своей двухтомной монографии, посвященной истории уральского казачества, А. Рябинин приводит недатированную грамоту Ивана IV о даровании тарханства башкирским биям, в которой отмечено, что башкиры просили провести южную границу по Яику реке в урочище Сарайчук.[3] Таким образом, башкиры претендовали на территорию политического центра – столицы Ногайской державы. Несмотря на союзнические отношения с правителем Ногайской Орды Исмаилом, правительство Ивана IV не признало земельной собственности ногаев в Башкирии.

Какие башкирские роды могли утвердить свои вотчинные права на земли по Эмбе? Р.Г. Кузеев отметил, что в XVI–XVII вв. в благоприятные годы, когда степь была относительно спокойной, усерганы проникали на правый берег реки Урал и их кочевья достигали верховьев Илека, Ори, Эмбы и степного Иргиза, откуда они в составе других кочевников на зимние месяцы нередко уходили в Приаралье и на Сырдарью.[4] Однако наиболее вероятными обладателями вотчинных угодий на Эмбе являются семиродцы. Р.Г. Кузеев указал на то, что род джете-уру в состав кыпчаков включен условно.[5] Род джете-уру исторически и этнически был тесно связан с племенами Дешт-и-Кипчака, причем сами башкирские кипчаки эту группу долгое время считали не башкирской, а казахской. Далее Р.Г. Кузеев отметил, что башкирский род джете-уру этнически восходит к казахскому роду жетыру Малого Жуза. Предки башкир рода джете-уру могли переселиться в Башкирию и с более близких земель. Казахи рода

[1] РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 3063. Л. 261-263.

[2] Демидова Н.Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVII вв//Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы. 1960. Минск, 1962. С. 261.

[3] Рябинин А.Д. Уральское казачье войско//Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. СПб.,1866. 358 с. Т.2. С. 3.

[4] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа ...С. 158.

[5] Там же. С. 144.

жетыру, по описанию В. В. Радлова, еще в XIX в. кочевали «около Оренбурга и Уральска».[1] Согласно источникам XVII в., только они имели на юго-востоке Уфимского уезда особые вотчинные владения отдельно от других башкирских родов.[2] Все остальные башкирские общины эксплуатировали эти земли совместно, без размежевания между родами. Семиродцы сравнительно поздно (в ногайский период) входят в соприкосновение с башкирскими родами. Проникают они в Башкирию с юга, «из казахских степей» (Дешт-и-Кипчак). Основные угодья семиродцев находились в районе реки Яик. Семиродцы, по утверждению В.В. Трепавлова, являлись трофеем ногайских правителей Мусы, Ямгурчи и Аббаса во второй половине XV в., когда те вели борьбу за узбекское наследство.[3] К Мангытскому юрту присоединялись общины восточных кипчаков, обитавшие к востоку от основных мангытских (собственно ногайских) кочевий в междуречье Волги – Яика – Эмбы. Вожди последних, похоже, заключили шарт-наме с тогдашними ногайскими предводителями о полном подчинении, превратившись в подданных непосредственно этих предводителей, за рамками первоначальной двухкрыльной структуры Юрта. Таким образом, семиродцы Ногайской Орды, увлеченные ногаями на север, заняли земли по Яику, прежде рассматривавшиеся в качестве естественной границы между улусными владениями шибанидов и башкирскими землями. По всей видимости, уход ногаев из Башкирии в первой половине XVII в. не увлек за собой всех яицких семиродцев. Дело в том, что южнее их обитали алтыулы, которые закрыли для семиродцев возможность откочевки за Волгу.

Однако усерганы, семиродцы и другие южные башкирские роды недолго удерживали за собой бывшие ногайские земли на Эмбе. Уже в начале 20-х гг. XVII в. на алтыулов и башкир обрушились калмыки. Сопротивление алтыулов, в силу их малочисленности, не могло быть упорным и длительным. В 1628 г. их мурзы были вынуждены подчиниться калмыкам. С этого времени башкиры были вытеснены на север, а к 50-м гг. XVII в. для башкир возникла реальная угроза потери вотчинных угодий на Яике, Ори и Илеке. Шертными грамотами калмыцких тайшей 1655, 1657 и 1661 гг. российское правительство определило новые рубежи калмыцких кочевий по Яику, левому берегу Волги и в степи от Астрахани до Самары.[4] Таким образом, земли южнее

[1] Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племён Южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1887. 26 с. С. 23.
[2] РГАДА. Ф.1324. Оп. 1. Д. 2247. Л. 175.
[3] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды…С 439.
[4] Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (сер. IX –I четв. XVIII в.) М., Элиста, 1994. 248 с. С. 98.

города Самары и реки Самары, а также все степные кочевья, находившиеся за Яиком, были изъяты из владений башкир. Конечно, де-факто эта территория была занята калмыками задолго до присяги тайши Дайчина российским властям, однако санкционирование российским правительством этого положения вещей лишало башкир права добиваться возвращения прежних своих владений.

Впрочем, по утверждению В.В. Трепавлова, ограничение ареала кочевания благотворно отразилось на интегративных этнических процессах в регионе, став, по существу, отправной точкой формирования башкирской народности.[1] Территориальная экспансия Ногайской Орды, а затем и калмыков, ввергли полукочевое хозяйство башкир в экстремальные условия. По своим климатическим и ландшафтным особенностям большая часть территории северной и центральной Башкирии не соответствовала нормам кочевого хозяйства. В Предуралье в зимние месяцы глубина снежного покрова достигает 70–90 см, а средняя температура в три зимних месяца удерживается на уровне 10–15 градусов по Цельсию. Нередкими были и годы со значительным превышением этого среднего показателя. В XIV в. Ибн-Фадлах, причислив башкир к числу подданных Золотой Орды, отметил, что этот народ живет в нищете вследствие бедственного существования, ибо не оседлые люди, у которых есть посевы, а сильная стужа губит их скотину.[2] А.Курбский в своей «Истории о Князе Московском» сообщает, что в 40–50-е гг. XVI в. «…мор был пущен был от Бога на Ногайскую Орду, сиречь на заволжских татар и сице наведе на них, пустил на низ зиму зело люте студеную же и весь скот их помер, яко стада конские, и тако и других скотов, а на лето сами исчезоша, так бо оне живятся млеком точию от стад различных скотов своих а хлеб там и не именуется».[3] Как отмечает Э.С. Кульпин, именно в XV в. закончилось благодатное время – климатический оптимум тысячелетия. За оптимумом следовал так называемый Малый ледниковый период. Между теплом и холодом был переходный этап, который всегда характеризуется крайней неустойчивостью погоды, стихийными бедствиями.[4] Действительно, резкие перепады температуры и влажности наносили неизмеримо больший ущерб скотоводам, нежели низкие, но стабильные морозы. Наледи и наст, образующиеся на снегу после

[1] Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии… С.27.
[2] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., Типография императорской Академии наук, 1884. Т. 1. С. 81.
[3] Курбский А.М. История о великом князе Московском. М., изд-во УРАО, 2001. 161 с. С.75.
[4] Кульпин Э.С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М., Ком. книга, 2006. 176 с. С. 113.

оттепелей, при тебеневке приводили к травмам и обескровливанию скота. Один зимний сезон с частыми оттепелями вполне мог сделать нищими всех кочевников края. Воздействие неблагоприятных природно-климатических условий на кочевое хозяйство башкир не прекратилось и в более поздний период, когда башкирское население приучилось заготавливать корм скоту. Например, за 30 лет, с 1819 по 1850 гг., башкиры потеряли 100 000 голов скота, несмотря на то, что все стадо находилось под строгим контролем ветеринаров башкирского казачьего войска.[1] От бескормицы, связанной с засухой в Самарской губернии, за 5 лет, с 1884 по 1889 гг., башкиры лишились 82% всего скота.[2] Только в конце XVIII в. башкиры начали заготавливать сено на зиму в необходимом количестве.[3]

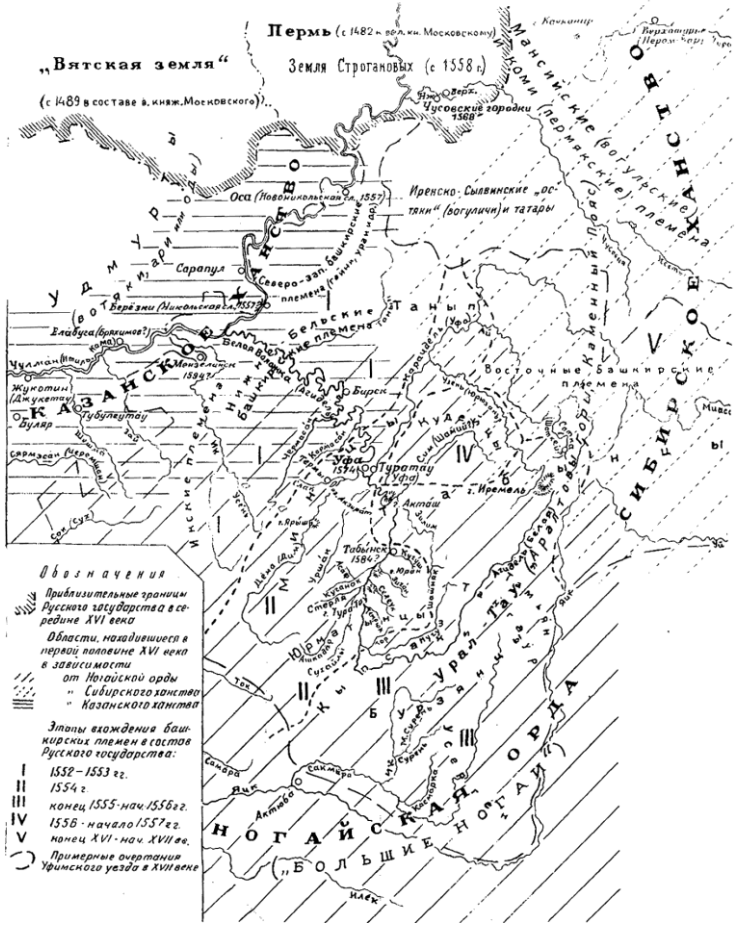
Историческая область обитания башкир в XVII–XVIII вв. представляла собой чрезвычайно разнообразную в природном и климатическом отношении территорию, однако, в силу географических условий, для башкирских родов наиболее важное значение имели южные территории. Здесь не только находились наиболее привлекательные кочевые пастбища, месторождения соли и лучшие охотничьи угодья, южная граница была одним из главных факторов этнической консолидации башкирского народа. В течение XV–XVI вв. главная опасность для башкирских родов исходила именно от южных кочевых соседей, для борьбы с которыми была создана организация ополчения, объединяющая все без исключения башкирские родоплеменные структуры.

§ 2.Скотоводство

Природные условия края предопределили и специфику башкирского стада. В 1767 г. П.И. Рычков отметил, что «у башкир почти равномерный достаток в лошадях, как и у казахов. Но лошади их не столь крупны, хотя и почитаются яко бы прочнее и крепче киргизских, только для зимних и беспокойных погод заготовляют они по небольшому числу и сена. Овец и коз у них не столь много как у киргизцев, видом и шерстью схожи на российских, но рогатого скота содержат они башкирцы уже больше, коров и овец кормят они сеном. А лошади на тебеневке».[4] То обстоятельство, что башкиры содержали

[1] Асфандияров А.З. История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации. Уфа, Китап, 2000. 188 с. Т. 10. С. 112.
[2] Там же. С. 114.
[3] Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв.: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1990. С. 119.
[4] Рычков П.И. О способах к умножению землевладения в Оренбургской

больше крупного рогатого скота, чем казахи, свидетельствует о том, что башкиры перешли к полукочевому скотоводству. Согласно исследованию А.Н. Хазанова, крупный рогатый скот кочевники не разводили, а появление его у полукочевников означало разложение экстенсивного скотоводства, переход к полуоседлости и появление оседлости.[1]



Башкирия во второй половине XVI в.

губернии//Труды ВЭО, СПб., 1767. Ч. 7. С. 133.

[1] Хазанов А.М. Указ соч. С. 282.

Тем не менее, основой поголовья всегда были конские табуны, поскольку только лошади были способны к тебеневке в условиях зимних пастбищ. После лошадей на расчищенные частично от снега пастбища башкиры выгоняли весь остальной скот. Следует отметить, что именно зимние пастбища лимитировали размер стада.[1] По этой причине они ценились гораздо больше, нежели яйляу. Особенности зимнего выпаса скота отличали башкирские зимовья от казахских. Казахи предпочитали останавливаться в поймах степных рек, обильно поросших камышом, который и представлял главную кормовую основу для скота.[2] Площадь пастбищ зимнего содержания скота была значительно меньше летних кочевий, поскольку зимой скот выпасался только в окрестности башкирских селений. Поздней осенью башкиры возвращались в свои деревни и до весны уже никуда не двигались. Ф.Г Хисамитдинова в работе «Формирование ойконимической системы башкирского языка» подчеркивает, что термин авыл, т.е. аул возник на базе зимних поселений кочевников-скотоводов, а впоследствии был использован как ойконимический термин.[3] Таким образом, в зимнее время скот башкир страдал не только от низкого качества, но и недостаточного количества подножного корма.

Исследователи давно определили минимальное количество скота, необходимое для воспроизводства хозяйства одной семьи. По мнению Н.Ф. Демидовой, для существования одной башкирской семьи в XVIII в. необходимо было иметь 20–30 лошадей.[4] В свое время С.И. Руденко более точно рассчитал прожиточную норму, которая должна была составлять 25 лошадей или 300 овец. Этот минимум позволял самостоятельно существовать семье из пяти человек.[5] При меньшем количестве скота кочевание становилось невозможным, поскольку продуктов животноводства было недостаточно. В такой ситуации башкиры оставляли кочевой образ жизни и принимались за охоту, рыболовство, бортничество и, в конце концов, становились оседлыми земледельцами. Интересно, что минимум, выведенный С.И. Руденко и

---

[1] Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ//Этнографическое обозрение, 1994, № 1. С. 53.

[2] Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, издательство Академии наук Казахской АССР,1948. 255 с. С. 121.

[3] Хисамитдинова Ф. Г. Формирование ойкономической системы башкирского языка: автореф дисс… д-ра филолог. наук. М., 1992. 55 с. С. 22.

[4] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735–1736 гг.: :дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 177

[5] Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., Восточная литература, 1961. 86 с. С.5.

Н.Ф. Демидовой, значительно меньше той нормы, которая была необходима для кочевников Казахстана и Средней Азии. Согласно подсчетам Т.И. Султанова, для ведения хозяйства одной кочевой семье в Средней Азии необходимо было иметь 15–20 лошадей, 50–100 овец, не менее 6 голов крупного рогатого скота и 2 верблюдов.[1] И.Г. Георги в начале 70-х гг. XVIII в. отметил, что у башкир «редко и у простого человека бывает меньше 30 и 50 лошадей; многие имеют оных до 500, богатые до 1000, а иные до 2000 и свыше.[2]

Почему прожиточный минимум у башкир был меньше, чем у их южных соседей? Скотоводство никогда не являлось единственным, а для значительной части башкир XVII–XVIII вв., главным источником существования. В этой связи утверждение С.И. Руденко о том, что при потере необходимого количества скота башкиры обращались к другим занятиям, выглядит несколько умозрительным. Источники XVII–первой трети XVIII в. свидетельствуют о том, что в случае утраты необходимого минимума поголовья башкиры увеличивали долю других промыслов в своем комплексном хозяйстве, что отнюдь не всегда означало окончательную седентаризацию и победу земледелия. Как правило, возрождение разоренного войной или джутом башкирского хозяйства, при условии сохранения необходимых пастбищных площадей, происходило по пути восстановления поголовья скота. При этом доля оседлого земледелия не увеличивалась. Социальный стереотип, утверждавший, что только скот является главным мерилом богатства, разрушается медленно и только под воздействием резкого сокращения земельных угодий. Сами башкиры считали, что занятие скотоводством – наиболее престижный и желанный вид хозяйственной деятельности. Даже несмотря на очевидные выгоды от занятия оседлым земледелием, башкиры старались выезжать на летовья. Прагматические соображения и принятые в обществе установки могут не совпадать друг с другом. Количество скота регулировалось не утилитарными потребностями хозяйства, а только кормовой базой. По подсчетам Ф.Д. Маркузона, средняя плотность кочевого населения не должна превышать 1–1,5 человека на квадратный километр.[3] Согласно исследованиям Н.Н. Крадина, в кочевых обществах фактически

[1] Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., Наука, 1982. 160 с. С. 45.

[2] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., Типография Академии наук, 1799. Ч. 1. С. 98.

[3] Маркузон Ф.Д. Население мира от начала н.э. до середины XX в// Вопросы экономики, планирования и статистики, М., 1957. С.388-404.

наблюдается плотность населения в пределах 0,5–2 человека на квадратный километр.[1]

Необходимо учитывать и качество пастбищных угодий. К примеру, лишь немногие районы Зауральской Башкирии представляли настоящую ковыльную степь. На основной же территории края башкиры кочевали либо в долинах крупных рек, либо на альпийских лугах Уральского хребта, где травяной покров по своему качеству превосходил сравнительно бедную растительность типичных степей Южного Зауралья и Казахстана. По данным М.Э. Масанова, в зоне казахских степей на одну лошадь в течение года требуется не менее 20 гектаров пастбищ,[2] в то время как пастбищные ресурсы центральной Башкирии позволяли прокормить одну голову условного скота (одна лошадь или одиннадцать овец) на площади чуть более двух гектаров.[3] Если в Казахстане продуктивность естественного травостоя составляет в пустынной зоне 1–3,5 центнера на 1 квадратный километр, в полупустыне – 2–3,5 центнера, в степной и лесостепной 3,5–9 центнеров,[4] то в Башкирии самая низкая урожайность не бывает меньше 10 центнеров с гектара.[5] Таким образом, продуктивность пастбищных угодий башкир на порядок превышала возможности степных кочевий Казахстана. Даже крайне неблагоприятные для скотоводства солончаки южной Башкирии, по утверждению Б.М. Миркина, имели продуктивность до 8 центнеров с гектара. При этом подобные пастбища не превышают 15% площади пойменных угодий.[6] Скотоводам в Башкирии требовалась сравнительно небольшая площадь пастбищ, чем скотоводам яицких или тургайских степей. По этой причине башкиры имели возможность дольше оставаться на одном месте, что также благоприятно отражалось на состоянии скота. Б.Г. Калимуллин, исследуя планировку башкирских деревень, пришел к выводу, башкиры-скотоводы предпочитали выбирать под зимние поселения речные долины. Их широкие поймы, обильно орошаемые во время весеннего

---

[1] Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблема формационной характеристики). Владивосток, Дальнаука, 1992. 248 с. С. 29.

[2]Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX в. Алма-Ата, Наука, 1984. 176 с. С. 25.

[3] Файзуллин М.Г. Эколого-биоресурсные основы оптимизации охото-хозяйственной деятельности в степной зоне Южного Урала. :автореф. дис. .... канд. биол. наук. Оренбург, 2005. 26 с.

[4] Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории… С. 23.

[5] Файзуллин М.Г. Указ. соч. С. 16.

[6] Миркин Б.М. Повышение продуктивности сенокосов и пастбищ//Сборник статей. Уфа, БФАН СССР, 1975. 191 с. С. 79.

половодья, покрывались за лето высокой сочной травой и представляли собой прекрасные зимние пастбища.[1]

О том, что основная территория обитания башкир не соответствует классическим представлениям о кочевой степи, много писали и географы, изучающие влияние климатических зон на характер изменения растительности. Степной климат Евразии определяется областью высокого давления, которая тянется узким языком на запад от Сибирского антициклона, проходя по условной линии, соединяющей города Кызыл–Уральск–Саратов–Харьков–Кишинев–Секешфехервар. Эта условная линия названа Большой климатической осью Евразии. Ось служит ветроразделом на материке. Зимой к северу от нее, там, где располагается зона лесостепи и леса, где в средневековье жили земледельцы, дуют теплые ветры с запада и юго-запада, несущие осадки. К югу, там, где находятся степи, полупустыни и пустыни, где преобладают сухие и холодные северо-восточные и восточные ветры, в средневековье жили только кочевники.[2] Тем не менее, наиболее оптимальные условия для скота находились не в зоне степей, а севернее большой климатической оси. Как отмечают авторы исследования «Судьба степей», если привес скота в степи, получаемый на пастбище в мае, принять за 100%, то в июне он составит – 88%, в июле – 78%, августе – 65 %, сентябре – 58 %, а в октябре – только 35 %. Однако, если скот пасти севернее Оси, в европейской лесостепи, где до осени сохраняется кормовая ценность, доступность и количество кормовых трав, то потерь привеса не наблюдается. В луговых степях нет перерыва в вегетации растений и жизнедеятельности животных, вызванного засухой, поэтому экосистема функционирует дольше, чем в более сухих степях. За счет этого общая масса растительности достигает 3,2–4,2 тонн с гектара, что в 5 раз больше, чем в других типах степей.[3]

Таким образом, на территории Башкирии основная масса скотоводов не нуждалась в дальних, на сотни километров, перекочевках. Передвижение скота летом было привязано к заливным поймам рек или предгорьям Уральского хребта, а границы зимних пастбищ были ограничены возможностями контроля живущих оседло башкир.

Источники опровергают устоявшееся мнение о том, что в лесных районах башкиры не могли вести крупного скотоводческого хозяйства, обращаясь к иным видам хозяйственной деятельности. Тем

---

[1] Калимуллин Б.Г. Планировки и застройка башкирских деревень. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1959. 107 с. С. 31.

[2] Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., Ком.книга, 2006. 176 с .

[3] Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск, Мангазея, 1997. 208 с. С. 144.

не менее, башкиры с древности использовали лес для выпаса скота. Как отмечает Э.С. Кульпин, сам по себе выпас скота в лесах – явление типичное для средневековья.[1] И не только средневековья. По данным А.З. Асфандиярова, в 30-е гг. XIX в. в деревнях башкир-байлярцев скот пасся по паровому, яровому и ржаному полям, а также по лесу с 25 апреля по 10 октября. [2] И.К. Кирилов в своем донесении в Кабинет от 1735 г. отметил, что «Башкирцы... говорят… лошадей и скот свой без пастухов в степях и в лесах содержим…».[3] Указ 9 июня 1719 г., запрещавший вырубку дубовых лесов, вызвал недовольство башкир не только потому, что он наносил ущерб бортничеству, но еще по той причине, что вотчинники ильмом кормили скот.[4]

По расчетам Р.Г. Кузеева, в середине XVI в. башкир и ногайцев, кочевавших в Башкирии, насчитывалось около 200 тысяч душ обоего пола.[5] По весьма приблизительным подсчетам авторов «Очерков по истории Башкирской АССР», в XVII в. общая численность башкир не превышала 50 тысяч человек обоего пола.[6] Площадь территории, на которой они проживали, составляла около 366,8 тысячи квадратных километров.[7] Около трети площади Башкирии составляли горы. Таким образом, уже в конце XVI в. в Башкирии существовала предельная для классических кочевников и охотников плотность населения. Дальнейшее увеличение плотности населения в регионе должно было привести к нарушению экологического баланса, т.е. перевыпасу пастбищ из-за превышения поголовья скота. Другой альтернативой в подобной ситуации было изменение характера хозяйства местного населения, т.е. переход к полукочевому скотоводству.

Однако после ухода из Башкирии в конце XVI – начале XVII в. ногайских улусов, проблема свободных кочевых угодий уже не стояла так остро. По подсчетам Н.Ф. Демидовой, в результате откочевки ногаев с Южного Урала вотчинные территории башкир увеличились более чем на половину.[8] В шежере башкирского племени Юрматы по этому поводу

---

[1] Кульпин-Губайдуллин Э.С. Указ.соч. С. 84.
[2] Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа, Китап, 2009. 600 с. С. 80.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д.143. Л. 45.
[4] ПСЗ-I. Т.VI. №3593.
[5] Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа…С. 112.
[6] Очерки по истории Башкирской АССР./ под ред. А.П.Смирнова. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1956. 198 с. Т.1.С. 87.
[7] Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С. 67.
[8] Демидова Н.Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде XVI–XVII вв…С.267 .

отмечено: «…нижайше попросив взяв эти земли. Должны знать, поэтому вотчинники – башкиры стали многоземельными».[1]

Какова была структура башкирского стада в XVII–XVIII вв.? В отличие от Казахстана в башкирском стаде овцы никогда не играли доминирующей роли. А.М. Хазанов усомнился в необходимости классифицировать номадов на два типа: монгольский, с преобладанием лошадей, и тюркский, имеющий смешанный состав стада.[2] Согласимся с этим утверждением, поскольку видовой состав стад и процентное соотношение различных видов скота, протяженность и маршруты перекочевок определяются не этническими предпочтениями, а структурой и продуктивностью ландшафта в каждом конкретном случае. Так, для большей части территории Башкирии в зимнее время характерно образование снежного покрова глубиной 40–50 см; средний максимум колеблется около 100 см.[3] Овцы способны доставать корм из-под снега глубиной не более 15–17 см.[4] В случае образования более значительного снежного покрова на зимнее пастбище первыми пускали лошадей, чтобы они своими копытами разбили плотный покров и добрались до травы (тебеневка). По этой причине для нормального выпаса овец и крупного рогатого скота соотношение лошадей и овец в стаде должно быть не менее чем 1:6.[5] Однако, если судить по источникам, башкиры многократно превосходили эту норму, нередко доводя это соотношение до 1:1. Так, по словам И.Г. Георги, число овец почти соответствует у богатых числу лошадей или превосходит оное, однако малым чем.[6]

Судя по рапортам командиров правительственных войск, руководивших карательными действиями, в перечислении уничтоженного скота восставших башкир количество овец чаще всего соответствовало конскому поголовью. Так, в марте 1736 г. две команды драгун захватили стада башкир пяти деревень Чарлинской волости в районе озера Чебакуль. Общее поголовье насчитывало «лошадей з 200, да коров с 300, овец з 200».[7] Всего же, согласно ведомости Башкирской

[1] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере….С. 76.
[2] Хазанов А.М. Указ. соч. С. 197.
[3] Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа, Китап, 2006. 376 с. С. 27.
[4] Насимович А.А. Роль снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. М., АН СССР, 1955. С. 75.
[5] Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., Логос, 2001. 312 с. С. 78.
[6] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 98.
[7] Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Автор-составитель Н. Ф. Демидова. Т.

комиссии, с 1736 по 1741 г. воинскими подразделениями было уничтожено и конфисковано у башкир 11282 лошади и 5872 коровы и овцы.[1]

Даже несмотря на то, что в начале XIX в. башкиры переходили к оседлости, соотношение поголовья лошадей и овец не менялось. В середине XIX в. у башкир насчитывалось свыше полумиллиона лошадей и такое же количество овец.[2] По данным, приведенным А.З. Асфандияровым, в 30-е гг. XIX в. лишь в 7 башкирских деревнях количество овец превосходило конское поголовье, однако в 133 деревнях (95%) количество лошадей было больше. В отличие от русских деревень, население которых отдавало предпочтение мелкому рогатому скоту, башкиры не изменили своего пристрастия к держанию лошадей и в начале XX в.[3]

П.С. Паллас считал, что башкиры просто «не обвыкли» иметь много овец.[4] Наряду с проблемой зимнего выпаса овец, существовал и другой фактор, обусловивший преобладание лошадей в башкирском стаде. Коневодство в условиях Южного Урала представляло собой наиболее экологический вид скотоводства. Как отмечает З.М. Файзуллин, для степных пастбищ Южного Урала самым благоприятным в плане поддержания экологического баланса был именно выпас лошадей. Они имеют здесь широкий спектр поедаемых трав. Лошади скусывают траву на более высоком уровне, чем овцы. Овцы давят на почву силой 5,4 кг/см, лошади только – 2,6 кг/см. Это позволяет не только сохранить травостой, но и повысить общий выход животноводства.[5] Для сохранения экологического биоценоза степи большое значение имеет соотношение отдельных видов животных в общем их количестве. Время от времени, как это было в Рын-песках в XIX в. или сегодняшней Монголии, скотоводы попадают в экологический «капкан» превышения удельного веса овец и коз в общем поголовье. Овцы оказывают самое сильное давление на землю, как в прямом, так и в переносном смысле слова. Давление маленьких овечьих копытец на единицу площади в четыре раза превышает давление гусениц среднего танка.[6]

VI. Уфа, Китап, 2002. 685 с. С.156.

[1] Рычков П.И. История Оренбургская…С. 106.

[2] Руденко С.И. Указ. соч. С. 79.

[3] Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, Китап, 2009. 744 с.

[4] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб., при Имп. Акад. наук, 1769. Ч. 1. С.97.

[5] Файзуллин З.М. Указ. соч. с.22.

[6] Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Указ.соч. С. 164.

Как уже было отмечено, значение крупного рогатого скота возрастало по мере седентаризации башкир. В 30–40-е гг. XIX в. количество коров лишь немногим уступало количеству овец, а в ряде случаев превосходило. П.И. Рычков писал, что коровы «в степях тебенить не могут, для того киргизы мало их держат и у самого богатого более двадцати не бывает».[1] А.М. Хазанов отметил, что в отношении крупного рогатого скота действует одна закономерность, характерная для всех кочевых обществ: коров в стаде больше там, где большую роль играло земледелие в общем балансе экономики.[2]

Как можно оценить уровень скотоводческой культуры башкир? Ф. Ратцель одним из первых в этнографической науке поднял проблему взаимодействия человека и природы. Он, в частности, отметил: «Культурный народ не делает себя свободным от природы, а усложняет и совершенствует способы ее использования... Наша культура связана с природой теснее, чем любая ей предшествующая, так как мы знаем больше, что от нее можно получить».[3] Все этнографы и сторонние наблюдатели обращали внимание на то, что при забое скота башкиры утилизировали практически всю кожу, волос и внутреннее органы животного.[4] Для сравнения, если рассмотреть отношение башкир к рыболовству, то нельзя не заметить, что рыболовные ресурсы края использовались далеко не полностью.

Значение лошади для башкирского общества не исчерпывалось ее хозяйственным значением. Социальный престиж человека зависел от количества лошадей, имеющихся в его распоряжении. Без лошади башкир не мог быть воином, следовательно, и полноценным членом общины. В 20-е гг. XX в. известный башкирский этнограф Галимжан Таган отметил, что башкиры смотрят на безлошадного человека так, как другие народы на бездомного,[5] т.е. неполноценного члена общества. Ведь, кто-то другой за него должен был отправляться на военную службу или исполнять подводную повинность. О социальном значении лошади для башкир говорит поговорка «когда имеешь коня – мир признает тебя».[6] В обыденном сознании до сих пор сохранилось

[1] Рычков П.И. Топография Оренбургская … С. 150.
[2] Хазанов А. М. Указ. соч. С. 126.
[3] Ратцель Ф. Политическая география. СПб., Питер, 2007. С. 17.
[4] Руденко С.И. Указ. соч. С. 81.
[5] Галимжан Таган. Этнографические заметки о башкирах и других тюркских народах. Уфа, Гилем, 2005. 160 с. С. 15.
[6] Башкирское народное творчество. Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа, Китап, 1993, 464 с. Т. 7С. 36.

представление о башкире как о всаднике. Даже слово «мужчина» в башкирском языке звучит как «ир-ат», то есть «мужчина-конь».[1]

Даже добывание ясака становилось проблематичным делом для башкира, лишенного возможности ездить верхом. В 1620 г. ясачный башкир Кипчакской волости Кошмамбет Кучуков подал челобитную, в которой просил освободить его от уплаты ясака, потому что «от коня, государь, отбыл и твоего государь ясаку добывать немочно».[2]

У башкир богатство человека ассоциировалось с количеством лошадей. В 1743 г. уфимский вице-губернатор П.Д. Аксаков отметил, что среди башкир Ногайской и Сибирской дорог довольно владельцев, имеющих от 2 до 5 тысяч голов лошадей.[3] Один из самых богатых башкирских старшин начала XVIII в. Алдар Исекеев владел в своей Бурзянской волости 8000 голов лошадей.[4] В первой половине XVIII в. башкирская знать имела в среднем от 2 до 8 тысяч голов лошадей. По наблюдению П.С. Палласа, побывавшего в башкирских волостях Сибирской дороги: «Преизрядныя и тучныя и плодоносный степи по всей южной стороне Исетской провинции простирающиеся дают к заведению лошадиных стад такую способность, что нередко здесь сыскать владельцев, кто по нескольку сот лошадей имеют, а есть такие, коих богатство в сем от 2 до 4 тысяч лошадей простирается».[5] Напротив, для казахов Младшего жуза, описанных в 1832 г. А.И. Левшиным, именно овца служила эталоном «определения цены вещам вместо денег, и наконец, она же составляет главнейший предмет торговли его со всеми соседними народами и, едва ли не главнейшую цель их связей с ним. Короче сказать – овца киргиза кормит, одевает, и, знакомя с соседями, доставляет ему все нужное и приятное».[6]

Для башкир же даже заключение брачного договора предполагало наличие лишней лошади, поскольку с древнейших времен женитьба у башкир облагалась конской пошлиной. По сообщению Ибн-

---

[1] Ямаева Л.Я. Реконструкция начального этапа этногенеза башкир на основе архаического эпоса «Урал батыр»// Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, изд-во Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 302-317. С. 313.

[2] РГАДА. Ф. 1773. Оп.1. Д. 298. Л. 4.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в 17 и первой половине 18 вв. М.-Л., АН СССР. 1936. 631 с. Ч. 1. С. 204.

[4] Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII в. Уфа, Китап, 1993. С. 37.

[5] Паллас П.С.Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб., При Имп. Акад. наук, 1769. Ч. 1. С.95.

[6] Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. Алматы, Санат, 1996. С. 376.

Рустэ (около 912 г.), каждый, кто из подданных булгарского хана женился, должен был давать по верховой лошади.[1] В 1644 г. ясачные башкиры Кудейской волости Ахмет Кутлуюшев и Минской волости Булат Якшиванов написали челобитную, в которой отметили, что прежде башкиры «за женитьбу давали коньми или по цене лошади по 10 рублей», а в башкирскую «шатость они разорились и скот и пожитки у них побрали».[2] Примечательно, что свадебный лошадиный налог возродился в качестве штрафа в ходе башкирского восстания 1735–1740-х гг. Тогда для казанских татар была установлена пеня «драгунскими лошадьми» за женитьбу на башкирках – родственницах участников восстания: «…девок отдавать в замужество за казанских татар и за прочих татар иноверцев с платежом в казну за каждую бабу или девку годной по драгунской лошади».[3]

Естественно, что лошади являлись и обязательной частью калыма, уплачиваемого родственникам невесты. В 1673 г. уфимский воевода П.И. Кондырев разбирал спор между башкирами Тангаурской и Бурзянской волостей, причиной которого стал невыплаченный калым. Жениху, согласно брачному соглашению, полагалось передать родственникам невесты 60 лошадей.[4]

Трудно переоценить значение лошадей в военном деле башкир. Уровень мобилизационной готовности башкирского ополчения определялся исключительно по состоянию конского поголовья. В 1675 г. башкиры зауральских волостей ответили отказом на призыв московского правительства принять участие в крымском походе под предлогом, что «коней у нас нет».[5] В 1664 г., «вышедшие из полона», крестьяне Невьянского острога сообщили властям, что прекращение набегов со стороны восставших башкир было вызвано тем, что, «коней де мало было, поднятца де было всем не на чом, а ныне де у вас коней взяли много, ждите де нас опять вскоре к себе, не токмя на деревни и на остроги».[6]

Военные действия, за редким исключением, начинались летом или ранней весной. Башкиры ждали, пока лошади, находившиеся всю зиму на подножном корме, придут в требуемое для войны физическое состояние. Еще в 1600 г. тюменский воевода Лука Щербатов доносил туринскому голове Федору Янову о том, что весной ждать нападений кучумовых детей не стоит, поскольку «…у табынцев и сырянцев ныне

[1] Руденко С.И. Указ. соч. С. 29.
[2] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 118. Л. 3.
[3] Там же. Ф. 248. Оп.3. Д. 143. Л. 344.
[4] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 86. Л.3.
[5] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 200
[6] Там же. С. 194.

лошади худы, а как де лошади отъедятся, и он де слышал у татар, чтобы им приходить для добычи на тобольские и тюменские волости».[1] В 1736 г. из показаний пленных повстанцев выяснилось, что башкиры предполагали летом 1737 г. продолжить военные действия «как кони отъедятся».[2] Зимой 1721 г. поручик Милкевич, направленный по Казанской дороге Уфимской провинции для поиска беглецов, столкнулся с сопротивлением местных башкир. Милкевич не ожидал проявления подобной воинственности местного населения в зимнюю пору, «когда им самая нужда в конском корме». В своем отчете он задается вопросом: «Чего же ждать от башкир …в лете, когда они и лошади их будут в самом достатке, тогда они и паки будут ко всякой противности склонен».[3] В XVIII в. для стороннего наблюдателя явным доказательством подготовки башкир к войне являлся факт откармливания лошадей в зимнее время, чего обычно башкиры не практиковали. В 1725 г. кунгурский бургомистр Юхнев отмечал, что башкиры «сена только готовят токмо для мелкой скотины и для лошадей, которых берегут к войне зимой малое число».[4] В декабре 1678 г. приказчик Аятской слободы слышал от проезжих башкир о том, что к лету «…готовятся де они башкирцы и кони кормить овсом и стрелы стругать и пансыри починивают, а хотели идти на колмаков с собой, а сказывали они башкирцы что покупали овес у русских людей на семена».[5] В 1663 г. один из руководителей башкирского восстания 1662–1664 гг. Сары Мерген потребовал от башкир и мари Сибирской дороги, «…чтобы к весне лошади кормили; да у ково де лошадей и платья не будет, и он де Сарымергенко тех люд ей хотел ссужать своими лошадьми и платьем, а у которых де людей лошади есть, а к походу будут не кормны, и он, де Сарымергенко, тех людей высечет всех».[6] Таким образом, в XVII–XVIII вв. отступление от традиционного вскармливания лошадей на подножном корме, а именно переход к заготовке сена и приобретению фуража у крестьян, вызывался исключительно военными потребностями. При этом необходимость заготовки сена для зимней подкормки лошадей стимулировала припуск

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири. Издание 2-е, дополненное. М., Восточная литература, 1999. 630 с. Том II. С. 121.
[2] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 179.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 586.
[4] Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., АН СССР, 1949. Т.III. 691 с. С. 484.
[5]Дополнение к актам историческим собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1875. Том. VIII. С. 283.
[6] Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в 17 и первой половине 18 вв. М.-Л., АН СССР, 1936. Ч. 1. 631 с. С. 162.

на вотчинные земли исконных земледельцев татар, марийцев и удмуртов. В 1736 г. в своей сказке старшина Дуванской волости Мендияр Аркаев сообщил властям о положении дел в башкирских волостях, расположенных по реке Ай: «А сена у них еще ни одной копны не поставлено, да и ставить им сена будет нельзя, а прежде на них сена ставили мещеряки, ясашные татара и черемиса, а ныне при них таких народов нет, а сами работать ленивы».[1] Следовательно, военный потенциал башкирского общества был связан и с ростом числа переселенцев на их землях. О том, что главным трофеем башкир, а нередко главной целью войны являлись угнанные у противника табуны, мы поговорим в следующей главе.

А.Н. Усманов, рассматривая ясачные платежи башкир Московскому государству в конце XVI в., отметил, что, наряду с пушниной, башкиры предоставляли еще и молодой скот для выпаса и мелкий для убоя.[2] К сожалению, автор не указал источник этих сведений. О ясаке, выплачиваемом скотом, есть единственное упоминание в шежере племен Кыпсак, Тамьян, Усерган и Бурзян, в котором говорится: «…и в 1564 г. согласились платить ясак, положенный Грозным. Ясак состоял из лошадей, куниц и лисиц и разного другого ясака, который посоветовавшись, разделили между собой»[3]. Территория обитания этих башкирских племен находилась в Юго-восточной Башкирии, где полукочевое скотоводство было основой хозяйства башкир вплоть до середины XIX в. В российских источниках XVI–XVII вв. отсутствуют какие-либо сведения о том, что башкиры выплачивали ясак скотом. Возможно, скот мог приниматься ясачными сборщиками в качестве эквивалента денег, но в Уфе отсутствовало соответствующее место для его содержания. Ногаи практиковали подобные формы податей в Башкирии еще в начале XVII в. В материалах Уфимской приказной избы сохранился розыск, проведенный Приказом Казанского дворца в 1650 г. относительно дани, которую собирали с башкир ногайские правители при царях Борисе и Василии.[4] В допросе «старые уфимские дворяне», посадские люди и башкиры показали, что «…ногайские мурзы при прежних государях приходили кочевьем к уфинскому городу и они де уфинского уезду с башкирцов имали ясак лисицами куницами и бобрами и всякой рухлядью, а которые башкирцы бедные люди и они де ногайцы давали им в долг в цену лошади на срок и за те де лошади долги свои имали». Вполне

[1] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 224.
[2] Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1982. 194 с. С. 75
[3] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере… С. 99.
[4] РГАДА. Ф. 1773. Оп.1. Д. 373. Л. 4.

понятно, что подобная, по существу, саунная форма эксплуатации не могла устроить уфимскую администрацию. В Уфимской провинции взятка лошадьми была вполне распространенным явлением. В 1735 г. И.К. Кирилов доносил в Сенат, что ему удалось «отложить прежний обычай», согласно которому местные воеводы не судили башкир «без лошадей, без камок и без денег».[1] Однако в Сибири в середине XVII в. кочевники действительно платили ясак лошадьми и крупным рогатым скотом, иногда даже верблюдами. Каждая голова расценивалась как 2,5 соболя.[2]

Впрочем, расчеты скотом внутри башкирского общества были нередким явлением. Как отмечается в шежере, башкиры племени Табын, вытесняемые в конце XVI в. из Зауралья сибирскими ханами, переселились на земли башкир из племени Мин. За пользование землями табынцы заплатили минцам скотом.[3] Примечательно, что все торговые сделки, а также выкуп пленных у ногаев и калмыков в XVII в. башкиры производили, используя для обмена лошадей.

Преобладание в башкирском стаде лошадей позволяет отнести башкирский социум к хозяйственно-культурному типу, который в науке получил название «всаднического». Под ними понимают определенное военное преимущество племен верховых номадов над племенами оседлыми.[4] Как заметил Г. Барфильд, лошади были жизненно необходимы для успеха номадных сообществ во внутренней Азии, поскольку они позволяли быстро передвигаться на огромные расстояния, допуская связь и кооперирование народов и племен, которые по необходимости были рассеяны. И в то же время не существовало никаких эпических поэм, посвященных овцам.[5]

В мае 1737 г. башкиры Куваканской, Каратабынской, Телевской, Кубелякской и Айлинской волостей предложили правительству заменить штраф, взимаемый лошадьми с участников восстания, военной службой «ея императорского величества, куда их спросят, все готовы».[6] Башкирские старшины были осведомлены о том,

---

[1] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI.С. 22.

[2] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в//Труды Института этнографии АН СССР. 1960. Т. 55. С. 333.

[3] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере…С.39.

[4] Першиц А. И., Семенов Ю.Л., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. Т.2. С. 134.

[5] Барфильд Г. Мир кочевников-скотоводов// Альтернативные пути к цивилизации: Кол. Монография. Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши М., Логос, 2000. 368 с. С. 59.

[6] Материалы по истории Башкортостана… Т.IV. С. 414.

что Россия в это время вела трудную войну с Турцией. Таким образом, зауральские башкиры, принимая это коллективное решение, осознавали всю рискованность предложенной правительству альтернативы. Даже с прагматической точки зрения, подобная замена была не совсем равноценным соглашением. Традиционно башкиры на службу являлись с основной и заводной лошадью, в то время как величина штрафа с зауральских волостей составляла по одной лошади с семьи.[1] Очевидно, что башкиры психологически были не готовы к этой форме наказания.

Лошади для кочевника были не только символом богатства и знаком принадлежности к воинам. Наличие конского поголовья представляло собой гарантию сохранения всего стада в тяжелых природных условиях. Как отмечают кочевниковеды, чем больше в стаде лошадей, тем больше надежды, что в трудных условиях скот не погибнет.[2]

§ 3. Охота

Исследователи древних номадных обществ отмечают, что даже так называемые «чистые» кочевники, в той или иной мере совмещали скотоводство с отхожими промыслами, охотой и т.п.[3] А.М.Хазанов видит причину разнообразия хозяйственной деятельности кочевников в экономической уязвимости кочевого скотоводства. Долговременное расширенное производство несовместимо с кочевым скотоводством, даже гомеостатический баланс в его экономике достигается с большим трудом. Не случайно, что у многих номадов наблюдается стремление расширить производственную базу за счет прямой утилизации продуктов природы, и охота, собирательство и даже рыболовство распространены у них как дополнительные виды хозяйственной деятельности.[4]

Скотоводство у башкир никогда не являлось единственным источником существования. Еще в период расцвета Волжской Булгарии в X–XII вв. Приуральская Башкирия, а точнее северный лесной район Бугульминско-Белебеевской возвышенности, стал регионом промысловой экспансии булгар, которые были заинтересованы в получении пушнины. Не случайно, булгары проводили активную миссионерскую деятельность по долинам рек Белой, Уршак, Дема,

[1] Материалы по истории Башкортостана… Т.IV. С. 529.
[2] Тортика А. А., Михеев В. К., Кортиев Р. И.. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ//Этнографическое обозрение, 1994, № 1. С. 53.
[3] Першиц А. И., Семенов Ю.Л., Шнирельман Указ. соч. С. 140.
[4] Хазанов А.М. Указ. соч. С. 164.

Чермасан, т.е. там, где велась активная промысловая деятельность.[1] По мере возвышения булгарского спроса на пушнину, башкирские охотники уходили в леса далеко к северу от реки Белой.

Интересную концепцию о непосредственной связи между кочевым скотоводством и охотой выдвинул Н.Э. Масанов. Он предположил, что становление скотоводческого хозяйства в предшествующий период происходило, прежде всего, на основе познания природно-климатических условий среды обитания мигрирующих копытных животных. Однако это невозможно было сделать на основе производящих форм хозяйства. Поэтому это происходило на основе сочетания охоты и скотоводства.[2] В.Г. Мордкович писал, что охоту следует рассматривать как акцию по освобождению степных экологических ниш от диких животных в пользу домашних. Облавная охота имела широкое распространение среди кочевых народов, что, очевидно, следует рассматривать как акт очищения среды обитания от конкурирующих видов диких животных.[3] В Башкирии охота на куницу и медведя имела не только промысловое значение, но и позволяла защищать бортевые угодья. Биологи отмечают, что куница перестает охотиться в том случае, если ей удается обнаружить борть с медом. И в ней куница живет до тех пор, пока не уничтожит весь мед полностью.[4]

Р.Г. Кузеев отметил, что в Башкирии в XVI–XVIII вв. практиковались два варианта охоты. Тюрки, переселившиеся в Башкирию в IX–X вв., принесли с собой степные облавные типы охоты с гоном и использованием ловчих птиц. Таежно-лесной тип охоты распространился среди башкир позже. Он предназначался для добычи пушного зверя.[5] Н.В. Устюгов[6] и А.Н. Усманов[7] так же считали, что у башкирских старшин были свои дружины, подобно монгольским «нугэр», с которыми они совершали набеги и отправлялись с

---

[1] Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв.//Археология и этнография башкир. Уфа, 1968. Том III. С. 154.

[2] Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX в. Алма-Ата, Наука, 1984. С. 29.

[3] Мордкович В. Г. Степные экосистемы. Новосибирск, Наука, 1982. С. 182.

[4] Асписов Д.И., Граков Н.Н., Морозов В.Ф. Куница и ее промысел. М., Экономика, 1967. 87 с. С. 8.

[5] Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X-XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию)//Археология и этнография Башкирии. Уфа, Ин-т истории, яз. и лит., 1968. Т. 3. С. 269.

[6] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг.// Исторические записки. 1947. № 24. С. 39.

[7] Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1982. 336 с. С. 63.

монгольскими ханами на облавные охоты. Однако, по-видимому, прав возражавший им С.И. Руденко, сославшийся на полное отсутствие каких-либо документальных подтверждений о существовании у башкир облавной охоты. [1] Р.Г.Кузеев для подтверждения наличия у башкир такого вида охоты приводит свидетельство И.И. Лепехина.[2] Тем не менее, по своим масштабам, а главное, по существу, башкирская артельная охота не имеет никакого отношения к традиционному институту облавных охот кочевых народов Южной Сибири и центральной Азии. Классические описания облавных охот монгол и тюрков, дошедшие до нас в «Сокровенном сказании», «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, «Книге побед», хорошо исследованы в исторической литературе. Институт облавной охоты непосредственно связан с социально-политической структурой кочевого общества. Монгольский хан, организуя охоту, проводил по-существу – ту же мобилизацию, что и во время военного похода. Призыву подлежали военнообязанные мужчины целых областей. Призванные кочевники объединялись в десятки, сотни, тысячи, тумены. Так же, как в военном походе, перед облавной охотой назначалось правое, левое крылья, центр. Иногда за месяц и даже больше, по приказу хана, окружали огромный район и сжимали намеченную территорию, где был зверь, в кольцо.[3] А.К. Кушкумбаев, исследуя роль облавных охот в монгольском обществе, указал еще на одну их принципиальную особенность. Облавные охоты способствовали созданию военно-административной системы в большей степени, чем войны. Он утверждает, что происхождение десятичной системы в военной организации связано со способом управления социально-хозяйственным институтом облавных охот в номадных обществах Центральной Азии. Десятичный принцип носил горизонтально-вертикальный характер и выполнял соответствующие регулятивные функции в военной организации.[4] Судя по источникам, нарушение правил в ходе облавной охоты, как правило, было вызвано игнорированием иерархического порядка, устанавливаемого ханом.

Не следует полагать, что облавные охоты имели место только там, где существовал институт верховной власти. К примеру, облавные охоты проводились и в Ногайской Орде. Как отмечает В.В. Трепавлов, в них принимало всё мужское население, кроме женщин, детей, стариков

---

[1] Руденко с.И. Указ.соч. С. 38.

[2] Кузеев Р.Г. Кузеев Р.Г.Происхождение башкирского народа… С. 492.

[3] Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М., Магистр-Пресс, 2004. 690 с. С. 228.

[4] Кушкумбаев А.К.История военного дела кочевников Золотой Орды XIII–XV вв.: автореф… дис д-ра. ист. наук. Алматы, 2010. С. 39.

и бедняков. Мирзы тоже не отказывали себе в удовольствии отправиться на поиски сайгаков. Помимо потехи и военной тренировки, массовые облавы приносили и существенную прибавку к пропитанию.[1] Однако башкирские общины даже в ходе восстаний и войн с калмыками никогда не подразделялись на крыльевые структуры. Не случайно, непосредственный свидетель организации этих охот у башкир И.И. Лепехин называет группы «артелями».[2] Согласно словарю В.И. Даля, артелью считается «товарищество, братство, братчина, для общего хозяйства и особенно пищи, также для работы сообща и раздела заработков».[3] Таким образом, сам характер охоты обусловливался господствующим типом социальных отношений – иерархических или эгалитарных. Именно по этой причине у монголов и тюрков Центральной Азии распределение добычи после облавной охоты не вызывало конфликтов, поскольку этим процессом руководил хан или бий. У башкир же существовала традиция равного раздела охотничьей добычи между всеми участниками артели независимо от социального статуса. Вотчинники, чьи права при этом были нарушены, апеллировали к российским властям. В Башкирии, где охота на зверя осуществлялась не всей волостью, а небольшими артелями, равный раздел добычи предполагал исключительно высокий уровень общинной солидарности и доверия между единоплеменниками. К примеру, в 1646 г. башкиры Каршинской волости Иждевлет Кобанов с товарищами пожаловались на башкир той же волости Ембетя Янсеитова, обвинив их в сокрытии охотничьей добычи. Как выясняется из судебного дела, ответчики убили в общей вотчине «восмь коз диких, цена 2 рубли, а им-де паю не дали».[4] Уфимский дворянин Василий Ураков, ездивший в Каршинскую волость для разбора дела, выяснил, что вотчина каршинцев «изстари вместе роздельная, и большие и черные леса были вместе розделены ж по паям; а которые леса невеликие – колки по днищу и по два – дубники и сосняги не роздельные, и в тех колках он Ембет убил 8 коз».[5] Таким образом, Ембет Янсеитов с товарищами должны были отдать совладельцам вотчины половину дичи, добытой ими в лесных угодьях, пространство которых простиралось на 50–60 километров. Для современного исследователя непостижимым остается вопрос, каким

[1] Трепавлов В.В. История Ногайской орды… С. 515.
[2] Лепехин И.И. Продолжение записок путешествия академика Лепехина. Путешествие от Табынска до Екатеринбурга. СПб., при Имп. Акад. Наук, 1822. Ч.3. С.25.
[3] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусскаго языка : в 4-х т. СПб.-М., тип. Т-ва М. О. Вольф, 1903. 1749 с. Т. 1. С. 61.
[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 393. Л.3.
[5] Там же. Л.5.

образом истцам удалось установить не только сам факт охоты на такой обширной территории, но и точно определить количество добытой дичи. Вероятно, дробление вотчинных охотничьих угодий внутри башкирских волостей в XVII – начале XVIII в. мотивировалось стремлением общинников избежать конфликтов, вызванных неудобством сохранения традиции равного раздела охотничьей добычи.

О том, что башкиры не практиковали крупномасштабные облавные охоты, свидетельствует и количество участников охотничьих артелей. Если у ногаев для этой цели привлекалось все мужское населения улуса, то у башкир в степь отправлялись не более 30 человек. В материалах Посольского приказа за 1620–1650-е гг. сохранилось большое количество сведений о захвате калмыками групп башкир, застигнутых во время зимней охоты в яицких степях. К примеру, в 1645 г. башкир Усерганской волости Булат Исенбердеев подвергся нападению калмыков, когда «с товарищи 14 человек ездил человек на Яик добывать твой государев ясак и стали они по сю сторону Яика реки на Орском устье».[1] В 1648 г. 30 человек башкир Минской, Курпеч-Табынской, Кудейской и Киригизской волостей столкнулись с калмыками, когда отправились «для зверования»[2] в свои вотчины по Яику реке. В 1649 г. группа из 30 башкир разных волостей во главе с ясачным башкиром Кудейской волости Бюлекеем Тойгильдиным, находясь «на зверовье за Уралом горой по сю сторону Тоболу на речке Тогузаке» подверглась нападению калмыков.[3] В том же году 7 башкир Сибирской дороги Таныпской волости во главе с Беккулом Янбахтиным охотились в своей вотчине за «Урал-горой на реке Уй».[4]

Традиция зимней степной охоты за Яиком сохранялась даже тогда, когда южная граница Оренбургской губернии оказалась под контролем правительственных войск Оренбургской линии. В новых условиях башкирам приходилось обращаться к оренбургскому командованию за получением письменного разрешения для пересечения границы. В 1767 г. башкиры Кара-Кипчакской и Минской волостей подали прошение губернатору А. Путятину с просьбой отпустить за Яик 50 человек «для звероловства по древнему их обыкновению внутри линии за рекою Самарою по речкам Улустану, Кямялику, Чатану и Чагр».[5] Той же осенью с аналогичным прошением обратился к Путятину сотник Суун-Кипчакской волости Аралбай Минаев, который просил

[1] РГАДА. Ф. 116. Оп 2. Д. 1645. Л. 39.
[2] Там же. Л. 47.
[3] Там же. Л.51.
[4] Там же. Л. 64.
[5] История башкирского народа//Сборник документов и материалов. 1574–1798 гг. Уфа, Гилем, 2012. Т.3. С. 180.

выдать отпускные паспорта для 9 человек. В последнем случае оренбургские власти были вынуждены произвести расследование для выявления подобных прецедентов в прошлом. Возможно, осторожность администрации была обусловлена тем, что башкиры намеревались отправиться на территорию, которая считалась опасной из-за близости кочевий казахов.[1] В итоге в оренбургской канцелярии нашлись документы, свидетельствующие о том, что «в бытность здесь губернатором господина действительного тайного советника сенатора и кавалера Неплюева они, башкирцы, по прозбам их и по древним обыкновениям для звероловства за Яик реку в осеньния времяна, по откочевании киргис-кайсак на зимния места, отпусканы бывали». И наконец, 9 ноября 1767 г. сотник Усерганской волости Бекбов Суюшев подал рапорт о предоставлении ему и еще 8 башкирам паспортов «для звероловства по обе стороны Илека реки, по речкам по трем Буртям и Сбею»[2]. К этому времени прошло более полутора столетий после фактической утраты башкирами своих вотчинных угодий за Яиком. Тем не менее, местное население продолжало практиковать степную охоту по «древним обыкновениям». Впрочем, в новых условиях башкиры рисковали гораздо меньше, чем в первой половине XVII в., когда степи за Яиком занимали калмыки. В отличие от калмыков, казахи в начале зимы откочевывали от Яика далеко на юг. Именно по этой причине степная охота не представляла большой угрозы для башкирских артелей. Напротив, в середине XVII в. стычки между башкирами и калмыками происходили во время охоты. Например, в 1649 г. 20 башкир, охотясь на тарпанов, подверглись нападению 100 калмыков, приехавших на Яик для этой же цели.[3] Нередко башкиры выезжали на охоту в полном военном снаряжении. Так, в 1675 г. башкиры Кипчакской и Минской волостей, находясь на «звероловстве» за Яиком, были ограблены калмыками, которые наряду с лошадьми и луками отняли у них и «пансыры».[4]

Таким образом, башкиры не практиковали облавные охоты, потому что, группы из 10 или даже 50 человек не могли организовать настоящую облаву с охватом значительной территории. Ведь даже у ногаев в подобных облавах участвовали несколько тысяч человек.

Какой же тип охоты практиковали башкиры в яицких и зауральских степях? Р.З. Янгузин обнаружил описание башкирской степной охоты, составленное в 20-е гг. XIX в. неизвестным автором. Это

[1] История башкирского народа//Сборник документов и материалов. 1574–1798 гг. Уфа, Гилем, 2012. Т.3. 181.
[2] Там же. С. 183.
[3] РГАДА. Ф. 116. Оп 2. Д. 1649. Л. 56.
[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 205.

свидетельство вполне объясняет тактику и численность охотничьих артелей у башкир: «Волков же, лисиц и зайцев ловят совсем особым манером: собираются человек 5 или 10 на добрых конях, берут с собой чеканы, дубинки и нагайки; выезжают в степь — осенью по черной тропе, иногда по снегу; как скоро выследят зверя или увидят зайца, начинают заниматься один или двое, прочие по бокам едут нешибко, когда лошади первых устанут, их сменяют другие и таким образом гоняют до тех пор, пока он, выбившись из сил, встанет, тогда, наскакав на него, волка и лису, убивают чеканом, зайца дубинкой или нагайкой – иногда таковая охота продолжается до января месяца».[1] Подобная, если так можно выразиться, эстафетная гоньба зверя была, по словам С.И. Руденко, характерна не только для степной охоты. В северо-западной лесной Башкирии (Гайнинская и Уранская башкирские дачи) и кое-где по западному склону Урала (у кипчаков, табынцев и юрматынцев) двое, а чаще трое охотников преследовали животных по насту на лыжах. Они бежали один за другим по одной лыжне: передние два гнались за зверем, сменяя один другого, а задний нес верхнюю одежду, скинутую бегущими впереди, и съестные припасы.[2] Отмеченное выше описание охоты на волков и других хищников, которое представили башкирские челобитчики в 1735 г. И.К. Кирилову, также подпадает под этот тип охоты.

Н.Ф. Демидова, говоря о значении для башкир охоты, отмечает, что при потере определенного минимума скота кочевки становились невозможными, продуктов не хватало на прокормление семьи. В таком случае они оставляли кочевой образ жизни и принимались за охоту, рыбные ловли, бортничество и, в конце концов, – земледелие.[3] Подобное объяснение смены хозяйственного быта представляется нам несколько механистическим. Дело в том, что для кочевого общества вообще не свойственно равновесие или стабильность хозяйственной системы. Казахская поговорка, гласящая «скот принадлежит бурану и сильному врагу»[4] вполне отражает реалии башкирского полукочевого скотоводства. У башкир же недолговечность богатства, ассоциирующегося со множеством скота, выражена в поговорках:

[1] Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа, Китап, 1998. 240 с. С. 114.
[2] Руденко С.И. Указ. соч. с. 74.
[3] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735–1736 годов. :дис. .... канд. ист. наук. М., 1955. С. 76.
[4] Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX вв. Алма-Ата, Казгосиздат, 1959. 448 с. С. 218.

«байлык – бер айлык»[1] (богатство – на месяц) или «богатство — сегодня у тебя, завтра — у меня».[2]

В.Ф. Шахматов обратил внимание, что бытование 12-летнего животного календаря у кочевников Азии связано с периодически повторяющимися джутами.[3] По представлениям казахов, существуют «тяжелые года», входящие в 12-летний животный цикл летоисчисления. К таким годам относятся год мыши и курицы. Но самым опасным, наступающим один раз в 36 лет, считается год зайца, сопровождающийся жестоким джутом.[4] Среди поговорок-примет у башкир наиболее распространена такая:

Год барса — богатство,
Год коровы — сытость,
Год барана — недород,
Год Зайца — голод [5]

После потери всего поголовья скота башкиры могли восстанавливать стадо до определенного минимума лишь через 10–12 лет. Однако средства для приобретения молодняка и поддержания существования черпались из привычных промысловых занятий, в том числе и охоты, к которой башкиры-полукочевники прибегали при любом состоянии хозяйства. В 1744 г. в Уфе, обращаясь к старшинам и сотникам, И.И. Неплюев выразил надежду на то, что восстановление разрушенного восстанием башкирского хозяйства произойдет «через звериную ловлю и возку соли и тому подобные промыслы». И башкиры, таким образом, приведут себя в состояние исправное от понесенных их в самовольных их внутренних разорениях через бывшее замешание».[6] Шежере рода Юрматы повествует о том, что восстановить богатство, разрушенное ушедшими ногаями, удалось благодаря охоте и бортничеству: «По течению Идели и в лесах они (промышляли) медовой пчелой, в водах – бобром, в степях – куницей и лисой, и, промышляя (таким образом, иштяки), стали богатыми».[7]

---

[1] Башкирское народное творчество… Т.7. С. 440.
[2] Там же. С. 53.
[3] Шахматов В.Ф. О происхождении двенадцатилетнего животного цикла летоисчисления у кочевников//Вестник АН КазССР. 1955. № 1. С. 43-55.
[4] Хазанов А.М. Указ.соч. С. 160.
[5] Башкирское народное творчество… Т.7. С. 222.
[6] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 808. Л. 144.
[7] Булгаков Р.М., Надергулов М.Х. Башкирские родословные. Уфа, Китап, 2002. 480 с. С. 231.

Таким образом, охота и другие лесные промыслы являлись актуальным резервом скотоводческого хозяйства, позволяющим быстро восстанавливать его после социальных и природных катаклизмов. Не следует считать, что происходит переход от одного типа хозяйства к другому. Речь идет только об увеличении доли уже существующих хозяйственных занятий. По аналогии комплексное хозяйство башкир XVII – начала XVIII в. можно сравнить с оркестром, в котором в зависимости от партитуры на первый план выдвигаются то одни, то другие группы инструментов.

Если полукочевое скотоводство обеспечивало башкирам прокормление, то лесные промыслы, и особенно добыча пушного зверя, позволяли приобрести достаток и выплатить положенный ясак. В 1742 г. вице-губернатор П.Д. Аксаков в своей «Записке о башкирском народе» кратко отметил, что «нажива их лутчая или промысел во пчелах, хмелю и ловле зверей, лисиц, волков и бобров».[1] Даже те башкиры, которые круглогодично обитали в степях, платили ясак Ногайской Орде и Русскому государству пушниной. В.В.Трепавлов отмечает, что кочевники, покоренные монголами, платили им ясак в размере десятой части скота и продукции скотоводства, общемусульманский зякат и добровольное приношение держателям улусов.[2] Однако относительно башкир подобную информацию мы встречаем только у Рубрука, который писал, что башкиры платили каждую десятую голову скота, пушнину, который платил каждый от малого младенца до старика.[3] Отметим, что Г. Рубрук, живший в середине XIII в., никогда в Башкирии не был. К тому же, в своем описании он имел в виду только те башкирские племена, которые до монгольского нашествия находились в сфере влиянии Булгарского государства.

П.И. Рычков, ссылаясь на показания старшины Каратабынской волости Кидряса Муллакаева, отмечает, что башкиры выплачивали ногаям лисьими, куньими и бобровыми шкурками.[4] Сопоставление цен на продукты скотоводства и охоты XVII–XVIII вв. свидетельствует о сравнительной выгодности охотничьего промысла по сравнению с другими видами хозяйства. Например, в первой половине XVII в. в Уфимском уезде лошадь стоила 2–4 рубля, а шкурка куницы в среднем оценивалась в 40 копеек, лисицы – в 75 копеек, бобра – в 1 рубль 50 копеек.[5]

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР …Т. III. С. 425.
[2] Трепавлов В.В. История Ногайской орды… С. 98.
[3] Рубрук Р. Путешествие в восточные страны. М., Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. С.94.
[4] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии Уфа, Китап, 1999. С. 63.
[5] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д. 282. Л.6.

Самые богатые охотничьи угодья башкир находились на значительном отдалении от мест их обитания. В 1676 г. башкирский тархан Табынской волости Бока Чермышев получил жалованную грамоту на старинную вотчину «пониже Самары города в степи к Яику, по речке Лопатке, и по обе стороны реки Мочи по Соленое озеро» (Илек), ему же дана «государева вотчина выше реки Сартовки, по Караману речке и ту речку до Вершины».[1] Здесь велась охота не только на бобров, но и на сайгаков и тарпанов. В середине XVII в. сюда приезжали охотиться не только башкиры-табынцы, но и бурзяне и тамьянцы. Башкиры бывали здесь наездом, не заводя здесь постоянных поселений. Башкиры Бурзянской волости еще в 70–е гг. XVII в. отправлялись зимой на реку Иргиз на бобровую охоту.[2]

Наиболее ценными в Башкирии считались бобровые гоны. Если степные охотничьи угодья, как правило, находились в нераздельной собственности нескольких волостей, то бобровые гоны нередко являлись собственностью подразделения рода или даже отдельной семьи. Впрочем, башкиры Сибирской дороги Балычинской волости в середине XVII в. не делили угодья по реке Тюй на семейные доли. В своей челобитной от 1674 г. Янымбет да Истяк Карабановы жаловались на сородичей Беляка Илимбетьева и Алтыбая Байсурина, препятствовавших другим башкирам пользоваться бобровыми гонами: «…он Беляк с товарищи угрожает нам, холопам твоим, всяческим и всяким злым делом, и с того места сбивает неведомо за что, да он же Беляк с товарищи ездит по Тею реке и побивает бобров и с нами не делит, а преж сего де бобры делили вообще всею волостью».[3]

Если летом башкиры добывали бобров, то на зимнее время приходился самый ответственный период промысловой охоты. По свидетельству П.И. Рычкова, у башкир «главный их промысел санар – то есть звериная охота, по первозимью отправляемая».[4] В начале зимы в башкирских деревнях отсутствовали практически все взрослые мужчины. Именно этим обстоятельством в 1596 г. воспользовались тюменские служилые люди, организовав нападение на зимовья башкир Каратабынской волости.[5]

Развитию охотничьих промыслов способствовало и то, что правительство не запрещало башкирам Уфимского уезда продавать

---

[1] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Уфа, 2002.Т.10. С. 36.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.1. С. 205.

[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 67. Л.4.

[4] Рычков П.И. О способах к умножению землевладения в Оренбургской губернии//Труды ВЭО. СПб., 1767. Ч. 7. С. 139.

[5] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т.II. С. 56.

пушнину, оставшуюся после выплаты ясака. Более того, Приказ Казанского дворца освободил башкир от торговых пошлин, взимаемых при продаже «мягкой рухляди». В 1680 г. соликамскому воеводе С.Т. Кондыреву предписывалось не брать с башкир пошлин «с продажных товаров с мягкой рухляди пошлины, которые у них остаются за ясачным платежом».[1] В качестве основания для освобождения башкир от торговых пошлин указывалось на то, что они «хмель и мед и воск они, не покупают, а збирают-де в вотчинном своем лесу сами, а бобры, и куницы, и лисицы, и всякой зверь ловят сами же в вотчинах своих и продают для платежа ясаков».[2]

Напротив, в соседних Тюменском и Тобольских уездах в XVII в. воеводам приказывалось пресекать частную торговлю пушниной. В 1633 г. Приказ Казанского дворца указал верхотурскому воеводе Д.И. Милославскому, «чтоб к башкирским и Уфинские волости ясачным людем покупати и на товары выменивати мяхкие рухляди никакие люди ни ездили, да и самим бы есте башкирцам и Уфинские волости ясачным людем приказали накрепко, чтоб они у себя в ясачных волостях никаким людем ни с кем мяхкие рухляди на деньги не продавали и на товары ни на какие не променивали».[3]

Следует обратить внимание, что в XVII в. прошения башкирами податной льготы, как правило, мотивировались запустением лесных угодий. Однако мы не встречали челобитных, ссылающихся на гибель скота или посевов. В делопроизводственном языке XVII в. было распространено понятие «пустая вотчина», т.е. владение, с которого нечем платить ясак. Особенно много подобных прошений подавали башкиры Минской волости, чьи охотничьи угодья, в силу близости к Уфе, подвергались постоянным вторжениям городских жителей. К примеру, в 1695 г. Уразай Булашев просил временно освободить от ясака, по той причине, что «…в тое ж ево вотчину въезжают всякие люди, лубья дерут и лес рубят. И те лубья и лес гоняют рекою. И где у него были бобровые гоны, и от той лесной гоньбы зверь вышел. И та ево вотчина запустела. Платить нам, великим государем, ясак спуста».[4]

Участники восстания 1735–1736 гг. в числе причин, заставивших их взяться за оружие, указали и то, что строительство Оренбурга неизбежно привело бы к тому, что «за зверьми ездить им будет не свободно».[5]

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 57.
[2] Там же. С. 75.
[3] Там же. Ч. 1. С.72.
[4] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д. 1195. Л.3.
[5] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 120.

Для понимания социальных отношений в башкирском обществе XVII–XVIII вв. наибольший интерес представляет традиционная охота с хищными птицами. Этнографический аспект этого занятия хорошо изучен в работах М.Г. Муллагулова.[1] Однако следует отметить, что именно данный тип охоты в башкирском обществе имел наиболее выраженные социальные черты. Охота с хищными птицами являлась привилегией знати. Известно, что еще в эпоху средневековья башкиры обеспечивали ловчими птицами господствующий слой Золотой Орды.[2] В 1600 г. 6 ногаев, побывавшие в Салжаутской волости, забрали у старейшины Кобдевлета Конкозова ястреба.[3]

В башкирских шежере упоминание охоты с ловчими птицами также ассоциируется с башкирской элитой. По информации шежере башкир Юмран-табынской волости, кантонный начальник Ишмухамет Умитбаев, выслуживший дворянское звание в первой половине XIX в., выезжал на охоту со своими беркутами и ястребами.[4] В 1696 г. началась судебная тяжба между башкирами и тарханами Юрматинской волости. Предметом спора стали вотчинные угодья по реке Ашкадару.[5] По приговору воеводы башкиры и тарханы Юрматынской волости должны были владеть вотчиной «вопче попалам», т.е. без каких-либо привилегий тарханов. Однако показательно другое решение суда, сделанное по предварительному мировому соглашению обеих сторон. Ясачные башкиры согласились оставить в полном владении тарханов орлиные гнезда. Интересно, что именно юрматинское шежере, перечисляя угодья, доставшиеся башкирам после ухода ногаев, указывает на гнезда беркутов: «И вот люди сказали: Ныне на этой земле есть место для зимнего юрта, есть вода для питья, есть гнездящийся беркут, орел-могильник, в воде есть бобер, в лесу есть прыткая лисица, и куница, и выдра. Этому всему мы рады».[6]

Ограничения на охоту с ловчими птицами касались и тех, кто припускался в башкирские вотчины. В 1763 г. башкиры Илькуль-Минской волости достигли соглашения с татарами, переселившимися из Казанского уезда, относительно условия их поселения в башкирской вотчине по реке Дема. Согласно договору, припущенникам запрещалось

---

[1] Муллагулов М.Г. Отлов и дрессировка охотничьих беркутов у башкир//Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30. С. 86-90; его же. Соколиная охота у башкир. Уфа, УНЦ РАН, 2013. 156 с.

[2] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1956. Т. I. С. 1. С. 48.

[3] Миллер Г.Х. История Сибири… Т.2. С. 157.

[4] Булгаков Р. М., Надергулов М. Х. Башкирские родословные… С. 231.

[5] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1269. Л. 1–13.

[6] Булгаков Р. М., Надергулов М. Х. Башкирские родословные …С. 59.

«беркутов и ястребов ловить».[1] В 1778 г. башкиры Илькульминской волости во главе со старшиной Бакыром Таймасовым припустили мишарей команды старшины Нигматуллы Янышева на свою землю в деревню Васильеву. Ограничения в правах общего владения вотчины касались только ловли хищных птиц: «а ловцам птиц – беркутов, соколов, ястребов – и подобных оных не ловить».[2] Уже в середине XIX в. наблюдатели отмечают, что башкиры перестали охотиться с беркутами и ястребами. Современники объясняли упадок этого занятия дороговизной содержания ловчих птиц и опасностью их отлова.[3] Это не мешало башкирам добывать, обучать и продавать беркутов и ястребов казахам даже в начале XX в. «Беркутов они хотя и ловили, – пишет С. И. Руденко, – но сами с ними не охотились и продавали казахам».[4] П.И. Рычков сообщает, что казахи сами не ловили беркутов, получая их исключительно от башкир.[5] Очевидно, что деградация охоты с большими ловчими птицами имеет социальные причины. Она исчезает вслед за трансформацией культуры башкирской элиты. Кантонная система, введенная правительством в конце XVIII в., нацеленная на постепенную инкорпорацию традиционной башкирской знати в иерархическую структуру российского офицерского корпуса, предполагала и изменение традиционного облика башкирского старшины. Как отмечает Л.Ф. Тагирова, к концу существования кантонной системы управления, начался процесс европеизации облика кантонных начальников во всех сферах жизни (устройство быта, образование, изменения в менталитете и пр.), что все больше отдаляло их от рядовых башкир и мещеряков и приближало к образу жизни и поведению общероссийского чиновничества.[6] Сын кантонного начальника Мухаметсалим Уметбаев считал, что именно увлечение соколиной охотой не позволило отцу сберечь состояние.[7]

По утверждению Г.Н. Симакова, культ охоты с хищными птицами у кочевников являлся государственным институтом высших сословий, он наложил свой отпечаток на военную сферу и сферу государственной дипломатии. Следует подчеркнуть, что в эпоху средневековья соколиная охота у кочевников получила наивысшее развитие, выполняя, помимо

[1] НА РБ. Ф. 172. Оп. 1. Д. Д. 53. Л. 172.
[2] Там же. Л. 139.
[3] Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // Оренбургские губернские ведомости, 1862. № 9. С. 37.
[4] Руденко С.И. Указ.соч. С.124.
[5] Рычков П.Т. Топография… С. 154.
[6] Тагирова Л.Ф. Система управления Башкиро-мещерякским войском в кантонную эпоху (1798–1865 гг.). Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 98.
[7] Уметбаев М. Башкиры//Ватандаш. 1998. № 2. С. 165.

ритуальной, и другие общественные функции (государственную, сословную, военную, дипломатическую).[1]

Тем не менее, торговля обученными ловчими птицами как в XVIII, так и в начале XX столетий, оставалась важной статьей доходов башкир. За беркута, по свидетельству П.И. Рычкова, давали в Оренбурге «за самого хорошего рублей по пяти и по десяти, а иногда и больше».[2] Р.Г. Игнатьев, побывавший в Верхнеуральске в начале 60-х гг. XIX в., отметил, что на местном базаре цена одного беркута доходила до 16 рублей серебром. В Оренбурге за птицу давали более 20 рублей.[3] По подсчетам М.Г. Муллагулова, на эти деньги семья башкир вполне уверенно могла пережить зиму.[4] В казахских же кочевьях за убитого беркута хозяин мог потребовать невольника или невольницу.[5]

§4. Бортничество

Как и охота на пушного зверя, бортничество являлось одним из главных источников получения денежных средств для выплаты ясака и важным резервом собственного хозяйства. При повсеместном распространении бортничества цены на мед в Уфимском уезде были сравнительно высокими. Батман меда (1 пуд) оценивался в первой половине XVII в. в 1 рубль.[6] Столько же стоила десятина пашни, засеянная рожью. Цена на борть с пчелами достигала 2 рублей.[7] В первой половине XVIII в. цены на мед выросли в два раза.[8]

В конце XVII в. с одной борти башкиры могли получить до 1 пуда меда. Однако в среднем борть давала от 10 до 30 фунтов меда.[9] По словам П.И.Рычкова, «…многие такие башкирцы есть, что сот от 5 и более бортей имеют, а редкий кто в лесных местах живет и бортей не имеет».[10] В 1696 г. произошел конфликт из-за бортных угодьев между

---

[1] Симаков Г.Н. Культ хищных птиц у народов Средней Азии и Казахстана: На примере соколиной охоты. СПб., 2000: автореф. дис. .... д-ра. истор. наук. С. 26.
[2] Там же. С. 155.
[3] Игнатьев Р. Верхнеуральск//Памятная книга Оренбургской губернии на 1865 г. Уфа, Уфим. стат. ком. 1866. С. 128.
[4] Муллагулов М.Г. Отлов и дрессировка… С. 69.
[5] Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. Алматы, Санат, 1996. С. 370.
[6] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д. 282. Л.7.
[7] Там же. Л.8.
[8] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 428.
[9] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1 Д. 783. Л. 11.
[10] Рычков П.И. Ответы на вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъяснения в рассуждении Оренбургской губернии//Труды ВЭО. СПб., 1787. Ч.VII. С.177.

башкирами Иланской волости Ильчибаем Кибелиным и ясачными татарами деревни Тынламас Кемеем Шихмаметевым. Служилый иноземец М. Рукавишников, разбиравший дело на месте, в своей доездной грамоте насчитал «во всей вотчине лаженных бортей со пчелами две тысечи бортей, а порубленых делных дерев двести бортей по Ику реке по обе стороны и по речкам Усеню и по Бишанде».[1]

В делопроизводственных источниках XVII в. указание на наличие бортных угодьев входило в обычный формуляр описания башкирской вотчины. Включение «зверовых гонов», рыбных ловель или «хмелевого щипания» в перечисление угодий вотчины встречается в источниках далеко не во всех случаях. Это говорит о том, что бортные уходья составляли в хозяйстве башкир самую ценную и наиболее доходную статью.

Насколько башкиры дорожили этим видом угодий, видно из того, что, продавая свои земли и леса, они неизменно сохраняли за собой право на бортные деревья.

Самое раннее упоминание бортных угодьев в земельных актах башкир относится к 1575 г. В списке 1673 г. с владенной памяти отмечено, что «…прошлого 7083 году за печатью Афанасия Битяговского, отдал он дьяк на оброк башкирцу Кукею Боскосееву Истукузул волости вотчину бортной ухожей новокрещенскова Саввы Обтякова на сей стороне Камы реки, против Белой Волошки по Бигерде речке по обе стороны, да по Килмесов речке по обе стороны, да около Олзята озера, да около Кеменчика городища на устье Белые…, в старице против тое пустоши да по Митову озеру в Чипчете в двух островкех да по Кугелешу озере по обе стороны выморока Аккозинского да Аксубинского и рыбные ловли и Кукею тем бортным ухожьем владети потому как владел тою вотчинной Савва Обтяков а оброк ему давати в государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в казну по четыре батмана меда пошлин гривна с башкирцы вместе».[2] В 1697 г. в ходе судебной тяжбы между башкирами Байлярской волости и Костромским Богоявленским монастырем башкир Арык Тохтамышев предъявил список с данной грамоты, сделанный в Приказе Казанского дворца от 1581 г., в котором отмечено, что его предкам «по государеву цареву и великого князя Иоанна Васильевича всеа Роси наказу царев и великого князя дьяк Михайла Битеговской дали на оброк чюваше Ширдербышу Миткоманову да Тевкелю Таатмышеву да Бахтемирю Еналееву и той им деревни бортной ухожей на Каме реке по обе стороны Камы реки да по Ику реке за Камою по обе стороны выморок

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1202. Л. 12.
[2] Там же. Д.1337. Л.7.

Аккозинско Абашева да Тантамышевско Акказина да Токказия, а наперед того та вотчина была на оброке за Обкем Москариным и у Обая та вотчина взята и отдана Ширдербышку да Тевкелку да Байтемирку потому что, та вотчина старинная их, а оброку им дати в государеву казну дьяку Михайлу Битеговскому два батмана меду, пошлин десять денег, а оброк им дать на рождество Христово в 89-м году».[1] Интересно, что в обоих актах периода царствования Ивана Грозного башкирские вотчины с бортными угодьями передаются в оброчное пользование, но не в вотчинное владение.

Несмотря на то, что бортные деревья являлись собственностью отдельных семей, сбор меда производился башкирами коллективно. С.М. Руденко отмечает, что в начале XX в. было принято брать с собой одного–двух человек из соседей или родственников в качестве свидетелей, что пчеловод собирал мед из собственных бортей.[2] В XVII в. число бортников, отправлявшихся на сбор меда, в ряде случаев доходило до 30 человек. В 1691 г. башкиры Гирейской волости Апас Акбулатов и Семей Урусов «с товарищи» подали челобитную на башкир Урман-герейской волости Коштана Бюрина и Бекбая Байгозина, обвинив их в краже меда. В ходе следствия выяснилось, что во время сбора урожая меда 30 гирейцев схватили и привезли в Уфу 9 урман-герейцев, собиравших мед в их вотчине.[3] Таким образом, для сбора бортевого меда башкиры собирались в артели, не уступавшие по численности охотничьим партиям. Если в начале XX в. требовались немногочисленные свидетели правомерности добычи меда, то в XVII в. бортники должны были готовы к силовому столкновению с нарушителями с целью их захвата и привода с поличным.

Нарушение прав собственности на бортные угодья не ограничивалось только захватом угодий, стесыванием родовых знаков с бортей и «выдиранием» меда. Нередкими были случаи кражи пчел, которые также рассматривались в качестве собственности отдельной семьи. В 1669 г. башкир Енейской волости деревни Суксу Еналей Едигиров пожаловался на русских крестьян трех деревень, поселившихся в 1663 г. на речке Веляс. Нарушение вотчинных прав енейцев выразилось и в том, что «русские люди в их вотчине борти жгут и мед дерут и рой из бортей выдирают и сажают на дворах своих в ульи».[4] В 1678 г. башкир Кущинской волости Сибирской дороги Урчей Юлеев подал челобитную на башкира Шигырской волости, той же

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д.132. Л.9.
[2] Руденко С.М. Указ. соч. С. 92.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1 Д. 1049. Л. 9.
[4] Там же. Д. 152. Л. 26.

дороги Беккула Сарыбаева, обвинив его в краже пчел «из три сосны, а пчелам цена два рубли денег».[1]

О масштабах распространения воровства пчел и меда свидетельствует и список решенных дел, представленных провинциальному начальству старшиной Каршинской волости Шерыпом Мряковым.[2] Первое место по количеству нарушений прав собственности занимает угон лошадей. Однако количество случаев кражи меда, пчел и присвоение бортевых деревьев лишь немногим уступает конокрадству. Интересно, если в случаях кражи скота подозреваемыми выступают представители других этнических групп населения, то в эпизодах с бортными деревьями нередко с обеих сторон фигурируют башкиры-вотчинники одной волости.

Судя по материалам крепостных книг Уфимской провинциальной канцелярии, работа по изготовлению бортей оплачивалась по-разному. Например, в 1700 г. удмурт Б. Балтасев подрядился изготовить в вотчине уфимца А.В. Аничкова 100 бортей: «…и за те борти имать у него Александра по 4 деньги за борть. А у примера быть у тех бортей Александрову человеку».[3] Таким образом, за изготовление одной борти мастер получал всего 2 копейки. К тому же, удмурт еще должен был обучить крепостного человека Аничкова делать борти. С другой стороны, когда в 1678 г. башкиры Кущинской волости подрядили сделать борти вотчинников Шигирской волости, то цена изготовления одной борти составила 5 алтын [4], что выше цены предыдущей сделки в 7 раз.

Следует отметить, что в бортном промысле ценилась не отдельная борть, а лесные угодья, в которых располземались бортные деревья. Дерево не только должно было находиться у медоносов, но и соседствовать с источником чистой проточной воды. Борти, как и улья, требовали значительного пространства, нередко 30–40 бортных деревьев росли на территории в несколько десятков километров.

В XVI – XVII вв. в центральных уездах России, а также в Поволжье бортничество являлось специализированным промыслом, предполагающим наличие особого социального статуса у всех, кто был причастен к этому занятию. Бортники всегда составляли важный для московских князей разряд вольных слуг. Они жили, большею частью, в отдельных станах, на землях великого князя и переходили от одного князя к другому по завещанию, причем в перечислении завещаемых лиц и предметов они обыкновенно ставились на первом месте, так как своим

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1 Д. 1011. 4.
[2] Там же. Ф. 248. Оп.16. Д.249. Л. 514 – 521.
[3] Материалы по истории Башкирской АССР. М., Наука, 1960. T.V. С.364.
[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1011. Л. 34.

промыслом составляли для князя самую доходную хозяйственную статью.[1] И.С. Марискин, анализируя статус бортников из кученяевской мордвы, обратил внимание, что владельцы бортных вотчин составляли особую привилегированную группу населения. Кученяевские бортники в XVII в. выполняли сторожевые и дозорные функции. Бортник, одновременно воротник, служил на ардатовских воротах.[2] С.Б. Веселовский отмечает, что бортники в XV в. неизменно пользовались иммунитетными привилегиями.[3]

§ 5. Рыболовство

Р.З.Янгузин, критикуя Н.А.Чулошникова за характеристику башкирского хозяйства, заявил, что у башкир, как и у других кочевых народов, рыболовство никогда не играло заметной роли в хозяйстве. Р.З. Янгузин указал на то, что хотя в «Книге Большому чертежу» о башкирах XVI–первой половины XVII в. говорится, что «кормля их мед, зверь, рыба», но больше нет ничего, ни архивных данных, ни письменных источников, которые подтвердили бы правоту авторов «Книги».[4]

Тем не менее, обращение к архивным материалам дает основание полагать, что рыболовные угодья эксплуатировались башкирами повсеместно. Для отдельных волостей и наиболее бедной части башкир рыба являлась важнейшим источником питания.

Как отмечает А.М. Хазанов, именно обеднение кочевников приводило к вытеснению скотоводства охотой и рыболовством.[5] З.Д. Титова, характеризуя положение кочевого населения Барабинской степи, подвластного Кучуму в конце XVI – начале XVII в. отметила изменение хозяйственной специализации местных скотоводов. Они были ограблены казахами и калмыками, отчего скотоводство превратилось для здешних жителей во второстепенное занятие, а главными стали охота и рыболовство».[6]

---

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., типография Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1891. 488 с. Т.VII. С. 448.

[2] Марискин И.С., Марискин О.И. Кученяевская мордва: страницы прошлого. Саранск, МГУ Им. Н. П. Огарёва, 2012. 351 с. 119.

[3] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение Северо-восточной Руси. М.-Л., АН СССР, 1947. 496 с. Т. I. С. 115.

[4] Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа, Китап, 1998. 240 с. С. 56.

[5] Хазанов А.М. Указ. соч. с. 172.

[6] Титова З.Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк)// Из истории Сибири. Томск, изд-во Томского пединститута, 1976. Вып. 19. С.120.

В обращении к правительству, изложенном от имени всех башкир Уфимской провинции от 1722 г., особо выделены рыболовные угодья: «…отписаны на вас по многим рекам и озерам и в иных угодьях в вотчинах наших рыбные ловли и отдаются всяким людям на оброк, от которых рыбных ловель наша братия, башкирцы и иные иноверцы, во время недорода хлеба и падежа скота ловили рыбу и питалися сами понеже в наших вотчинах кроме рыбы и травы, что словет сарана, бывает гневом божьим безхлебица и падеж скоту и иным питаться».[1]

О том, что рыбные ловли были необходимы башкирам не только для того, чтобы сдавать их в оброк другим, свидетельствуют документы Уфимской приказной избы. В 1625 г. башкир Байлярской волости Черемыш Сюндуков жаловался на лаишевца Павла Баглаева, обвинив его в захвате озер около реки Камы. Черемыш ловил рыбу неводом в озерах, «чтоб ему сытым быть», а товарищи его «в Уфимском уезде башкирцы, которые пришли под его вотчину на котел рыбу ловят, чем им сытым быть».[2]

В 1615 г. башкир Гирейской волости Янгильды Енутуков подал челобитную «на рыбных ловцов на казанцев, и лаишевцев, и пермяков, и на вятчан, написано, приезжают же те ватавщики рыбные ловцы к ним в Гирейскую волость в их Янзигитову деревню и неводом в их озерах рыбу ловят и им башкирцам на тех озерах рыбу ловить не дают».[3] У некоторых башкирских родов рыболовство играло первостепенную роль. Так, в 1671 г. башкиры Елдяцкой волости обратились в Приказ Казанского дворца с просьбой разрешить им вернуться с реки Яик в свою волость, которую они покинули во время восстания 1662–1664 гг. В своей челобитной они указали, что «…хлеба-де они не сеели прокормитца им нечем жены-де и дети их помирают голодною смертью»,[4] поэтому они просили правительство отвести им рыбные ловли по реке Белой «для прокормления». Интересно, что в 1700 г., т.е. спустя 30 лет, башкиры Елдяцкой волости подали челобитную, в которой они вновь указали на то, что имеют пропитание только от рыбных угодий, которые отнимают у них монахи Савво-Сторожевского монастыря. Несмотря на то, что у елдяцких башкир было достаточно времени для восстановления хозяйства, они, тем не менее, указали, что они, как деды и отцы их, «кормились рыбою и без пашен».[5]

Однако рыболовство играло значительную роль не только у северо-западных башкир, имевших ограниченные возможности для

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 695.
[2] Там же.. Ф.1173. Оп.1. Д. 299. Л.4.
[3] Там же. Д. 82. Л.2.
[4] Там же. Д. 643. Л. 10.
[5] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.1. С.104.

ведения полукочевого хозяйства. В 80-е гг. XVII в. началась многолетняя тяжба между башкирами Бурзянской, Кипчакской и Тангаурской волостей, стоившая участникам процесса почти тысячу рублей судебных издержек и штрафов. Отметим, что в этих волостях в XVII в. роль кочевого скотоводства была наиболее значительной. Объектом спора являлись не только охотничьи угодья, но и рыбные ловли по реке Яик. Выступив истцами, башкиры Кипчакской волости доказывали, что река Яик «разделена по жеребьям, а как де они башкирцы приедут на Яик рыбу ловить у них де о том счету не бывает».[1]

О том, что рыболовство было традиционным типом хозяйственной деятельности башкир, обстоятельно и аргументированно писал М.Г. Муллагулов. Он, в частности, отмечает, что устойчивое сохранение архаичных приемов рыболовства и разветвленной классификации рыб по их видам и возрасту несомненно свидетельствуют о глубокой традиционности этой отрасли в хозяйственной жизни башкир.[2] Следует учесть и замечание А.М. Хазанова, что занятие охотой и рыболовством ограничивали подвижность кочевников.[3] Впрочем, этот тезис не совсем приложим к башкирскому типу полукочевого скотоводства. В XVII в. башкиры редко летом откочевывали за пределы своих волостных границ. Как уже было отмечено, обилие кормовой базы для скота позволяло башкирам значительно сократить дальность перекочевок. В то же время охотничьи угодья у башкир некоторых волостей находились в «20–30-днищах пути», т.е. на расстоянии 1200–1500 километров от своих жилищ.

Таким образом, еще до присоединения к Русскому государству, в хозяйстве башкир произошли значительные изменения. Кочевое скотоводство у большинства башкирских племен сменилось полукочевым, что было вызвано изоляцией башкирских племен от южных вертикальных кочевых маршрутов. Академик И.И. Лепехин во второй половине XVIII в. называл башкир «межеумками между дикими и градолюбивыми народами. Оседлость зимой, кочевье летом, время башкир препровождалось в степях или лесах, верст на 100 отходят».[4]

---

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1 Д. 86. Л.5.

[2] Муллагулов М.Г. Собирательство и рыболовство у башкир. Уфа, АН РБ, 2007. 158 с. С. 98.

[3] Хазанов А.М. Указ.соч. С. 120.

[4] Лепехин И.И. Записки путешественника академика Лепехина//Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., при Императорской Академии Наук, 1821. Т. 3. С. 208.

По мере сокращения ареала и времени кочевания хозяйство башкир становится более комплексным, в нем большую роль начинают играть охота, бортничество и рыболовство.

В некоторых исследованиях проводится мысль, что занятие башкир лесными промыслами в XVI–XVIII вв. являлось показателем их хозяйственной отсталости и общей неблагополучности материального положения. Так, А.П. Чулошников дает следующую характеристику башкирскому хозяйству XVII—XVIII вв.: «Не понимавшие всей ценности окружавших богатств, вели самый жалкий, нищенский образ существования. Они питались рыбою и медом, совершенно не были знакомы с культурой зерновых растений, разводили в самом ограниченном количестве скот, и главным образом, занимались звероловством и бортничеством».[1] Данное утверждение представляет собой пример экстраполяции экономических критериев хозяйственного развития с XIX в. на предшествующие XVI–XVII столетия. Исследователи сельского хозяйства России XVI–XVII вв. отмечают, что в России этого периода не было оснований для масштабного зернового хозяйства, нацеленного на широкий сбыт продуктов сельского хозяйства. По этой причине богатые землевладельцы не стремились приобретать крупные имения и вкладывать в них наличные средства. С.Б. Веселовский утверждает, что крупных феодалов при приобретении вотчины не интересовали возможности ведения зернового хозяйства. Главное внимание уделялось природным ресурсам. На первом месте стояли различные промыслы, связанные с владением лесными и речными угодьями: охота на пушного зверя и птицу, рыболовство, соляные варницы, бортничество. В погоне за этими промыслами бояре и их слуги приобретали вотчины за многие сотни верст от их резиденций и устраивали там своего рода промысловые фактории.[2] Е.Д.Сташевский произвел расчет экономической эффективности поместного хозяйства московского дворянства XVII в. В результате он пришел к пессимистическому выводу относительно вклада земледелия в общее благосостояние московского дворянства: «Оно (земледелие – *Б.А.*) в лучшем случае могло обеспечить лишь сносное существование, которое трудно назвать сытым, достаток приобретался в другом месте – у государственных дел».[3] В своем исследовании, посвященном

[1] Чулошников А.П. К истории башкирского землевладения и русской поземельной политики в Башкирии после указа 1832 года// Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1921. Вып. 1. С. 12-13.

[2] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение Северо-восточной Руси. М.-Л., АН СССР, 1947. 496 с. Т. I. С. 151.

[3] Сташевский Е. Д. Землевладение московского дворянства в первой половине

характеристике хозяйства российского крестьянства XVII–XVIII вв., Л.В. Милов отметил, что даже в XIX в., в отличие от промысловика, земледелец редко богател именно вследствие того, что земледелие в пределах исторического ядра Российского государства имело жестко ограниченные мачехой-природой рамки.[1] Таким образом, в XVI–XVIII вв. в Российском государстве повсеместно лесные и речные промыслы расценивались как главный источник материального достатка и богатства. Они давали их владельцу то, что не могло предоставить земледельческое хозяйство, возможности которого были весьма скромными.

Упрекая башкир в пренебрежении земледелием, А.П. Чулошников проигнорировал и природные особенности территории края. Значительный ареал обитания башкир находился в южной степной и лесостепной зоне, где среднегодовое количество осадков не соответствует минимуму, необходимому для земледелия. По оценке Н.Э. Масанова, занятие земледелием возможно только там, где количество годовых атмосферных осадков не менее 400 мм.[2] По оценкам современных почвоведов, Зауралье Башкирии отличается недостаточным и неустойчивым увлажнением. Климат классифицируется как острозасушливый. Среднегодовое количество атмосферных осадков составляет 270–422 мм.[3]

О том, что своим богатством башкиры обязаны лесным промыслам, неоднократно отмечали представители местной администрации. Подобные оценки давались по совершенно различным поводам. В письме казанского губернатора П.М.Апраксина своему брату генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину от 3 июня 1712 г. дается следующее сравнительное описание материального состояния башкирского народа: «…и паче народ пред всеми здешняго краю, пред калмыки и кубанцы, несравнительно богаты и живут много лет без всякого смирения и в местах обетованных, на многих тысячах верстах».[4] В ходе переговоров, которые состоялись в январе 1738 г. между представителями башкир и В.Н.Татищевым, последний обратился к восставшим со следующим замечанием: «Если вы хотели киргиским ханам отдаться и с ними

XVII в. М., Печатня С.П. Яковлева, 1911. 237 с. С.194.

[1] Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., РОСПЭН, 1998. С. 126.

[2] Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. М., Горизонт, 1995. 320 с. С. 41.

[3] Мурзабулатов Б. С. Особенности формирования почв Зауралья Республики Башкортостан и оценка их плодородия как основы земельного кадастра: автореф. дис. .... канд. сельскохоз. наук. Уфа, 2009. С. 12.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.1. С. 277.

равномерно по степи шататься, то всякой имеющий разум междо вами разсудить может, что вы всегда под властию руских государей, и последней междо вами, в лучшем благополучии, покое и довольстве, нежели ханы киргизские пребывали, ибо вы имели покойные домы, довольство скота, пчел, жит и протчего, а оные ничего того, почитай, кроме скота не имеют, и с нуждою в зимнее времяна преходя с места на место питаются, а вашему довольству завидуют и ревнуют».[1] Это мнение В.Н. Татищева полностью подтверждается характеристикой экономических возможностей классических кочевников, которую дал Н.Н. Крадин: «Образ существования «чистых» кочевников всегда более скуден, чем быт номадов, использующих дополнительные источники существования. Бедный кочевник — чистый кочевник».[2]

Можно ли говорить о вытеснении кочевого скотоводства лесными промыслами? Способна ли была промысловая хозяйственная деятельность стать основой существования башкир в XVI –XVIII вв.? Р.Г. Кузеев утверждает, что у северных и восточных башкир под влиянием роста лесных промыслов происходила деградация полукочевого скотоводства уже к XVII в.[3] По нашему мнению, переход башкир в XVII в. к промысловой оседлости не имел необратимого характера. Как отмечает А.М. Хазанов, в подобном случае номады рассматривали свое состояние как вынужденное и временное и при первой возможности обычно вновь переходили к кочеванию.[4] Следует учесть, что по подсчетам Ф.Д. Маркузона, для промысловиков-охотников требуется такое же соотношение плотности населения, как и для кочевников.[5] По этой причине сокращение территории вотчинных земель так же отрицательно сказывалось на промысловой охоте, как и на состоянии кочевого хозяйства.

§ 6. Соляной промысел

Соль илецкая и соль табынская**.** Еще на карте Фра Мауро 1475 г. выше «императорской усыпальницы» на Яике, т.е. района города Сарайчука, обозначен пункт, рядом с которым нарисована гора с подписью: «Здесь добывают много соли».[6] Таким образом, добыча соли

[1] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 528.
[2] Крадин Н.Н. Империя Хунну…С.95.
[3] Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа… С. 125.
[4] Хазанов А.М. Указ.соч. С. 172.
[5] Маркузон Ф.Д. Население мира от начала н.э. до середины XX в… С. 69.
[6] Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра-Мауро//Труды саратовской ученой архивной комиссии, 1890. Т. 2. Вып. 2. С.

на юге Башкирии велась местным населением еще во времена, когда ногаев на Южной Урале не было. «Книга Большому чертежу» называет эти промыслы «Тустеби». Особо отмечено на полях: «ломают в ней соль».[1]

Одним из наиболее интересных фактов, обнаруженных нами в материалах фонда Печатного приказа явилось указание на существование в середине XVII в. практики взимания с башкир ясака солью. В 1644 г. Безан Бакширин подал челобитную от башкир всего Уфимского уезда, выступив против замены соляного ясака медовым. В ответном указе было предписано: «…в съезжей избе выписать и сыскать – с которого года с них на Уфе начали собирать мед за соль и по государеву указу им по воеводскому высмотру».[2] В тексте этой лаконичной справки с челобитной обратим внимание, во-первых, на то, что челобитная была подана от башкирского населения всего Уфимского уезда. Об этом косвенно свидетельствует и солидная сумма печатной пошлины – полтора рубля. Следовательно, замена соляного ясака затронула интересы всего ясачного населения уезда. Во-вторых, башкиры посчитали данное нововведение уфимской администрации невыгодным для себя.

Относительно времени введения соляного ясака нет каких-либо конкретных данных. Однако П.И. Рычков, обычно не указывающий источники информации, отметил, что «…в первые года российского подданства башкирам в Казани, в рассуждении убожества их, даваема была из казны соль пермянка, они илецкой соли еще тогда не имели, и ездить по оную на Заяицкую степь опасались и были не в состоянии».[3]

Тем не менее, в фонде Камер-коллегии сохранился рапорт коменданта Уфимской провинции И. Бахметьева от 1720 г., в котором отмечается, что башкиры платили ясак за пользование илецкой солью с глубокой древности: «Илецкая соль родится на степи на пещаном месте на их ясачной земле... исстари отцы и деды их довольствовались солью, что брали из оной реки, за что и службу служили и ясаку давали из давних лет».[4]

По-видимому, соляной ясак был установлен значительно позднее составления первых ясачных книг во второй половине XVI в., поскольку доступ к реке Илек башкиры могли получить только после окончательного ухода ногаев из южной Башкирии, т.е. по завершению Смуты. Однако уже в 20-е гг. XVII в. ногаев сменили калмыки,

---

250.

[1] Книга Большому чертежу. М.-Л., АН СССР, 1950. 232 с. С. 93.

[2] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 671 . Л. 391.

[3] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии …С. 41.

[4] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д.613. Л. 808.

назвавшие себя законными правопреемниками власти ногайских биев над башкирскими племенами. Ногаи не смогли оказать серьезного сопротивления военной мощи калмыков. С.К. Богоявленский пишет, что бывшие властители края – ногаи, впадали в панику при одном слухе о приближении калмыков, не проявляя никакого желания вступать с ними в бой.[1] В результате калмыки к концу 30-х гг. XVII в. беспрепятственно утвердились на степных просторах южной части Уфимского уезда по долинам рек Яик, Орь, Илек, Кизил и Сакмара.

О том, что калмыки в 20-е гг. XVII в. захватили земли за Яиком, свидетельствуют и дипломатические соглашения, заключенные между российским правительством и калмыцкими правителями в середине XVII в. Шертными грамотами калмыцких тайшей 1655, 1657 и 1661 гг. были определены рубежи калмыцких кочевий по Яику, левому берегу Волги и в степи от Астрахани до Самары.[2] С середины XVII в. при разборе вотчинных споров с участием башкир Ногайской дороги российские власти начинают задавать вопрос: «…до калмацких улусов та земля далеко ли или близко».[3]

Факт присутствия калмыков в районе Илека подтверждается и данными послужных списков уфимских дворян. В 1648 г. уфимский сын боярский В.И. Голубцов, посланный «для шертной ведомости» к тайше Дайчину, неожиданно столкнулся на Илеке с войском калмыков, которое направлялось в Уфимский уезд на «русские деревни и башкирские волости». Хотя калмыки были не из улуса Дайчина, В.И. Голубцов все же решил вступить в переговоры с ними. В итоге ему удалось убедить калмыцкого лидера «воротиться назад в свои улусы».[4]

Таким образом, архивные источники представляют перед нами довольно противоречивую картину: в течение 20–30-х гг. XVII в. все земли за Яиком, в том числе и илецкие месторождения соли, захватываются калмыками. Однако в 40-е гг. XVII в. все башкиры выступают против замены соляного ясака медовым, как будто утрата заяицких владений не вызвала у башкир никаких затруднений в доступе к илецким месторождениям. О том, что башкиры в 40–60-е гг. XVII в. продолжали платить ясак за пользование илецкой солью, свидетельствуют и документы Уфимской приказной избы. В 1640 г. башкиры Ногайской дороги Минской волости платили ясак куницами и

[1] Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.//Исторические записки. М.,1939. № 5. С.58.
[2] Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (сер. IX - I четв. XVIII в.в.). М., Элиста, 1994. С. 98.
[3] РГАДА. Ф. 1773. Оп.1. Д. 457. Л.5.
[4] РГАДА. Ф.119. Оп.1. Д.4. Л.2-4.

медом за пользование Илецкой каменной солью.[1] Более того, в самый разгар войны с калмыками башкиры не только платят соляной ясак, но и активно торгуют илецкой солью. В 1649 г. уфимский стрелец И. Лутохин привез в Москву уфимской соли на 120 пудов да Илецкой купленной соли на 20 пуд.[2] В 1653 г. Федор Антонов заключил с уфимской администрацией контракт, по которому он должен был поставлять в Уфу «табынскую на 500 пудов и илецкую купленную соль на 40 пудов».[3] В конце XVII в. администрация переводит натуральные ясачные платежи в денежную форму, соответственно устанавливается и ясачная цена илецкой соли. И.К. Кирилов отметил, что башкиры в начале XVIII в. платили соляной ясак из расчета 40 копеек за батман (4 пуда) соли, т.е. по 10 копеек за пуд.[4]

Материалы Печатного приказа, а также источники из фондов Посольского приказа указывают на то, что доступ к месторождениям соли был открыт для башкир всех дорог и волостей.[5] Семиродцы неоднократно заявляли свои права на данные территории. О праве всех башкирских родов пользоваться илецкими месторождениями писали и оренбургские чиновники в 30-е гг. XVIII в.: «…И по близости к Оренбургу никаких других солей не находится как только известная Илецкая, которой вся Башкирь и здешние новые крепости довольствуются».[6] Это свидетельство несколько преувеличивает исключительную роль Илецкого месторождения. Судя по источникам XVIII в., башкиры зауральских волостей в определенные периоды предпочитали ездить за солью не на Илек, а на местные соляные озера. Однако в отличие от илецких промыслов, соль на озерах приходилось выварить, что значительно увеличивало риск и затраты на её добычу. В марте 1739 г. башкиры Катайской волости отправились на «степные озера для вари соли по свою нужду».[7] В октябре 1736 г. один из главных вождей башкирского восстания Бепеня Турупбердин отказался принести присягу российским властям под предлогом своего отъезда на озеро Чебели «для соли».[8]

Соляные месторождения на Илеке в правовом отношении не были закреплены за определенными башкирскими волостями,

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп 1. Д. 711. Л.2.
[2] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д.227. Л. 567.
[3] Там же. Д.68. Л. 61.
[4] Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения…С. 98.
[5] РГАДА. Ф.16. Оп. 1 Д. 808. Л. 129; Ф. 1173. Уфимская приказная изба. Оп.1 Д. 711. Л.21.
[6] Там же. Д. 808. Л. 234.
[7] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С.604.
[8] Там же. С. 290.

поскольку отдельные роды просто не имели возможности удержать их за собой. Защита и эксплуатация этих месторождений могли производиться только совокупными военными усилиями всех башкирских родов. Таким образом, соляной промысел на Илеке выполнял важную консолидирующую роль в башкирском обществе. В одной из коллективной челобитных. башкир всех 4 дорог 1718 г говорится о том, что добыча соли на Илеке осуществляется путем организации масштабных военных операций с привлечением ополчения нескольких волостей: «Исстари де отцы и деды их довольствовались солью, за что и службы служили и ясак давали из давних лет, потому что в тех местах многие неприятели ездят киргиз-кайсаки и каракалпаки и сказали, что когда сами башкирцы по соль ездят то многолюдством, так что тысячи по три и с неприятелями бьются токмо из них человек с 300 соль берут, а прочие обороняются».[1] Практика подобных совместных военно-промысловых акций башкирских родов существовала и в те годы, когда на юге края господствовали калмыки.

В 1722 г. от лица всех башкир было составлено обращение к императору, в котором были указаны наиболее острые для населения вопросы управления регионом. Башкиры, в частности, отметили крайнюю рискованность добычи илецкой соли: «…летним и зимнем временем ездят из домов своих в свои дальние степи по соль, что словет Илецкою, в которой ездет по тое соль от набегу воровских каракалпаков и киргиских казаков многие бывают побиты и в полон взяты, и от лошадей лишены и за роспутием не дошед до домов своих от стужи позябают и от голоду помирают».[2]

Илецкие месторождения, в отличие от всех остальных башкирских угодий, были исключены из системы вотчинного права, поскольку они не закреплялись за конкретными родами. В соответствии с традиционным земельным правом башкир отдельный вотчинник мог претендовать только на родовые владения своей волости. Илецкие же месторождения фактически были общим владением всех башкирских родов. Однако для всех представителей небашкирского населения края доступ к месторождениям илецкой соли был закрыт. Этот запрет не исключал и представителей российской администрации. В 1718 г. уфимская администрация предприняла попытку установить правительственный контроль за добычей илецкой соли. Для обследования месторождения на месте был послан дворянин М.Аничков, которого башкиры не пропустили дальше верховьев реки

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.17. Д. 1131. Л. 544.
[2] Там же. Л. 561.

Яик.[1] В своем доношении в Сенат уфимский обер-комендант И. Бахметьев писал: «… башкирцы и тарханы … дали оному Аничкову письмо, в котором по переводом написано, что из Уфы прислали дворянина Матвея Аничкова, и что он впредь бы не приезжал, ибо они его императорского величества верные слуги и в такую землю, где неприятели всегда бывают и воюются не могли отвезти».[2]

Если до 20-х гг. XVIII в. башкиры защищали свои соляные угодья только от кочевников, то с основанием Сакмарского городка башкиры фактически вступили в конфликт с казаками. П.И. Рычков отмечает, что Сакмарская крепость была основана сходцами из Сибири, «к которым пристало несколько яицких казаков, живших на устье реки Сакмары малым юртом».[3] В 1734 г. от лица всех башкир и тархан Уфимской провинции была подана челобитная, в которой было отмечено, что казаки с 1725 г. фактически оттеснили башкир от месторождений на Илеке. В тексте прямо указывается, что «на которой земле соль берем оные казаки поселяются юртами и припущают многих людей и с которых берут оброку так требуют с нас нижайших оброку владеть тою землей воли не дают и не допускают а как они тою землею владеют тому ныне восьмой или девятый год и нам отказывают.»[4] По-видимому, делегации башкир в Петеребурге удалось добиться вмешательства правительства в конфликт с сакмарскими казаками. Дело в том, что в 1744 г. И.И. Неплюев указал в своем доношении на значительный казенный ущерб, возникающий по вине башкир, провозящих контрабандную соль в Казанскую провинцию: «В Казанском и в других уездах разных сел и деревень иноверцы, новокрещены и русские покупают в Уфимском уезде на деньги, а иные меняют на хлеб у башкирцев илецкую».[5]

Явным достоинством илецкой соли было то, что ее добыча не требовала сложной технологии и материальных затрат. По описанию бургомистра Юхнева, башкиры «…соль копают из земли, будто на квасцы походит, куски великие по 5-ти и больше пудов; оная добываетца в степи под землею неглубоко».[6] К тому же, она по всем показателям превосходила соль, произведенную на варницах из минерального рассола. Тем не менее, несмотря на наличие в Уфимском уезде богатейших месторождений готовой к употреблению соли,

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 154.
[2] Там же. Л. 152.
[3] Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII в. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, Китап, 1997. С. 42.
[4] РГАДА. 248. Оп 15. Д. 821. Л. 297.
[5] Там же. Л. 166.
[6] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.1. С. 484.

уфимская администрация затратила немало средств на создание в уезде производства соли из соленых ключей реки Усолки. Интересно и то, что солеваренные промыслы в районе Табынска основываются именно тогда, когда башкиры получили доступ к илецкому месторождению. Известно, что русское промысловое население появилось в районе Воскресенской горы только после смуты. Первоначально разработку соляных источников взяло на себя дворцовое ведомство, поэтому первыми рабочими на солеварнях были дворцовые крестьяне, переселенные из Уфы. В «Отводной книге по Уфе» отмечено: «Лета 7126 года ездил из Уфы Микита Артемьев отделить землю усольскому мордвину Ивашку Максимову, а земля та в числе 10 десятин пашни под Голым бугром на речке Шеваре, а сенные покосы на низ речки Шуваре до озера Обештереке.[1] Уфимская администрация, имевшая право отвода дворцовых земель, переселила дворцовых крестьян из Уфы в район Усолки, где они постоянно работали на варницах.

Впрочем, дворцовые крестьяне не долго обслуживали солеваренные промыслы. Уже в 1629 г. «жилец Курпеч-Табынского Солеварного острога Иван Максимов сын Мордвин» купил у чуваша Казанского уезда Зюрейской дороги деревни Карабаева Терегула Бадаева землю вблизи горы Юркатау.[2] Эти земли находились в 30 километрах от промыслов. Следовательно, община переселилась туда из Табынского острога. Почему дворцовые крестьяне покинули солеваренные промыслы? По-видимому, иссякли источники у Воскресенской горы. Неслучайно, в конце 20-х гг. XVII в. острог и промыслы были перенесены на новое место, где сейчас находится курорт Красноусольск.[3]

Возобновление производства на новом месте и перенос острожка потребовали значительных средств. Уфимская администрация решила передать промыслы на откуп казанскому посадскому человеку А.И. Жегулеву. Около нового острожка были построены две солеварни «под Каменными горами».[4] Произошло это уже после 1630 г., поскольку переписная книга Уфимского уезда никаких промыслов не зафиксировала. В приправочной книге 1647 г. две солеварни А.Жегулева отмечены вместе с двором, в котором жили его работные люди. Примечательно, что промысловое селение располагалось не в остроге, а возле него.

---

[1] Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92-1629)»//Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, БФАН СССР, 1971.С. 303.
[2] РГАДА. Ф. 1324. Д. 3001. Л.12.
[3] Минцлов С.М. Уфа. Дебри жизни. Дневник 1900-1915 гг. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1992. С. 157.
[4] РГАДА. Ф.1209. Оп.2. Д. 6468. Л. 123.

Насколько целесообразным для уфимской казны было создание промыслов у Соловарного острожка? Документы говорят о том, что табынская соль обходилась уфимской казне гораздо дороже илецкой. Так, в 1553 г. табынские солепромышленники должны были заплатить неустойку в уфимскую казну по 4 алтына за пуд соли.[1] В 1681 г. в ходе описи пограбленного имущества у уфимского служилого иноземца С. Кулакова отмечено «135 пудов похищенной соли ценою в 17 рублей», т.е. более 12,5 копеек за пуд.[2] В ближайшем к Уфе Самарском Надеинском Усолье цены на соль колебались от 7,3 копеек за пуд в 1678–79 гг. до 5,7 копеек за пуд в 1684–1687 гг..[3] Сравнительная дороговизна казенной соли была вызвана большими затратами по обеспечению безопасности табынских соляных промыслов. После башкирского восстания 1662–1664 гг. уфимский воевода ежегодно направлял для защиты промыслов сотню пеших стрельцов во главе с головой из уфимских дворян. При этом починка Соловарного острожка и содержание уфимских стрельцов производились из средств солепромышленников.[4] Только на жалование стрельцам требовалось более 400 четвертей хлеба и 420 рублей в год.

Материалы крепостных книг Уфимской провинциальной канцелярии свидетельствуют о том, что оплата труда на табынских промыслах была очень высокой. В 1700 г. «подрядился гулящий человек Петр Бакшеев у гостиной сотни Ушакова у приказчика его Якова Попова варить в Соловарном городке соль, и быть там на одну варницу, где он прикажет с того числа впредь на один год, а рядил он Петр у него Якова 10 рублей и наперед дал он 5 рублей а достальные деньги взять по сроке»[5]. На ближайших к Табынским промыслам варницах Надеинского Усолья в Самарском уезде даже квалифицированные работники получали в среднем 4–5 рублей в год.[6]

К затратам на производство и содержание вооруженной охраны необходимо добавить и расходы, связанные с арендой угодий у башкир Табынской волости. В 1730 г., когда возникла необходимость возобновить здесь добычу соли, Камер-коллегия провела расследование по вопросу: «Тот завод на каких землях построен, на свободных или на

---

[1] РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д. 61. Л. 46.
[2] Там же Ф. 1173. Оп.1. Д. 679. Л. 3.
[3]Дубман Э. Л. Формирование крупной феодальной собственности//Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII в.: по материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, Самарский государственный университет, 1991. 90 с. С. 59.
[4] РГАДА. Ф. 233. Д.183. Л.817.
[5] Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12131. Л. 87.
[6] Дубман Э.Л. Указ. соч. С. 55.

населенных и с каким договором?» Из Уфимской провинциальной канцелярии был получен следующий ответ: «Оброку де с земли и с россолу башкирцам платится в год, деньгами по 2 рубли, да с кузницы по топору, по ножу, по косе, по брешу, чем они борти делают, и, делается из их башкирского железа; и к укладу на которое дело, за уголье и кузнецам за работу в даче бывает по 13 рублев. Итого по 15 рублей».[1] Этот документ свидетельствует о том, что самое первое в Уфимском уезде дворцовое промысловое предприятие имело статус арендатора башкирских вотчинных земель.

Высокие цены на казенную соль отчасти объяснялись и тем, что после очередного восстания промышленникам всякий раз приходилось изыскивать деньги на восстановление промыслов. С середины XVII до начала XVIII в. табынские промыслы четырежды полностью уничтожались башкирами и калмыками: в 1648, 1663, 1684 и 1708 гг. После разрушения варниц во время восстания 1662 – 1664 гг. администрация изъяла соляные промыслы у А.И. Жегулева и передала их уфимским посадским людям Первишиным. В 1671 г. правительство продало право на пользование угодьями московскому садовнику Федору Клушину и Ивану Осокину.[2] В 1682 г. две варницы около Соловарного городка откупал уфимский посадский человек Прокофий Кафтанов. Тем не менее, в 1684 г. те две варницы и кузницу, оцененные в 250 рублей, сожгли башкиры. Кафтанов лишился и соляной пристани и двух соляных амбаров со всяким солеваренным заводом и струговым припасом. Он был вынужден скрывать от кредиторов оставшееся имущество у «добрых людей».[3] В конце XVII – начале XVIII в. варницами владела промышленная компания, в которую входили «москвич Федор Антонов и сын ево Борис Клушин, да Уфимской посадкой человек Прокофей Михайлович и сын ево Илья Кафтановы; гость, ярославец Семен Астафьев сын Лузин, да гость Иван Иванов, да брат его Алексей Ушаковы».[4]

В 1690 г. на пяти ключах Усолки стояло 4 варницы, по две с правой и две с левой.[5] В 1696 г. на промыслах было произведено 21138 пудов соли.[6] В конце XVII в. была установлена государственная пошлина на продаваемую соль по 4 алтына с рубля.[7] Таким образом, при

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3.Д. 135. Л. 2-4.
[2] ДАИ. СПб., 1875. Т. 9. № 31 С. 88.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1 Д. 868. Л. 4.
[4] Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д.12130. Л. 132.
[5]Добросмыслов А.И. Материалы по истории России… Т. 1. С. 268.
[6] РГАДА. Ф. 233. Д.306. Л.917.
[7] Добросмыслов А.И. Материалы… Т.I.С. 269.

средней цене соли по 12 – 13 копеек за пуд уфимская казна получала от 300 до 330 рублей в год. Однако в середине XVII в. в Табынском усолье работало не четыре, а две варницы. Соответственно меньше был и объем производимой соли, и денежные поступления в казну. В 1653 г. «садовник» Федор Антонов взял на откуп у казны на 5 лет солеваренный промысел в Курпеч-Табынском городке по цене «78 рублей в год да 500 пудов соли».[1] Таким образом, в середине XVII в. уфимская казна в совокупности получала ежегодно 140 – 145 рублей за откуп солеваренных угодий под Табынском.

В 1708 г. башкиры полностью уничтожили табынские промыслы. Уфимская администрация была вынуждена заключить контракт с соликамским посадским человеком И. Суровцевым на поставку в уфимскую казну соли-пермянки по 7 копеек за пуд.[2] Таким образом, уфимская казна в начале XVIII в. в среднем продавала по 7000 пудов в год, на приобретение которой она затрачивала около 490 рублей. Если бы соль продавалась по 13 копеек за пуд, то городские доходы составили бы 420 рублей. Но реальные поступления были меньше, поскольку не учтены издержки, связанные с организацией торговли казенной солью.

В Уфимском уезде второй половины XVII – начала XVIII в. солеваренный промысел не давал такой выгоды, как в соседних Пермском или Самарском уездах. Об этом говорит и тот факт, что многие открытые в Уфимском уезде месторождения не были разработаны. В 1672 г. уфимским иноземцем Б. Мысовским были открыты новые соляные ключи на реке Белой. Он пометил все перспективные источники и договорился с башкирами об аренде месторождения и прилегающих лесных угодий. Территория площадью 7 на 5 верст была отдана ему в оброк всего за 10 куниц, т.е. 4 рубля в год.[3] Но сам Мысовский так и не приступил к освоению промыслов. В 1676 г. Уфимская приказная изба отдала эти угодья кадашевскому купцу Ф. Силину в аренду «без переоброчки», с условием соблюдения прежней договоренности с вотчинниками.[4] Но и Силин промыслы осваивать не стал.

Уфимские власти затратили колоссальные усилия и средства на создание в уезде солеваренного производства, не останавливаясь перед административными экспериментами для эффективного управления промыслами. В то же время башкиры, имея доступ к естественным

[1] РГАДА. Ф.233. Д. 61. Л. 76.
[2] Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12145. Л. 121.
[3] Там же. Ф.233. Оп.1 Д.301. Л.911.
[4] ИИЯЛ УНЦ РАН Ф. 23. Оп. 1 Д.7. Л. 22.

богатейшим залежам соли, не только не поставляют ее в необходимых объемах в Уфу, но и запрещают пришлому населению участвовать в разработке илецких месторождений. В XVII в. два этих хозяйственных мира живут вполне изолированно, не нуждаясь в какой-либо экономической интеграции друг с другом.

§ 7. Торговля и предпринимательство

Вхождение в состав Российского государства не повлекло за собой изменения традиционных маршрутов торговли башкир. Уфа не стала главным центром торговых операций для местного населения. Потребности башкир в российских ремесленных изделиях были крайне незначительными. Б.Н. Миронов отметил, что российский город XVII–XVIII вв. отличается от других типов поселений тем, что «организует в хозяйственном отношении тяготеющую к городскому центру сельскую округу, объединяя ее в единый государственно-хозяйственный механизм».[1] Однако в Башкирии, где город был русским, а сельское население – нерусским, организовать прилегающую к городу округу в хозяйственном отношении было непросто. По этой причине городообразование здесь шло очень медленно и специфично.[2] Насколько активно башкиры участвовали в экономической жизни города, лучше всего рассмотреть на материалах крепостных книг Уфимской провинциальной канцелярии за первые три года XVIII в.[3] Акты 1701 – 1703 гг. были составлены в условиях более или менее мирной обстановки в Уфимском уезде. К тому же с начала XVIII в. башкиры почти полностью перешли на выплату ясака деньгами. Это принуждало их более активно участвовать в торговых и кредитных операциях. С конца 1703 г. в Уфимском уезде начинаются волнения башкир, что отразилось на интенсивности заключения сделок с жителями Уфы.

За три года в Уфе было зафиксировано 575 разного рода актов, среди которых 79% составили кредитные операции. Однако башкиры участвовали только в 36 сделках, т.е. менее чем в 6% всех видов договоров. В 9 случаях башкиры имели дело с ясачными чувашами, черемисами и вотяками. Из 27 сделок, заключенных с жителями Уфы, только в 6 актах башкиры вступали в соглашение с посадскими

[1] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., Дмитрий Буланин, 1999. 548 с. Т. 1. С. 231.
[2] Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII в. Уфа, Китап, 1997. С.218. С.6.
[3] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12130,12131,12132,12133,12135,12136

жителями. Большинство сделок башкиры заключили со служилыми иноземцами, стрельцами и казаками Уфы.

Наиболее активными участниками торгово-кредитной деятельности выступают башкиры Осинской и Казанской дорог (18 из 27 актов). Успехи земледелия в этом регионе способствовали развитию и товарно-денежных отношений. Из башкир Ногайской дороги в сделках участвовали только представители Минской волости. Это объясняется тем, что именно на их землях располагалась большая часть угодий, сдаваемых в оброк уфимским жителям. И только в трех сделках фигурируют башкиры Сибирской дороги.

Гораздо чаще в ростовщические операции с посадскими людьми вступали представители пришлого нерусского населения. Это марийцы, чуваши, ясачные татары и вотяки (220 актов из 575). Потребность в денежных судах данной категории населения была вызвана значительными затратами на обустройство и аренду вотчинных угодий у башкир. В отличие от дворцовых крестьян, переселявшихся в Башкирию, татары, чуваши, мари и вотяки не получали от администрации никаких налоговых льгот, не говоря уже о денежных и натуральных ссудах.

Интересно, что большинство сделок имеет внутрисословный характер. Уфимские посадские люди покупали, продавали, брали деньги в кредит в основном друг у друга (127 актов), сделки с представителями других сословий встречаются в два раза реже (67 актов). Таким образом, уфимский посад практически не имел экономических связей с уездным населением. Характерно и то, что между собой башкиры предпочитали не фиксировать долговые сделки в Уфе. По-видимому, долговые расписки составлялись башкирами на тюрки. В таком случае единственной правовой инстанцией, к которой могли апеллировать обе стороны, являлся шариатский суд.

Главным препятствием для налаживания нормальных хозяйственных отношений города с коренным населением были законодательные ограничения судебной ответственности башкир. Под страхом смертной казни русским людям запрещалось брать в заклад не только самих башкир, но и их недвижимое имущество. Сама процедура привлечения к суду злостного должника или неисправного подрядчика была крайне хлопотной и даже опасной, поскольку требовала посылки приставов в отдаленные башкирские волости. Не случайно, подавляющая часть кредитных сделок была заключена башкирами со служилыми людьми и подьячими. Дворяне, служилые иноземцы, подьячие и стрельцы часто бывали в башкирских волостях в качестве сборщиков ясака или станичников. Там они могли потребовать возврата долга непосредственно от вотчинников. В отличие от Сибири,

уфимским служилым людям не запрещалось во время сбора ясака провозить свои товары, которые могли обмениваться на пушнину или даваться в долг башкирам.[1] Более того, уфимские и самарские служилые люди в конце XVII в., отправляясь на станичную службу, брали с собой товары для торговли с местным населением.[2]

Уфимский уезд занимал пограничное положение, что предполагало развитие торговли со странами Средней Азии. Однако Приказ Казанского дворца по существу препятствовал передвижению восточных купцов по подведомственной ему территории. Иноземные торговцы были обязаны продать свои товары в том городе, где они прошли таможенный осмотр. В наказе казанским воеводам 1677 г. единственное исключение было сделано для «купчин Шаховых», которым дозволялось провозить товары в «верховые города».[3] В XVII в. уфимский воевода так же имел приказ не пропускать в Москву, Киев, Казань и в другие города торговых людей из Сибири и Средней Азии.[4]

Правительство запрещало продавать джунгарам, калмыкам и другим кочевым народам топоры, ножи, удила, кольчуги, рогатины, копья, самопалы, свинец, вино, порох и практически все изделия из железа. Интересно, что под ограничения на продажу изделий из железа попало даже мирное земледельческое население Казанского уезда. В 1649 г. казанским воеводам Г.И. Морозову и И.А. Хилкову предписывалось «…смотрети и беречь крепко, чтобы в Казанский уезд в чуваши и черемисские волости и деревни торговые всякие люди заповедных всяких товаров пансырей и шеломов и сабель и железец стрельных и лишних всяких товаров … не возили… и кузнечные и серебряные снасти ни у кого чуваши и черемиса и в вотяках не было… А железные всякие товары: топоры и косы и серпы и уклад и железа и соль казанская и иных городов и уездов чуваша и черемисы покупали бы у всяких людей на торгу, докладывая их».[5]

Еще в начале XVII в. с учреждением официального тракта в Сибирь от Соли Камской на Верхотурье правительство из фискальных соображений стремилось запретить другие пути за Урал, в том числе и старую Казанскую дорогу, которая проходила в Сибирь через Уфу.[6]

---

[1] Никитин Н.И. Военно-служилые люди и освоение Сибири в XVII в. // История СССР, 1980. № 2. С. 111.

[2] ИИЯЛ УНЦ РАН Ф. 23. Оп. 1 Д.7. Л.64; Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 198.

[3] Дмитриев В.Д. Царские наказы казанским воеводам XVII в.//История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 288-289. С. 385.

[4] РГАДА. Ф. 248 Оп. 3. Д. 131 Л. 22.

[5] Дмитриев В. Д. Царские наказы казанским воеводам XVII в… С. 293.

[6] Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири в

Таким образом, Уфа осталась в стороне от основной торговой магистрали, соединяющей европейскую часть страны с сибирскими городами. Поэтому регулярная торговля с государствами Средней Азии велась в основном в сибирских городах. В Уфу крупные партии среднеазиатских товаров поступали только с посольскими миссиями.

Традиционные караванные маршруты среднеазиатских торговцев от Ургенча в северном направлении доходили только до Сарайчика, т.е. до южной границы Башкирии. Далее караваны двигались на запад к Волге, расходясь по направлениям на Астрахань, Казань и Нижний Новгород.[1] Таким образом, основной поток среднеазиатских торговцев двигался в обход территории Уфимского уезда.

В XVII в. южные границы Уфимского уезда охранялись только башкирскими разъездами и караулами. Однако с середины XVII в. почти все караванные пути в Средней Азии были взяты под контроль калмыками. Учитывая непрекращающиеся столкновения между башкирами и калмыками, среднеазиатские купцы предпочитали пересекать русскую границу за Уралом. Не случайно, башкиры в XVI–XVII ходили торговать с среднеазиатскими торговцами на Тобол и Ишим, куда бухарские и хивинские купцы доставляли караваны.[2] Башкир Тангаурской деревни Кыдрясово волости мулла Максют Юнусов, принимавший участие в караванной торговле с Бухарой в 20-е гг. XVIII в., переселился в Зауралье и проживал вблизи Чумлятской слободы в деревнях Табынских башкир Тобольского уезда.[3] История его предпринимательской деятельности свидетельствует о том, что торговое сообщение с городами Средней Азии в 20-е гг. XVIII в. осуществлялось эпизодически по причине возросшей угрозы со стороны кочевников. По утверждению Максюта Юнусова, в течение 1718–1724 гг. на пути в Бухару он трижды подвергался разграблению. В нападениях на караваны участвовали не только казахи и каракалпаки, но и яицкие казаки.[4]

В начале XVIII в. запрет на провоз товаров через Уфу перестали соблюдать, но уфимские торговцы остались совершенно равнодушными к потере этой привилегии. Протестовать по этому поводу отважились только башкиры. Они подали коллективную челобитную от всех дорог,

---

конце XVI - середине XVII в.// Вопросы истории. М.,1981. № 10. С.79.

[1] Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI – XVII вв. //Отечественная история. 2003. № 3. С. 121.

[2] Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.// Труды Государственного исторического музея. М., 1956. Вып. 31. С. 52.

[3] Гайсин А.Г.Посол белого падишаха: Юго-восточная политика Петра I и его преемников. Уфа, Гилем, 2014. 320 с. С. 99.

[4] Там же. С. 172.

потребовав восстановить прежний указ. Таким образом, для башкир торговля со странами Средней Азией имела более важное значение, чем для уфимских жителей. В 1708 г. в обстановке разгоравшегося башкирского восстания власти поспешили удовлетворить челобитную башкир.[1]

Строгие правила поддержания безопасности Уфы стали одной из причин того, что выходцы из Средней Азии (тезики) стали селиться не в городе, а в башкирских волостях. При этом со временем бухарские и хивинские «тезики» становились башкирами. Быстрой их ассимиляции башкирами способствовали языковая близость и единоверие. В 30-е гг. XVIII в. на территории Уфимской провинции было три деревни служилых тезиков, пожалованных землями за различные службы.[2] Они обладали всеми преимуществами башкирского сословия, в том числе и освобождением от таможенных пошлин. В начале XIX в. они полностью слились с башкирами, сохранив лишь особые названия родов и деревень.[3] В 1734 г. из 429 башкир, записанных в новую тарханскую книгу, 15 тарханов происходили из тезиков деревень Авзеевой, Битюковой и Мрясевой Сибирской дороги. Все они были награждены за службу отцов и дедов в Крымском, Азовском походах и Северной войне, т.е. их тарханство было сравнительно недавнего происхождения.[4]

Если в первое время торговля башкир с русскими купцами была ограничена списком заповедных товаров, то после указа 1680 г. башкирам вообще было запрещено торговать товарами, которые они приобрели у русских: «велеть учинить башкирцам заказ крепкой, чтоб они продавать товары свои, а у русских людей в продажу товаров не имали; а буде где объявитца какия товары русских людей, и те товары взять на пас великаго государя».[5] В начале XVIII в. последовали санкции за реализацию башкирами илецкой соли. В 1722 г. башкиры жаловались правительству, что «прежде соль приваживали мы и других Уфимского уезду иноверцам на продажу в город Уфу и в домех своих прибудущим с Уфы Уфимского ведомства людем продавали свободно, не платя в казну вашего величества положенного что на ком из нас

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.1. С.246.

[2] Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., тип. Имп. акад. наук, 1864. Т. 4. Кн.2. С. 56.58,59.

[3] Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана//Справочник. Татышлинский, Янсульский, Бураевский районы. Уфа, Китап, 1994. 173 с. Кн. 5. С. 45.

[4] Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. С. 54.

[4] Там же. С. 60, 61.

[5] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.I. С. 75.

доведется ясака».[1] Однако с начала XVIII в. «…продаже привозной нами соли есть остановка, понеже прислан из Санкт-Петербурга вашего императорского величества указ, что ежели кто у нас такую соль купит, дабы брать с купцов с каждого пуда сверх продажной цены по 4 алтына, да с продажи нашей берут с нас пошлины по гривне с рубля».[2]

Администрация Приказа Казанского дворца в 90-е гг. XVII в. попыталась возродить в Уфимском уезде традиционную для Ногайской Орды ордабазарную торговлю лошадьми. Как отмечает В.В.Трепавлов, в Ногайской Орде существовала особая корпорация торговцев из простонародья, которые ездили в Москву продавать лошадей. Они зависели от бия и мирз и не допускались на совещания знати.[3] В 1694 г. уфимский ротмистр служилых иноземцев С.Г. Пекарский, будучи назначен головой башкирской «ардабазарной станицы», получил особый наказ от воеводы Д.Н. Головина. Пекарскому поручалось сопровождать группу башкир с лошадьми до Москвы и наблюдать за законностью сделок при реализации лошадей. Фактически это мероприятие, инициированное властями, должно было положить начало ежегодным отправкам башкирских лошадей на продажу в столицу. В наказе, в частности, отмечалось, что башкиры, участвовавшие в пригоне лошадей на продажу в Москву, были пожалованы сукнами. Участники станицы обратились с просьбой, чтобы и «впредь пригонять лошадей было повадно и никакой им в том обиды и тягостей не было».[4] Судя по тому, что станицу сопровождало 23 уфимских служилых человека, партия лошадей должна была быть очень значительной. Однако никаких подтверждений в источниках о продолжении этого начинания найти не удалось.

§ 8. Земледелие

«Книга Большому чертежу», которая представляла собой практическое руководство при посылках служилых людей для «государевой службы», отрицает наличие земледелия у башкир в начале XVII в.: «А от устья реки Белые Воложки вверх и по реке Уфе по обеим сторонам и до Аральтовы горы и далее, все живут башкиры, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют».[5] Наиболее древний источник по

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 613.
[2] Там же. Л. 614.
[3] Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в 16-17 в. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 165.
[4] Справочная книга уфимской губернии//Сведения числовые и описательные относящиеся к 1882 – 1883 годам. Сост. по поручению уфим. губерн. стат. комта Н.А. Гурвичем. Уфа, 1883. С. 65.
[5] «Книга Большому чертежу». М.-Л., АН СССР. 1950. 232 с. С. 139.

истории Уфы – «Отводная книга» содержит неопровержимые доказательства наличия у башкир Минской волости довольно значительной запашки еще в начале XVII в. Так, в 1613 г. уфимскому сыну боярскому Н. Каловскому была отведена пашня 20 четей в поле, что «пахивал Минские волости башкирец Мангатай с товарищи».[1] Если учесть, что распаханная земля указана по писцовым правилам в трех полях, то общее пространство пашни составит солидную площадь в 30 десятин. Однако наличие башкирской пашни вблизи Уфы не должно интерпретироваться исследователями в качестве показателя повсеместного распространения земледелия среди башкир. На основании значительного круга письменных источников В.В.Трепавлов показал, что еще до основания русской крепости на Белой Волошке на её территории существовал административный центр Ногайской Орды, который носил имя Имен-кала. В 30–40-е гг. XVI в. здесь находилась ставка наместника Башкирии хана Акназара.[2] Как отмечают исследователи хозяйства Ногайской Орды, вблизи каждого центра Орды находились значительные для кочевников посевы зерновых культур. Г.И. Перетяткович отмечает, что жители Сарайчика сеяли пшеницу.[3] О гибели «сарайчиковой пашни» пишет бий Исмаил в своем обращении к Ивану IV с просьбой прислать корабль семян в 1657 г.[4] Таким образом, наличие локального земледелия вблизи центра башкирского наместничества Ногайской Орды было обусловлено потребностями местной администрации в создании резервной продовольственной базы. Неслучайно то, что уход из Башкирии ногаев привел к тому, что башкиры-минцы забросили пашню около Уфы, но сохранили за собой все лесные промыслы и рыбные ловли.

На протяжении нескольких столетий башкиры имели тесные культурные и экономические контакты с развитыми земледельческими народами, такими как, чуваши, мари и татары, однако перенимать более производительный тип хозяйства не спешили. Очевидная выгодность земледелия в сравнении с полукочевым скотоводством не являлась достаточным основанием для перехода башкир к оседлому землепашеству. Тем не менее, в ряде исследований высказывается предположение, что западные башкиры под влиянием булгар постепенно переходили к земледелию.[5] В источниках действительно

[1] Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92-1629)»//Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, БФАН АН СССР, 1971. 362 с. С. 268.
[2] Трепавлов В.В. История Ногайской орды… С. 205.
[3] Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв. …С. 137.
[4] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. Казань, Татарское книжное издательство, 2006. 392 с. С. 254.
[5] Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных

есть многочисленные упоминания о наличии у башкир XVI – XVII вв. в посевов зерновых, однако насколько эти факты соответствуют выводу о начале перехода кочевников к оседлому земледелию?

По утверждению Г.Е. Маркова, земледелие может сосуществовать с кочевым скотоводством на протяжении длительного времени. Переход к оседлому земледельческому хозяйству происходит лишь тогда, когда земледелие становится основным хозяйственным типом, основным способом добывания жизненных благ. [1]

В исследованиях по истории башкирского хозяйства XVII–XVIII вв. принята схема, согласно которой в зависимости от уровня развития земледелия башкирские волости делились на три сельскохозяйственных района.[2] Однако вопрос о том, какой тип хозяйства был доминирующим в количественном отношении, не имеет однозначного ответа. Есть ли основание утверждать, что у большинства башкир в XVI –первой трети XVIII в. земледелие стало «основным способом добывания жизненных благ»? Р.Г.Кузеев и Р.З.Янгузин указали на крайнюю неравномерность распространения земледелия по различным регионам Башкирии. Восточная, Юго-восточная и Юго-западная части края (Ногайская и Сибирская дороги), где проживало до 70% всего башкирского населения, вплоть до середины XVIII в. оставались регионом слаборазвитого земледелия.[3] По подсчетам Н.Н. Петрухинцева, в первой половине XVIII в. две трети башкир (65,9%) сохраняли традиционные занятия и образ жизни, занимаясь кочевым и полукочевым скотоводством, а с учетом полуоседлого населения Казанской дороги фактически три четверти.[4]

Приведем некоторые документальные данные, свидетельствующие о развитии земледелия у башкир Ногайской и Сибирской дорог. В своем донесении в Сенат от 5 августа 1740 г. генерал-майор Л.Я. Соймонов доложил об успешном подавлении башкирского восстания в девяти волостях Ногайской и трех волостях Сибирской дорог. Всего же в Уфимской провинции в соответствии с материалами Уфимской провинциальной канцелярии в тот период

территорий. Уфа, Китап, 2009. С. 8.

[1] Марков Г.Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии// IX международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, 1973. С.19.

[2] Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. :автореф. дис. .... докт ист. наук. М., 1990. С. 18.

[3] Кузеев Р.Г. К этнографической истории башкир I – начала II тысячелетия нашей эры //Археология и этнография башкир. Уфа 1968. Том III. С. 159; Янгузин Р.З. Указ соч. С. 110.

[4] Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 411.

существовало 58 башкирских волостей. Согласно отчету Л.Я. Соймонова, правительственными войсками с июня по сентябрь 1740 г. было сожжено 537 башкирских деревень с 3899 дворами, а также уничтожено 1394 загона всякого хлеба.[1] Таким образом, на один башкирский двор в этих волостях приходилось по 0,18 десятины посевов. Много это или мало? По данным Л.В. Милова в середине XVIII в. в центральной России формально посевная площадь на тягло достигала 4,54 десятины в двух полях.[2] Тягло предполагало семью из 4 человек. По свидетельству кунгурского бургомистра Е. Юхнева в 1725 г. в одном башкирском дворе проживало 3 взрослых мужчин, способных воевать, «кроме хлопцев».[3] Таким образом, в среднем башкирская семья имела посевную площадь, которая в 25 раз уступала средней запашке русской семьи. Нет сомнений в том, что 0,18 десятины посевов не могли прокормить 9–12 человек. Тем не менее, нельзя не учитывать тот факт, что у отдельных башкир площадь посевов имела значительные размеры. Однако Г.И. Георги отмечает, что в конце XVIII в. у башкир «…ни у кого больше осьми десятин в посеве не бывает».[4]

«Ведомость о посевах в Уфимском наместничестве»[5] за 70–80-е гг. XVIII в. свидетельствует о том, что средняя урожайность ржи, ячменя и полбы, т.е. основных зерновых культур башкир, не превышала сам 4–6. При высеве на десятину в 12 пудов с нее получали от 48 до 72 пудов, соответственно, с 0,18 десятины – от 10 до 15 пудов на двор. Согласно расчетам Л.В. Милова, обычная для XVIII в. норма годового потребления взрослого человека составляла 3 четверти (24 пуда). Этот продуктовый минимум, как правило, встречается в помещичьих инструкциях XVIII в., когда речь идет о содержании дворовых и работных людей.[6] А.В. Шипилов, поставивший задачу проверить этот показатель, обратился к более широкому кругу источников и более дифференцированной в социальном отношении среде потребителей. Он отметил, что если отбросить крайние значения — «рацион богадельца и рацион приказчика», то получается среднеарифметический показатель душевого потребления 1,36 кг (3,3 фунта) в сутки. Соответственно, годовой хлебный рацион равнялся 496,4 кг печеного хлеба, что соответствует 331 кг муки (2,8 четверти) или 397 кг зерна (2,7 четверти):

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 143. Л. 166-119.
[2] Милов Л.В. Указ. соч. с. 174.
[3] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 227.
[4] Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. СПб., при Имп. Акад. Наук, 1799. С. 100.
[5] РГАДА. Ф. 248. Оп.11. Д. 1182. Л. 44.
[6] Милов Л.В. Указ. соч. С. 392.

цифра, несколько уступающая, но все же очень близкая к выведенной Л.В. Миловым.[1]

В экстремальных условиях восстаний и голода эта минимальная норма у башкир могла быть существенно меньше. Так, в 1737 г. В.Н. Татищев рекомендовал местным властям запретить продавать более 3 пудов хлеба на «всякого присягавшего» башкира. По расчетам главы Оренбургской комиссии, одна башкирская семья, даже смешивая этот хлеб с «корой и корейцем» не продержится более двух месяцев.[2] С учетом того, что средняя семья была не менее 5 человек, то на одного башкира приходилось менее 5 килограммов в месяц. Эта норма в 6 раз меньше прожиточного минимума по расчетам Л.В. Милова.

В мае 1736 г. И.К. Кирилов предлагал правительству ввести полный запрет на продажу хлеба башкирам. Он был убежден, что эта мера приведет к окончательному прекращению восстания, поскольку «зимою уже ни самим жить, ни хлеба взять будет негде, потому что никуда в хлебныя места к покупке хлеба пускать не надлежит, а Нагайская и Сибирская дороги, кои ныне в бунте состоят, без прибавочного своим прожить не могут, понеже сеют ярового по малому числу».[3] Примечательно и то, что в 12 волостях правительственными войсками была уничтожена всего 1 мельница. К тому же, башкиры данного региона выращивали зерновые культуры, которые являлись типичными для хозяйства кочевников. Ячмень составлял 66% всех посевов, ярица – 23%, полба – 5% , пшеница всего 0.9%.

В XVII – XVIII вв. наиболее развитой в земледельческом отношении считалась Осинская дорога Башкирии. Северная часть края по своим ландшафтным, а главное климатическим условиям, была наименее пригодна для полукочевого скотоводства. Тем не менее, у башкир Осинской дороги запасы зерна в середине XVIII в. были чрезвычайно скромными. В 1742 г. глава Башкирской комиссии Л.Я.Соймонов столкнулся с серьезной проблемой обеспечения продовольствием войск, располагавшихся в Уфимской провинции. Он обратился к лояльным башкирским старшинам с предложением начать поставки зерна для правительственных нужд. Старшины: Каршинской волости Шерып Мряков, Канлинской – Ахмер Асанов, Минской – Кидряс Муллакаев доставили зерно из Ирехтинской, Уранской волостей Осинской дороги, Каршинской и Канлинской волостей Казанской дороги и Минской волости Ногайской дороги. Однако поставленного башкирами хлеба было явно недостаточно для удовлетворения казенных

[1] Шипилов А.В. Русская культура питания в первой половине XVIII в//Вопросы истории, 2003, № 3. С. 146-152.
[2] Материалы по истории Башкортостана… Т.VI. С. 348.
[3] Там же. С. 170.

нужд. Старшины оправдывались тем, что «…хотя тех яровых семян у себя великого довольствия не имеют, но когда оное потребно к высочайшему интересу, то они готовы поставить с каждого двора, в ведомстве их имеющихся, по одному четверику, что поставят 910 четвертей, в том числе и пшеницы 160 четвертей».[1] Обещание поставлять по одному четверику (пуду) со двора не может свидетельствовать о значительном развитии башкирского земледелия. Характерно, что у башкир Осинской и Казанской дорог в посевах господствовал яровой хлеб, что, как уже отмечалось, было характерной чертой полукочевого хозяйства. В 30-е гг. XVIII в. русские крестьяне и чуваши Уфимской провинции сеяли в основном озимые культуры.

Н.Ф. Демидова отметила, что Шерып Мряков, будучи старшиной земледельческой Каршинской волости Казанской дороги, использовал труд разоренных общинников для обработки земли.[2] Документы Уфимской приказной избы свидетельствуют, что далеко не все башкиры этой волости имели пашню в начале XVIII столетия. В 1700 г. Сеит Суюндуков «с товарищи» получили владенную грамоту на рыбные ловли по Белой реке, прилегающие к башкирским вотчинам Канлинской и Минской волостей. В челобитной, обосновывающей притязания каршинцев на вотчинные угодья, перечислены не только давность владения, но и то, что они башкиры «беспахотные степные люди зимою кормятся рыбою, а в летнюю пору от скота той вотчиной».[3] Судя по масштабам ясака, который выплачивался Сеитом Суюндуковым «с товарищи» (77 куниц да и 20 батман меда), эта вотчинная группа каршинцев представляла едва ли не половину населения волости.

В декабре 1737 г. в самой крупной волости Осинской дороги – Гайнинской правительственными войсками было реквизировано для продовольствия солдатского батальона 5784 пуда муки.[4] Если учесть, что в этой волости в 1735 г. было 600 дворов,[5] то на двор приходилось около 10 пудов муки. Это, конечно, не четверик, но при конфискации продовольствия у восставших башкир власти обычно забирали все запасы. В одном дворе проживало в среднем 5–7 человек, следовательно, на человека приходилось около двух пудов муки. Для получения 8–9 пудов муки необходимо было засевать 1 десятину пашни.

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 231.
[2] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 годов. :дис. .... канд. ист. наук. М., 1955. С. 76.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1242. Л. 7-9.
[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III.С. 234.
[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д.750. Л. 432.

В 1738 г. сбор с гайнинцев составил всего 177 четвертей и 58 пудов круп.[1]

Отмечая господство земледелия среди башкир Казанской дороги Уфимского уезда, исследователи ссылаются на показание Е. Юхнева о том, что дорога Казанская кормит Уфу.[2] Однако, как выяснил в своем исследовании Р.З. Янгузин, Е.Юхнев имел в виду не башкирские волости Казанского уезда (Енейскую и Киргизскую), а татарские волости Казанского уезда.[3] В том же описании Казанской дороги Юхнев указал на то, что половина казанских башкир кочует, а половина нет.[4] Предположение Р.З. Янгузина о том, что Юхнев писал о Казанском уезде, подтверждается сведениями Сената по вопросу поставки провианта в Уфимскую провинцию в 1712–1735 гг. Тогда отправка продовольствия для гарнизонов Уфы и Бирска осуществлялась не из волостей Казанской дороги Уфимской провинции, а из Казанского уезда.[5]

О незначительности башкирской запашки в XVII – первой половине XVIII в. свидетельствуют акты припуска в башкирские вотчины, в которых припущенникам разрешалось строить мельницы на башкирской земле. В этих актах особо оговаривался пункт, по которому башкиры всей волости имели право молоть на мельнице хлеб без очереди.[6] Один из подобных актов касается башкир Каршинской волости Казанской дороги, которая считалась в начале XVIII в. в одной из самых развитых в земледельческом отношении. В середине XVIII в. в Каршинской волости числилось не менее 350 дворов. Если речь идет о башкирах всей волости, то сколько же умолота зерна придется на один двор? Обычно в XVIII в. речные мельницы-мутовки на башкирских реках работали не более 4–6 месяцев в году. Средняя производительность мельницы-мутовки XVII – первой трети XVIII в. не превышала 800 – 1000 четвертей муки в год. Таким образом, на один двор приходилось не более 2–3 четвертей муки в год. Примечательно то, что в 30-е гг. XVIII в. четверть ржи стоила в Уфимской провинции дешевле, чем в соседней безусловно земледельческой, Казанской провинции.[7] Это говорит о том, что даже при очень скромных успехах земледелия в Башкирии спрос населения на хлеб был не высоким.

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III.С. 235.
[2] Там же. С. 221.
[3] Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв…С. 139.
[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 225.
[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3 . Д.107. Л. 111-123.
[6] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 249.
[7] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д.139. Л. 249.

В начале XVIII в. наиболее развитой в земледельческом плане частью Башкирии была Осинская дорога. По данным Ландратской переписи 1718 г. в ней проживало всего 6212 башкир, в то время как в по преимуществу скотоводческих Сибирской и Ногайской дорогах числилось 56135 вотчинников.[1]

Р.З. Янгузин собрал и обработал значительный статистический материал по развитию земледелия у башкир в первой половине XIX в., взяв за основу данные конца 30–начала 40-х гг. этого столетия. Его сведения, касающиеся Северо-западной, Западной и Северо-восточной частей Башкирии, свидетельствуют о том, что к этому времени земледелие становится доминирующим видом хозяйственной деятельности башкир.[2] Основным критерием перехода башкир к земледелию автор считает величину посевной площади, приходящуюся на одну душу населения.

Можно ли считать, что данный показатель объективно отражает процесс состоявшегося перехода к оседлому земледелию? Следует отметить, что 30–40-е гг. XIX в. являются временем наиболее решительных мер по военно-административному принуждению башкир к землепашеству и оседлости. К примеру, в 30-е гг. XIX в. 1-й башкирский кантон, включавший в себя башкирское население Осинского и Пермского уездов, должен был быть давно земледельческим.[3] Еще в 1725 г. кунгурский бургомистр Юхнев отметил, что башкиры Осинской дороги «живут все в домах, хлеба имеют много и пашни, и летом не кочюют в степи, но по домам живут, как руские. Скота у них не так много, как у протчих, сена косят много».[4] Сводные данные 1842 г. о посевах башкир этого кантона показывают, что башкирами было израсходовано 6966,5 четвертей семян (5419,5 озимого и 1547 четвертей ярового зерна).[5] По подсчетам Р.Я. Янгузина, средняя урожайность на башкирских полях в 40-е гг. XIX в. не превышала сам–3.[6] По VIII ревизии 1814 г., в 1-м кантоне башкирское население составляло 14000 душ мужского и женского пола.[7] Таким образом, при средней урожайности на одну ревизскую душу приходилось 1,49 четверти зерна или 11,9 пуда, что не дотягивает даже до половины потребительской нормы по оценке Л.В. Милова.

---

[1] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1 Д. 4644.
[2] Янгузин Р.З. Указ. соч. с. 69.
[3] Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798-1865 гг.) Уфа, Китап, 2005, 256 с. С. 113.
[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Т.III.С. 407.
[5] НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4873. Л. 139-140.
[6] Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура … с. 27.
[7] НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4873. Л. 139.

Следует учесть, что треть валового сбора должна была восполнить семенной фонд. Кроме того, башкиры были обязаны делать взнос в хлебные магазины. С каждой души полагалось брать по получетверику ржи или пшеницы и двум гарнцам овса или ячменя.[1] Таким образом, до среднего уровня потребления на ревизскую душу недостает почти 8 пудов.

При анализе делопроизводственных источников XVII–XVIII вв. исследователи не всегда критично относятся к выражению «башкирская пашня». Дело в том, что указание на наличие у башкир посевов еще не является основанием для утверждения факта, что сами владельцы земли непосредственно занимались земледелием. В составе дел Уфимской приказной избы нами обнаружено 7 судебных дел с участием башкир (из 344 процессов), где объектом тяжбы была пашня. Однако по документам 4 из них не ясно, сами ли башкиры обрабатывали землю или сдавали ее другим. Так, в 1635 г. началась тяжба между башкирами Минской волости и горным татарином Захаром «с товарищи». В процессе расследования выяснилось, что сначала спорной землей владел «из чести» башкир Кудейской волости Теребердей Байкучуков, а после его смерти «тое пашню похала жена ево из чести».[2] Разумеется, что не может быть и речи, чтобы вдова самостоятельно занималась пахотой. Другой пример: в 1679 г. уфимские власти рассматривали земельный спор между башкирами Енейской волости Тогузом Бисариным и Салтыганом Ивановым «с товарищи».[3] В ходе разбирательства каждая из сторон настаивала, что именно ей принадлежит приоритет в расчистке и распашке лесного участка. Однако когда потребовались доказательства первенства обработки пашни, то выяснилось, что участники тяжбы землю сами не обрабатывали. Тогуз нанимал для вырубки березняка и пахоты четырех русских крестьян, а Салтыган сдавал эту же землю удмуртам Казанского уезда на условиях выплаты оброка в 2 куницы и анцырь меда. Енейская волость, как и почти все башкирские волости Казанской дороги, относилась к традиционному земледельческому региону.[4] Таким образом, само по себе указание источников на наличие у башкир пашни еще не свидетельствует о том, что они сами занимались полевыми работами. По утверждению Н.Н. Крадина, кочевникам вообще свойственно развивать земледельческую экономику внутри своего общества путем включения в его состав мигрантов или пленников из соседних оседлых государств. Такие

[1] Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798-1865 гг.). Уфа, Китап, 2005. 256 с. С. 107.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 132. Л. 113.
[3] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 111. Л. 3–10.
[4] Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура …С. 28.

поселки зафиксированы у многих номадов Евразии и в аридных зонах Африки.[1]

П.И. Рычков отметил, что даже после конского падежа башкиры предпочитали не увеличивать размеры своей запашки. По его словам, башкирам не хотели привыкать к земледелию вследствие свойственной им «гордости и грубости», которая отличала башкир от других кочевников.[2] Мнение П.И. Рычкова о психологическом неприятии башкирами оседлости и земледелия заслуживает более внимательного изучения. Общепринятая схема, согласно которой оседлое земледельческое хозяйство формируется в результате обеднения скотоводов, представляется несколько упрощенной. Если следовать ей, то получится, что на юге и востоке Уфимского уезда вообще должны были отсутствовать несостоятельные скотоводы. В процессе подавления восстаний первой половины XVIII в. большинство башкирских хозяйств подверглось разграблению. Однако их восстановление происходило в направлении возобновления скотоводства, но не по пути перехода к землепашеству. Как отметила Н.Ф. Демидова, многие башкиры после разгрома их деревень были вынуждены вернуться к кочевому способу хозяйства.[3] В 30-е гг. XVIII в. именно скотоводческие области края понесли наибольший ущерб в ходе карательных действий правительственных войск. Таким образом, в условиях природных и социальных потрясений полукочевое скотоводство башкир показало себя не менее жизнеспособным, нежели оседлое земледельческое хозяйство.

С.И. Вайнштейн в процессе исследования хозяйства тувинцев обратил внимание на важную особенность: к земледелию переходили только те хозяйства, которые имели определенный уровень материального достатка.[4] Изучение развития земледелия среди башкир Запада и Северо-запада Башкирии показывает, что самые значительные размеры посевов имела старшинская верхушка, т.е. наиболее богатая часть башкир. Шерып Мряков, Ахмер Асанов и Надыр Уразметев, не только использовали труд своих обедневших родственников для обработки пашни, но и прибегали к кабально-ростовщическим операциям для приобретения рабочих рук.[5] Эти представители новой

[1] Крадин Н.Н. Империя Хунну…С. 38.

[2] Рычков П.И. О способах к умножению землевладения в Оренбургской губернии//Труды ВЭО. СПб., 1767. Ч. 7. С. 136.

[3] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 годов. :дис. .... канд. ист. наук. М., 1955. С. 121.

[4] Вайнштейн С.И. Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX - нач. XX)// Советская этнография. 1959. №6. С. 84.

[5] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 231, 235, 278, 291 .

башкирской знати постепенно разрушали стереотип, утверждающий, что земледелием могут заниматься только башкирские припущенники. Престиж новой земледельческой знати демонстративно поддерживался российской администрацией, прекрасно понимавшей, что авторитет среди сородичей действует эффективнее, нежели принуждение.

Вслед за ними потянулись и рядовые общинники, привыкшие в обыденной жизни полагаться на мнение общинной верхушки. Однако разрушение прежнего стереотипа о критерии богатства начинает происходить только в конце XVIII–начале XIX в. Начало этого процесса тонко уловил П.И. Рычков. Он предложил правительству приучать башкир к оседлости на примере немногочисленных старшин, начавших успешно осваивать земледельческое хозяйство. П.И. Рычков особо отметил: «Присиливать или же неволить их есть способ весьма не сходный с их нравами и состоянием, но легче приводить их на то исподволь, обходясь с лучшими их людьми лаской, толкуя с ними о земледельстве пристойным и вразумительным образом так… сей народ к старшинам своим и сотникам особливо почтителен, и охотно их слушает, и тех тогда кто умножит земледелие, можно и награждать по их нравам и состоянием…».[1]

Вопреки предложению П.И. Рычкова, земледельческие старшины нередко использовали методы административного давления на своих подопечных. В 1740 г. Шерып Мряков и Ахмер Асанов обещали Л.Я. Соймонову не только увеличить поставки хлеба в военные центры края, но и расширить зерновые посевы в подведомственных им волостях.[2]

Не следует преувеличивать и влияние припущенников-земледельцев на изменение привычных стереотипов башкир-вотчинников. Напротив, Р.Г. Кузеев установил, что на первых порах распространения припуска взимание башкирами арендной платы и покрытие им ясака тормозило у башкир развитие земледелия, способствовало сохранению у них традиционного уклада, т.е. полукочевого скотоводства.[3]

Процесс седентаризации башкир в XVII–XIX вв. с этнографической точки зрения основательно исследован в монографии Ф.Ф.Шаяхметова.[4] Переход от одного вида производящего хозяйства к

---

[1] Рычков П.И. О способах к умножению землевладения в оренбургской губернии. …С. 138

[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 237.

[3] Кузеев Р.Г. Историческая этнография…С.121.

[4] Шаяхметов Ф.Ф. Между степью и оседлостью: процессы седентаризации башкир и распространение земледелия в XVII-XIX вв. Уфа, РИЦ БашГУ, 2005, 282 с.

другому представляет собой коренную трансформацию как социально-экономических, так и культурных основ жизни народа. Только целый комплекс причин мог принудить башкир отказаться от полукочевого образа жизни. О том, насколько тяжело воспринимался в сознании башкир переход к оседлости, описал в своих записках академик И.И. Лепехин: «Всяк, кто видел башкирцев в зимовье, почтет их за других людей. Там он видел их униженных, боязливых и истощенных: тут напротив увидит их в кочевках их смелых, некоторым образом горделивых, предприимчивых и здоровых. Но откуда эта перемена? Отдаленные в горах места рождают в них некоторый образ вольности. Чистота и приятность воздуха, здоровейшая по привычкам их пища, свободная и беззаботная жизнь ободряет их телесные и духовные силы».[1]

Седентаризация кардинально изменяет и характер причастности к основному средству производства – земле. Для кочевника, по утверждению К. Маркса, земля была собственным органическим существованием, условием производства и воспроизводства.[2] Главное же богатство выражалось во владении скотом. При переходе к землепашеству земля, неожиданно для кочевника, приобретает качество реальной отчуждаемой собственности, становится товаром.

В процессе седентаризации трансформируется не только хозяйство, но и изменяются основополагающие категории этнической культуры, к которым относятся время, пространство, труд, собственность, свобода, право. А.Я. Гуревич назвал совокупность этих категорий «моделью мира», складывающейся в данном конкретном обществе.[3] Этой моделью человек руководствуется во всех своих действиях и поступках. Совокупность этих категорий и есть, по утверждению Гуревича, инвентарь культуры любого общества.

В сознании кочевника-башкира XVI –XVIII вв. земледелие и все, что было связано с ним, не вызывало уважения. Унизительность занятия земледелием для вотчинников усугублялась тем обстоятельством, что оно ассоциировалось с основным занятием их припущенников, лишенных вотчинных прав и ограниченных в свободе передвижения. Как писал оренбургский губернатор Д.В. Волков: «Каждой же башкирец чювашенина за самую презрительную и к одной подлой работе рожденную тварь почитает. Да что лучше чюваша и сами охотно тому мнению согласоваться кажутся… и от самых иногда зачем-либо посылаемых башкирцов обиды так терпеливо сносят, как бы тому

[1] Лепехин И.И. Указ. соч. Т. 3. С. 131.
[2] Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. 1. С. 478.
[3] Гуревич А.Я. Избранные труды. М., Унив. кн., 1999. Т. 2. С. 162.

так и быть надлежало».[1] В 1736 г. В.Н. Татищев укорял тептярей Уфимской провинции в том, что они не доверяют российским властям, в то время как к башкирам, вопреки очевидному презрению с их стороны к тептярям, относятся с уважением: «Вы до днесь были у башкирцы как крестьяне у нас, и на них за земли работаете и оброк платите, а они вас ничем не защищают, разве всегда грабили разоряли, и вас за рабов почитали».[2] Ему вторит первый губернатор Оренбургской губернии И.И. Неплюев: «Довольно им того, что они до последнего башкирского бунта были у них как крестьяне и платили им оброки».[3]

Башкиры не расставались с полукочевым бытом даже не имея необходимого для этого количества скота и пастбищ. Они были вынуждены ограничивать маршруты перекочевок, сводя все передвижение к блужданию вокруг деревни, и наконец, начинают ставить юрты за околицей села или даже в своем дворе. По свидетельству зауральских башкир, в 1833 г. они выезжали на кочевье «в летнее время, подражая предкам своим и по башкирскому обыкновению для пропитания себя равно и скота».[4] Для многих башкир середины XIX в. летние выезды на кочевки являлись не более чем, как искусственно оживленным бытом, который не оправдывал себя в экономическом отношении. Среднее поголовье лошадей и крупного рогатого скота составляло в середине XIX в. 1–1,5 единицы на душу населения.[5] Это было намного ниже нормы, необходимой для кочевания, однако для этнического самосознания эти ставшие ритуальными выезды играли огромную роль.

Переход к земледелию означал и серьезную эволюцию всей структуры хозяйственной деятельности. Богатство природных ресурсов и сословные обязанности башкир края обусловили многоотраслевую структуру хозяйственной деятельности. Башкиры занимались выделкой кож, извозом, добычей соли, деревообработкой, бортничеством, рыболовством, производством поташа и дегтя. Среди них было немало рудознатцев, промысловиков-охотников и т.д. Если прибавить к тому обязательное знание военного дела, то можно понять, почему у башкир с древности существовало уважение к практическим знаниям, ценилось умение быстро воспринимать новые навыки.

Переход к земледелию значительно упрощал хозяйственную жизнь башкир. В исследовании «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» Л.В. Милов показал, что

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III.С. 337.
[2] РГАДА. Ф. 298. Оп.1. Д. 1. Л. 135.
[3] Там же. Оп. 29. Д. 2851. Л. 35.
[4] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкирской АССР…. Ч. 1. С. 45.
[5] Там же. С. 35.

земледелец в России жил в условиях постоянного дефицита времени, вызванного особенностями природно-климатического положения страны.[1] Неземледельческие промыслы развивались тогда, когда крестьянин был свободен от земледелия, т.е. в зимнее время. Умножение среди русских крестьян отхожих промыслов во второй половине XIX в. было вызвано аграрным перенаселением, когда величина надела уже не могла прокормить крестьянский двор.

Башкиры в XVIII –XIX вв. владели угодьями, которые с избытком удовлетворяли все потребности земледельческого хозяйства. Переход к оседлости обусловил концентрацию времени и сил только на главном типе хозяйства, тогда как прежние виды деятельности все более оттесняются на задний план и вовсе исчезают. Одностороннее развитие хозяйства обеднило комплекс навыков и умений.

В ходе этого процесса должны были измениться и пищевые предпочтения башкир. Во второй половине XVIII в. командиры башкирского войска в походных условиях были вынуждены менять уставные положения и перестраивать суточные маршевые рационы под традиционные предпочтения башкир. В своей инструкции майору И. Шмакову командиру трехтысячной башкирской команды, направлявшейся в Польшу в 1771 г., оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп особо указал на то, что «…как сей народ ни сколько сроден к хлебу, сколько к мясу, когда бы они пожелают и просить будут, чтобы бы им вместо провианта деньгами производить, то им и деньгами за оный по справочным торговым ценам выдавать».[2]

Исследования в области исторической демографии показали, что переход к земледельческому хозяйству оказывает мощное влияние на демографические процессы. Рождаемость у оседлых земледельческих народов превосходит аналогичный показатель у этносов с иными типами хозяйствования. На протяжении XVI–XVIII вв. численность башкир колебалась в пределах 50000 – 200000 человек.[3] Однако только за первую половину XIX в. (период наиболее активного перехода к земледелию) численность башкир выросла более чем в 2,5 раза, с 200 тысяч в 1795 г. до 545 тысяч – в 1858.[4] Увеличение рождаемости у башкир вызвало изменения в структуре семьи, а стало быть, оказало влияние на отношение к браку и родственным связям. На основании материалов ревизских переписей Г.А. Киньябаева сделала вывод о том, что ухудшение экономического положения населения реанимировало некоторые отжившие формы семьи. На протяжении всей первой

[1] Милов Л.В. Указ. соч. С.5.
[2] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 112. Л. 43.
[3] Кузеев Р.Г. Историческая этнография…С.39
[4] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкирской АССР…Ч. 1 С. 25

половины XIX в. по исследуемому региону наблюдалось укрупнение дворов и, следовательно, увеличение доли неразделенных семей (до 60 %). Увеличение количества рабочих рук в одном хозяйстве способствовало выживанию семьи в тяжелых экономических условиях.[1] В целом, прирост башкирского населения в скотоводческих уездах был ниже, чем в оседло-земледельческих.

Упадок и разрушение основного уклада жизни неизбежно должен был отразиться на этнических процессах. Опыт мировой истории показывает, что при кардинальном перевороте всего жизненного уклада любая этническая общность, как правило, не создает свою собственную «модель мира». Этносы в процессе трансформации используют уже существующий образ жизни народов, опередивших их в этом развитии.

Индустриальное общество, появившееся ранее всего в Западной Европе, предоставило другим странам не только формы хозяйственного развития, но и обусловило универсальность политического, идеологического и культурного существования. Многие века по соседству с башкирами проживали татары – традиционные земледельцы. Татарская культура дала тот поведенческий ориентир, который позволил западным башкирам полностью перейти к оседлому земледелию. Этому процессу способствовало и то обстоятельство, что структура хозяйства татар в основе своей сохранила больше пережитков кочевой культуры, нежели земледельческое хозяйство русских, чувашских или марийских крестьян. Однако перенимать земледельческие навыки приходилось у народов, которые в социальном плане стояли ниже башкир. Статус служилого сословия, традиционно считавшийся в России привилегированным, выделял башкир среди народов государства. Переход в земледельческое состояние был воспринят как низведение на более низкий социальный уровень. Согласно исследованиям этнологов, процесс инфильтрации в башкирский этнос представителей татар, марийцев и чувашей наиболее активно проходил в западных и северо-западных уездах Оренбургской губернии.[2]

Башкиры, позаимствовав новый для себя тип оседлого земледельческого хозяйства, должны были воспринять и культуру народов, у которых они перенимали земледельческие навыки и соответствующие им социальные стереотипы и установки. В западной части Башкирии татарская языковая ассимиляция получила наибольшее

[1] Киньябаева Г.А. Семья и брак у башкир в первой половине XIX в… С. 17.

[2] Янгузин Р. З.Традиционный хозяйственный уклад башкир прошлого столетия (до 60-х годов). Уфа, Башкирское книжное издательство, 1977. С. 31.

развитие. Вслед за хозяйством и культурным типом начинает меняться и самосознание башкирского населения. Как отметил А.З. Асфандияров: «Языковое сближение башкир с припущенниками приводит к их ассимиляции. Около 200 000 башкир по переписи 1897 г. в Бугульминском и Мензелинском уездах полностью сменили национальность на татарскую в 1920 г».[1]

Таким образом, переход башкир к оседлому земледелию не был обусловлен естественной эволюцией полукочевого хозяйства. Это был болезненный и вынужденный процесс, предопределенный резким сокращением пастбищ и принудительными мерами правительства. Однако для южных и восточных башкир, представлявших по численности основную часть коренного населения, полукочевое скотоводство продолжало оставаться главным типом хозяйства вплоть до начала XIX в.

В фундаментальном исследовании, посвященном изучению состояния кочевого хозяйства, А.М. Хазанова показывает, что моноспециализированное хозяйство номадов является крайне неустойчивым. У самих номадов скотоводческая специализация и связанная с нею большая или меньшая хозяйственная неавтаркичность нередко вели к направленным вовне собственного общества социальной мобильности и повышенной политической активности. Номады никогда не могли существовать сами по себе, без внешнего мира, представленного некочевыми обществами с иными системами хозяйства.[2] Это обстоятельство создавало благоприятные условия для политической централизации кочевников. Крупномасштабная война с земледельческими государствами или постоянная торговля с ними не могли быть успешными без создания регулирующего надобщинного центра, обладавшего правом самостоятельно решать важнейшие вопросы жизни общества. На основании математической модели А.В. Коротаев пришел к выводу о том, что именно характер хозяйства оказывает первостепенное влияние на процессы политической централизации. Корреляционная связь «хозяйство — политическая централизация» гораздо сильнее, чем связь «хозяйство — социальная стратификация».[3] Таким образом, уникальная по своему разнообразию хозяйственная деятельность башкир XVII–XVIII вв. обусловливала формирование социальных связей, которые не могут однозначно

[1] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Уфа, Китап, 1993. Т. 4. С. 123

[2] Хазанов А.М. Указ. соч. С. 70.

[3] Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классообразования и политогенеза//Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М., Ин-т истории АН СССР, 1991, Вып.1. С.167.

интерпретироваться только в рамках кочевой модели общества. Среди башкирских общин потребность в политической централизации была менее актуальной, нежели в классических кочевых социумах, а отношения между полукочевыми и оседлыми родами никогда не приводили к формированию зависимости или подчинения. Принято считать, что в замкнутых социумах скотоводы-кочевники, если и не доминируют над оседлыми земледельцами, то по крайне мере, имеют превосходство, обусловленное естественными преимуществами конных воинов над пешими. В башкирском обществе мы не обнаруживаем приоритета кочевых южных и юго-восточных башкир над полуоседлыми общинами в пользовании природными ресурсами, находившимися во владении всех башкирских родов.[1] Таким образом, многоотраслевое хозяйство башкир показало себя более устойчивым как с точки зрения воздействия природно-климатических, так и социально-экономических факторов. Развитие промыслов позволяло компенсировать риски скотоводческого хозяйства и тем самым снизить внутреннее напряжение социума.

Тем не менее, до сей поры в исторической литературе социальные отношения в башкирском обществе принято рассматривать сквозь призму теории «кочевого феодализма».

[1] Речь идет о степных охотничьих угодьях за Яиком и соляных месторождениях на Илеке.

Глава 2. Социальное развитие башкирского общества в XVI – первой трети XVIII в. в свете теории «кочевого феодализма»

§1. Историография проблемы

Эта теория по-прежнему является методологической основой в современных исследованиях по истории башкирского общества. В многотомной «Истории башкирского народа» отмечается, что в XVII – первой половине XVIII в. продолжался процесс феодализации башкирского общества.[1] Относительно господствующей формы собственности у башкир данного периода констатируется существование «вполне доказанной феодальной собственности на землю».[2]

В известной степени приверженность теории «кочевого феодализма» обусловлена строгими рамками формационной парадигмы, согласно которой предпосылки государства не могут возникнуть без развитых классовых отношений. Давний апологет древней башкирской государственности Н.А. Мажитов утверждает, что пребывание башкир в составе Золотой Орды способствовало окончательному формированию типично феодального сословно-иерархического общества во главе с ордынским ханом. Фактически же на правах вассала от его имени страной управляли башкирские бии, обладавшие наследственной властью.[3] Как совершенно справедливо заметил по этому поводу Н.Н. Крадин, поскольку государство не могло существовать без классовых отношений, историческое существование кочевых государств предполагало их существование.[4]

Не следует полагать, что отголоски теории, созданной в 30-е гг. XX в., можно обнаружить лишь в работах региональных историков. В одном из новейших исследований, посвященных анализу внутренней политики Анны Иоанновны, ожесточенный характер интеграции Башкирии в российскую имперскую структуру объясняется наличием в башкирском обществе «феодально-родовых структур».[5]

---

[1] История башкирского народа. Уфа, Гилем, 2011. Т.3. С. 99.
[2] Там же. С. 101.
[3] Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времён до XVI в. Уфа, Китап, 1994. С. 229.
[4] Кочевая альтернатива социальной эволюции. Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. М., Институт Африки РАН, 2002. С. 51.
[5] Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 594.

Теория «кочевого феодализма» была сформулирована в начальный период коллективизации, когда от представителей общественных дисциплин потребовалось научное обоснование необходимости ликвидации эксплуататорских классов в обществах кочевых скотоводов Казахстана, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Однако проявления классовой борьбы у кочевников были не столь очевидны, как в оседлых земледельческих цивилизациях. По этой причине, согласно утверждению Г.Е. Маркова, возник социальный заказ советского руководства идеологически доказать наличие в кочевом обществе резких социальных противоречий.[1] Симптоматично то, что в исследованиях начала XX в. не было даже намека на наличие в кочевых обществах феодальных отношений.[2] Лишь после 1933 г. В.В. Бартольд был вынужден «обнаружить» классовую борьбу в обществах кочевников. Её обострение, по его мнению, являлось предпосылкой возникновения государства. Впрочем, В.В. Бартольд счел необходимым оговориться тем, что классовая борьба явление не постоянное, со временем социальная дифференциация может и вовсе сойти на нет, и тогда кочевое общество возвращается в нормальное для него общинно-родовое состояние.[3] Это замечание имеет принципиальное значение для характеристики кочевых социумов, поскольку для земледельческих обществ, по утверждению А.М.Хазанова, возможность подобного социального реверса исключена. В оседлых цивилизациях черты предыдущих уровней развития начинают постепенно отмирать за ненадобностью.[4]

Впервые концепция прохождения кочевыми обществами рабовладельческой и феодальной формаций была изложена С.П. Толстовым на пленуме ГАИМК в июне 1933 г. В его докладе утверждалось, что кочевничество в VIII–IX вв. прошло стадию рабовладения, труд рабов использовался в доении кобылиц, в производстве продуктов. Затем в силу противоречия между коллективной собственностью на рабов и частной на скот складываются зачатки феодальной собственности, и постепенно происходит переход к феодализму.[5] Основой возникновения системы феодальных отношений у кочевников был провозглашен саун, т.е. отдача скота феодалами на выпас бедным общинникам. Земля, номинально находясь в

[1] Марков Г.Е. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории//Восток, 1998. № 6. С. 111.
[2] Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1926. 318 с.
[3] Бартольд В.В. Памяти Раддова//Сочинения. М., Наука, Т. 9. 1977. С. 665-689.
[4] Хазанов А.М. Указ. соч. С. 549.
[5] Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых обществах. ИГАИМК. М., 1934. Вып. 103. С. 98-122.

общественной собственности, фактически же находилась в безраздельной собственности степных феодалов.

Б.Я. Владимирцев в книге «Общественный строй монголов», изданной в 1934 г., показал, что развитие феодальных отношений у кочевников проходит те же этапы, что и у земледельческих народов. Владение землей выражалось в том, что нойон, т.е. феодальный сеньор, царевич, тысячник, руководил кочеванием зависимых от него людей, направляя их по своему усмотрению, распределял пастбищные угодья и указывая стоянки.[1]

Тем не менее, уже при формулировании теории «кочевого феодализма» исследователи столкнулись с многочисленными противоречиями, которые не могли быть объяснены с точки зрения закономерностей, присущих феодальной формации. Для решения этих научных проблем теория «кочевого феодализма» была несколько изменена в направлении акцентирования факта недоразвитости феодальных отношений у кочевников. В работах А.Н. Бернштама, А.П. Чулошникова и Л.П. Потапова появляется уточняющая дефиниция «патриархальный феодализм».[2]

Г.А. Федоров-Давыдов доказывает, что в Золотой Орде сложилась система кочевых феодов с типичным для развитого феодализма иммунитетом и, следовательно, с феодальной собственностью на землю.[3] В дальнейшем сложившийся у монголов строй был перенесен на покоренные племена кочевников. В результате сложился некий синтез, особый вариант кочевого феодализма. Любопытно, что Г.А. Федоров-Давыдов выбрал в качестве основного критерия феодальных отношений такой фактор, как власть и зависимость. В то же время, экономические отношения рассматриваются им лишь в плане функционирования вассально-ленной системы кочевой империи Чингисхана в духе работ Б.Я. Владимирцева.

В послевоенный период среди сторонников теории «кочевого феодализма» наметилось противоречие. Одни исследователи указывали

---

[1] Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., АН СССР. 1934. 224 с. С.87.

[2] Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов Л., изд-во Ленинградского университета, 1951; Чулошников А.П. Истории феодальных отношений в Казахстане в XVII- XVIII вв// Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1936, № 3.; Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов средней Азии и Казахстана //Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, АН УзбССР, 1955, С. 17-42.

[3] Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды М., МГУ, 1973. 181 с. С.59

на наличие у кочевников феодальной собственности на землю, а другие – на скот. С.Е. Толыбеков и В.Ф. Шахматов доказывали, что собственность на скот является основой феодальных отношений в кочевом обществе.[1] Таким образом, они подвергли сомнению концепцию В.Я. Владмирцева, утверждавшего, что феодальные отношения возникают у кочевников на тех же основаниях, что и у земледельцев.[2]

В 1966 г. Г.Е. Марков выступил против того, чтобы рассматривать социально-экономические отношения в кочевом обществе как феодальные. Он указал на существование общинной формы собственности на землю и частно-семейной собственности на скот. По его мнению, существование монопольной собственности на землю в обществе кочевников не подтверждается источниками, а использование кочевой знатью лучших пастбищ вовсе не свидетельствует о наличии феодальных отношений.[3]

Этнолог С.Ю.Семенов так же доказывает, что никакого феодализма в кочевых социумах не наблюдается. Более того, по его убеждению, кочевые общества не принадлежат ни к одной из известных общественно-экономических формаций. Он относит к их переходному периоду, лежащему между первобытнообщинным и классовым обществом.[4]

В последние годы наиболее значительные работы, специально посвященные исследованию социальных отношений у кочевников, были написаны Н.Н. Крадиным.[5] Он рассматривает кочевые социумы в качестве особого варианта социальной эволюции, на которую

---

[1] Толыбеков С.Е.Кочевое общество казахов в XVII - начале XX в. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971; Шахматов В. Ф. К вопросу о классовой и антиколониальной борьбе и ее формах в Казахстане в XIX в. // Вестник АН КазССР, 1951, № 8. С. 35—44.

[2] Владимирцев Б.Я.Указ. соч. С. 39.

[3] Марков Г.Е. Кочевники Азии: (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпоху возникновения, расцвета и заката кочевничества). :дис. .... докт. ист. Наук, М., 1966. С. 32.

[4] Семенов С.Ю.Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества// Советская этнография, 1982. № 2. С.32.

[5] Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, Дальнаука. 1992; Он же. Империя Хунну. Владивосток, Дальнаука, 1996; Альтернативные пути к цивилизации. Кол. монография. Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., Логос, 2000; Кочевая альтернатива социальной эволюции. Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. М., Институт Африки РАН, 2002.

некорректно проецировать какие-либо европоцентристские модели общественного развития.[1]

Проблема научной обоснованности теории «кочевого феодализма» фактически никогда не подвергалась критике со стороны исследователей истории Башкирии. Однако без решения вопроса об общественном строе кочевников невозможно объективно исследовать причины и характер вхождения башкир в состав Российского государства, выявить особенности вотчинного права на землю, исследовать идеологическую основу башкирских восстаний XVII –XVIII вв., и наконец, рассмотреть процесс формирования из башкир военного сословия в конце XVIII в.

Первым историком, заявившим, что башкирское общество уже к середине XVI в. находилось на стадии зрелого феодализма, был Н.В. Устюгов.[2] В своем исследовании он опирался на главный вывод работы Б.Я. Владимирцева о существовании у монголов XII –XIII вв. системы развитого феодального вассалитета. Н.В.Устюгов рассматривает вхождение башкирских родов и племен в состав Российского государства как процесс утверждения вассальной зависимости башкирских феодалов от русского царя. По мнению автора, такие условия башкирского вассалитета, как передача земли в обмен на службу, невмешательство во внутренние дела и исповедание башкир в обмен на ясачную подать, были типичными для феодально-ленной системы. Н.В. Устюгов, кроме того, указал на распространенную среди башкирских феодалов практику свободного отъезда, т.е. одностороннего выхода из вассального договора в случае нарушения его условий. По его утверждению, идеология всех башкирских восстаний XVII – XVII вв. основывалась на убеждении башкирских феодалов в свободном характере службы русскому царю. Он пишет, башкирские феодалы трактовали свое подданство русскому царю как вассалитет. Они смотрели на московского государя как на своего сюзерена, которому они были обязаны добровольной службой. Поскольку эта служба и платеж ясака были добровольными, то это предполагало и право отъезда, если условия вассалитета казались не приемлемыми для вассала.

Концепция башкирского феодального вассалитета стала настолько распространенной, что её разделяли даже те исследователи, кто в целом не поддерживал основные положения работ Н.В.Устюгова. К примеру, Р.Г. Кузеев утверждал, что в XVI в. в Волго-Уральском

[1] Кочевая альтернатива социальной эволюции... С. 11.

[2] Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737-1739 гг. М.-Л., АН СССР, 1950. 154 с.

регионе продолжала действовать традиционная для кочевников феодальная система выбора сюзерена, влияние которого не всегда ограничивалось лишь территорией его непосредственного владычества.[1]

А.Н. Усманов безоговорочно характеризует процесс принятия башкирами российского подданства как признание вассальных отношений башкирскими феодалами.[2]

Авторы издания историко-этнографического исследования, посвященного антропологии и этнографии башкир, определяют факт принятия российского подданства как установление добровольно-вассальных отношений.[3]

Применение теории «кочевого феодализма» к изучению ряда ключевых событий башкирской истории XVII –XVIII вв. приводит к концептуальным противоречиям, которые не могут быть преодолены в рамках формационной теории. Например, вопрос о невозможности инкорпорации представителей башкирской кочевой знати в состав российского феодального сословия не имеет объяснения с точки зрения апологетов теории «кочевого феодализма». У.Х. Рахматуллин лишь отметил это противоречие в своем исследовании, не проанализировав причину данного явления.[4]

В этой связи нельзя не упомянуть о неоднократном изменении трактовки причин башкирских восстаний. Отсутствие ясной позиции по этому вопросу обусловлено непониманием социальной структуры башкирского общества XVII –XVIII вв. и, в первую очередь, переносом социальной модели классического феодализма на общество полукочевников.

Это концептуальное противоречие попыталась разрешить Н.Ф. Демидова. На основании исследования фундаментального комплекса источников XVIII в., она сделала вывод о том, что башкиры находились на такой ступени развития феодальных отношений, которая не может быть классифицирована как однозначно феодальная. Патриархальность общественных отношений была присуща всей группе кочевых и полукочевых народов Востока. Башкирское общество миновало рабовладельческую стадию и, как следствие этого, имело сильные пережитки первобытных родовых отношений. Таким образом, был использован ленинский аргумент о том, что за перескакивание

---

[1] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа...С. 141.

[2] Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству… С. 211.

[3] Башкиры. Этническая история. Материальная и духовная культура. Уфа, Башкирская энциклопедия, 2002. С. 84.

[4] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 годов. :дис. .... канд. ист. наук. М., 1955. С. 254;

определенных ступеней развития общество платит пережитками, сохраняющимися в форме прежних укладов. Тем не менее, Н.Ф. Демидова не поддержала утверждение Н.В. Устюгова о том, что вхождение Башкирии в состав России имело форму утверждения вассальной зависимости башкирских феодалов от русского царя. По ее мнению, столкновение двух ступеней феодализма – феодализма русского, стоявшего на ступени, предшествующей его разложению, и феодализма башкирского, с сильными пережитками родовых отношений, не могло разрешиться прямым включением Башкирии в общую систему феодальных отношений. Н.Ф. Демидова особо подчеркнула, что развитие феодальных отношений в Башкирии не только отставало от аналогичного процесса в центральной России, но и шло по своеобразному пути, не дававшему на данной стадии, т.е. начала XVIII в. возможности для такого включения.[1]

Таким образом, Н.Ф. Демидова отметила качественную специфику социальных отношений в Башкирии в первой трети XVIII в., которая, по ее мнению, не была следствием стадиального отставания в развитии феодальных отношений. Следовательно, утверждает Н.Ф. Демидова, башкирская кочевая знать первой трети XVIII в. не могла быть включена в состав феодального класса Российского государства. Причина этого, по ее мнению, заключалась в том, что башкирские феодалы не только не обеспечивали спокойствия в крае, но сами выступали его нарушителями. Слабость и неоформленность башкирского феодального класса была обусловлена наличием сильных пережитков родового строя и зачаточных форм внеэкономического принуждения. Эти факторы делали башкирских феодалов недостаточно сильными для противопоставления трудящимся массам, для твердого проведения всех мероприятий царского правительства. Именно поэтому в начале XVIII в. правительство начинает борьбу за ликвидацию класса башкирских феодалов, за превращение башкир в разряд государственных крестьян.[2]

Таким образом, в своем исследовании Н.Ф. Демидова, не отрицая принадлежности башкирской кочевой знати к классу феодалов, тем не менее, указывает на специфику положения башкирской верхушки, обусловленную сильными пережитками родовых отношений. Пережитки родового строя выражались, во-первых, в сохранении структуры родового общества, а во-вторых, в маскировке феодальных отношений родовыми институтами.

---

[1] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 годов. :дис. .... канд. ист. наук. М., 1955. С. 212.
[2] Там же. С. 198.

Следует отметить, что концепция маскировки феодальных отношений формами общинной собственности вполне соответствует традициям так называемой «философии подозрения».Основоположниками последней принято считать К. Маркса и Ф. Ницше и З. Фрейда.[1] Согласно К. Марксу, вся философия, вся идеология есть ложное сознание, которое вуалирует реальность хозяйственных циклов. В последнем исследовании, посвященном истории башкирского народа, авторы вновь прибегли к этой марксистской концепции: «Общинная собственность на землю, это основное средство производства в башкирском обществе, сравнительно плотно маскировала все виды экономических связей в крае».[2] Тем не менее, «частная собственность знати уже проглядывает сквозь обветшавшие патриархальные завесы. Сосредоточение в руках тарханов, старост, старшин и им подобных основной массы скота, а также обладание ими административно-судебной властью на местах наглядно свидетельствуют об установлении их экономической власти. В целом развитие производительных сил, рост земледелия и усиление роли товарно-денежных отношений определяют дальнейшее углубление феодальных отношений у башкир».[3]

Возникает вопрос, насколько феодальным отношениям свойственно подобное «прикрытие» патриархальной оболочкой? К примеру, признанный теоретик европейского феодализма А.Г. Гуревич утверждает, что феодальным производственным отношениям, в отличие от капиталистических, свойственна ясность, прозрачность и конкретность: «Буржуазная собственность может быть совершенно анонимна, между тем, как феодальная собственность всегда имеет свое имя и дает его господину; земля для него — не только объект обладания, но и родина, со своей историей, местными обычаями, верованиями, предрассудками».[4] По-видимому, советские исследователи, вскрывавшие «патриархальную оболочку» башкирского общества XVI–XVIII вв. для выявления феодальных отношений, пребывали в повседневности, в которой маскировка отношений собственности действительно имела принципиальное значение. Действительно, обнаружить фактическое отличие государственной собственности от общенародной могли только сведущие в казуистике советского права профессионалы.

---

[1] Визгин В.П. На пути к другому: от школы подозрения к философии доверия. М., Языки славянской культуры, 2004. С. 333.
[2] История башкирского народа… Т.3. С. 102.
[3] Там же. С. 102.
[4] Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Избранные труды. М.-СПб., 1999. Т.2. С. 98.

Можно ли утверждать, что башкиры в XVII – первой трети XVIII в. сохранили структуры архаического родового общества? В ряде современных работ, в частности, в последнем исследовании по исторической этнографии башкир указывается, что развитие социально-экономических отношений в башкирском обществе шло по пути распада первоначальных родовых объединений. В конечном счете, исчезают все формы родовых пережитков, и повсюду начинает господствовать хозяйство отдельной семьи.[1] Глубина родовых отношений, присущая башкирскому обществу в XVIII в., оценивается исследователями в довольно широком диапазоне. Если Н.Ф. Демидова подчеркивала доминирование родовых пережитков, придававших уникальный характер башкирскому феодализму, то Ф.А. Шокурова отметила вполне зрелые феодальные отношения, по крайне мере, достаточные для формирования протогосударственных образований типа «чифдома».[2]

Тем не менее, согласно выводу ведущих кочевниковедов, племена номадов пережили этап распада родовых отношений еще на стадии зарождения кочевничества. Этот вывод подтверждается исследованиями Г.Е. Маркова, С.И. Вайнштейна, С.М. Абрамзона.[3] Как отмечает Г.Е. Марков, действительное родство – родство по крови, имело практическое значение только в рамках семей и небольших кочевых общин. Но и здесь родственные связи уступали нередко место хозяйственным и иным практическим интересам.[4]

В процессе разложения первобытнообщинной организации племен, ведших оседлое и полуоседлое комплексное хозяйство, формируется кочевническая организация, в основе которой находились хозяйственно самостоятельные большие семьи, имевшие в частной собственности скот. В известной степени частная собственность отдельных семей на скот имела условный характер. В казахском обществе еще в XIX в. за нуждающимся отцом сохранялось право по отношению к имуществу выделенного сына. Он мог взять любую вещь у сына и пользоваться ей сколько угодно. К этому надо добавить и право

---

[1] Башкиры. Этническая история. Материальная и духовная культура. Уфа, Башкирская энциклопедия , 2002. С. 134.

[2] Шакурова Ф.А. Кочевое наследие в истории и культуре Башкортостана. Уфа, МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. С.88.

[3] Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., изд-во МГУ, 1976; Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М., Наука, 1972; Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии// Краткие сообщения Института этнографии. 1957. Вып. 28. С. 28-34.

[4]Марков Г.Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии//IX МКАЭН (Чикаго), Доклады советской делегации, М., 1973. С. 112.

внуков на самовольный угон и присвоение любого скота или вещи из имущества своего деда по материнской линии.[1]

Подобные отношения существовали и у башкир, например, когда член семьи, которая уже выделилась, был обязан оказать материальную помощь родственнику в случае внезапной утраты скота, крова или иных средств существования. Институт родственной помощи был тем более развит, чем более рискованным и экстремальным было скотоводство.

Безопасность отдельных кочевых семей была крайне уязвимой, поэтому отдельные семьи начинают объединяться в кочевые группы – общины, племенные подразделения и племена. К возникновению кочевых общин и кочевых подразделений приводила также и сегментация больших семей. Каждая общественная структура подвижных скотоводов – от кочевой общины до племени и союза племен – рассматривалась как следствие сегментации одной первоначальной семьи, что давало идеологическое обоснование общинно-племенной общности как генеалогического родства, единства происхождения.[2] Таким образом, отдельные семьи кочевников испытывали потребность в объединении в кочевые группы, сохраняя при этом частную собственность на скот.

В конце 30-х гг. XX в. А.П. Чулошников доказал, что распад родовых отношений у башкир произошел уже на стадии формирования племенных образований. Родовые подразделения не являлись кровнородственными коллективами: волость и ее подразделения – аймаки и тюбы, уже в XVII в. не представляли собой собрания родственников, и чужеродные элементы, часто не башкирского происхождения, проникали в род.[3] Исследование родовых отношений А.П. Чулошникова не воспринималось историками, которые продолжали указывать на сохранение структуры родового общества в Башкирии.

Существование патриархальных пережитков не прослеживается и на уровне отдельных семей. В своем исследовании «Очерки исторической этнографии башкир» Р.Г. Кузеев по существу некорректно использовал понятие «большая семья», имея ввиду семейную группу из

[1] Зиманов С.З. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников скотоводов// Вопросы истории. 1955. № 12. С. 63-67.

[2] Марков Г.Е. Проблемы развития общественной структуры... С. 114

[3] Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания в XVII - первой половине XVIII в//Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., АН СССР, 1936, Т. 1. С. 112.

двух поколений родственников.[1] Интересно, что даже в такой редуцированной форме эта «большая семья» в XVII–XVIII вв., по утверждению Р.Г. Кузеева, имела распространение в земледельческих волостях, в то время как на кочевом юге она была практически неизвестна.[2] Исследователь башкирской системы родства Н.В. Бикбулатов также не сразу определился с понятием «большая патриархальная семья». В одной из ранних работ автор не видит различия между большой патриархальной и неразделенной семьей. Тем не менее, весьма интересным является его замечание, что неразделенная семья у башкир была эпизодическим явлением, отличаясь неустойчивостью и склонностью к распаду после смерти главы.[3] Отождествляя неразделенную семью с большой патриархальной, Н.В. Бикбулатов не видит логического противоречия в своем выводе о том, что неразделенные семьи получили распространение совсем недавно, в связи с проникновением в башкирскую деревню капиталистических отношений.[4] Таким образом, оживлению дофеодальных родовых пережитков способствовало развитие буржуазного образа жизни. При этом, Н.И. Бикбулатов подтвердил тезис Р.Г. Кузеева о том, что у кочевников и полукочевников большая семья была менее сплоченной в хозяйственном отношении, чем у оседлых башкир.[5]

В исследовании А.З. Асфандиярова на обширном архивном материале было показано, что у башкир XVI–XVIII вв. господствовали две формы семьи: малая и большая неразделенная.[6] Многолюдность башкирского двора XVIII в. не дает основания предполагать существование большой патриархальной семьи. Существование неразделенных семей было вызвано фискальными соображениями, поскольку малые семьи в составе неразделенной никогда не были объектом государственного тягла. На основе малой семьи регенерируется неразделенная семья в зависимости от действия социально-экономических или военно-политических факторов. Поэтому сложная неразделенная семья ни генетически, ни стадиально, ни терминологически не связана с большой патриархальной семьей эпохи распада родового строя.

---

[1] Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Родоплеменная организация башкир в XVII-XVIII вв./Собрание научных трудов в 7 т. / Р.Г. Кузеев. Уфа, Китап, 2015. Т.1. С 248.

[2] Там же. С. 249.

[3] Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М., Наука, 1983. С. 249.

[4] Там же. С. 250.

[5] Там же. С. 100.

[6] Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII - первая половина XIX в.). Уфа, Китап, 1997. 104 с.

В Башкирии в XVII – первой трети XVIII в. границы родовых территорий находились в постоянном движении. Башкирские роды, переименованные царской администрацией в волости, объединяли не определенные территории, а группы населения, принадлежащие к одним и тем же племенам. В 30-е гг. XVIII в. подобная система родоплеменного деления вошла в противоречие с планами по интеграции Башкирии в административную структуру Российского государства. В.Н. Татищев отмечал в 1736 г.: «У них великий беспорядок, в одной деревне жители 3–4 волостей живут».[1] По утверждению этнографа Ф.А. Шакуровой, в XVIII в. многие башкирские волости представляли этнические общности, субэтносы, и подчас, объединяли разрозненное в территориальном отношении население. Формирование правильного административно-территориального деления Уфимской провинции начинается только во второй половине XVIII в. после создания военно-кантонной системы управления башкирами.[2]

Р.Г. Кузеев, на основании значительного массива этнографических данных подтвердил вывод А.П. Чулошникова о том, что распад родовых отношений у башкир произошел еще в глубокой древности. Р.Г. Кузеев подчеркнул, что в башкирские общины нередко вливались не только группы из башкирских племен, но и из других этнических образований.[3] Причем процесс этот шел непрерывно на протяжении XVI – XVIII вв.

Это наблюдение Р.Г. Кузеева подтверждается и этническим происхождением башкирских родоплеменных образований. В конце XVIII в. насчитывалось 121 башкирский род и 1693 родовых подразделений.[4] По нашим подсчетам, 173 родовых подразделений башкир (более 10%) были образованы выходцами из калмыков, татар, ногаев, чуваш, мари и выходцев из Средней Азии. (См. таблицу №1). Всего же в формировании новых подразделений родов участвовали представители не менее 9 этносов, среди которых особая роль принадлежит калмыкам. В конце XVIII в. существовало особое

[1] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 годов. :дис. .... канд. ист. наук. М., 1955. С. 76.

[2] Шакурова Ф. А. Башкирская волость и община в середине XVIII — начале XIX вв. Уфа, БНЦ УрО РАН, 1992. 137 с. С. 64.

[3] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа…С.129.

[4] Таблица составлена на основании материалов фондов РГАДА (1173, 615, 233, 248), а так же данных извлеченных из исследований П.И. Рычкова «Топография Оренбургская» Уфа, 1999. и Р.Г. Кузеева Происхождение башкирского народа. М., 1974.

башкирское племя Колмак. Кроме того, 43 родовых подразделения «колмак» входили в состав 37 башкирских родов.

Таблица 1.

Этносы группы, участвовавшие в XVII – XVIII вв. в основании башкирских подразделений родов

	Этнические группы	Число родовых подразделений
1.	Калмыки	43
2	Татары	31
3	Сарты	21
3	Казахи	18
4	Чуваши	16
5	Туркмен	15
6	Мишары	10
7	Ногаи	9
8	Мари	7
9	Узбеки	3
	Всего	173

Тем не менее, не утверждая наличие действительного кровного родства, в качестве основы социальных отношений, не следует впадать в другую крайность, пытаясь перенести модель соседской общины на башкирские волостные структуры XVII–первой трети XVIII в. Ю.И. Семенов доказал, что главным принципом членства в социоисторическом организме, под которым в данном случае понимается этнос, было родство. Однако родство не биологическое, а социальное. Если организм был невелик, то, по крайне мере, его ядро всегда состояло из родственников. Тем не менее, в их число попадали не только в силу происхождения, но и путем адопции, т.е. через усыновление, заключение брака и побратимство.[1]

§ 2. Формы инкорпорации инородцев в башкирские общины в XVII – начале XVIII в.

Адопция военнопленных. В отличие от ассимиляции, адопция имеет характер интегративного межэтнического взаимодействия. Таким образом установление родства предполагало добровольный и

[1] Семенов Ю.И. Народ, этнос, нация //Философия и общество. 2013. № 1 (69). С. 28.

осознанный характер. При этом, усыновление или заключение брака подтверждалось посредством обряда инициации. А. Ван Геннеп трактовал инициацию усыновления как второе (главное) рождение человека.[1]

В XVII в. в башкирском обществе в самых значительных масштабах наблюдается адопция военнопленных и нерусских переселенцев. Каким образом, производилась эта массовая инкорпорация иноплеменников в структуру башкирского этноса?

Имеющиеся в литературе объяснения положения пленных для башкирского общества XVII в. страдают определенным схематизмом. Традиционно военнопленных (ясырей) принято помещать в группу зависимого и бесправного населения, между туснаками и байгушами. Историки и этнографы считают излишним выяснять прежнее социальное или этническое происхождение пленных. К примеру, С.И. Руденко резюмирует, что добыча ясыря являлась основным способом получения рабов. В ходе регулярных набегов на соседние племена или народы захватывали в плен чужеродцев, которые и становились рабами.[2] Ю.М. Юсупов, соглашаясь с данным тезисом, ссылается на историческое предание «Последний из Сартаева рода», в котором упоминается ясырь из джунгар, который пас скот у Джалык бия.[3] Однако, следует отметить, что отношения, описанные в этом памятнике, выглядят не столь однозначно. Герой предания Джалык-бий, повествуя о своем ясыре, отмечает его довольно высокий статус: «Стада мои паслись под надзором одного главного кытуси, которого я поставил башлыком над остальными. Он был из народа джунгар и мог хорошо видеть ночью, потому что не клал в шурпу соль. Он был взят мною в ясыр. Он попробовал бежать — я поймал его. Я прибил его ухо к деревянной колоде, из которой поят лошадей. Я сделал его своим рабом».[4] Таким образом, пленный калмык становится классическим рабом только после неудачной попытки бегства. Подобный итог вполне соответствует традиционным представлениям не только башкир, но и всех кочевников. В монгольских степях откочевка даже свободного арата от своего правителя приравнивалась к измене и каралась смертной казнью.[5] Напротив, в случае же лояльного поведения и проявления

[1] Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., Восточная литература», 1999. 217 с. С. 72.
[2] Руденко С.М. Указ. соч. С. 42.
[3] Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV–XVI вв. (социально-политический аспект). Уфа, Гилем, 2009. 192. С.9.
[4] Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Уфа, Китап, 1987. Т.2. С. 172.
[5] Эренджен Хара Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-

верности своей новой общине, бывшие военнопленные имели возможность подняться выше прежнего своего статуса. Нередко вчерашний ясырь становился тарханом или дворянином. Тархан Ногайской дороги Минской волости Апай Корсаков (бывший пленный калмык) в своей челобитной в 1705 г. рассказал, что его еще до начала башкирского восстания взял в плен башкир Бурзянской волости Утей, который отдал его башкиру Минской волости Карсаке Бюлякову «за калым». В начале башкирского восстания Карайсай вместе со своим родом откочевал к калмыкам. Как повествует сам Апай Карсаков: «В калмыках, де отец ево родной и родственники ево взяли, били и мучили, и стращали, чтоб от них на Уфу в Уфимской уезд не збежал, и он де у отца своего жить в калмыках не похотел, и вышел на наше Великого Государя имя в город на Уфу при Федоре Сомове тому де ныне лет с тридцать, и с того де числа велено ему жить поволно, где он похочет, а не в холопях, и жил де он поволно у него Карсака с того числа, а не в холопях, и он Карсака ево Апачка держал вместо сына своего родного, и женил, и женя наделил, и наделя отпустил, а он де Апачко имел ево Карсаку вместо отца своего родного, а пишитца ево Карсаевым сыном».[1] Калмык Вакшура Назаров вместе с братом был взят в плен и долгое время жил в работе у башкира Терсятской волости Арсланбетя Жиямбетова. Впоследствии вместе с братьями он был отпущен на волю и записан в ясак с башкирами той же волости. В 20-х гг. XVIII в. Вакшура стал видным и влиятельным старшиной Терсятской волости.[2] В 1720 г. башкир Сибирской дороги деревни Чинмурзино Тойгуп Чинмурзин «принял» «к себе в дом вместо сына» калмыка Мукая, которому также было предоставлено право «владеть пахотными землями и сенными покосы и вотчинными всякими угодьи» вместе с самим Тойгуном и его сыновьями.[3]

Материалы Посольского и Печатных приказов свидетельствуют о том, что наибольшее число пленных у башкир в XVII в. составляли калмыки. Башкиро-калмыцкая война, начавшаяся в начале 20-х гг. XVII в., длилась почти столетие. Обе стороны предпочитали совершать набеги с целью захвата скота и пленных. Калмыцкий (джунгарский) ясырь, по-видимому, являлся настолько типичной фигурой, что его образ был взят в качестве персонажа в народном предании. Среди документов Печатного приказа XVII в. отмечено большое число башкирских коллективных челобитных, где упоминается

исторический очерк монгольской империи XII-XIV в.в. Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1991. 196 с. С. 129.

[1] Асфандияров А.З. Башкирские тарханы… С. 148.

[2] РГАДА. Ф.248. Оп. 15. Д.821. Л 34.

[3] Там же. С. 192.

исключительно калмыцкий ясырь. В наказах уфимским посольским головам, отправлявшимся в калмыцкие улусы, традиционно указывалось на необходимость размена или выкупа российских пленных. Башкиры смотрели на пленных калмыков, прежде всего, как объекты для обмена захваченных калмыками родственников. В 1645 г. башкир Минской волости Конкас Давлетбаев, в ответ на требование воеводы представить в Уфу всех пленных калмыков, пояснил свое нежелание повиноваться: «…есть де у них калмацкий взятый язык, а не везут его в город Уфу, потому что ждут де оне калмацких послов и он де его хочет им калмыкам отдаст на откуп им свою братею на башкирцев взамен».[1] В ряде случаев уфимская администрация допускала приобретение частными лицами пленных калмыков специально для обмена своих родственников. В 1644 г. Акману Байчурину было разрешено в Уфе купить из числа «пленных калмыцких женок для обмену жены своей».[2]

Наибольшее число калмыцких пленных было захвачено башкирами в результате совместного похода с казанскими и уфимскими служилыми людьми под руководством Льва Плещеева в 1644 г. Второе значительное военное столкновение с калмыками произошло в 1649 г., когда башкиры разбили отряд Турали тархана около Соловарного городка. Тогда 560 человек объединенного башкирского войска полностью уничтожило пятисотенный отряд калмыков, взяв в плен 36 человек. Примечательно, что по требованию уфимского воеводы Христофора Рыльского башкиры привели в Уфу только 12 калмыков, а «в остальных же башкиры ...мне, холопу твоему, тарханы и башкирцы отказали, а сказали которые де языки годные тебе великому государю тех на Уфу и привели, а остальные разделили меж собой и развели по своим волостям».[3] Эта коллизия бросает свет на проблему правового статуса пленных калмыков, захваченных башкирами в ходе военных действий. Согласно существующему законодательству, военнопленные вполне могли быть собственностью частных лиц, за исключением представителей некоторых привилегированных сословий. Уфимская администрация настаивала на передаче всех пленных, стремясь полностью взять на себя полномочия по размену и выкупу. Именно для этой цели в Уфе был построен особый двор, где содержали калмыцких ясырей. Очевидно, что российские власти полагали, что обмен пленными должен производиться только в рамках дипломатических отношений. Башкиры же, в качестве российских подданных, не имели права самостоятельно вступать в подобные соглашения. Вести

[1] РГАДА. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1633. Л. 178.
[2] Там же. Ф. 233. Оп.1. Д. 671. Л. 334.
[3] Там же. Ф. 116. Оп.2. Д. 1633. Л. 22.

переговоры с подданными других государств, т.е. заниматься дипломатией, имели право только уфимские власти. Однако башкиры заявили Рыльскому о своем праве на владение всеми пленными, за исключением тех, кто представляет интерес правительству в качестве источника информации.

Как распределяли военнопленных внутри башкирских родов? Судя по челобитным башкир, раздел военной добычи не обходился без ссор между ними. Башкиры считали, что конфликты, возникающие внутри башкирских общин на почве дележа ясыря, должны разрешаться только царем. В этом отношении весьма показательна коллективная челобитная 1645 г., поданная башкирами Таныбаем Аксакановым с товарищами на тархана Бильбудая Колебаева. По жалобе башкир выясняется, что этот тархан несправедливо присвоил захваченных пленных калмычек.[1] Таким образом, тарханы осуществляли раздел военной добычи, однако, судя по предмету данной челобитной, право это было не безграничным.

Когда в начале 40-х гг. XVII в. в военном противостоянии башкир и калмыков стала намечаться ощутимый перевес в пользу башкир, калмыцкие лидеры были вынуждены обратиться к российским властям для пресечения ими башкирских набегов. Именно башкирский натиск на калмыков стал одной из главных причин, побудивших тайшу Дайчина обратиться к царю Алексею Михайловичу с просьбой о принятии калмыков в российское подданство. Лидер калмыков пообещал царю в подтверждение своей шерти не только дать аманатов, от чего прежде категорически калмыки отказывались, но и начать военные действия против Крыма. Незадолго до этого дворянская конница России потерпела сокрушительное поражение от польской кавалерии, поэтому обязательство Дайчина принять участие в войне было весьма своевременным. Московское правительство пошло на создание особого калмыцкого отделения в структуре Посольского приказа.[2] В обмен на военную помощь тайша Дайчин добивался прекращения нападения башкир: «…от русских людей калмыкам лиха не было…а злее всех башкирцы, всегда всякое зло калмыкам от башкирцев».[3] В условиях тяжелейшей войны с Польшей военная помощь калмыков сыграла важную роль в нейтрализации крымской угрозы. Российская администрация так же выполнила условия соглашения с калмыками. Приказ Казанского дворца не только подтвердил указ 1648 г. о запрете башкирам нападать на калмыков, но и

[1] РГАДА. Ф. 233. Оп 1. Д. 671. Л. 334.
[2] Вернадский Г.В. Московское царство. М., Аграф, 2000. Т. 2. С. 19.
[3] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., Соцэкгиз, Мысль. 1961. Кн. 6. Т. 11-12. С.224.

дал специальное задание уфимскому воеводе Ф.И. Сомову: «..про башкир сыскать всякими сысками накрепко, а все взятое ими у калмыков вернуть обратно. Пущих воров башкирцов казнить смертной казнью».[1] Для изъятия калмыцких пленных и захваченного башкирами скота в Уфе был сформирован отряд служилых людей во главе с сыном боярским А.И. Приклонским и толмачом В.И. Киржацким. Судя по огромному количеству челобитных башкир, деятельность этой команды сопровождалась невиданным прежде насилием и произволом. Наибольшие злоупотребления происходили при возвращении калмыцких пленных. Дело в том, что среди башкир была распространена экзогамия, запрещающая браки в пределах родоплеменной структуры. Иногда одно только это обстоятельство побуждало организовывать набеги на калмыцкие и казахские улусы для захвата невест. В ходе деятельности отряда Приклонского многие башкиры, женившиеся на калмычках, лишались не только жен, но и детей, прижитых от совместных браков. Только в одном 1661 г. башкиры подали 4 коллективных челобитных, в которых обвиняли Приклонского в отнимании у них жен и детей, которые они прижили от пленных калмычек.[2] В конечном счете, башкиры добились от правительства права признания владения ясырем. Официально были отменены указы о возврате пленных калмыков

Однако башкиры брали в жены и усыновляли не только пленных калмыков, но и представителей пришлого населения. В делопроизводственных источниках XVII–XVIII вв. можно найти документальную фиксацию подобных ситуаций. Усыновление, как правило, у башкир имело место по экономическим соображениям, однако по утверждению А.З. Асфандиярова, случалось лишь в исключительных случаях, не систематически.[3] В 1703 г. башкир Сибирской дороги Танышской волости деревни Кайпановы Янчура Явгильдин дал запись «приемышу Осинской дороги деревни Татиш вотяку Ямбет Янышеву в том, что принял он Янчура его Ямбетя к себе вместо сына, потому что он стар, а детей у него нет».[4] Согласно исследованию А.З. Асфандиярова, эта поступная запись послужила впоследствии основанием для поселения удмуртов в Татышлах и владения башкирскими землями как своими.[5] В 1716 г. башкир

[1] ИИЯЛ УНЦ РАН Ф. 23. Оп. 1 Д. 1. Л. 145.
[2] РГАДА. Ф. 233. Оп.1. Д. 164. Л. 26, 31, 32.
[3] Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII - первая половина XIX в.) Уфа, Китап, 1997. 104 с. С. 44.
[4] РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 2274. Л. 61.
[5] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, Китап, 2009. С. 315.

Казанской дороги Иланской волости Корошай Мурзагильдеев «принял в дом к себе вместо родного сына» пасынка Юзея Исенгильдина с предоставлением ему права наследовать «всякими моими пожитками и дворовым строением, пахотного землею и сенными покосы и вотчиною, бортным ухожьем, звериными и рыбными ловли, и всякими угодьи, и бобровыми гоны». Усыновленный пасынок приобретал права вотчинника в Иланской волости «с нынешняго 716-го году впредь и после смерти моей владеть ему, пасынку моему, вечно моим повытьем».[1]

В 1634 г. татарин Тобольского уезда Чюречей Балыкчеев стал вотчинником Гирейской волости благодаря браку на вдове башкира Гирейской волости Бакшия Белебешева, потому что «после Бекшея родственников не осталось».[2] Все подобные случаи адопции носят индивидуальный, частный характер.

Браки башкир с представителями пришлого населения приобрели массовый характер в начале XVII в., когда на территорию Уфимской провинции бежали десятки тысяч ясачных жителей Казанской и Свияжской провинций. Когда в 1721 г. полковник И.Г. Головкин потребовал от башкир Кипчакской волости возвратить всех беглых сходцев из других провинций, то башкиры согласились вернуть переселенцев только за последние 14 лет, «…понеже многие пришлецы до того году с ними башкирцы посвоились».[3]

Среди представителей различных этнических групп, включавшихся в структуру башкирских родов, встречались и достаточно экзотические для региона группы. В 1652 г. подали челобитную башкиры Гайнинской волости деревни Бисерть Актуган и Илбахтей Алишевы на башкира той же волости Афоньку Янмурзина, обвинив его во вторжении в свою вотчину по реке Бисере. В ходе разбирательства ответчик заявил, что спорная вотчина была куплена у отца истцов за 10 рублей. Истец настаивал на том, что отец его не мог продать вотчину, поскольку она не разделена с кущинскими башкирами, так как «отец его родом был немчин и взял вотчину у кущинских башкирцев из ясаку тому 57 лет, а в том де отец его дал запись кущинцам».[4] Таким образом, еще в 90-е гг. XVI в. некий «немчин» заключил соглашение о припуске в вотчину, а его сыновья в середине XVII в. стали полноправными вотчинниками Гайнинской волости. Появление европейца среди башкир вполне объяснимо. В соседнем Казанском уезде действовал указ от 18 июня 1593 г., согласно которому татарские помещики лишались права

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Т.III. С. 128.
[2] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 3. Д. 434.
[3] Там же. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 358.
[4] Там же. Ф. 1773. Оп.1. Д. 109. Л. 7.

владеть русскими людьми. Вместо этого им предлагалось принимать к себе и покупать «литву, латышей, татар и мордву». Из дальних походов они привозили с собой пленных и купленных немцев, латышей и литовцев и сажали на свои земли.[1] Согласно писцовой переписи Казанского уезда И. Болтина, в имении служилого татарина калмыцкого происхождения Бакшанды Нурушева был немчин Анца Кутлеяров.[2] У князя Багиша Яушева во дворе жил немчин Матиш.[3] Эти иноземцы, попав в другую среду, впоследствии принимали ислам, вступали в браки с татарками и совершенно отатаривались. В 1646 г., переписывая дворы князя Баиша Яушева, переписчики отметили, что крестьянин деревни Мингер Арской дороги родом немчин Минейко Бекбулатов.[4] Вероятно, что некоторые из таких закрепощенных немцев, потеряв надежду вернуться на родину, по крайней мере, стремились обрести свободу.

Переход в ислам являлся необходимым, но далеко не единственным условием для интеграции в башкирский этнос. В XVII в. источниками фиксируются ситуации, когда башкиры стремились обратить в ислам даже пленных русских служилых людей без какого-либо намерения сделать их вотчинниками. В 1699 г. отряд стрельцов, посланный из Самары на Яик, был разгромлен башкирами Кипчакской волости. При этом самарский конный стрелец Андрей Норкин был ранен и взят башкирами в плен, в котором находился 2 месяца.[5] В своей челобитной он попросил награду, положенную ему за самостоятельный «выход» из плена. Однако у властей были основания не доверять стрельцу, поэтому вместо пожалования он был взят под стражу и отослан «для исправления в Патриарший разряд». Только после прохождения духовного испытания Андрей Норкин был направлен в Приказ казанского дворца».[6]

В XVII в. на территории Уфимского уезда имели место случаи перехода в ислам крещеных язычников. Согласно данным «Отводной книги по Уфе», разработка соляных ключей в Уфимском уезде на реке Усолке началась с 1618 г., когда «усольскому мордвину Ивашку Максимову» была отведена земля 20 четвертей в поле с сенными покосами по речке по Шеваре до озера до Обештерека».[7] Иван

---

[1] Галлямов Р.Ф. После падения Казани. Этносоциальная история Предкамья (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Казань, Татар. кн. изд-во, 2001. С.35.
[2] Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 гг. Казань, изд-во Казанского ун-та. 1978. С. 118
[3] Там же. 164.
[4] Галлямов Р. Ф. После падения Казани…С. 35.
[5] РГАДА. Ф. 108. Оп.1. Д.1. Л.3.
[6] Там же. Л. 5.
[7] Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92-1629)»…С. 343.

Максимов с товарищами недолго обслуживали соляные варницы. Уже в 1629 г. «жилец Курпеч-Табынского Соловарного острога Иван Максимов сын Мордвин купил у чуваша Казанского уезда Зюрейской дороги деревни Карабаева Терегула Бадаева землю вблизи горы Юркатау.[1] Когда в 1634 г. по Ногайской дороге были посланы выборные люди для сбора «пятинных» денег, то среди табынских башкир они зафиксировали некого Беккулку Ивано-Мордвинова. При этом в деле указывалось и его местонахождение – «у соли».[2] Едва ли это случайное совпадение нетипичного для башкир патронима. В 1685 г. бобылю деревни «по Юряком горою» Байтерячку Иванову велено платить окладной ясак взамен бобыльского, а в его бобыльский ясак написаны ясачные бобыли».[3] Таким образом, потомки усольского жильца Ивана Максимова сына Мордвинова оказались среди башкир вотчинников Юрматинской волости. В 1714 г. подали челобитную башкиры Юрматинской волости деревни Юряктав Кутлубай Теряков «с товарищи». В челобитной они отстаивали права на свою вотчину «по Белой Волошке», которая досталась им от прадеда Ивана Максимова сына Мордвинова.[4] Действительно, жилец Курпеч Табынского города в 1629 г. купил вотчину у чуваша Казанского уезда Зюрейской дороги Терегула Боданова за 10 рублей. С вотчины, которая находилась в Юрматинской волости, новый владелец обязался платить не только прежний ясак в 4 куницы, но и добавить к нему еще 4 куницы. Спустя 3 года после заключения сделки усольского жильца уже не было в живых и в ясачных книгах 1632 г. были отмечены только его сыновья Китмей и Байтерек Ивановы, но не в качестве ясачных башкир, а усольской мордвы. Однако челобитчик в 1714 г. указал, что отмеченный в ясачной книге 1632 г., Китмей Иванов ему дед, а Байтеряк Иванов – отец. Таким образом, только четвертое поколение усольского мордвина фиксируется в документах среди вотчинников-башкир.

О том, какую роль играл язык для этнической интеграции, отмечается в извете крестьянина Аяцкой слободы Фрола Арапова, который в 1689 г. информировал власти о настроениях башкир в Кунгурском уезде. Встреченные им башкиры открыто заявили ему о своем намерении «воевать великого государя городы Кунгур и сибирские слободы». При этом они предупредили Фрола Арапова, чтобы он «из Аяцкой слободы ехал вон потому, что он-де Фрол им-де родня, а он татарский и башкирский языки знает».[5]

---

[1] РГАДА. Ф. 1324. Д. 3001. Л.12.
[2] Там же. Ф. 396. Оп. 26. Д. 41 395. Л. 7-8.
[3] Там же. Ф. 1173. Оп.1. Д. 933. Л. 5.
[4] Там же. Ф. 1324. Оп.1. Д. 3001. Л. 15-17.
[5] Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической

Следует отметить, что адопция не могла иметь коллективный характер. К примеру, отдельная семья не могла усыновить сразу несколько иноплеменников. Требования шариата также ограничивали масштабы полигамии. При адопции все вопросы интеграции решались на уровне семьи. В таком случае, как объяснить включение в башкирский этнос таких значительных групп, как, например, аюкинские калмыки, сарты или каракалпаки? Р.Г. Кузеев отметил, что аюкинских калмыков, ассимилированных башкирами к началу XIX в., насчитывалось 30–40 тысяч человек. По его же расчетам, к этому времени башкирское население составляло 250–275 тысяч человек.[1] «Ведомость о количестве башкирского и мишарского населения» от 1772 г. констатирует, что «калмаки, называемые аюкинскими, ведут наименование от хана Аюка, который прежде кочевал между Уралом и Волгой», и что отмеченные в ведомости аюкинцы «отошли в Башкирию с 80 лет и приняли закон магометанский со исправлением вообще башкирской службы».[2]

Переселение этой группы калмыков в Уфимский уезд в начале 90-х гг. XVII в. было вызвано жесткой централизаторской политикой Аюки, который в 1690 г. получил ханские атрибуты власти из рук Далай-ламы. Именно в этот период значительно возрос поток беглых калмыков на Дон, Южный Урал и даже в поволжские города. В 1690 г. три зайсанга — Четерь, Батыр и Тайдза — бежали на Дон, приведя с собой около 800 человек, способных носить оружие. Все они сразу были приняты в казачье сословие. Аюка, преследуя бежавших, не останавливался перед вооруженным нападением на поселения крещеных калмыков, предавая их огню, а людей уводил в свои улусы.[3] Бежавшие в Уфимский уезд калмыки стремились получить защиту башкирских родов в обмен на переход в ислам и обязательство нести с ними все повинности перед государством.

Р.Г. Кузеев, полагавший, что переход этих калмыков в ислам явился культурной основой для их ассимиляции башкирами, прав только отчасти. На территории Башкирии исламизировалось и многочисленное пришлое языческое население. Об этом писали многие местные администраторы в XVIII в. Так, В 1743 г. И.К. Кирилов в своем докладе о состоянии дел в Уфимской провинции отметил, что «не

комиссией. СПб., 1875. Т. VIII. С. 283.

[1] Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI — XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3.С. 344.

[2] РГАДА. Ф. 16. Д. 932. Л. 101.

[3] Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., Наука, 1967. 480 с. С. 263.

смотрением бывших воевод набрело жить великое множество горных татар да черемис чуваш вотяков коих магометанские духовные приводят и обрезывают в свой закон».[1] Тем не менее, мы не наблюдаем массового включения в структуру башкирских родов компактных групп мусульман-земледельцев. В отличие от земледельческих переселенцев, калмыки-кочевники имели возможность сразу включиться в военную организацию башкирского племенного ополчения. По утверждению С.М. Васильева, военная служба и аманатская повинность распространялась, как правило, на башкир-припущенников, другие тептяри редко привлекались к отбыванию военной службы и аманатской повинности.[2] Как отмечается в преданиях зауральских сарт-калмаков, сарты поселили калмыков на своих землях за помощь, которую якобы они оказали сартам в борьбе против казахов за эти земли. Но после войны 1812 г., в которой калмыки участвовали, наряду с другими башкирскими родами, они получили «за службу» грамоты на вотчинное владение занятыми землями.[3] Таким образом, принадлежность к всадническому типу культуры являлось значительно более эффективной средой для ассимиляции, нежели общность религии, языка или этнического происхождения.

Следует учесть и почти вековое военное противостояние башкир и калмыков, в ходе которого происходило сближение культурных установок и стереотипов. Как это часто бывает, давнего противника знают и уважают больше, чем мирного соседа. Во время восстаний 1662–1664 и 1682–1684 гг. несколько башкирских волостей Ногайской дороги откочевали к тайшам Дайчину и Аюке. Впоследствии эти башкиры вместе с калмыками участвовали в антироссийских действиях.

Материалы Посольского приказа свидетельствуют о том, что еще в период наиболее ожесточенных столкновений между башкирами и калмыками в 30–50-е гг. XVII в. сформировался комплекс взаимных правил ведения военных действий, своего рода воинский этикет. К примеру, в 1633 г. башкир Тахчинской волости Якшагулов убил на санаре «колмацких людей малого, а тот малый был не боец, и их де калмыцкие люди взяли с того башкирца за убитую голову две лошади, да 10 лисиц, да две стрелы, которого тот малого убил и отвезли те лошади и стрелы и лисицы в колмацкие улусы отцу того малого».[4]

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 239.

[2] Васильев С.М. Припущнники на башкирских землях в первой половине XVIII вв. (Тепятро-бобыльское население Башкирии): автореф. дисс….канд.истор. наук. М., 1950. С. 27.

[3] Кузеев Р.Г. Бикбулатов Н.В. Шитова С.Н. Зауральские башкиры…С. 192.

[4] РГАДА. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1633. Л. 5.

Таким образом, башкир был наказан штрафом за то, что одержал победу над мальчиком, который не являлся равным ему по силе противником. В 1735 г. башкир Усерганской волости Булат Исенбердеев, находясь с товарищами на охоте на реке Яик, столкнулся с отрядом тайши Чокула. Воспользовавшись численным превосходством, калмыки отняли у башкир лошадей, однако охотники вынудили калмыков вступить в переговоры, в результате которых они убедили калмыков возвратить лошадей, потому что они не «воинские люди» и поэтому не могут быть объектом нападения. При этом обе стороны шертовали не нападать друг на друга.[1] В 1649 г. на шестерых башкир Танынской волости, находившихся на охоте на реке Яик, напало 100 калмыков. После того, как башкиры «сели в осаду в кустах» калмыки вступили в переговоры, в ходе которых обе стороны договорились (шертовали), «чтобы их не побить, отпустить их совсем на Уфу».[2] В 1656 г. 30 охотников из разных волостей вступили в боевое столкновение с калмыками. После потери убитыми 6 человек башкиры вновь предложили калмыкам вступить в переговоры, которые позволили башкирам беспрепятственно вернуться в Уфимский уезд. Калмыки с «ними послали посланников одного калмыка трех ногайцев для миру и размену полоняников».[3] Уже в 30-е гг. башкиры и калмыки без посредства уфимских властей ведут переговоры о перемирии и обмене пленными. В 1635 г. уфимскому воеводе стало известно, что «многие де ногайской дороги разных волостей и деревень уфимского уезду башкирцы калмыцкий полон калмыков выдали на откуп без твоего государеву указу самовольством человек со ста и больше».[4]

Поэтому, когда в конце XVII в. часть калмыков тайши Аюки, кочевавших на территории Уфимского уезда, приняла ислам и усвоила башкирский язык, для интеграции их в башкирское общество уже не осталось непреодолимых препятствий. Симптоматично, что в наказе башкир в Уложенную комиссию не скрывалось калмыцкое происхождение новых башкир: «…другие названные калмыцкого роду, которые единого с нами магометанского рода состоят, а произошли в древние еще времена от калмыцкого рода, так называются, потому что рода калмыцкого башкирцы».[5] Таким образом, в случае с аюкинскими калмыками мы сталкиваемся с ситуаций, когда у инкорпорированной части единого этноса сохраняется представление об ином происхождении. С точки зрения определения этноса, данного С.М.

[1] РГАДА. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1633. Л. 6.
[2] Там же. Л. 19.
[3] Там же. Л. 23.
[4] Там же . Л. 12.
[5]Там же. Ф. 342. Оп.1 Д. 109. Л. 206.

Широкогоровым, признание общего происхождения – один из главных аспектов этнической единицы.[1] По этой причине включение калмыков в башкирский этнос следует рассматривать как особый случай этнической интеграции, которому наиболее соответствует модель патроната/клиентелы.

Значительно меньше препятствий для интеграции в башкирский этнос имелось у кочевых групп, исповедующих ислам и говорящих на тюркских языках. Так, к XVIII в. башкиры, казахи и каракалпаки сохраняли память о былом единстве родовых структур кипчаков, табынцев, катайцев и т.д. Когда в 1755 г. после восстания Батырши часть башкир Ногайской дороги ушла в казахские степи, то многие беглецы стремились добраться до родственных казахских родов. Башкиры-бурзянцы договорились о приеме с биями ягалбайлинцев и байулинцами Младшего жуза.[2] Тогда же султан Айчувак обязал своего брата Ерали добиться от казахов выдачи ему бежавших башкир. Впоследствии Айчувак сообщил И.И. Неплюеву: «А за вышедшими к кипчатцам кипчакской волости башкирцам брат мой Ерали в погоню поехал и кипчатцы представляли ему, что они получили их к себе, яко сродников, и какое де в них его Ералеево дело есть».[3] При этом, как отмечает С.У.Таймасов, этническое взаимодействие родственных башкирских и казахских родов изменяется уже с XVI в. Теперь речь может идти о контактах двух почти полностью сложившихся народов с собственными этнонимами «башкорт» и «казах». Проникающие инородные группы ассимилируются, иногда сохраняя свой этноним в названии родовых подразделений. Так, в составе южных башкирских племен есть несколько десятков подразделений «Казах».[4] Судя по дневникам А.И. Тевкелева, к 30-м гг. XVIII в. в степях собралось большое количество башкир, покинувших родину во время восстаний 60—80-х гг. XVII в. Зимой 1732 г. миссия Тевкелева оказалась в критической ситуации, непосредственно угрожавшей жизни российских послов. В этот момент к Тевкелеву обратились башкиры из Каракалпацкой Орды с просьбой вернуть их на родину. В результате А.И.Тевкелев обзавелся охраной из 300 воинов-башкир, собранных с 160 кибиток.[5]

---

[1] Широкогоров С.М. Указ. соч. С. 49.
[2] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп.12. Д. 51. Л. 299.
[3] Там же. Л. 297.
[4] Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М., Наука, 2009. 317 с. С. 38.
[5] История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. Алматы, Дайк-Пресс, 2005. 451 с. Т.III. С. 99.

В 1719 г. «знатные» башкиры Уфимской провинции добились от российских властей обложения ясаком «по башкирскому окладу» 500 дворов каракалпаков, желающих жить в Уфимской провинции.[1] Следует подчеркнуть, что российская администрация принимала решение о поселении новых подданных на территории Уфимского уезда только после получения согласия всех башкир. Это условие было зафиксировано в особом пункте жалованной грамоты башкирам Ногайской и Казанской дороги, включенном в наказ уфимскому воеводе Ф.И. Сомову от 1664 г. Наказ предписывал уфимской администрации вступать в переговоры о подданстве с калмыками и ногаями, только «переговорив о том уфимских башкирцев».[2] В 1733 г. группа казахов из 60 семей, бежавших от внука хана Аюки – Дондук-Омбо, вознамерилась поселиться среди башкир. Они дали аманатов в Уфу и успели проявить себя на службе. Только после согласия башкир Ногайской дороги казахам отвели свободные земли в Уфимской провинции и предложили две альтернативы: перейти в ясачные башкиры или записаться в мещеряки.[3]

§ 3. Мифологизация родовой территории и этническая идентичность

Как правило, феномен вотчинного права башкирского народа рассматривается в контексте развития законодательства, регулирующего землевладение башкирских общин.[4] Вместе с тем, согласно представлениям башкир, государство лишь придавало легитимность землевладению, определяя комплекс прав и обязанностей вотчинников. Кроме того, если в традиции российского освоения новых земель широко была распространена практика заимочного землепользования, то в башкирском обществе принадлежность территории тому или иному роду определялась не приоритетом хозяйственного освоения, а мифологическими представлениями о сакральном статусе родового пространства.

Дефиниция, которую дал понятию «этнос» С.М. Широкогоров, наряду с признанием общности происхождения и языка, включает еще и

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л.4.
[2] Там же. Д.132. Л. 121.
[3] Там же. Л. 317.
[4] Акманов А. И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI — начале XX в. Уфа, Китап, 2007. 360 с.

«комплекс обычаев и уклад жизни, хранимые и освященные традицией и отличаемые ею от таковых других групп».[1]

Что в области «освященных традицией» обычаев башкир отличало их от других народов региона? Если учесть, что край в XVII-XVIII вв., наряду с башкирами, населяли тюркские мусульманские народы, а по соседству обитали тюрки-кочевники, то ни религия, ни язык, ни хозяйственный тип не могут являться исчерпывающими маркерами этнической идентичности. Граница между этносами на Южном Урале проходила в сфере сакрального. В социологии данный концепт был сформулирован Р. Отто.[2] Теолог увидел феномен сакрального не в боге-творце и не во вседержителе, а в форме богов среднего и низшего уровня. Это – всевозможные духи рек, полей, гор, лесов, т.е. божества наличного и очень близкого к людям пространства и времени. Э. Дюркгейм доказал, что этнос не делает различия между социальным и природным. Природа, звери, камни, светила, звезды, горы, леса, растения, реки и т. д. интегрируются через этнический миф, становясь участниками языка, рассказа и обретая тем самым персонифицированное место в общей структуре имен этноса.[3] Л.Н. Давлеткулова, исследуя своеобразие образования топонимов у башкир, пишет: «Национально-культурная специфика башкирской топонимии заключается в отражении анимистических и тотемистических воззрений, которые выполняли интегрирующую и регулятивную функции. Такой тип мировоззрения, когда в основе пространственной организации картины мира находится сакральная модель пространства, сложился, на наш взгляд, в результате кочевого образа жизни и составлял основу языческой веры башкир и других тюркских народов задолго до возникновения ислама».[4]

По наблюдениям ученых-путешественников XVIII–XIX вв. мифологизация локального пространства в большей степени была свойственна именно башкирам. В XVIII в. П.С. Паллас отметил в качестве местной достопримечательности Оренбургской губернии наличие у башкир сложной системы локальных мифов: «Множество прилагательных речей, коими башкирцы большие и малые горы, все ручьи и малейшие протоки, долины, частые рощицы и все прочие

[1] Широкогоров С.М. Указ. соч. С. 26.

[2] Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., СПбГУ, 2008. 274 с.

[3] Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. М., Канон+, 1998. С 174 - 230.

[4] Давлеткулова Л.Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте. (На примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области): автореф. дис. .... канд. филолог. наук. Челябинск, 2014. С. 15.

урочища отмечают». Ученый счел это обстоятельство в качестве доказательства «древности их в сих местах поселение».[1] Обилие микротопонимов, каждый из которых имеет свою историю (прилагательные речи по Палласу), свидетельствует о мифологизации башкирами даже очень незначительных географических объектов.

У башкир в наибольшей степени были сакрализованы пещеры [2], реки, озера и горы.[3] Они стали неотъемлемой частью эпического наследия башкирского народа. Академик И.И.Лепехин оставил интересное описание почитания башкирами горы Тура-тау, отношение к которой служило своего рода маркером этнического разграничения. Исследователь особо отметил, что башкиры без особого энтузиазма согласились проводить его до места. Башкиры, на конкретных примерах пытались объяснить академику всю опасность данного мероприятия. Они рассказали И.И. Лепехину две истории, в которых главными персонажами выступали татары. Они, по словам башкир, вознамерились подняться на гору только за тем, чтобы посмеяться над башкирским заблуждением. Один из них взошел на «сие освященное место» для того, чтобы «напакостить» на ней. Вскоре весь его род вымер. Другой же был растерзан пегим медведем, когда в погоне за лисой в «посмеянии забрался на гору».[4] Пришлое земледельческое население было носителем рационального, во многом уже прагматического отношения к занятой местности. Овладение территорией осуществлялось не посредством апелляции к традиции («как отцы, деды и прадеды владели») и родовому мифу, а путем закрепления прав собственности с помощью официальных документов. В Уфимском уезде в XVII–XVIII вв. центрами дворцовых волостей и татарских поселений становились не сакральные родовые центры, а административные – волостные села или деревни старшин. Напротив, у башкир, по замечанию З.Г. Аминева, сакральным центром родовой территории являлась гора. Своя священная гора имелась у каждого башкирского рода, куда каждую весну его члены выходили на моления.[5] Функцию сакрального контроля за родовой территорией у башкир выполняли караскы (стражи) – сложенные из камней сооружения в виде столбов и куч, сооруженные на

[1] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб., При Имп. Акад. наук, 1769. Ч. II. С. 66.
[2] Аминев З.Г. Основы башкирской мифологии//Ватандаш. 2014. № 9. С. 153.
[3] Исянгулов Ш.Н. Предания и легенды «Акташского» цикла как исторический источник (из истории башкир в домонгольский период). Уфа, Гилем, 2015. 188 с.
[4] Лепехин И.И. Продолжение записок путешествия академика Лепехина…. Ч.3. С 32.
[5] Аминев З.Г. Эпос «Урал батыр» и мифология башкир. Уфа, ДизайнПресс, 2013. 160 с. С. 54.

вершинах гор. Они возводились только башкирами и посвящались духам гор и земли-воды данной местности. Здесь же ежегодно проводились обряды молений и жертвоприношений.[1]

Мифологизация объектов пространства предполагала существование в обществе инициатических практик передачи сакрального знания. Трансляция этого знания ограничивалась рамками рода, которому принадлежала данная территория. Стороннему человеку незачем было знать о священной географии пространства, к которой он не имел никакого отношения. Вышеприведенное свидетельство И.И. Лепехина говорит и о том, что это знание было сопряжено с моральными запретами, принятыми только в данном сообществе. Башкиры не могли взойти на гору и ломать можжевельник на ней без исполнения данных ими обетов. Таким образом, интеграция в структуру башкирского рода предполагала освоение всего комплекса родовых мифов со всеми соответствующими ритуалами и обрядами. Завершающим инициатическим ритуалом включения в род становился обряд похорон. Как отметил Р.Г. Кузеев, каждому башкирскому роду принадлежало свое собственное кладбище.[2] Исследуя поселения башкир Зауралья, он приводит пример, когда в одной деревне жители пяти родов имели три кладбища.[3]

У кочевых народов восприятие территории связано с родственными связями. А.М. Хазанов очень точно заметил, что территориальные связи у кочевников в чистом виде обычно не проявляются, а бывают опосредствованы родством и происхождением.[4] Локальные мифы башкир несли в себе основу географической ориентации в окружающем мире. Эти повествования не отделяли пространство от времени. Структура такого рассказа являла собой единство родовой истории и сакрального пространства. Так, в ходе земельного спора 1653 г. между башкирами Уранской и Гирейской волостей, их соседи тазларцы заявили уфимским властям, что спорная вотчина отдана уранцами гирейцам за «убийство при крымском царе, и с тех де мест и после казанского взятия тою вотчиною промеж речек Пармеся и Уштиякавла владеют исстари государев ясак платят».[5]

М.Г. Муллагулов зафиксировал башкирскую традицию присваивать речным скалам и обрывам имена людей, сорвавшихся и

---

[1] Аминев З.Г. Ямаева Л.А. Региональные особенности ислама у башкир. Уфа, ДизайнПолигафСервис, 2009. 182 с. С. 94.
[2] Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа…С. 113.
[3] Кузеев Р.Г. Бикбулатов Н.В. Шитова С.Н. Зауральские башкиры// Археология и этнография Башкирии. Уфа, ИИЯЛ БФАН, 1962. 365 с. Т.3. С. 186.
[4] Хазанов А.М. Указ. соч. С. 259.
[5] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 443. Л. 4.

погибших во время сбора дикого лука.[1] Следует отметить, что у башкир долгое время сохранялась архаическая традиция фиксировать в топонимах события, выходящие за рамки повседневного хода вещей. Такой топоним отображал случай внезапного вторжения сакрального в рутинное настоящее время. Топонимы Учалы (отомстил), Атинган (лошадь вошла), Атсуяр (зарезанная лошадь), Бирмасбаш (голову не отдаст), Урускунгал (русский согласился), Саптарульган (умер игреневый жеребец), Абийаурган (бабушка заболела), Куртатау (волка подстрелили), Куртульген (волк умер), Талашты (поссорились) повествуют о ситуациях, значение которых башкиры сочли необходимым запечатлеть в памяти пространства. Из подобных генеалогических и событийных повествований ткалась мифологическая карта пространства, предназначение которой выходило за рамки адресно-назывной ориентации. Стоит ли говорить, что наиболее плотным слоем локальных мифов был покрыт хартленд Башкирии – Уральские горы. Крайними точками башкирской ойкумены являлись места исхода древних башкирских родов. Как заявил в своей сказке 1745 г. Сапар Осипов: «Башкирской народ пришли издревле из разных чюжестранных земель, а имянно ис Хивы, из Бухар, ис Ташкен, Бедекшен, из Семеркен, и из протчих мест в разные времена по малу числу».[2] Д.Н. Замятин обратил внимание на то, что степень освоенности территории определяется не хозяйственной разработкой ее ресурсов, а созданием локальных мифопоэтических образов. Так, по его мнению, Сибирь остается регионом, не получившим своего комплекса локальных мифов, необходимых для восприятия её российской территорией в культурно-историческом отношении.[3]

Имена предков, связанных с локальным пространством, передавались из поколения в поколение. Когда в 1800 г. возник спор между башкирами деревень Азигуловой и Буткинской Кущинской волости с татарами деревни Емангильдиной относительно законности сделки по продаже земли бригадиру Палибину, башкиры смогли доказать свои вотчинные права не только воеводскими грамотами, но и исчерпывающей генеалогической росписью, начинающейся с 1630 г. Как отмечено в том же деле, татары о роде своем никаких ясных доказательств не представили.[4] Таким образом, башкиры воспринимали

[1] Муллагулов М. Г. Собирательство и рыболовство у башкир. Уфа, АН РБ, 2007. 158 с.
[2] Материалы по истории Башкорстана …Т. VI. С. 658.
[3] Замятин Д. Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение// Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1 (январь-февраль). С. 13-25.
[4] РГАДА. Ф. 1327. Оп.2. Д. 352. Л.7.

время через генеалогию, содержащую все необходимое актуальное знание. В шежере эта родовая история смыкалась с представлением о пространстве – родовой территории, в которой покоились предки. Эта связь недвусмысленно выражена в башкирской поговорке: «Продавший землю – продал могилу».[1]

Не случайно, башкиры во время восстаний стремились уничтожать могилы врага. В.Н. Витевский пишет, что в 1735–1740-е гг. восставшие разбивали могильные памятники, вырывали из кладбищ трупы и кости покойников, сжигали и разбрасывали по нечистым местам.[2] Тем самым башкиры лишали противника сакрального права на владение территорией.

Современные исследования социологов подтверждают значение этнической территории в качестве главного идентификационного маркера принадлежности к башкирскому народу. У представителей других этносов, обитающих в Башкортостане, этот показатель меньше в 1,5–2 раза.[3]

§ 4.Структура башкирского рода.

При анализе структуры башкирского родового подразделения в первую очередь следует принимать в расчет специфику полукочевого скотоводства на Южном Урале. У башкир XVII–XVIII вв. группа совместно кочующих семей называлась аймак. В него входило от 20 до 30 семей. Впрочем, по утверждению Р.Г. Кузеева, в этот период существовали аймаки, насчитывающие и 5, и 40 семей.[4] В каждом конкретном случае размеры аймака прямо зависели от размеров стада и особенности хозяйствования. Согласно расчетам Т.И. Султанова, наиболее разумным, с точки зрения безопасности и хозяйственной целесообразности, является стадо в 400 – 600 голов лошадей и крупного рогатого скота.[5] У башкир стадо могло быть и больше, поскольку изобилующие кормом заливные луга и предгорные пастбища давали возможность кочевникам больше времени находиться на одном месте.

Если учесть, что в начале XVIII в. для ведения кочевого хозяйства одной башкирской семьи необходимо было иметь 20–30 голов

---

[1] Башкирское народное творчество… Т 7. С. 60.

[2] Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, типолитография В.М. Ключиникова, 1897. С. 169. Т.1. 299 с.

[3] Файзуллин Ф.С. Зарипов А.А. Грани этнической идентификации//Социологические исследования. 1997. №8. С.40-47. С. 43.

[4]. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа... С. 87.

[5] Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. М., Наука, 1982. 133 с. С.127.

лошадей, то все поголовье одного аймака должно было соответствовать целесообразной норме поголовья в 400–800 голов. Увеличение стада выше этой нормы влекло за собой быстрое истощение пастбищ, скот без достаточного корма худел и давал мало молока. Кочевники вынуждены были чаще менять территорию выпаса, а это также истощало скот.

В ходе земельного судебного разбирательства зауральских башкир с крестьянами Катайского острога в 1695–1696 гг. администрация была вынуждена описать все башкирские селения, находившиеся на спорных владениях. В 17 деревнях в среднем значилось 144 двора. Преобладали башкирские селения с 5–10 дворами (14 из 17 деревень). Лишь в одном случае указано селение с 20 дворами.[1] Только в условиях кантонной системы началось целенаправленное укрупнение башкирских деревень. Как отмечает А.З. Асфандияров, Башкирские аулы вместо 3—10 дворов должны были состоять по меньшей мере из 25—30 дворов каждый.[2] По данным V ревизии, 1795 г. на 1 башкирский двор приходилось 6,2 человека. Лишь в 3-х из 12 уездов Оренбургской губернии в среднем на двор приходился от 6,7 до 7,3 чел.[3]

С увеличением поголовья из аймака выделялась группа более близких в родственном отношении семей, например, родные братья с семьями, которые составляли ядро нового родового подразделения. Выделившаяся часть аймака сначала носила название старого подразделения, но постепенно группа приобретала новое название, став самостоятельным аймаком.

Возникновение нового аймака происходило не только в результате сегментации уже существовавшего родового подразделения. Как было показано выше, в ряде случаев новые родовые подразделения, роды и даже племена основывали представители других этнических групп. Тем не менее, в каждом случае создавалось шежере с новой генеалогией, доказывавшей родственные связи нового родового подразделения с другими башкирскими родами и родовыми подразделениями.

Из кочевых групп семей, в свою очередь, формировались кочевые племена. В мирное время роль племенного объединения не была значительной. Племенные связи имели идеологическое значение, поскольку регулировали семейно-брачные отношения и правовые

[1] Материалы по истории Башкирской АССР…. Ч.I. С. 85.

[2] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, Китап, 2009. С. 10.

[3] Сулейманов Ф.М. Башкирский двор по материалам ревизий первой половины. XIX в. // Научное наследие башкирских ученых и вопросы современности. Вторые Валидовские чтения, тезисы конференции. Уфа, 1995. С. 132-135. С. 135.

обычаи. Кроме того, именно в границах территории племени велось кочевание всех кочевых групп. И только в военное время племя становилось основой для формирования ополчения.

Кочевые роды, как и более крупные образования, были сложными этническими образованьями, которые складывались исторически. Но идеологические представления о генеалогическом родстве позволяли объединяться и неродственным группам. Они искусственно возводили свою родословную к единому предку, обычно реальному или мифическому прародителю группы, являвшейся ядром объединения, что служило достаточным оправданием для возникновения представления о единстве и родстве.

Как отмечает Р.Г. Кузеев, у башкир существовали родословные, которые сводили к единому предку башкир, ногаев, татар и мишар. Известна генеалогическая таблица из рукописного сборника башкирских шежере, опубликованная Р.Г. Кузеевым, в которой перечислены сыновья башкирского первопредка Кинзи Арсланова: Татар, Мишар, Нугай и Иштяк.[1] Однако единого шежере всех башкирских родов не обнаружено.

В XIII – XIV вв. башкирские племена переживали этап исторического развития, когда наиболее сильно проявилась тенденция их политической централизации. Отражением этой тенденции явились предпринимавшиеся попытки объединить родовые и племенные шежере и создать обобщенную концепцию происхождения родоплеменного состава башкир. Сохранилось только одно шежере, в котором содержится попытка обобщению представить историю башкир. Появляется этноним «иштяк», который объединил группу таких племен и родов как Усерган, Тамьян, Тырнаклы, Тюбеляс, Дуван, Кубаляк, Сарт, Бикатун. К ним примыкали Айле, Юрми, Ирактэ, Байляр, также относившееся к иштякам в разное время. Это были в основном восточные башкирские племена, за исключением Юрми и Байляр (Ик) Ирактэ, Байляр. Но иштяками не считались юрматинцы. Название иштяк в отношении башкир известно с начала XIV в. Проповедник ислама Рабгузи в 1310 г. написал жизнь пророков для народа истякского.[2]

Генеалогическое родство и генеалогические племенные структуры существовали и имели значение до тех пор, пока они служили идеологическим основанием для реальных политических,

---

[1] Кузеев Р.Г. Башкиры и ногайцы: этнографические взаимосвязи// Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды: Всесоюз. науч. конф: Тез. докл. и сообщ. М., Терекли-Мектеб, 1991. С. 39.

[2] Булгаков Р.М. Предварительное сообщение о рукописи «Кисас ал-Анбийна» Рабгузи// Вопросы истории башкирского литературного языка. Уфа, ИИЯЛ БФ АН СССР, 1985. С. 78.

военных, хозяйственных и других связей. Их нарушение и складывание новых родоплеменных объединений было следствием появления новых генеалогических легенд. Подобная общественная организация подвижных скотоводов отличалась большой гибкостью и способностью к регенерации при любых превратностях судьбы.

Этнографические материалы XIX в. показывают, что у казахов, киргизов, алтайцев, тувинцев, каракалпаков, узбеков, несмотря на хорошо сохранившиеся родоплеменное деление и генеалогию, наличие родового культа и даже родовой экзогамии, настоящего кровнородственного рода никогда не существовало. Родоплеменные деления и наименования кочевого населения представляли собой в сущности военно-административные, а вовсе не кровнородственные единицы.[1]

Тем не менее, в коллективном сознании башкир не существовало различия между кровным и символическим родством. Признание общего происхождения представляло собой социальный факт в том смысле, который придавал этому понятию Э. Дюркгейм.[2] Вера в общего предка составляет объективную реальность, т.е. независимую от индивидуального сознания. В этом смысле эта вера обладает онтологическим аспектом, поскольку включена в универсальный природный порядок, она столь же устойчива и реальна, как и все другие виды реальности, поэтому развивается по определенным законам. Но главное заключается в том, что эта вера способна оказывать на отдельные сознания принуждающие воздействия.[3]

О том, насколько символическая генеалогия может воздействовать на коллективное сознание различных этнических групп, свидетельствует история семиродцев. В литературе давно принято считать, что семиродцы представляли собой военно-политический союз башкирских племен, возникший в период распада Ногайской Орды. До середины XVI в. земля на юге Башкирии находилась в неразрывной собственности четырех племен, состоявших из семи родов, а именно Кара-кипчакской, Бушман-кипчакской, Суун-кипчакской, Чанким-кипчакской, Усерганской, Тамьянской и Бурзянской. В шежере этих племен отмечено, что сразу после принятия российского подданства, «по их башкирских послов просьбе, он великий царь, своим указом

[1] Абрамзон С.М. Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана АН СССР// Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Л., Наука, 1973. 260 с. С. 239

[2] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., Канон, 1995. 352 с.

[3] Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 12.

повелел эти земли отмерить», то есть определить их границы. Для этого в Ногайскую и Сибирскую дорогу были направлены «повелительные письма», по которым народ семи племен, посоветовавшись между собой и согласившись друг с другом, разделили земли.[1] Еще Р.Г. Кузеев выразил сомнение в достоверности этой довольно упрощенной версии о происхождения семиродцев, возникшей на основании их шежере. В своем исследовании о происхождении башкирского народа он указал на то, что род джете-уру в состав кыпчаков включен условно.[2] В XVII – XIX вв. башкиры этого рода, расселявшиеся на кипчакской земле, были чрезвычайно смешаны с кипчаками и были неотделимы от них. В то же время род джете-уру исторически и этнически тесно связан с племенами Дешт-и-Кипчака, причем сами кипчаки эту группу долгое время считали не башкирской, а казахской. Тем не менее, среди самих башкир о казахском происхождении семиродцев никогда не упоминалось. В южной Башкирии бытовало предание о существовании в эпоху ногайского господства или даже раньше союза семи башкирских племен – ете-ырыу. Разные информаторы включают в объединение джете-уру различные племена; в связи с присутствием в названии сакраментальной цифры перечисляются обязательно семь (обычно юго-восточных) племен или родов. Далее Р.Г.Кузеев отметил, что башкирский род джете-уру этнически восходит к казахскому роду жетыруу Малого Жуза. А.И. Тевкелев считал, что казахское племя «жедтиру, т.е. семь родов соединены вместе при Тевке-хане, по такой причине оные семь родов были по одиночке».[3] Кочующие на Тоболе казахи рассказывали, что башкиры джете-ру – потомки нескольких семей казахов, с весьма давних времен перешедших из Сибири через Урал и вступившие в родственные связи с башкирами.[4] Предки башкир рода джете-уру могли переселиться в Башкирию и с более близких земель казахи рода Джеты-ыру, по описанию В.В.Радлова, еще в XIX в. кочевали «около Оренбурга и Уральска»,[5] т.е. по соседству с современной территорией рода. Таким образом, в сознании башкир имело место смешение (перешедшее на страницы некоторых исследований) союза из семи или нескольких племен эпохи эпического сказания «Бабсак и Кусяк» и небольшого рода джете-уру на самом юге Башкирии, этнически тесно связанного с

[1] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. …С. 56.

[2] Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа… С 144.

[3] Журналы и записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.), Алматы, Дайк Пресс, 2005. 484 с. С 302.

[4] Мирхайдарова М.Р. История этнокультурных контактов башкир и казахов в XVIII – I половине XIX вв. Уфа, РИЦ БашГУ, 2011. 137 с. С. 31.

[5] Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1887, 26 с. С 23.

кипчаками. В.В.Трепавлов, поддержав основные положения концепции кыпчакского происхождения семиродцев, предложил весьма интересную и продуктивную гипотезу об особом статусе этого рода. Исследователь предположил, что самыми ранними «семиродцами» можно считать домонгольское объединение половцев-етебичей. В первой половине XIII в. кыпчакские кланы оказались под властью монгольских завоевателей, став основным человеческим ресурсом для строительства джучидской и чагатайской улусной системы (прочие тюрки-кочевники – огузы, карлуки, уйгуры, народы Алтая – были немногочисленны по сравнению с ними). Дешт-и-Кипчак был поделен Чингисидами на нутаги (монг.), или юрты (тюрк.), – обширные зоны пастбищных угодий, предоставленные монгольским племенам. Считалось, что некоторая (едва ли значительная) часть степи, не охваченная этой разверсткой, по-прежнему принадлежала покоренным монголами кипчакам.[1] Может быть, в глубине степей сохранялись этнические реликты домонгольских европеоидных кыпчаков, вошедших в состав этих семи элей. Таким образом, Р.Г. Кузеев и В.В. Трепалов не только подчеркнули доминирование кипчакского компонента в составе семиродцев, но и отметили особый статус этого образования в структуре башкирских родов. Насколько сохранившиеся письменные источники подтверждают или опровергают это положение исследователей? В составе фонда «Спорные дела Генерального межевания» сохранился документ, отчасти дающий ответ на этот вопрос. Это судебное дело 1675 г., повествующее о длительной тяжбе за охотничьи угодья между башкирами-вотчинниками. В соответствии с установленным законодательством, судебный процесс вел уфимский воевода П.И. Кондырев. Истцами выступили тарханы и башкиры Кипчакской (Азамат Бахтин), Тамьянской (Девлет Кузямбердин) и Тангаурской волостей (Мятяч Начахбаев), а ответчиком был башкир Юрматинской волости Бердеш Аккимбетев.[2] В ходе следствия Кондырев выяснил, что предмет спора – вотчинные угодья по реке Яик (от Сакмарского устья вниз до Караилги, верст с 40), которые принадлежали башкирам «семи волостей». Отстаивая свои права на реку, семиродцы ссылались на ясак, который платился ими с реки «из давних пор». Согласно показаниям истцов, юрматинские башкиры пользовались угодьями по Яику незаконно. Этот источник интересен и с точки зрения уточнения состава семиродцев. До сего времени среди этнологов не сложилось единой позиции по этому вопросу. Р.Г. Кузеев отметил, что разные информаторы включают в объединение джете-уру различные племена; в

[1] Трепавлов В. В. История Ногайской Орды…С. 490.
[2] РГАДА. Ф.1324. Оп. 1. Д. 2247.

связи с присутствием в названии цифры семь перечисляются обязательно семь (обычно юго-восточных) племен или родов. Старое предание передает и П. Небольсин, но он в союз джете-уру включает, кроме тамьянцев, только кыпчакские роды.[1] Таким образом, судебное дело 1675 г. показывает, что предположение П. Небольсина оказалось ближе к реальности XVII в. Чем же обосновал свое право на угодья по Яику ответчик? Юрматинец Бердеш Аккимбетев представил документ, составленный по его словам, за 30 лет до начала процесса. При переводе текста в Уфимской приказной избе за основу взяли формуляр сговорной грамоты, по-видимому, более привычный для российского делопроизводства XVII в. Разумеется, вместо списка приданого был указан размер калыма, который должен был получить башкир Юрматинской волости Костен Ишматов. Перевод гласил: «Се яз Девлетчура Таксарин сын Тангаурские волости башкирца дал есми сию запись Юрматинские волости башкирцу Костеню Ишматову сыну в том, что взял я Девлетчура у того Костеня сестру его девку Янбику за себя, а калыму мне велено дать тому Костеню за его сестру за 60 лошадей да три шубы куньи под дорогими».[2] Однако данный калым не был выплачен по неизвестным причинам. Тем не менее, Девлетчура Таксарин заменил его «вотчиной своей по Яику реке всякие зверовые ловли и бобровые гоны, верхняя межа тою вотчины через Яику реку тележная на Узыке дорога». При этом грамота датирована 7135 (1627) г. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что Янбика приходилась племянницей ответчику Бердешу Аккимбетеву. Интересно то, что уфимский воевода не нашел данный договор некорректным, несмотря на существующий законодательный запрет отчуждения в любой форме башкирских вотчинных земель. Против легитимности данного акта выступили истцы, сославшись на то, что Девлетчура Таксарин не имел права от собственного лица передавать вотчину по реке Яик. Они, в частности, указали на то, что «в книгах и во многих судных делах Яик река написана 7 волостей, а не одного его Девлетчура ответчика».[3]

Таким образом, угодья по реке Яик в сознании семиродцев представляли собой неделимую на жребии родовую вотчину всех своих сородичей. Судебная тяжба семиродцев с юрматинцами не была завершена в 1675 г., потому что уфимский воевода Кондырев потребовал от истцов письменных доказательств на вотчинные владения (грамоту великого государя). К тому же, уфимский воевода сослался на царский указ «не пускать башкир по сю сторону Урала», что фактически

[1] Небольсин П. О башкирах// Вестник Русского географического общества. Отделение этнографии, 1852. 544 с. Кн. 4. С. 17.
[2] РГАДА. Ф.1324. Оп. 1. Д. 2247. Л. 26.
[3] Там же. Л. 28.

означало незаконность эксплуатации башкирами пограничных территорий. Тем не менее, истцы заявили, что «грамота у них есть дома и они де ее привезут как де домой поедут».

Анализ данного дела подводит нас к мысли об уникальном статусе вотчинных угодий башкир-семиродцев. По-видимому, только они обладали на юго-востоке Уфимского уезда вотчинными правами отдельно от других башкирских родов. Все остальные башкирские общины эксплуатировали эти земли совместно, без установления границ между владениями родов. О разделении вотчинных владений семиродцев на юге Башкирии свидетельствует и уже приводившаяся выше челобитная 1668 г. башкира Кипчакской волости Чурака Буккулова, просившего снять с него ясак, потому что «...ныне де стар, и Великого Государя в казну платил ясаку с речки Уила, что за Яиком по три лисицы, а владеют де ею ныне калмыки, и того де ясаку взять негде».[1] В середине XVII в. представители других башкирских родов появлялись здесь наездом и объекты их хозяйственной деятельности не разделялись по родам. Башкиры, отваживавшиеся отправиться на санар за Яик, на Илек, Уил, Киил и Орь, составляли партии охотников из представителей различных дорог и волостей. Независимо от принадлежности к тому или иному роду все охотники или промысловики получали равную долю. Так, в 1648 г. на совместной охоте на реке Уй были захвачены врасплох калмыками 20 башкир, представлявших 7 волостей Сибирской, Казанской и Ногайской дорог.[2] Возникает вопрос, почему на юго-восточной окраине Уфимского уезда башкиры, за исключением семиродцев, предпочитали совместную эксплуатацию охотничьих, рыболовных и соляных угодий? Дело в том, что защита и эксплуатация этих промысловых угодий могла производиться только совместными усилиями всех башкирских родов. Почему же только семиродцам удалось закрепить за собой вотчинные владения на юге Уфимского уезда отдельно от других родов? Наше предположение вполне укладывается в рамки концепции Р.Г. Кузеева и В.В. Трепавлова. Во-первых, семиродцы сравнительно поздно (в ногайский период) входят в соприкосновение с башкирскими родами. Во-вторых, они проникают в Башкирию с юга, т.е. «из казахских степей» (Дешт-и-Кипчак). В-третьих, вотчинные угодья семиродцев находятся в районе реки Яик. В данном случае их локализация носит не случайный характер, но во многом она была обусловлена предшествующей историей. Перед своей смертью Чингисхан в 1227 г. выделил своему старшему сыну Джучи в качестве кочевий завоеванные

[1] Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. Т.4. Кн. 2. С.38.
[2] РГАДА. Ф. 116. Оп. 2. Д.1648. Л. 156.

земли до реки Иртыш, получившие название Большая Орда. После завоевания западносибирских и зауральских степей в 1229 г. границы Большой Орды расширяются до реки Яик, но не переходят ее, т.е. основные земли башкирских племен и родов по обоим склонам Южного Урала остаются вне пределов Орды Джучи. В нее включаются лишь территория башкирских кочевий в Зауралье. К 1232 г. весь Великий пояс степей Дешт-и-Кипчак, от Иртыша до Итиля (Волги), был в руках ордынцев – потомков Чингисхана и его сына Джучи.[1]

Кто же мог нарушить установленную монгольскими правителями границу обитания башкирских родов на юге? Это сделали ногаи, чьи кочевья смещаются с юга и востока в Башкирию уже в конце XV в. При этом семиродцы, по утверждению В.В. Трепавлова, являлись трофеем ногайских правителей Мусы, Ямгурчи и Аббаса во второй половине XV в., когда те вели борьбу за узбекское наследство.[2] К Мангытскому юрту присоединялись общины восточных кипчаков, обитавшие к востоку от основных мангытских (собственно ногайских) кочевий в междуречье Волги-Яика-Эмбы. Вожди последних, похоже, заключили шерть с тогдашними ногайскими предводителями о полном подчинении, превратившись в подданных непосредственно этих предводителей, за рамками первоначальной двухкрыльной структуры Ногайского юрта. Таким образом, семиродцы Ногайской Орды, увлеченные ногаями на север, заняли земли по Яику, прежде рассматривавшиеся в качестве естественной границы между улусными владениями шибанидов и башкирскими землями. По всей видимости, уход ногаев из Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVII в. не затронул семиродцев на Яике. Дело в том, что южнее их обитали Алтыулы – ногайские улусы потомков Шейх-Мамая, которые закрыли для семиродцев возможность ухода за Волгу. Алтыулы в большинстве своем не успели или не захотели уйти вместе на запад, заняв положение союзников калмыков. Сохраняя особый статус в родоплеменной структуре ногайских элей, семиродцы были вынуждены остаться на границе своей исторической родины – Дешт-и-Кипчак. Таким образом, признание общности происхождения, основанное на общей исторической памяти, а не реальное кровное родство, формирует этническое самосознание.

Следует ли из этого, что этническую принадлежность можно поменять? В определенной мере этническая идентичность это проблема выбора. Однако для этого необходимо было принять в качестве

[1] Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, Фэн, 1994. 144 с. С.42-66.
[2] Трепавлов В.В. История Ногайской орды… С. 439.

реального социального факта общность происхождения, т.е. пройти инициацию приверженности иному предку, принять чужые ритуалы и усвоить весь сакральный комплекс другого этноса. Следует учесть, что башкиры XVII–XVIII вв. были более закрытым этносом, чем соседние с ними народы. И дело здесь не только в сложности этнической мифологии и сокрытости знания о родстве для посторонних. Как отмечает А.З. Асфандияров, для любого человека «переход» в башкиры означал наделение вотчинными правами. Это позволяло участвовать в продаже и аренде общинных земель и получать свою долю от арендной платы или проданных угодий.[1]

Фактор наличия родовых вотчин поддерживал этническое самосознание даже в тех случаях, когда башкиры меняли привычную природную и социальную среду. Так, в 1734 г. от имени 50 дворов башкир Ногайлярской волости подал челобитную Кармыш Кызылкуратов. Суть прошения заключалась в возвращении вотчинных земель, незаконно занятых уфимским дворянином Василием Гладышевым.[2] Гладышев, по словам Кармыша, воспользовался тем, что 65 годами ранее (т.е. в 1670 г.) предки челобитчиков были захвачены в плен калмыками во время вторжения в Уфимский уезд хана Кучука. В челобитной повествуется о том, что хан их «повез в свою орду и от деда и отца остались, мы нижайшие, в ясырях и держал нам каракалпакской хан насильством своим 65 лет и не могли никоим образом с той орды возвратиться и как указом вашего императорского величества Алексей Иванов сын Тевкелев прибыл посланником к Абулгаиру хану, объявя нам милость свою о бедности нашей, на нижайших выручил и отправил нас в Уфимский уезд». В челобитной ногайлярцы называют себя «башкирской природы ногайцы».

В XVII в. помнили о своем происхождении даже те потомки башкир, которые бежали в Казанский уезд во время смуты в Ногайской Орде в 60-е гг. XVI в. Так, в 1676 г. уфимские власти разбирали тяжбу между башкирами Кыр-иланской волости и «казанской ясачной чувашой», которая началась из-за спорных угодий по рекам Ику и Усеню.[3] В ходе следствия выяснилось, что деды «ясачной чуваши Тлевлея Досаева с товарищи» в XVI в. были башкирами Кыр-иланской волости «и в прошлых де давних годех дед их Тлевлюйкин с товарищи от воинских ногайских людей съехали в Казанский уезд, и в Казани де на них наложили хлебный и денежный ясак. А они Тлевлюйко и Ишметко породные ж башкирцы только в Казанском уезде живучи

[1] Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII - первая половина XIX в.). Уфа, Китап, 1997. 104 с. С.44.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп.15. Д. 821. Л. 278.
[3] Там же. Ф. 1173. Оп.1. Д. 909. Л.3.

задавнели».[1] Один из двух вариантов толкования слова «задавнети» интерпретируется как «забыть за давностью лет».[2] Через сто лет казанские правнуки беженца сохранили память о своей принадлежности к башкирскому роду. Не было забыто и точное местонахождения вотчинного жребия своего предка.

Права на наследственную вотчину не отменялись даже в том случае, если представитель рода переходил в православие. В 1701 г. начался длительный и сложный судебный процесс между башкирами Гирейской волости и откупщиком купцом гостиной сотни Иваном Симановским из-за рыбных ловель в низовье реки Белой.[3] В качестве доказательства своего права на владения угодьями башкиры предоставили суду владенную память, данную башкиру Опасу Тютееву в 1672 г. В состав формуляра этой памяти вошла выпись с оброчной грамоты 1575 г. В грамоте был зафиксирован факт передачи на оброк вотчинных угодий башкиру Кукею Боскосееву. Особо отмечено, что этой вотчиной прежде владел новокрещен Савва Обтяков. Опас Тютеев предоставил доказательства того, что Кукей Бокосеев приходится его прадедом, а новокрещен Савва Обтяков (Бурнашев) являлся родным дядей.[4]

Начало вотчинного спора между башкирами Кипчакской волости и жителями Казанского уезда из-за угодий по реке Ик также связано с переселением башкир в Казанский уезд в период ногайской смуты середины XVI в. В 1639 г. подали челобитную «казанской чувашенин Ногайской дороги деревни Кугарчи Бакшадейко Янзигитов и новокрещен Куземка Васильев». Они обосновали свои права на спорные вотчины тем, что «преж сего были деды наши башкирцы Уфимского уезду Усерганской волости Чертанбай Чертанов сын, Касанчей Канчеев сын, Уразгильдей Уразгильдеев сын, Янзигит Янзигитов сын, а я Бакшедейко владею той вотчиной после отца своего Янзигита, в прошлых годех деды и отцы наши вышли и живут в Казанском уезде с казанского взятия в той вотчине и с той вотчины мы платим я Бакшедейко плачу оброк за бобровые ловли два рубли 8 батман и дву деньги, а я Куземка плачу с бортных ухожьев сорок алтын да пошлин два алтына».[5]

Башкирские родоплеменные структуры (от родового подразделения до союза племен) являлись объединениями, в которые, наряду с родственниками, входили и выходцы из других башкирских

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 909. Л.11.
[2] Словарь русского языка XI-XVII вв. М., Наука, 1978. Вып. 5. С. 38.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1337. Л.2-17.
[4] Там же Л.6.
[5] Там же. Д 94. Л.3.

родов и иных этнических групп. Значительную роль в поддержании единства родов выполняли хозяйственные и политические факторы. У кочевников политическое и хозяйственное объединение всегда принимало форму родственных союзов. В результате возникала потребность в создании генеалогий, сводящих всех членов родовой структуры к единому предку.

Важно подчеркнуть и то, что родоплеменная структура, которая обычно интерпретируется как пережиток родового строя, существовала у всех кочевников. Она не изживалась до тех пор, пока кочевники не переходили к оседлому земледелию. У башкир племенная структура начала разрушаться в результате действия двух факторов: во-первых, с учреждения кантонной системы управления в конце XVIII в., во-вторых, с переходом основной части башкирского населения к оседлому земледелию. Таким образом, так называемая родовая структура являлась естественной и, судя по имеющемуся материалу, единственной социальной формой существования кочевых и полукочевых обществ.

§ 5.Проблема эксплуатация в башкирском обществе

Отдельной проблемой в изучении социальной структуры является вопрос о наличии феодальной эксплуатации. Напомним, что доказательство её существования представляет главный аргумент сторонников теории «кочевого феодализма».

По утверждению С.П. Толстова, у номадов феодальная эксплуатация формируется из элементов родовой взаимопомощи. Он же подчеркнул особую роль пережитков родового строя, маскирующих феодальную эксплуатацию. Наиболее общей формой зависимости кочевого коллектива от хана была необходимость при перекочевках следовать указанным ханом маршрутам. Подобным образом знать осуществляла свое право на землю, эксплуатируя непосредственного производителя. Кроме того, феодалы полновластно распоряжались наиболее удобными землями и принадлежавшими им стадами, за которыми ходили рабы или полурабы.[1]

Таким образом, согласно теории «кочевого феодализма», у кочевников бытовали две основные формы феодальной эксплуатации:

1. Распределение пастбищ, определение маршрутов кочевания, преимущественное право на лучшие кочевья.

2. Использованием феодалами различных форм родовой взаимопомощи, которые превратились в средство феодального угнетения общинников.

[1] Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых обществах…С. 101.

Рассмотрим проблему распределения пастбищ башкирской кочевой знатью.

Во-первых, ни в одном источнике не отмечено, что башкирские старшины или тарханы определяли каждому роду или подразделению рода места его кочевок. Материалы Уфимской приказной избы и Печатного приказа изобилуют судебными разбирательствами, касающимися захватов пахотных участков, бортных угодий, бобровых гонов, рыбных ловель и других промыслов. Однако нет ни одной челобитной башкир, в которой говорилось о присвоении пастбищных угодий единоплеменниками или единородцами.

Сохранились письменные источники, которые отражают межродовые конфликты даже из-за такого незначительного объекта вотчинного владения, как усадебные места. К примеру, в 1701 г. Кучук Яикбаев и все башкиры Тамьянской волости подали челобитную на 25 человек башкир Тангаурской волости, обвинив их в том, что тангаурцы «…поставили насильством своим струбы и хотели поселится на прадедовской и дедовской и отцовской земле на прежних усадах».[1] В процессе разбора дела выяснилось, что усадебная земля считалась собственностью башкир Кипчакской волости. По утверждению тангаурцев, кипчаки отняли эту землю у них «насильством» в прежние времена. После того, как в процессе появился новый фигурант (глава кипчаков Ишмухамет Давлетбаев), следовало ожидать и подключения к суду бурзянцев. Они долго себя ждать не заставили. В 1703 г. Лачин Куюков заявил о правах Бурзянской волости на место, предназначенное для деревни в 20 дворов.[2]

Конфликт из-за промысловых охотничьих владений на юго-западе Уфимского уезда между башкирским родом Бурзян и различными родами кипчаков продолжался, по меньшей мере, 300 лет. Спор был настолько принципиальным, что даже в родовых преданиях кипчаки и бурзяне не скрывали взаимной вражды.[3] Предание рода Бурзян так объясняет причину земельной тяжбы между двумя башкирскими племенами: «Бурзяне пришли в край намного раньше кипчаков. Они жили здесь еще во времена ханов-каганов. Пришли кипчаки и стали теснить бурзян. С приходом их кончилась мирная жизнь и началась тяжба за земли и воды. Кипчаки пришельцы были очень воинственны. Они без конца притесняли бурзян, в то же время и

[1] РГАДА. Ф. 1773 Оп.1. Д. 1368. Л. 4.
[2] Там же. Л. 12.
[3] Башкирские предания и легенды. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1985. 287 с. С. 39.

бурзяне ничего своего не уступали».[1] Только проведение Генерального межевания в 1805 г. привело оба башкирских племени к компромиссу.[2]

В пределах волостной (родовой) территории у башкир не существовало никаких ограничений в пользовании пастбищными угодьями. В конце XVII в. представители Уфимской администрации характеризовали землепользование в башкирских волостях: «Живут не насильством, а живут потому, что у их братии башкирцев повелось исстари так, кто похочет, тут и кочует и в чужих вотчинах, и пашню пашут и сено косят и на речке мельницу ставят, только в лесу не зверуют, и тем берут и бортей не делают».[3] В наказе башкир в Уложенную комиссию также было отмечено: «В Уфимском уезде во всей Башкирии земли состоят во владении по волостям нераздельно, а не так чтобы порознь дачами были разделены и владеют оными всей волостью сколько в котором число людей состоит общественно».[4]

В XVIII в. распределение земли между членами общины имело следующий вид: все члены аймака или тюбы имели свою долю во владении общими землями. Это не был определенный участок земли, а только номинальное право каждого члена общины на определенную часть всей земли. Обычно считается, что доля или пай во владении землей были равными для каждого члена общины. Но реальный размер пая зависел от размера стада, принадлежащего конкретному общиннику. Величина ясака каждого вотчинника зависела от величины пастбищных угодий, на которых пасся его скот. Таким образом, у башкир-кочевников отсутствовала необходимость в предварительном распределении пастбищных угодий внутри общины. Распоряжение пастбищными угодьями в рамках родовой территории, по сути, представляло собой систему явочного землепользования.

Г.Е. Марков отметил, что у монголов также отсутствовало распределение пастбищ; ни о каких ограничениях или регламентации кочевания источники не упоминают. Он показал несостоятельность утверждения В.Я. Владимирцева о том, что уже в X в. монголы кочевали по определенным феодалами маршрутам. Единичное свидетельство Г. Рубрука не может быть принято в качестве доказательства распределения кочевий в X в., поскольку Рубрук описывал ситуацию, характеризующую совершенно иную эпоху.[5] Г.Е.

---

[1] Башкирские предания и легенды. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1985. 287 с. С. 41.

[2] РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Ч.1. Д.82. Л.123.

[3] Там же. Ф. 452. Оп. 1. Д. 9. Л.4.

[4] Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Л. 21-22.

[5] Марков Г.Е. Кочевники Азии Хозяйственная и общественная структура в эпохи возникновения расцвета и заката кочевничества: автореф. дис. .... докт

Марков отмечает, что только Чингисхан произвел жесткую привязку каждой кочевой группы к определенной территории, руководствуясь военно-административными соображениями: он хотел иметь под руками все кочевые группы в строго определенных местах, готовых к выполнению приказов своих начальников.[1] Г.В. Вернадский, ссылаясь на свидетельства Аб-уль-Фараджа, указал на то, что в Ясе прикрепление кочевников к определенной территории преследовало исключительно военно-административные цели: «Ни один воин из тысячи, сотни или десятка, в которые он был зачислен, не должен уезжать в другое место; если он сделает это, то будет убит, и также будет с офицером, который принял его».[2] Таким образом, закрепление за каждым улусом определенной территории имело целью прекратить свойственные кочевникам столкновения из-за угодий, источников воды и т.д. Для Чингисхана борьба с внутренними раздорами была мероприятием того же порядка, что и обеспечение безопасности торговых путей, формирования единой почтовой службы и т.д.

В шежере башкирского племени Мин сказано, что распределение вотчинных владений между отдельными родами было произведено для того, «чтобы избежать взаимного насилия».[3]

В теории «кочевого феодализма» очень важным является обоснование феодальной собственности на землю. Кочевые феодалы реализовали право собственности на землю благодаря приоритету в пользовании пастбищными угодьями. Кроме того, последователи данной теории утверждают, что фактическое владение землей зависело от того количества скота, которым они владели, то есть подавляющее количество земель находилось в руках феодалов.

Нет никаких сомнений, что площадь занимаемых пастбищ прямо зависит от количества скота. Однако можно ли утверждать, что сам по себе выпас скота на сравнительно большей территории приводит к формированию феодальной собственности на землю? Если бы кочевники испытывали недостаток в пастбищах, то их беднейшая часть оказалась бы в зависимости от владельцев больших стад.

Для решения этого вопроса необходимо выяснить, каким количеством скота владела башкирская знать и насколько значительными были ее потребности в дополнительных пастбищах?

В 1743 г. уфимский вице-губернатор П.Аксаков отметил, что среди башкир Ногайской и Сибирской дорог «довольно владельцев,

---

ист. наук. М., 1966. С. 22.

[1] Марков Г.Е. Кочевники Азии …С. 22.

[2] Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., Аграф, 1997. С. 127.

[3] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере… С. 54.

имеющих от 2 до 5 тысяч голов лошадей».[1] Один из самых богатых башкирских старшин начала XVIII в. Алдар Исекеев владел в своей Бурзянской волости 8000 лошадей.[2] Таким образом, в первой половине XVIII в. башкирская знать имела в среднем от 2 до 8 тысяч голов лошадей.

Согласно расчетам П.И. Небольсина, для того, «чтобы прокормить во всю зиму 4000 лошадей, потребно некошеной степи верст 20 в длину и верст 20 в ширину».[3] Небольсин имел в виду ковыльную степь Казахстана, а не луга предгорий Южного Урала или пойменные низины рек Башкирии. О качественном превосходстве последних башкирских пастбищ писали многие географы и путешественники. Наиболее авторитетное мнение принадлежит авторитетному биологу и ботанику П.С. Палласу, писавшему о степях Исетской провинции: «Сия степь здоровыми и сытными кормовыми травами так богата, что если бы во внутреннем Российском государстве в странах сыскались охотники заводить искусственные луга, то не надобно было бы доставать семян иностранными, а выписать бы только Исетской провинции семян позднего степного сева».[4]

Кроме того, в зимнее время скот, вследствие скудного подножного корма, нуждается в сравнительно большей площади пастбищ. Если учесть эти факторы то, для содержания 4000 лошадей в год требовалось не менее 600–650 квадратных километров пастбищ или 60–65 тысяч десятин. На одну лошадь выходило не менее 16 десятин пастбищных угодий.

В 30–90-е гг. XVIII в. у башкир было изъято под строительство заводов и крепостей 55% площади их вотчинных земель. Тем не менее, даже в начале XIX в. они продолжали владеть 12 миллионами 818 тысячами десятин земли, что составляло 45% территории Башкирии.[5] Таким образом, до конца 30-х гг. XVIII в. во владении башкирских родов находилось около 28 млн 484 тысяч десятин земли. Около трети пространства башкирских вотчин занимали земли, неудобные для выпаса скота. Таким образом, на территории, принадлежащей башкирским родам, могло содержаться чуть более 1,3 млн голов

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 204.
[2] Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII - начала XVIII в… С. 37.
[3] Небольсин, П. И. Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край// Вестник Императорского Русского географического общества СПб., тип. Э. Праца, 1852. Ч. IV. Кн. I. С. 1-34. С. 47.
[4] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи: СПб., при Имп. Акад. наук. 1769. Ч. II. С.95.
[5] Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии. Уфа, Китап, 2000. С. 112.

лошадей. По расчетам Р.Г. Кузеева, все башкирское население в первой трети XVIII в. не превышало 200 тысяч человек. Таким образом, имеющихся в Башкирии в XVII – первой трети XVIII в. пастбищных угодий было вполне достаточно для того, чтобы не обращать нужду в пастбищах беднейших слоев в формы феодальной зависимости. Если бы башкирская знать все же попыталась захватить все кочевые угодья у своих сородичей, то это бы неизбежно привело к распаду кочевой группы. Кроме того, любое давление на сородичей с целью лишения их пастбищ вызвала бы их откочевку к другим кочевым группам башкир, сибирским кучумовичам, ногаям, казахам или калмыкам. Так, в 1735–1740 гг. башкиры Каршинской волости практически не приняли участия в восстании. Во многом это объяснялось тем, что старшина каршинцев Шерып Мряков принял самое активное участие в подавлении восстания. За годы восстания Каршинская волость понесла катастрофическую убыль населения. В 1725 г., по данным кунгурского бургомистра Юхнева, в ней числилось 700 дворов и 2100 мужчин, способных воевать[1]. Следовательно, с учетом стандартного соотношения 1 воин на 5 человек в Каршинской волости проживало, как минимум, 10 500 душ обоего пола. В середине XVIII в., по данным историка Рычкова, в названной волости было лишь 77 дворов[2], то есть произошло почти десятикратное падение численности, которое не может объясняться боевыми потерями в столкновениях с повстанцами. Основная часть каршинцев покинула родную волость по причине неприязненных отношений со своим старшиной, стремившимся обложить своих сородичей денежными сборами и присваивающим денежные сборы с припущенников.

Следует обратить внимание, что старшинской элите было трудно создать искусственный пастбищный голод в краю, где в XVIII в. значительные пространства оставались не освоенными земледельцами. Даже после конфискаций в 30–90-е гг. XVIII в. более 16 млн десятин вотчинных земель большинство башкирских родов сохранило земельные угодья, достаточные для ведения полукочевого скотоводства. Например, по Генеральному межеванию 699 человек Катайской волости имели 121820 десятин земли.[3] Даже с учетом неудобной для пастьбы скота земли, катайцы вполне могли иметь по 8–10 лошадей на душу населения, что превышало установленную для кочевого хозяйства норму поголовья. О том, насколько значительным был пастбищный потенциал Башкирии еще во второй половине XVIII в., писал все тот же

[1] Материалы по истории БАССР… Т. III. С.485
[2] Рычков П.И. Топография Оренбургская… С.98.
[3] РГАДА. Ф.1350. Оп.1. Д.1866. Л.12 – 14.

П.С. Паллас. Находясь около Бузулукской крепости, расположенной в 170 километрах от Самары, он отметил, что в здешней степи татары охотятся на диких лошадей, которые расплодились от ушедших дворовых лошадей. Сии дикие лошади водятся летом и зимой в гористой, источниками изобильной степи, ибо в зимнее время находят корм на горах, с которых бурным ветром снег сносит.[1] Следовательно, пастбищ было достаточно даже для воспроизводства одичалых лошадей, которые не испытывали конкуренции со стороны башкирских табунов.

Таким образом, в XVII – первой трети XVIII в. основная часть башкирских родов владела пастбищными угодьями, площадь была достаточной для ведения полукочевого хозяйства. Показательно, что сами башкиры очень невысоко ценили территории, если на них не было бортных лесов, звериных и рыбных ловель или мельничных мест. К примеру, бобыли 24 деревень Казанской дороги Уфимского уезда, допрошенные в 1701 г. представителями Уфимской администрации, сообщили, что они поселились на башкирских землях «без указу и приему и жили без оброков». Только немногие из допрошенных бобылей показали, что платят башкирам оброки за пользование бортными угодьями и рыбными ловлями.[2] Бобыли Казанской дороги – чуваши, мари, татары и новокрещены – в 1700 г. подали челобитную, в которой просили власти, чтобы башкиры не требовали с них оброка. В результате выяснилось, что башкиры отдавали им свои земли из платы оброка «из гривны или куницы». Размеры взимавшегося оброка были не велики: по гривне со двора или по несколько куниц с деревни. Оброки взимались в основном за пользование промысловыми угодьями и лишь в трех случаях за пользование пашенной землей или сенокосами.[3]

В кочевом обществе прерогатива аристократии в определении маршрутов кочевания вызывалась исключительно хозяйственными и военными соображениями. При смене пастбищ необходимо было учитывать состояние травостоя, наличие источников воды и удобных бродов и т.д. По утверждению В.Ф. Шахматова, распоряжение кочевьями было необходимым условием функционирования кочевой системы, так как в противном случае хаотическое и бессистемное использование пастбищ привело бы к гибели скота.[4]

---

[1] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи: СПб., при Имп. Акад. Наук, 1769. Ч. II. С.316.
[2] РГАДА. Ф.1173. Оп.1 Д.1304 Л. 4.
[3] Там же. Л. 5-7.
[4] Шахматов В.Ф.К вопросу о классовой и антиколониальной борьбе в кочевых районах Казахстана в XIX в.// Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия история, философия, право. 1951. № 86. С. 112.

Военный фактор при выборе маршрута кочевания играл не меньшую роль, поскольку четко определенных границ между племенными территориями не существовало. Все степное Зауралье в XVII–XVIII вв. находилось в состоянии военных нападений со стороны калмыков и казахов. Глава кочевой группы должен был принять решение о том, кого в степи надо избегать и, напротив, кого следует обнаружить, чтобы поживиться за его счет. В этом смысле выбор маршрута кочевания являлся военной задачей..

Последователи теории «кочевого феодализма» считают также, право кочевых феодалов определять маршруты кочевания использовалось ими для установления своей власти над рядовыми общинниками с целью последующей феодальной эксплуатации. Г.А. Федоров-Давыдов пишет: «Что такое принудительное перераспределение старых пастбищ, руководство со стороны монгольской аристократии кочеванием как монгольских, так и захваченных половецких и черноклобуцких кочевых групп, переселение их на новые места и на новые земли, как не перераспределение земель, скота и зависимых людей? Именно отношения экономического принуждения и личного подчинения характеризуют феодальную собственность на землю. Сущность феодальной собственности на землю – это, в первую очередь, власть над людьми, живущими и работающими на ней. Система социального устройства монголов при Чингисхане была основана на подчинении массы кочевников поставленному над ними нойнону – военачальнику».[1] Следовательно, Г.А. Федоров-Давыдов считает, что главным показателем феодальных отношений является не отношение собственности, а экономическое принуждение. Безусловно, одним из важнейших признаков феодализма является факт наличия у собственника средств производства и известной власти над жителями его имения.[2] Можно ли утверждать, что сам по себе «известная власть над непосредственным производителем» определяет способ производства? Нет, поскольку сам историк полагает, что этот признак является необходимым, но недостаточным. В таком случае возникает вопрос, что является экономическим выражением феодальной земельной собственности? Теория «кочевого феодализма», по утверждению её апологетов, основывается на марксистской методологии, поэтому ее объективная критика имеет смысл только при обращении к первоисточнику. К. Маркс же вполне ясно сформулировал основной смысл феодальной земельной собственности: «Экономическим содержанием собственности является рента. Если мы

[1] Федоров-Давыдов Г.А Указ. соч. С. 67.
[2] Маркс К. Энгельс Ф. Собр. Соч. Т.23, С.344; Т.42. С.81

понимаем феодальную собственность как экономические отношения двух классов, значит, она синонимична рентным отношениям».[1] К. Маркс уточнил, что по величине феодальная земельная рента определяется как доля, охватывающая весь прибавочный продукт.[2] К. Маркс предвидел трактовку феодальной собственности в юридическом плане, т.е. собственность как право распоряжения. Поэтому он особо указал: «Отдельная категория собственности существует лишь в праве, а не в экономике. Попытка определить собственность как «независимое отношение» ведет к «метафизической и юридической иллюзии».[3] Таким образом, не правовой (распоряжение), а экономический (рента) аспект определяет сущность феодальной собственности.

Существовали ли у башкир XVI – XVIII вв. рентные отношения? До сей поры не обнаружено ни одного свидетельства взимания ренты за пользование общинными пастбищами внутри башкирской общины. Н.Ф. Демидова, которую трудно упрекнуть в незнании источников или пренебрежении марксистской теорией, пришла к этому выводу о том, что «Документы не позволяют судить о наличии каких-либо видов постоянной денежной ренты в башкирском обществе».[4] Н.В. Устюгов сделал предположение, что при сборе ясака башкирские старшины получали какой-то доход. Историк ссылается на проект по улучшению управления башкирским краем, составленный в 1738 г. В.Н. Татищевым. Последний предлагал полностью отказаться от практики посылки за ясаком русских людей, передав их функции башкирским старшинам. Он же полагал, что для этого необходимо ввести вознаграждение старшин в размере 1 или 2 копеек с человека. По мнению Н.В. Устюгова, В.Н. Татищев исходил из существующей практики оплаты службы ясачного сборщика.[5] Однако Н.В. Устюгов не учел того, что должность ясачного сборщика не предполагала какой-либо оплаты. Уфимские дворяне назначались в ясачные сборщики в качестве награды или пожалования. Все расходы по сбору и транспортировке ясака должны были оплачивать из собственных средств. Если же Н.В. Устюгов имел в виду неофициальные поборы, то они зависели от индивидуальных запросов сборщика. Некоторые уфимские дворяне, получив назначение в сборщики, как, например, И.И. Черников-Онучин, просто грабили ясачных людей, присваивали себе

[1] Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. Т.4. С. 170; Т.26, Ч.2. С.170, 327; Т. 26. Ч.3, С.415.
[2] Там же. Т.25. Ч.2. С. 264, 346, 356, 357, 362; Т.26. Ч.3. С.415.
[3] Там же. Т.4. С. 168, 318; Т.16. С.26; Т.27. С.406; Т.42. С.106.
[4] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 гг. :дис. .... канд. ист. наук. М., 1955. С. 237
[5] Устюгов И.В. Башкирские восстание 1662 - 1664 годов…С.98

весь собранный ясак.[1] Однако были и такие, как уфимец Е.И.Третьяков или Ф.И. Жилин, которые руководствовались разумными пределами поборов с башкир. Поэтому ясачные люди в своих коллективных челобитных просили продлить им срок полномочий. В этом отношении Федор Иванович Жилин является своеобразным рекордсменом. Он по челобитной «всех башкирцев и тархан Сибирской дороги» собирали у них ясак на протяжении 27 лет.[2] Впрочем, по сообщению В.Н. Татищева, дворяне, собиравшие ясак в конце 30-х гг. XVIII в. брали с ясака по гривне и более».[3]

Предположение Н.В. Устюгова о том, что старшины присваивали себе часть ясачной подати, противоречит их стремлению избавиться от участия в процедуре сбора и переложить эту задачу на плечи уфимских дворян. Одним из главных пунктов челобитной 25 знатнейших башкирских старшин, обратившихся в 1742 г. к уфимскому вице-губернатору П.Аксакову, была просьба отменить сбор ясака старшинами и возобновить посылку для этой цели уфимских дворян.[4] Примечательно, что среди челобитчиков был Шерып Мряков, который отнюдь не был бескорыстным старшиной, и даже получил от башкир прозвище «разоритель народа». Если бы сбор ясака приносил старшинам какой-нибудь доход, они не стали бы просить администрацию лишить их этого права. Таким образом, в башкирском обществе в XVII – первой трети XVIII в. не только не было рентных отношений, но и отсутствовали систематические поборы, производимые знатью с простых общинников.

Что же касается феномена «власти над людьми», на которую ссылается Г.А. Федоров-Давыдов для доказательства наличия феодализма у кочевников, то действительно сохранилось немало свидетельств о неограниченных полномочиях некоторых башкирских старшин над своими подопечными. К примеру, П.И. Рычков писал о башкирском тархане и старшине Казанской дороги Кусюме Тюлекееве, «который так усилился и самовластен над башкирцами, что тех кои в противность его воли поступали вешал на деревьях и утоплял в воде, бросая в проруби».[5] Однако в данном случае «самовластие» башкирского тархана не имеет никакого отношения к феодальной эксплуатации. Кусюм Тюлекеев являлся одним из вождей крупнейшего

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.I. С. 227.
[2] РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.194. Л.723.
[3]Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения уфимской провинции в первой трети XVIII в.// Исторические записки. М.,1961. Т. 68. С. 64.
[4] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана.. Уфа, Китап, 2001. Т. 9. С. 76.
[5] Рычков П.И. Топография Оренбургская... С. 154.

башкирского восстания 1704 – 1711 гг., и его авторитарные методы управления были обусловлены суровыми условиями войны, а не желанием получить феодальную ренту со своих сородичей.

Отсутствие рентных отношений было характерно не только для башкирского общества XVI–XVIII вв. Как отмечает Н.Н. Крадин: «Во внутренних отношениях «государствоподобные» империи номадов (за исключением некоторых, вполне объяснимых случаев) основаны на ненасильственных связях, они существовали за счет внешних источников без установления налогообложения скотоводов.[1]

У южных соседей башкир – казахов, по данным П.И. Рычкова, ханы и султаны не проводили даже единовременных сборов с подвластных им общинников.[2] Казахские ханы жили за счет собственного хозяйства и царского жалования. Попытки царского правительства в XVIII в. наложить на казахов ясак потерпели провал, потому что казахи никогда не платили его своим правителям. Таким образом, право кочевой знати определять маршруты кочевания и распределять пастбищные угодья не влекло за собой формирование рентных отношений.

Тем не менее, даже в последних исследованиях повторяется ничем не подкрепленный тезис о башкирской феодальной верхушке, пользовавшейся монопольным правом на землю. Анализ делопроизводственных источников из фонда Сената свидетельствует, что каждый подобный случай рассматривался башкирскими общинами как нарушение традиционных устоев и вызывал коллективные протесты а, в ряде случаев, вооруженное сопротивление. В 1736 г. один из активных участников восстания в Зауралье Ибреш Алдаров заявил, что главной причиной вооруженного выступления в Зауральской Башкирии явилось то, что «Таймас Шаимов продал вотчинную землю, на которой построена Верхояицкая пристань, полковнику Тевкелеву». В результате башкиры Каратабынской волости «шертовались меж собой, чтоб чинить бунт, руских бить до смерти и города строить не давать».[3] Причем, с протестом против распоряжения вотчинными землями могли выступить не только свои же сородичи, но и башкиры соседних волостей. В 1737 г., излагая причины башкирского восстания, один из его руководителей Кильмяк Нурушев отметил, что «начало сего бунту воспоследовало в прошлом 732 году, когда Алдар-башкирец отдал камисару Утятникову для соленого промыслу вотчины своей лес, в котором лесу был спор Кипчатской волости з башкирцами, потому что оные называли своим».[4]

---

[1] Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция… С. 329.
[2] Рычков П.И. Топография Оренбургская… С.189
[3] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 136.
[4] Там же. С. 365.

Сторонники теории «кочевого феодализма» утверждают, что в кочевом обществе формы родовой взаимопомощи превратились в средство феодальной эксплуатации рядовых общинников. Некоторые исследователи видят проявление феодальной отработочной ренты в том, что феодалы отдавали скот на выпас рядовым общинникам (саун). Осенью скот возвращался с приплодом, а общинник получал право пользоваться получаемыми продуктами животноводства.[1] Данная практика была широко распространена почти у всех кочевых народов. Тем не менее, еще в 1955 г. Л.П. Потапов указал на то, что саун не был основой феодальной эксплуатации, а представлял собой кабальные отношения, существовавшие при различных способах производства. Саун не определял собой тот или иной тип производства.[2]

С.З. Зиманов уточнил положение вывод Л.П. Потапова. Он указал на то, что степень распространенности практики отдачи скота на выпас приобретала в различные времена разные размеры в зависимости от колебания экономического состояния хозяйства.[3] Большинство крестьянских хозяйств в условиях кочевого скотоводства обладало экономической самостоятельностью и не нуждалось в наделении скотом со стороны феодальной знати. С.И. Вайнштейн более категоричен в оценке социальной природы сауна: «Саун не имел всеобщего характера и не мог выступать основой отношений зависимости и господства».[4] Отдача скота на выпас вызывалась соображениями более целесообразной организации труда двух близких по имущественному положению хозяйств, а в некоторых случаях являлась формой родственной взаимопомощи. Н.И. Зибер совершенно справедливо подметил, что в подобных сделках трудно и подчас невозможно определить, где кончается род общения имущества и где начинается эксплуатация бедных богатыми.[5] Саунные связи представляли собой широкий спектр отношений, на одном полюсе которых находилась экономическая безвозмездная раздача скота соплеменникам, а на другом –явная эксплуатация.

---

[1] Башкиры. Этническая история. Материальная и духовная культура… С. 69.

[2] Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов средней Азии и Казахстана// Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. Ташкент, Ташкент, 1955. С. 29.

[3] Зиманов С.З. «О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов//Вопросы истории, 1955. № 4. С. 99.

[4] Вайнштейн С.И. Род и кочевая община у восточных тувинцев//Советская этнография, 1959. № 6 . С 85.

[5] Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. Одесса, Госиздат Украины, 1923. 412 с. С. 45

Соглашаясь в целом с выводами Л.П. Потапова, С.И. Вайнштейна, С.З. Зиманова и Н.И. Зибера, необходимо отметить, что согласно, марксистской теории при феодализме основой производства прибавочного продукта является хозяйство непосредственного производителя, ведущего самостоятельное и самодостаточное хозяйство. Насколько это положение соответствует саунным отношениям? Дело в том, что чужой скот на выпас будет брать только тот общинник, который не может обеспечить себя и свою семью. Немногочисленные источники, в которых упоминаются саунные отношения среди башкир, свидетельствуют о том, что чужой скот брали на выпас самые несостоятельные башкиры. В 1643 г. по указанию Приказа Казанского дворца уфимский воевода М.М. Бутурлин производил «обыск» среди башкир и «старых» уфимских дворян о кочевавших в Уфимском уезде в начале XVII в. ногаях. После допроса населения воевода выяснил, что в начале XVII в. оставшиеся в Башкирии «ногайские мурзы …с башкирцев имали ясак лисицами и кунцами и бобрами и всякой рухлядью, а которые башкирцы бедные люди, и они де ногайцы давали им в дом в цену лошади на срок и за ту де лошадь долги свои имали на них».[1] Таким образом, ногаи практиковали саун только в отношении башкир, которые были не в состоянии платить ясак.

В Башкирии XVII – XVIII вв. саунные отношения получили наибольшее развитие после подавления башкирских восстаний. Во время карательных акций у башкир изымался и уничтожался весь скот, что приводило к массовому обнищанию кочевников. Так, после восстания 1735–1740-х гг. в Зауральских волостях Башкирии владельцы крупного поголовья скота формировали кочевые группы из неимущих скотоводов. Эти группы как быстро образовывались, так и быстро распадались. Все зависело от наличия скота в стаде феодала. Богатые общинники раздавали бедным сородичам скот на выпас, в этом случае родовое подразделение сохранялось, но его стадо состояло из скота бия.[2]

В сауне были заинтересованы не только получатели скота, но и его владельцы. Исследователи кочевого хозяйства заметили, что при концентрации большого поголовья скота соответственно увеличивались потери. Н.Э. Масанов отметил, что тенденция к дисперсности в кочевой среде препятствовала сосредоточению скота в одном месте, вследствие чего выявляется прямо пропорциональная тенденция между ростом

[1] ИИЯЛ УНЦ РАН Ф. 23. Оп. 1 Д. 2. Л. 27.
[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 85.

числа и увеличением падежа скота.[1] О том, что богатые скотоводы нуждались в сауне, чтобы сохранить свое стадо писал и И. Георги: «…богатые наделяют скудных скотом, а они в знак благодарности приглядывают за скотиной своих благодетелей. Ежели табуны чьи скоро размножатся, то они почитают сие благодатью и разделяют по бедным знатное количество скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ничем обязаны, ежели он по причине скотского падежа, расхищения или по каким иным причинам лишиться своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему толикое же число да еще с приплодом скота, хотя бы у них у самих и весьма мало за тем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворений табуны свои как будто вечными».[2] Таким образом, раздача скота богатыми кочевниками представляла собой форму страховки поголовья скота на случай массового падежа.

Вопрос о масштабах эксплуатации подневольного труда приводит к необходимости более детального рассмотрения экономики экстенсивного скотоводства. Некоторые исследователи считают, что кочевое хозяйство имеет особенности, которые не позволяют однозначно относить его к производящей экономике. К примеру, А.И. Фурсов в работе «Некоторые общеэкономические черты развития Монголии в новое время» доказывает, что кочевничество находится между присваивающими и производящими видами хозяйственной деятельности.[3]

Экстенсивность в кочевом скотоводстве выражается в более отчетливой форме, нежели в земледелии. Причиной этого являлся весьма длительный период воспроизводства в скотоводстве. Пшеница представляет собой такой продукт, процесс производства которого продолжается один год, в то время как процесс производства быка продолжается 5 лет. Поэтому на быка затрачивается 5 лет труда, а на пшеницу только 1 год.[4] Скот, в отличие от зерна, не может быть вырван из процесса воспроизводства и находится постоянно под угрозой массового падежа. Зерно может долгое время накапливаться и храниться, то есть как объект хранения аккумулированного человеческого труда оно подходит гораздо лучше, чем скот. И дело

[1] Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII - XIX вв. Алма-Ата, 1984. С. 85.
[2] Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов… Ч. 2. С. 132.
[3] Фурсов А.И. Некоторые общеэкономические черты развития Монголии в новое время. М., Наука, 1976. С. 17.
[4] Маркс К. Энгельс Ф. Собр. Соч. Т. 46. Ч.2. С. 99.

здесь не только в более длительном процессе воспроизводства. В кочевом скотоводстве риск потери всего скота был значительно выше, чем утрата всего урожая и запасов зерна в земледелии.

По данным А.А. Слудского, в Казахстане в XIX в. джуты случались каждые 12 – 13 лет. На восстановление стада требовалось 13 – 15 лет.[1] Во время джутов погибало до половины всего скота. В Монголии в начале 20-х гг. XX в., по данным И. Майского, во время джутов погибало до 60% всего поголовья.[2] В Башкирии уже в середине XIX в., несмотря на все усилия властей, во время эпизоотий погибало до 40% всего стада.[3] Подобные катастрофы имели место и в земледельческих цивилизациях, но воздействие их на хозяйство было гораздо слабее.

Бесперспективность безграничной концентрации скота в руках немногочисленной знати обусловливала длительность существования в кочевых социумах дистрибутивных практик, позволяющих обернуть зыбкое материальное преимущество в престиж, славу и положение не только среди сородичей, но и инородцев. В антропологической литературе существует расхождение в трактовке характера власти, приобретаемой дарителем. М. Мосс акцентирует внимание на агонистическом характере дарообменных отношений. Раздаривание и даже уничтожение богатства представляет собой борьбу за власть между кланами, за место в иерархии, которым впоследствии воспользуется клан.[4] Напротив, Ж. Батай подчеркивает, что престиж и славу дарителя не следует смешивать с властью: «Точнее, если престиж и является властью, то лишь постольку, поскольку сама власть не рассматривается в понятиях силы или права, к которым ее обычно сводят».[5] Автор «Проклятой части» утверждает, что ни сила, ни право с человеческой точки зрения не составляют основы для дифференцированной ценности индивидов… положение в обществе решительным образом меняется соответственно способности индивида к дарению.[6] Исследователь дарообменных отношений в казахском обществе З.К. Сураганова

---

[1] Слудский А.А. Джуты в евразийских степях и пустынях// Тр. Ин-та зоологии АН Каз. ССР. 1963. Т. 20. С. 54-55.

[2] Майский И. М. Современная Монголия: Отчет монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всерос. центр. союза потреб. о-в «Центросоюз». Иркутск, Госиздат , 1921. 472 с. С. 156

[3] Асфандияров А.З. История сел… Ч. 1. С. 56.

[4] Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., изд-во КДУ, 2011. 416 с. С. 143.

[5] Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М., «Ладомир», 2006. 742 с. С. 152.

[6] Там же. С. 153.

отмечает, что дарению и жертвоприношению могло быть подвергнуто все имущество за исключением необходимого минимума.[1] У башкир богатый общинник был обязан оказывать материальную поддержку своим сородичам. В 1736 г. А.В. Хрущев сообщал В.Н. Татищеву, что у башкир «не всякий богат, имеет многих лошадей, но больше между ими убогих, которыя ждут себе от богатых пропитания».[2] Распределение накопленных богатств у башкир осуществлялось на йыйынах в форме одаривания, устройства пиров, награждения победителей соревнований, жертвоприношений и т.д. Во время традиционных башкирских съездов на Чесноковке уфимская администрация, несмотря на враждебное отношение башкир к российским властям, была вынуждена также принимать участие в устройстве пиров и одаривании собравшихся. В 1735 г. И.К. Кирилов сообщал правительству: «Как прежде бывало, собрався на збор поутру, воевод, приказных людей и толмачей на письме бранивали, ворами, грабительми и разорительми называли, а как их оныя одарят – скота на зарез и пойла пришлют, то пьяныя к вечеру похвальное письмо напишут, добрыми и правдивыми назвав, и в ночь разъедутца по домам, о чем от самих башкирцев слышал, кои смеютца; и о горланах объявляли – с таких де сборищев деньгами, кафтанами и сукнами рублев по пятидесят и больши сваживали».[3]

Даже в условиях жесткого военно-административного управления периода кантонной системы на йыйыны продолжали собираться тысячи участников. Особое беспокойство властей было связано с тем, что башкиры в ходе праздника растрачивали свое состояние, необходимое для несения военной службы. В 1829 г. в ответ на запрос оренбургских властей башкирские и мещерякские кантонные начальники сообщили, что «дзиины» «введены издревле и начинаются в июне месяце по пятницам и, продолжаясь по одному дню, переходят из селения в селение».[4] Информаторы отмечали, что подобные праздничные разъезды по селениям продолжались по пяти недель. При этом, башкиры, приготовляясь к йыйынам, «истощали последнее состояние», «изнуряли лошадей и уклонялись от работ», что приводило к совершенному разорению». Губернские власти, намереваясь запретить йыйыны, были вынуждены прибегнуть к авторитету Оренбургского магометанского собрания, которое «отозвалось, что магометанским

[1] Сураганова З.К. Традиционный обмен дарами у казахов. : автореф. канд…. истор. наук. Томск, 2007. 23 с. С. 12.
[2] Материалы по истории Башкортостана… Т.VI. С.308.
[3] Там же. С. 100.
[4] НА РБ. Ф. И-1. Оп.1. Д. 852. Л. 3.

законом строго запрещается и народные сборища и пиршества, или увеселения с употреблением горячительных напитков».[1]

Доминирование полукочевого скотоводства в хозяйстве башкир оказывало свое влияние на характер протекания демографических процессов. Особенно очевидными это воздействие становилось во времена народных бедствий, вызванных подавлением восстаний и массовым падежом скота. Оседлым земледельческим народам спустя 10–20 лет после голодных лет удавалось превзойти прежний демографический показатель на 20–30%. За это же время полукочевники доводили свою численность лишь до прежнего уровня. По подсчетам Р.Г. Кузеева, численность башкир в середине XVI в. и в конце XVIII в. оставалась приблизительно на одном уровне – 200 – 220 тысяч человек.[2] В Монголии количество кочевников в 60-е гг. XX в. оставалось таким же, как и 1921 г.[3] Таким образом, наблюдается довольно жесткая зависимость численности населения от поголовья скота в кочевом обществе.

Количество скота, в свою очередь, прямо зависело от площади пастбищ. Если в земледелии количество получаемого продукта зависело от количества вложенного труда, то в кочевом скотоводстве этот фактор имел второстепенное значение. Привлечение дополнительных рабочих рук не приводило к увеличению стада, т.е. к росту прибавочного продукта. Необходимо учесть и то, что выпас скота требует крайне небольшого числа пастухов. У туркменов один пастух с подпаском управлялся со стадом в 400–800 голов мелкого рогатого скота.[4] У калмыков отара овец в 1000 – 1500 голов или табун в 300 лошадей обслуживались двумя пастухами.[5] У казахов один человек вполне справлялся с отарой овец в 400–500 голов или с табуном в 150 – 250 голов коней.[6] У киданей 2 человека пасли табун в 1000 голов.[7]

Как было отмечено выше, в начале XVIII в. в Башкирии богатыми считались башкиры, владевшие от 2000 до 8000 голов лошадей. Если учесть, что со стадом в 250 голов лошадей управлялись 2 пастуха, то для обслуживания поголовья в 2000–8000 лошадей требовалось от 16 до 60 пастухов. Положение богатого человека обязывало иметь, как минимум, 2–3 жен и соответствующее число детей

[1] НА РБ. Ф. И-1. Оп.1. Д. 852. Л.4.
[2] Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа… С. 113.
[3] Майский И. М. Указ. соч. С. 66.
[4] Марков Г.Е Кочевники Азии…С.221
[5] Житецкий И.А. Астраханские калмыки - наблюдения и заметки. Астрахань, типография Астраханского листка, 1892. С.56.
[6] Зиманов С.З. О патриархально-феодальных отношениях…С.111
[7] Крадин Н.Н. Кочевые общества…С. 114

и родственников. В результате даже крупные владельцы скота не должны были испытывать нужды в желающих пасти их скот. Кроме того, пастьба лошадей среди башкир и казахов считалась почетным делом, этим не чурались даже тарханы и старшины. Весьма показательным в этом отношении является феномен посткочевничества. Некоторые культурные особенности кочевничества, их система ценностей, образ жизни, правила социального поведения и политические традиции считались престижными и долгое время имитировались в определенных слоях оседлых обществ даже после того как сами кочевники оседали и переставали быть господами в политическом отношении. [1]

В целом же, затраты труда в кочевом хозяйстве были крайне не значительны. По данным Г.И. Семенюка, в XVI –XVIII вв. казахским кочевникам для выпаса всего скота требовалось всего 4-5%% человек от общего населения.[2] В башкирском скотоводческом хозяйстве потребность в пастухах была еще меньше. В 1740 г. тархан Сибирской дороги Каратабынской волости Таймас Шаимов сообщал генерал-майору Л.Я. Соймонову о том, что жители вновь построенных в Башкирии крепостей «посеянные хлебы и сенные стоги …не городят от чего чинятся ссоры, понеже всякой скот их башкирский исстари ходит по степи без пастьбы».[3] О том же сообщили в 1736 г. И.К. Кирилову башкиры: «…лошадей и скот свой без пастухов в лесах и степях содержим».[4]

В крепостных книгах Уфимской провинциальной и Оренбургской губернской канцелярий, датированных 1701 – 1735 гг., нами исследовано 332 акта, касающихся всех видов получения рабочих рук. Среди них нет ни одного договора, в котором бы речь шла о привлечении кочевой знатью труда общинников для пастьбы скота. Однако уфимские служилые люди к подобной практике прибегали. В записи 1702 г. «на половничество в долг» мари Казанской дороги Н. Кайбеков обязывался «в зимнее и летнее время конские Ивана Моисеева табуны иметь за своей пастьбою, а если которые лошади в зимнее время придут в худость, то тех лошадей кормить сеном и соломой».[5] Башкиры охотно нанимают рабочую силу для изготовления бортей, особенно часто для косьбы сена, подъема целины и обработки пашни. Это

[1] Крадин Н.Н., Бондаренко Д.М. Кочевая альтернатива социальной эволюции...С. 43.
[2] Семенюк Г.И. К проблеме рабства у кочевых народов//Изв. АН КазССР, 1958. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 1. С. 64-67.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д.143. Л. 45.
[4] Там же. Оп. 13. Д.750. Л. 222.
[5] Там же. Ф. 248. Оп. 13. Д. 750. Л.104.

свидетельствует о том, что только переход к оседлому земледелию повысил спрос на труд кабальных и наемных людей.

В начале XVIII в. в Казанской и Осинской дорогах Уфимского уезда появились башкирские старшины, которые не только не кочевали, но и вели исключительно земледельческое хозяйство. Эта новая знать систематически прибегала к ростовщическим сделкам, имела немало зависимых работников. В 1741 г. в доме старшины Казанской дороги Аракая Акбашева находилось 12 кабальных работников.[1] Уфимский вице-губернатор П.Д.Аксаков писал в Сенат, имея в виду, прежде всего, старшину Шарыпа Мяркова: «…А они старшины тщились проделками, разным лихоимчеством разорять, грабить, клеветой и противозаконностью и все пожитки забирали к себе… бедных разорили бесчеловечностью и владели как своими хлопьями».[2]

Характеристика, которую дал новым башкирским старшинам духовный лидер башкирского восстания середины XVIII в. Батырша Алиев, не отличается от оценки уфимского вице-губернатора: «Нечестивые старшины, которые помянутых правоверных наших башкирцев и детей и жен под слугами и служанками учинили и в работу употребляют, сами правоверными из себя мнить хотят».[3]

Исследователи, показывая развитие феодальных отношений в башкирском обществе в XVII–XVIII вв., неизменно ссылаются на пример старшины Казанской дороги Каршинской волости Шарыпа Мрякова. Однако сам факт многочисленных жалоб башкир на этого старшину должен был насторожить историков. Уфимский вице-губернатор П.Д. Аксаков, производивший расследование злоупотреблений башкирских старшин и сотников в начале 40-х гг. XVIII в., в своем доношении в Сенат был вынужден признать: «Исследуя он Уфимским уездом, на старшин и от сотников от них башкирцев во взятках поданы ему доношения, а больше на одного старшину Шарыпа Мрякова».[4] В середине XVIII в. в Оренбургской губернии насчитывалось 88 башкирских старшин и старшинских помощников, но почти все претензии со стороны башкирского населения Уфимской провинции были обращены к старшине Каршинской волости.

Являлся ли Шарып Мряков типичным башкирским старшиной XVIII в.? Много ли у него было последователей из числа башкирской

---

[1] Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII вв.//400-летие присоединения Башкирии к русскому государству материалы научной сессии посвященной Уфа, 1958. С.91.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 287.

[3] Письмо Батырши Елизавете Петровне. Уфа, Китап, 1993. С.17.

[4] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д.138. Л. 271.

кочевой знати? Из материалов расследования, которое проводил уфимский вице-губернатор П.Д. Аксаков, выясняется, что этот старшина не только не выезжал на кочевье, но и не являлся вполне сельским жителем. В 1740 г. подведомственные ему башкиры подали челобитную, в которой утверждалось, что Шарып Мряков, находясь в своем доме в Уфе, отнимал у них деньги, которые они привозили в Уфу для выплаты ясака.[1] Действительно, еще в 1736 г. «доброжелательный» старшина Маметшарып Мряков приобрел у жены канцеляриста Уфимской ратуши И. И. Тарпанова «двор свой со всем строением на Большой проезжей Репной слободе».[2] Таким образом, Шарып Мряков был первым башкирским старшиной, проживавшим в Уфе в собственном доме.

Известно также, что он несколько лет вел беспошлинную торговлю вином по Казанской дороге.[3] В 30-е гг. XVIII в. Шарып Мряков поставлял рожь для продовольствия гарнизону в Оренбурге.[4] По словам И. Неплюева, Шарып Мряков к началу 40-х гг. XVIII в. «спился до крайности, поэтому к команде не пригоден».[5]

Следует упомянуть, что старшина Каршинской волости принадлежал к башкирскому роду, считавшемуся традиционно лояльным к русской администрации. Его отец мулла Мряк Султуков участвовал в подавлении башкирского восстания 1704 – 1711 гг. Сам Шарып возглавлял карательные отряды во время восстания 1735 – 1739 гг. В 1740 г. он командовал карательным отрядом из 200 человек, привлеченным властями к подавлению восстания Карасакала.[6] По словам И.И. Неплюева, руками Шарыпа Мрякова побито сот с пять бунтовщиков.[7] Старшина Каршинской волости прославился и тем, что участвовал в распродаже жен и детей участников восстания офицерам, помещикам и чиновникам. В 1742 г. Сенату потребовались сведения, касающиеся захваченных в плен восставших башкир и живущих у местных офицеров, дворян и верных старшин. Из 28 владельцев пленных больше Шарыпа Мрякова имел только командир Уфимского пехотного полка полковник князь М.И.Путятин, давший сведения о 16 башкирах. За башкирским старшиной числилось 9 башкир.[8] В начале 40-х гг. XVIII в. он имел охрану из двух драгун для защиты его семьи от

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 267.
[2] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12205. Л. 63.
[3] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 гг. :дис. .... канд. ист. наук. М., 1955. С. 231
[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 235.
[5] Асфандияров А.З. История сел… Т. 6. С. 73
[6] РГАДА. Ф. 248. Оп.17. Д. 1191. Л. 234.
[7] Асфандияров А.З. История сел…. Т. 6. С. 75.
[8] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 143. Л. 311.

соплеменников.[1] Следует признать, что в среде башкирской знати было немного людей, ведущих товарное земледельческое хозяйство и отставленных от должности за пьянство.

Формированию системы феодальной эксплуатации внутри башкирского общества в XVII – XVIII вв. препятствовали и законодательные ограничения, которые установило российское правительство еще во время вхождении башкир в состав Российского государства. У башкир еще с XII–XIII вв. существовала категория зависимого населения (туснаки), которая по своему социальному статусу была близка к древнерусским закупам. Сущность тусначества и способы закабаления раскрываются в представлении переводчика Уфимской провинциальной канцелярии К. Уракова на имя императрицы Елизаветы Петровны: «Придет башкирец или протчей иноверец, от гладу возьмет малое число денег в заем и живет несколько время».[2] Таким образом, туснаками становились бывшие ясачные башкиры, которые, попадая в долговую кабалу, лишались своего хозяйства и теряли личную свободу. Российское правительство запретило тусначество, поскольку его увеличение вело к сокращению количества ясачных людей. Борьба с тусначеством являлась единственным поводом для вмешательства российской администрации в дела башкирского самоуправления. Законодательный запрет тусначества периодически подтверждался указами правительства. Так, именным указом от 11 февраля 1736 г. «повелено: башкирцам в туснаках, то есть, в закладчиках никого не держать».[3]

Российское законодательство считало незаконным не только тусначество, но и все кабальные сделки, в которых в качестве заклада выступали ясачные люди. В 1639 г. Приказ Казанского дворца прислал указ уфимскому воеводе П.Ф. Волконскому, по которому предписывалось: «…которые всяких чинов люди и которые будет не крещены, наперед служили и ныне живут в закладе у всяких чинов людей и тех чинов людям, велети бы жить в тягле и на ясаке по прежнему, а денег по кабалам и по окладным всяким крепостям заимщикам платить не велено, в тех деньгах отказать, и крепости всякие закладные людей велено от исцов взять в казну нашу для того, чтобы впредь никто никаким людям в заклады и крепости не имали. а будет кто учнет каких всяких чинов людей в какие крепости писать к себе тех людей или жен или детей в заклад имать и тем людям за тое быть от великого государя в великом наказании и в смертной казне и те их

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 245.
[2] Там же. С. 542.
[3] ПСЗ. Т. XV. С. 664.

закладные записки или кабалы или иные какие крепости писать к себе тех людей или жен или детей их в заклад имать и тем людям за тое быть от великого государя в великом наказании и в смертной казне и те их закладные записки и кабалы и крепости не в крепость и велеть великий государь те закладные кабалы и записки и заемные кабалы и крепости отдавать заемщикам безденежно».[1]

Интересно, что санкция за нарушение этого запрещения (смертная казнь) неоднократно подтверждалась указами 1649, 1664, 1728 и 1736 гг.

Казалось бы, при обширности Уфимского уезда и малочисленности уфимской администрации, строго следить за соблюдением этого закона было бы сложно. Тем не менее, документы из фонда Уфимской приказной избы свидетельствуют, что даже в XVII в. уфимские власти получали сведения даже об эпизодических случаях найма работников в отдаленных башкирских волостях. В 1684 г. тархан Ногайской дороги Кипчакской волости Бектимир Алмакаев просил в Приказе Казанского дворца выдать ему оберегательную грамоту, потому что «…человек он де одинокий и наймывает он для одиночества работников и посылаются с Уфы служилые люди и дети боярские и всяких чинов люди и на тех его работников нападают и продают и убытчат их напрасно …от тех нападок немочно стало держать работников».[2]

По данным В.Н. Татищева, за 1735 – 1740 гг. погибло, казнено, от голода померло и развезено более 60 000 башкир.[3] В этих условиях законодательный запрет кабальных договоров фактически приводил к еще большим жертвам среди ясачного населения. В 1743 г. уфимский вице-губернатор П.Д.Аксаков обратился в Сенат с предложением отменить этот указ, поскольку башкирам «…не кормиться работой не нанимаясь особливо многим скудным быть от прошедшего башкирского разорения без того обойтись не возможно, ибо им первым по нищете не занимать не возможно, другим же прожиточным без найму работников пробыть нельзя, и хотя в тех указах смертная казнь объявлена только тем объявленные туснаки не пресечены и видя ту казнь тех туснаков не объявляют».[4] В 1743 г. специальная комиссия обнаружила в Уфе 91 туснака, которые жили у «разных чинов у русских людей».[5] Среди них находились жители всех четырех дорог Башкирии. Тем не менее,

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1 Д. 336. Л.2.
[2] Там же. Д. 937. Л.1.
[3] Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа…С. 115.
[4] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д.148. Л. 167.
[5] История Уфы. Краткий очерк. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1976. с. С.42.

законодательные акты, ограничивающие операции по приобретению рабочих рук, в Оренбургской губернии действовали и во второй половине XVIII в.

Специфика кочевого хозяйства и законодательные запреты Российского правительства препятствовали формированию в Башкирии XVII – первой трети XVIII в. развитой системы эксплуатации. Использование сауна было оправдано только в отношении неимущих скотоводов, их численность не могла составлять значительную часть башкирского общества. В исследуемый период отсутствовали экономические факторы, способствовавшие формированию антагонистических отношений внутри башкирских общин. К тому же, у башкир всегда имелась возможность использовать труд пришлого населения, которое было вынуждено вступать в хозяйственные отношения с вотчинниками. Вотчинное право башкирского населения создавало благоприятные условия для сохранения архаической формы даннической эксплуатации припущенников.

Глава 3. Вотчинное право башкирского населения в XVI – первой трети XVIII в.

§ 1. Проблема происхождения вотчинного права башкирского народа

В исторической литературе прочно утвердилось мнение, что Московское правительство в XVI – XVII вв. сохранило и использовало в своих целях систему поземельных отношений, которая существовала у башкир еще до присоединения к Русскому государству. Р.Г. Кузеев указывает, что это обстоятельство было вызвано не осознанной концепцией управления, а являлось вынужденным прагматизмом в связи с трудностью реализации государственной власти в кочевых аулах.[1] Н.Ф. Демидова так же отметила, что вотчинное право башкир являлось старым правом, существовавшим еще в золотоордынский период.[2]

О том, что присоединение Башкирии к России не привело к изменению характера башкирского землевладения, неоднократно отмечали и сами башкиры. В 1733 г. в челобитной башкир Сибирской дороги говорилось: «В прошлых годех во взятии Царства Казанского пращуры прадеды и деды и отцы, нижайше башкиры 12 волостей, Айлинской, Сарты, Сызгинской, Упейской, Чирлинской, Мурзаларской, Тюбеляцкой, Кара-Тавлинской, Тырнаклинской, Айлинской, Тирлярской владели вотчинами землей и всякими угодьи по раздаче ногайского хана и по тамгам и урочищам без письменных крепостей все вообще и по взятии царства Казанского тою нашей землей и всякие угодьи владели мы, по старому».[3]

Один из вождей башкирского восстания 1735– 1745 гг. старшина Кыр-Кудейской волости мулла Ю. Суярымбетов в своем письме начальнику комиссии башкирских дел М.С. Хрущеву писал: «…деды отцы наши от предков мусульманских и ногайских ханов владели вотчинными землями и водами».[4]

В шежере башкирских племен Кипчак, Усерган, Бурзян и Тамьян говорится, что в начале XIX в. «…все живущие на этой земле народы имея между собой полное согласие, через поверенного по делам,

---

[1] Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., Наука, 1992. 347 с. С.45.

[2] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 гг. :дис. .... канд. ист. наук. М., 1955. С. 112.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп.15. Д. 821. Л.621.

[4] Устюгов Н.В. Башкирские восстание 1662 – 1664 гг.//Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С.98.

просили милостивого согласия царя разрешить нам повеление разделить между 4 племенами земли воды и леса, оставшиеся нам в наследство от наших дедов, которые будучи под покровительством Чингисхана, получили эти земли с благосклонного разрешения оного Чингиса Темучина».[1]

О том, что башкирское вотчинное право было институтом, который сформировался до присоединения к Российскому государству, писал министр государственных имуществ П.Д. Киселев. Объясняя различие между башкирскими и калмыцкими землями, он указал на то, что, если первым, то есть калмыкам, даны земли казенные для пользования на том основании, на каком вообще раздавались земли для заселения, то башкиры владели своими землями неограниченно до присоединения их к России и со времен Ивана IV почитались вотчинниками».[2]

Таким образом, проблема вотчинного права XVI – XVII вв. не может быть осмыслена без изучения поземельных отношений, существовавших в Башкирии в период господства Золотой Орды и владычества Ногайских биев.

Сами башкиры происхождение вотчинного права прямо связывали с основателем Монгольской империи. Шежере самого крупного башкирского племени Усерган сообщает, что когда Чингисхан со своим войском находился в степях Южной Сибири, в его ставку на Иртыше прибыла дипломатическая миссия от союза семи башкирских племен во главе с Муйтен-бием. Чингисхан принял богатые дары от башкир, которые признали его власть над собой. Муйтен-бий получил от Темучина ханский ярлык на вечное владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по обеим сторонам рек Белая (Агидель), Урал (Яик), Сакмара со всеми притоками, а также кочевья по восточному склону Уральских гор до рек Ишим и Тобол со всеми их притоками.[3]

Предания башкирского рода Катай сообщают о том, что сам хан послал башкирам своих нукеров. Земли и воды были распределены между родами. Каждому роду была предназначена своя тамга, уран, дерево, птица.[4] Таким образом, башкиры считали, что распределение пастбищных угодий между отдельными родоплеменными структурами башкир было произведено по инициативе правителей монгольской империи. По утверждению Г. Рубрука, подобные действия монгольских

[1] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере...С. 45.
[2] Шакурова Ф. А. Башкирская волость в середине XVIII – первой половине XIX в. Уфа, 1992. С. 79.
[3] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере.... С. 37.
[4] Там же. С. 51.

императоров были обычным средством установления системы подчинения кочевых народов.[1]

Известие родословных преданий Табын и Усерган о Чингисхане явно перекликается с соответствующими разделами исторического повествования «Дафтар-и Чингизнаме». Вопрос о степени достоверности сведений «Дафтар-и Чингизнаме» следовало бы решить тюркологам, однако описанная в нем логика событий, их последовательность и взаимосвязь предоставляют возможность выявить структуру политических событий, имевших место в Зауральской Башкирии в XIII–XIV вв. «Дафтар-и Чингизнаме» хорошо известно востоковедам еще с начала XIX в. М.А. Усманову принадлежит наиболее подробный источниковедческий анализ этого памятника. Атрибуция текста привела казанского исследователя к весьма спорному выводу о том, что автором всего произведения, в том числе и повести о роде Чингисхана, является представитель татарского феодально-аристократического общества, оказавшегося в силу объективных условий в оппозиции к царизму, его социальной и национальной политике.[2] М.А. Усманов обратил внимание и на идеологическую подоплеку памятника. Государь, монарх, по представлению автора, должен быть добрым, справедливым, милосердным по отношению к подданным, должен отличаться своими личными качествами. А «сын народа» как один должен быть на стороне такого идеального хана; но он должен не только беспрекословно подчиняться ему, но и должен инициативно участвовать в решении важных вопросов жизни, политики, активно поддерживая достойного государя в борьбе с его противниками. При надобности «сыну народа» следует взять всю инициативу в свои руки. Так и поступает образцовый для автора «народный сын» времен Чингисхана. Например, когда братья-злодеи хотят убить будущего правителя империи, «сын народа» дает им решительный отпор: «Чингиз нравится народу, он полезнее ему, чем вы трое вместе взятые. Мы не дадим вам убить его. Если вам надо богатство, так делите же наследие своего отца. А за него (Чингиза), при надобности, мы сами будем умирать!»[3] «Сын народа» не ограничивается такими декларативными заявлениями, в решающий момент он действительно вступает в активную борьбу с тиранами, возвращает скитавшегося на чужбине, достойного быть ханом «доброго» Чингиза и вручает ему бразды

[1] Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., Государственное издательство географической литературы, 1957. 344 с. С. 91.

[2] Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, изд-во Казанского государственного университета, 1972. 223 с.136.

[3] Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв… С. 128.

правления. Только после этого общество начинает жить в мире и благополучии.

Однако анонимный автор поет славу не абсолютному монархическому способу правления. Он сторонник такого общества, когда достойный хан и активный «сын народа» находят друг друга и составляют взаимовыгодный союз. Этим аноним, в отличие от средневековых монархистов, для которых идеалом был монарх-самодержец, выступает сторонником коллективного руководства. В этом заключается определенная, относительная прогрессивность воззрений анонимного автора.[1]

М.А. Усманов, указывая на принадлежность автора к служилым татарам, не обратил внимание на то, что эта сословная группа находилась над общинно-родовой структурой. В Казанском ханстве они обладали суюргалами, а в Московском государстве служилыми окладами и поместными дачами. В башкирском фольклоре понятие «сын народа» довольно распространенное словосочетание. Причем, оно встречается как в эпических произведениях, так и в поговорках. Например, одна из них гласит: «Не будь только сыном отца, будь еще и сыном народа».[2]

М. Иванич считает, что автор «Дафтар-и Чеингиснаме» хотел выразить иную политическую концепцию. Так, Чингисхан становится ханом не благодаря своим усилиям, он приходит к власти по призыву глав родов, беков. В этой части отражается практика Золотой Орды, где ханы садились на трон с согласия беков и с помощью беклярбека. Чингисхан здесь не историческое лицо, а идеализированный степными тюркскими племенами прототип хорошего правителя. Можно сказать, что эта часть «Дафтар-и Чингизнаме представляет собой своеобразное «степное зерцало королей», которое преследует дидактические цели, показывая на примере Чингиза признаки хорошего и плохого правителя.[3] Исследование сопутствующих данному памятнику фактов показывает, что такой источник «Дафтар-и Чингизнаме» представляет собой концентрированное изложение политического статуса башкирских родов в имперском пространстве. Это произведение предназначалось для оправдания специфической политической ситуации, которая сложилась на Урале и в Западной Сибири в период

[1] Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв… С. 128.
[2] Башкирское народное творчество… Т.7. С. 46.
[3] Иванич М. «Дафтар-и Чингиз-наме» как источник по истории кочевых обществ//Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Материалы Международного научного семинара Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556», 23 — 26 июня 1998 г. Казань, 2001. 428 с. С. 316.

XIII–XV вв. Не случайно, краткая версия истории о поисках Чингисхана по приказу его матери вошла во многие башкирские шежере. Родословная рода Ирякте повествует об их предке Майкы-бии Задумчивом, откликнувшемся на призыв Алан-гува-ханым.[1] На сакральность горы Тура-тау, по убеждению башкир, указывало, прежде всего, упоминание этой святыни в книге «Чингыз».[2]

Следует отметить, что обнаруженные фрагменты рукописного наследия Г. Киикова свидетельствуют о том, что у башкир существовал свой вариант этого литературного памятника. М.Х. Надергулов на сновании текстологического анализа сделал вывод о том, что вариант Г. Киикова по содержанию несколько отличается от изданий этого сочинения 1822 и 1882 гг. Оно в какой-то степени напоминает монгольские манускрипты XIII в. «Юань чао би ши» («Сокровенное сказание») и «Алтай дептер» («Золотая тетрадь»), а также знаменитую книгу «Джамиг ат-таварих» («Собрание исторических сочинений») иранского историка Рашид-ад-дина Хамадани (1247–1318). Этот факт лишний раз подтверждает бытующее среди ученых мнение о широком распространении данного памятника в прошлом среди башкир, татар и казахов, у которых «Дафтар-и Чингизнаме» имело несколько вариантов.[3] О популярности среди башкир историй о Чингисхане оставил свое свидетельство В.И. Даль: «В сказках и песнях их поминают родоначальником дивного Чингисхана, коего предок рожден девственницей от наития солнечного луча, а сам он, Чингис, вдовою Алангу, которую также посетил луч солнца и возвратился от нее серым волком с конскою гривою. Народ башкурт разделился с незапамятных времен на племена, или, как их называют у нас, на волости: у каждой волости свой уран, отклик, своя тамга, рукоприкладной знак, свое дерево и своя птица, розданные, как верит народ, самим Чингис-ханом».[4]

Отношения, установившиеся между башкирскими родами и империей Чингисхана, потребовали создания своего рода политической программы, которая легитимизировала сохранение власти родовых вождей над своими территориями.

---

[1] Булгаков Р.М. Надергулов М.Х. Башкирские родословные…С.392.

[2] Лепехин И.И. Продолжение записок путешествия академика …С. 32.

[3] Надергулов М.Х. Башкирские рукописные исторические источники конца XIX-начала XX вв. в письменном наследии Г.Киикова// Уникальные источники по истории Башкортостана. Материалы первой межрегиональной научно-практической конференции и ассамблеи народов Республики Башкортостана 19 декабря 2000 года. Уфа, изд-во Башкирская энциклопедия, 2001. С. 56.

[4] Даль В.И. Башкирская русалка. Башкирия в русской литературе. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1989. Т.1. С. 173.

Дело в том, что башкирские роды не были прямо подчинены монгольским улусным правителям. На территории башкирских кочевий не было административных центров чингизидов, что и было зафиксировано в этом источнике.

Река Яик на протяжении многих веков являлась естественной границей с юга и востока между Башкирией и улусами Золотой Орды. Перед своей смертью Чингисхан в 1227 г. выделил своему старшему сыну Джучи в качестве кочевий завоёванные земли до реки Иртыш. После завоевания западносибирских и зауральских степей в 1229 г. границы Большой Орды расширяются до реки Яик, но не переходят её, т.е. основные земли башкирских родов по обоим склонам Южного Урала остаются вне пределов Орды Джучи. В нее включается лишь территория башкирских кочевий в Зауралье. К 1232 г. весь Великий пояс степей Дешт-и-Кипчак, от Иртыша до Итиля (Волги), был в руках ордынцев – потомков Чингисхана и его сына Джучи.[1] После разгрома в 1236 г. Волжской Булгарии границы Большой Орды расширяются за счет включения степных просторов Причерноморья, Подонья и низовьев Дуная. С 1237 г. вся эта территория от Алтая до Дуная стала называться Улусом Джучи. Несмотря на постоянное расширение территории владений чингизидов, башкирские земли по правому берегу Яика не входили в зону основных кочевий монгольских ханов, а башкирские роды являлись лишь объектом сбора ясака и источником пополнения имперской конницы. По крайней мере, в ордынских источниках границы улусов всегда указываются по левобережью Яика. Брат Батыя Шибан получил от хана Золотой Орды удел (иль), который фактически граничил с территорией расселения башкир, но его кочевья были ограничены южными границами исторической Башкирии. В улус Шибана входили из покоренных государств область Курал, из родовых владений: 4 рода Кушчи, Найман, Карлык, Буйрак. Далее достаточно четко определялись территории не только летних, но зимних кочевий Шибана: «Юрт, в которых ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата Орда-Ичена, летом живи на восточной стороне Яика, по реке Иргиз, Савук, Орь, Илек до горы Урала. А в зимнее время в Аракуме, Кара-Кума, Сыр и усть Чу и Сарису».[2]

Почему монгольские завоеватели не включили территорию Башкирии в зону своих кочевий? По мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова,

---

[1] История Казахской ССР: (С древнейших времен до наших дней). Развитие феодальных отношений. Образование казахской народности и казахского ханства. Алма-Ата, Наука КазССР, 1979. 424 с. Т.II. С. 114-130; Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, Фэн, 1994. 164 с. С.452.

[2] Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с. С.178.

это объясняется тем, что наличие огромных степных просторов Дешт-и-Кипчак, возможно, несколько ослабило стремление монгольской кочевой знати XIII в. отобрать у местной феодальной верхушки земли, чтобы использовать пашни и луга оседлого населения в качестве пастбищ для своего скота, как это имело место в Иране и Азербайджане.[1]

Однако нельзя игнорировать и природно-климатический фактор, монголы-татары и пришлые с ними кыпчакские племена не были готовы к ведению скотоводческого хозяйства полукочевого типа, единственно возможного варианта экстенсивного скотоводства на большей части территории Башкирии.

Немаловажно и то, что Южный Урал с начала монгольских завоеваний и вплоть до распада Золотой Орды служил укрытием для тех, кто не хотел подчиняться чингизидам. В середине XIII в. самым крупным выступлением против империи стало восстание кыпчакских племен под предводительством хана Бошмана в Нижнем Поволжье. После разгрома Бошмана кипчаки бежали на Южный Урал, где влились в состав башкир. С переселением на Урал бушман-кипчаков связано появление подразделения в роду кипчаков - башман.[2]

После поражения, которое нанес Токтамышу Тамерлан в 1391 г. на реке Кундурче, уцелевшие племена устремились на северо-восток за Каму. В этот период в Башкирию переселились некоторые племена булгар – Буляр, Байляр, Елдят, которые так же стали компонентами формирующейся башкирской народности.[3]

Башкирия представляла собой северную периферию, отдаленную от важных культурных и стратегических регионов. В.Л. Егоров отмечает, что Башкирия лежала в стороне от основных маршрутов военных походов и торговых путей и представляла интерес для властей улуса Джучи, главным образом, как сырьевая база, источник пушнины, меда, воска, кожи и т.д.[4]

Когда Большая Орда была поделена на три улуса между сыновьями Джучи – Батыем, Шибаном и Ордой, территория Поволжья, северо-восточного Кавказа составили улус Батыя, Казахстан и Западная Сибирь – улус Шибана, Приаралье и гузские степи – улус Орды. Г.А. Фёдоров-Давыдов отмечает, что границы улусов чётко соответствовали

---

[1] Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., изд-во МГУ, 1973. С. 26–28.

[2] Мажитов Н.А. Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, Китап, 1994. С.29

[3] Кузееев Р.Г. Башкирские шежере… С. 22

[4] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., Наука, 1985. 248 с.С. 106.

этническим и племенным образованиям кочевого населения половецкой степи. Так, например, граница между улусами Батыя и Шибана соответствовала границе между западными и восточными половцами.[1]

Территория Башкирии не вошла в состав ни одного из улусов Большой Орды. Границей между башкирами и улусом Шибана являлась река Яик. Иммунитет договорного положения башкир оказался настолько прочным, что не нарушался даже потомками Чингисхана. Верховным сюзереном башкирского народа выступил сам Чингисхан, который и являлся номинальным хозяином башкирских земель, башкирская дань выплачивалась непосредственно императорскому двору.[2]

Ногайские правители, нарушившие вотчинные права многих башкирских племен в конце XV – начале XVI в., как и монгольские ханы, не стали делить территорию Башкирии между своими улусами. По утверждению В.В. Трепавлова, Башкирия осталась вне системы крыльев Ногайской Орды. Она заселялась и колонизировалась ногаями довольно поздно. Ее коренные жители не подверглись разверстке по крыльям, а вынуждены платить дань всем трем улусам.[3]

Совсем иначе складывалась судьба народов, живших южнее и западнее башкир. В XIII—XIV вв. монгольские ханы, являясь непосредственными держателями кочевых владений–улусов (юрт) вместе с его народом (иль), по своему усмотрению перекраивали степь на десятки, сотни и тысячи, методично разрушая родовые границы, специфику рода, его этнонимию и внутреннюю структуру. Поэтому на территории Поволжья и Казахстана исчезают племенные названия, и повсеместно утверждается общий этноним «татары», которым русские источники и соседние народы называли правящую аристократию монголов в степях Дешт-и-Кипчак, а затем и всё кочевое население Золотой Орды.

На Южном Урале, улусная система была неразвитой, а власть монголов осуществлялась не напрямую, а опосредованно – через местную кочевую знать. Благодаря этому обстоятельству башкиры сохранили не только свой этноним, но и названия крупных родов и племён, восходящих к домонгольскому времени, таких, как Бурзян, Усерган, Тамьян, Катай, Юрматы. Еще в начале XX в. исследователи башкирских шежере обратили внимание на то, что ни один из

[1] Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., изд-во Московского ун-та, 1966. С. 235–246.
[2] Башкиры. Этническая история…С. 69.
[3] Трепавлов В.В. История Ногайской орды… С. 36.

существовавших башкирских родов не возводил свой род к Чингисхану.[1]

Общественные отношения и этнические процессы протекали внутри башкирского общества, не пересекаясь с аналогичными процессами в Золотой Орде, т. к. башкиры не были вовлечены в сферу действия улусных отношений. Другие кочевые народы, распределенные по улусам, были распылены среди целого ряда монгольских и тюркских племен: татар, меркитов, найманов, кереитов, половцев, булгар, буртас, остатки которых оказались разбросанными по разным улусам и перестали существовать как самостоятельные этносы.

Подчинение башкир имперскому центру ограничивалось регулярной выплатой ясака. Об относительной самостоятельности башкирских племён в составе Золотой Орды пишет и археолог А.Ф. Яминов. Картографирование и сравнительный анализ археологических памятников позволили ему выдвинуть предположение о стабильности этнического состава башкирского населения в лесостепных и горнолесных районах Южного Урала в XII-XIV вв., а также о том, что монголо-татары никогда не использовали башкирские земли для своего расселения, как это было в степях Дешт-и-Кипчак.[2]

Поскольку на территории Башкирии отсутствовали военные силы и администрация монголов, их правители не вмешивались в дела самоуправления башкирских родов.

Практически все аспекты этой политической ситуации в прямой или опосредованной форме нашли свое отражение в «Дафтар-и Чингизнаме».

Произведение пронизывает идея обоснования легитимности власти глав башкирских родов как в настоящем, так и в будущем. Кто же, по мнению родовых вождей, мог представлять угрозу для них? Очевидно, что речь идет о потенциальных претензиях со стороны представителей золотого рода, т.е. чингизидов. М. Иванич обращает внимание на то, что вся повесть построена на приходе Чингисхана к власти, она мало связана с известной из Сокровенного сказания борьбой за власть.[3] Действительно, во-первых, в «Дафтаре» Чингисхан борется не с главами враждебных родов, а с родными братьями. Во-вторых, прямые потомки Чингисхана не вызывают у автора «Дафтар-и Чингизнаме» большого почтения. Сына великого завоевателя – Чагатая он прямо называет «глупцом». Другие сыновья лишь попутно упомянуты. Таким образом, представители рода Чингисхана либо ведут

[1] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере…С. 391.
[2] Яминов А.Ф. Монголо-татары и «страна Паскатир» //Ватандаш, 1999, № 1. С. 156–157.
[3] Иванич М. Указ. соч. с. 316.

себя враждебно в отношении своего великого родича, либо их роль настолько незначительна, что заслуживает лишь краткого замечания. Настоящей опорой правителя выступают только главы родов. По сути дела, автор источника прямо говорит, что без активного вмешательства глав родов Чингисхан не стал бы правителем.

В этом отношении совершенно иной тип политического идеала представлен в другом памятнике степной литературы – «Утемыш хаджи», проанализированном казахским исследователем В.П. Юдиным. В Утемыш-хаджи обосновывается исключительное «право» рода чингизидов на верховную власть в Золотой Орде: «Впредь да не смеют провозглашать себя ханами черные люди».[1] Речь в произведении идет об аталыке хана Токты – баджире Ток-буге, который, опираясь на силу своего рода, провозгласил себя ханом. В.П. Юдин предложил интересную, но далеко не всеми разделяемую версию об этнической принадлежности этого узурпатора. Только на основании синтаксического разбора его полного титула и имени В.П.Юдин посчитал его башкиром. Учитывая специфический статус башкирских родов в улусной системе, можно предположить, что выбор образа башкирского бия, захватившего ханский престол, не кажется случайным в данном сказании. Именно башкиры, не имевшие над собой улусных правителей, были наглядными примером политической силы людей «черной кости». Башкиры сохраняли самоуправление и выступали в качестве политического субъекта во взаимоотношениях с ханами. Эту мысль доводит до нас автор «Дафтар-и Чингиснаме». Об этом говорит и башкирский фольклор: «Сильный род хана назначает, мстительный — кровь проливает»[2] или «если народ захочет, хан и любимого верблюда зарежет».[3] Без помощи предводителей родов Чингисхан не только не стал бы великим завоевателем, но и потерпел бы поражение в противостоянии со своими сородичами. В произведении основное внимание акцентировано на факте передачи Чингисханом символов и атрибутов власти родовым вождям. Таким образом, центр внимания смещается с истории рода Чингисхана (Сокровенное сказание) на личность самого правителя. Не случайно автор «Дафтар-и Чингизнаме» сверхъестественные обстоятельства появления на свет предка Чингисхана – Бодончара приписывает рождению самого Чингисхана. Во-вторых, в «Дафтаре» проводится мысль о том, что именно Чингисхан положил начало вотчинному праву башкирских родов. В памятнике отмечается, что еще до того, как представителям родов были дарованы тамги, ураны,

[1] Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В.П. Юдина. Алма-Ата, Гылым, 1992. 296 с. С. 67.
[2] Башкирское народное творчество… Т.7. С. 49.
[3] Там же. С. 41.

онгоны и деревья, им были выделены территории кочевий. Но, как отмечает М. Иванич, наш источник, к сожалению, их не перечисляет.[1] Однако башкирские шежере, порой дословно цитировавшие памятник, в ряде случаев указывают на местоположение этих земель. Шежере самого крупного башкирского рода Усерган сообщает, что летом 1219 г., когда Чингисхан со своим войском находился в степях Южной Сибири, в его ставку на Иртыше прибыла дипломатическая миссия от союза семи башкирских родов во главе с Муйтен-бием. Чингисхан принял богатые дары от башкир, которые признали его власть над собой. Муйтен-бий получил от Темучина ханский ярлык на вечное владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по обеим сторонам рек Белая (Агидель), Урал (Яик), Сакмара со всеми притоками, а также кочевья по восточному склону Уральских гор до рек Ишим и Тобол со всеми их притоками.[2] Таким образом, сами башкиры связывали возникновение вотчинного права на свои родовые территории с политическим соглашением, которое было заключено на определенных условиях с правителями монгольской империи. Именно поэтому сыновья и внуки Чингисхана не включили башкирские земли в границы своих кочевых улусов. Поскольку на территории Башкирии отсутствовали улусные правители в лице чингизидов, то формирующееся вотчинное право неизбежно приобретало политическое значение, придававшее территории башкирских родов статус самоуправляющихся земель.

Что же касается реальной исторической канвы событий, описанных в «Дафтаре», то не следует искать прямых параллелей с конкретными историческими фактами. Очевидно, что родовые вожди приезжали не к Чингисхану, а к его старшему сыну – Джучи, который в 1207 г. подчинил народы Алтая и Сибири. А.-З. Валиди считает, что согласно, «Секретной истории» монголов, уральские башкиры в самом начале завоевательных походов Чингиза, уже в 1207 г., покорились Джучи-хану. Это упоминается как покорение народа, соседствующего с народом «Тёлёс», то есть с алтайцами. Поэтому, утверждает А.-З. Валиди, нигде нет речи о ведении башкирами вооруженной борьбы против монгольских ханов.[3]

Был ли факт правления родовых вождей уникальным в истории монгольской империи и Золотой Орды? В.П. Юдин сделал вывод о том, что на какое-то время в XIV в. политическое верховенство в Восточном Дешт-и-Кипчаке перешло в руки племенных биев.[4] Однако конец

[1] Иванич М. Указ. соч. С. 320.

[2] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере… С. 37.

[3] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 37.

[4] Утемиш-хаджи. Чингиз-наме…С. 34.

правлению племенных биев положил «переворот», произведенный джучидами. Благодаря этому устанавливается как непреложный факт существование в XIV в. в казахских степях особой, довольно многочисленной династии тукатимуридов, происходивших от Баймура и находившихся между собой в различных степенях родства. Однако в Башкирии даже такая возможность была исключена. Вторжение ногаев на Южный Урал кардинально изменило традиционную систему отношений башкирских родов с чингизидами.

§ 2. Вотчинное право башкирских родов в условиях господства Ногайской Орды

Первое документальное упоминание о присутствии ногаев в Башкирии отмечено в грамоте Ямгурчи к Ивану III от 26 августа 1489 г. Бакши (писарь) мурзы, по дипломатической традиции, указал место ее составления: «Мурзин кочев на Белой Воложке был». По одной из башкирских легенд, «ногайский хан» Муса летовал у горы Иремень в верховьях Яика и Белой, а зимовал южнее, на яицких притоках.[1]

Однако окончательное утверждение ногаев в степях между Волгой, Яиком и Эмбой следует отнести лишь к концу 20-х гг. XVI в. До этого времени ногаи были вынуждены вести длительную борьбу за гегемонию в Восточном Дешт-и-Кипчаке с ханами кочевых узбеков и казахов. На востоке и на юге ногаи воевали с Большой Ордой, на западе – с Крымом. Ногаи, стиснутые с обоих флангов, были вынуждены продвигаться на север, в Башкирию, где они не могли встретить серьезного сопротивления.

Вторжение ногаев в Башкирию в конце XV в. по своим масштабам не сопоставимо с последствиями походов монголов XIII в. Движение монгольских туменов захватило только периферию территории расселения башкир. Правителей империи не интересовали земли Южного Урала в качестве пастбищных территорий. Потомки Джучи стремились овладеть древними торговыми путями, идущими через Яик и Волгу. В остальном они вполне были удовлетворены пушным ясаком и участием башкирских конников в военных акциях Золотой Орды. Напротив, потомки беклярбека Идигея нуждались в обширных и сравнительно безопасных кочевьях Башкирии.

Численность ногаев, вторгнувшихся в Башкирию, значительно превосходила все население Южного Урала. В первой половине XVI в.

[1] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489-1508 гг. М., АН СССР, 1984. 99 с. С. 33.

ногайские ханы считали, что могут набрать 200 – 300 тысяч воинов. По подсчетам Р.Г. Кузеева, численность населения Ногайской Орды в первой половине XVI в. можно установить в пределах 800 – 1200 тысяч человек.[1] Башкир, по его же данным, насчитывалось в это время не более 150 тысяч человек. А Башкирию пришли не военные отряды (тумены) с целью покорения местного населения, а племенные организации со своим скотом и семьями. Ногаи не только заняли лучшие охотничьи угодья по Яику и Тоболу, но и запретили башкирам пользоваться месторождениями соли на Илеке. П.И. Рычков в своем исследовании отмечает, что в первые годы российского подданства башкирам в Казани «в рассуждении убожества их, даваема была из казны соль пермянка, они илецкой соли еще тогда не имели, и ездить по оную на Заяицкую степь опасались и были не в состоянии».[2]

Основные кочевые маршруты ногаев в Башкирии располагались на землях семиродцев, т.е. на нераздельных владениях 7 башкирских племен. Эти племена задолго до прихода ногаев получили подтверждение своих вотчинных прав от монгольских ханов. Письменные и фольклорные памятники называют несколько зон и маршрутов перекочевок ногайской знати: а) летом передвигались вверх и вниз по Яику, а также по рекам Берде, Сакмаре, Салмышу, Юшатырю, Ори, Таналыку, Кизилу; зимой переходили Уральские горы и кочевали по рекам Белой, Сокале, Ашкадару, Куганаку, Шкадру, Деме, «где места лесистые и теплые»; б) «от устья Демы реки по Казанской дороге вниз по Белой, по Кармасану, по Черемшану, по Куюше, по Базе, по Сюну и вверх по Аю рекам»; в) зимовье в районе города Уфы, летовье – на реке Деме.[3]

Лучшие кочевые угодья ногаев располагались на Яике. Это подтверждает и традиционное расположение кочевий правителей Ногайской Орды в соответствии с принятой иерархией. При устойчивых границах Орды в 30-е гг. XVI в., глава государства – бий кочевал по Яику, нураддин – «всегда Волгою владеет», кочевья тайбуги располагались к северо-востоку от кочевий бия, а кейковат кочевал на юго-востоке Орды.[4]

В фундаментальном исследовании, посвященном государственной структуре Ногайской Орды, В.В.Трепавлов установил, что Башкирия была особым наместничеством, территория которого не была разделана между улусами Ногайской Орды. Выделение особого

[1] Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа...С. 64.
[2] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии…С. 41.
[3] Там же. С.69; РГАДА. Ф. 127. Оп.1 Д. 1. Л. 2; Кузеев Р.Г. Башкирские шежере… С. 37.
[4] ПДРВ. СПб., 1793. Ч. VIII. С. 22.

наместничества, по утверждению В.В. Трепавлова, было предопределено хозяйственной автономией башкирских земель.[1] Башкирия в XVI в. являлась зоной замкнутого цикла кочевания. Очевидно, что кроме установившихся кочевых циклов, значительную роль в создании особого наместничества, находившегося вне улусно-крыльевой системы Ногайской Орды, сыграла традиция управления Башкирией ханами, которые не делили ее территорию и население между отдельными держателями улусов.

Имея общие этнические корни, исповедуя одну религию и будучи подчиненными одной политической власти, башкиры и ногаи занимали различное положение в политической и социальной структуре Ногайской Орды. Все башкиры стали её данниками. По мнению В.В. Трепавлова, причину подчинения башкир следует искать в том, что башкиры не вели чисто кочевую жизнь, занимаясь, помимо скотоводства, также земледелием, промыслами и охотой. Поэтому обычные для кочевой ногайской среды формы зависимости и господства не подходили для аборигенов Башкортостана.[2]

В целом соглашаясь с аргументами В.В. Трепавлова, необходимо уточнить, что в XV – XVI вв. доля экстенсивного скотоводства у подавляющей части башкирских племен намного превышала значение оседлого земледелия. Особое отношение ногаев к башкирам объяснялось не только хозяйственными особенностями, но и политическими причинами.

Во-первых, господство ногаев над башкирами было обусловлено географическим расположением Башкирии в границах Ногайской Орды. Основная территория расселения башкир фактически оказалась в окружении ногайских кочевий. Междуречье Яика и Эмбы представляло собой фактически центр государства, здесь же на Яике находилась столица Орды. На западе, по Волге, располагались кочевья нураддина, который контролировал ее течение от Астрахани до Казани. На востоке – в Южном и Северном Зауралье – кочевали ногаи, подчиненные кейковату и тайбуге.

Таким образом, если башкиры и могли воспользоваться традиционным для кочевников правом отъезда, то только в северном направлении. Однако пермские земли не годились даже для полукочевого скотоводства. Башкиры, ушедшие на север, были вынуждены стать оседлыми земледельцами, что считалось для кочевников худшим вариантом, нежели данническая зависимость. Не

[1] Трепавлов В.В. История Ногайской орды… С. 87.

[2] Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, Урал. науч. центр РАН, 1997. 72 с. С. 35.

случайно, что башкирское население Осинской дороги составляло в XVIII в. незначительную по численности часть башкир, не более 10 – 15%. Для ногаев башкиры не были полноценными кочевниками, потому что они были лишены свободы в выборе места обитания. В этих условиях башкиры либо должны были подчиниться Ногайской Орде, либо оказать вооруженное сопротивление.

Однако война с Ногайской Ордой не имела перспектив в силу многократного численного преимущества ногаев. По подсчетам Р.Г. Кузеева, в середине XVI в. соотношение военных сил Ногайской Орды и башкир составляло 8 : 1.[1] В шежере племени Юрматы ногаи называются «бесчисленными». В шежере племени Мин указывается на безнадежность сопротивления ногаям: «Трем великим (ханам) уплачивали ясак. Доставляли из этих мест и платили. Что же делать малому народу?» [2]

Ногаи пришли в регион с ограниченным количеством хороших пастбищных земель. Сравнительно малочисленные башкирские племена должны были уступить лучшие пастбища и подчиниться пришлому населению Ногайской Орды. Символом подчинения всех башкир Ногайской Орде являлся ясак. Ясачная форма эксплуатации распространялась только на башкир и не затрагивала ногаев, кочевавших на Южном Урале.[3]

С.В. Бахрушин обратил внимание на психологическую сторону ясачной подати, которая ясно указывает на ее отличие от всех других повинностей. Ясак – по преимуществу дань, которую приносят побежденные, следовательно, он признак подданства и сопряжен с понятием чего-то позорящего. Остяки, соглашаясь платить поминки в том же размере, отказывались платить ясак, на том основании, что были служилые, а не ясачные.[4]

Русское правительство в XVI в. хорошо разбиралось в податной системе государственных образований, возникших после распада Золотой Орды. В Москве понимали, что сам факт выплаты ясака является достаточным основанием для подтверждения государственного подданства. По этой причине царская администрация на территории бывшего Казанского ханства заменила все ханские подати, клан (в пользу ханской семьи), салыг (подать на жалование войску) и другие налоги ясачной податью.[5]

---

[1] Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа… С. 65.
[2] Кузеев Р.Г.Башкирское шежере... С. 34, 41.
[3] Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. …С. 28.
[4] Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. Научные труды. М., АН. СССР, 1955. Т. III. Ч.2. С. 49.
[5] Димитриев В.Д. О ясачном обложении в среднем Поволжье// Вопросы

А.И. Першиц в своем исследовании установил, что даннические отношения характеризуются тем, что данники и взиматели дани не могут быть интегрированы в один социальный и этнический организм.[1] Таким образом, обособление башкир и ногаев было предопределено различным социальным статусом в структуре Ногайской Орды.

Верховной ногайской инстанцией, в пользу которой выплачивался ясак, в источниках называется бий Ногайской Орды и нуррадин, глава правого крыла. Взимание платежей производили специальные эмиссары–«данщики», отправляемые, соответственно, бием или нуррадином. Ясачную систему Ногайской Орды пытались перенять в I четверти XVII в. калмыки, претендовавшие тогда на ногайское наследство. В начале 20-х гг. XVII в. тайша Уруслан, кочуя по Тоболу, собирался направить в Катайскую волость «для ясаку послов своих».[2]

Ясачная подать вносилась различными видами пушнины и медом. В 1643 г. уфимские дворяне, стрельцы и «старинные башкирцы Ногайской дороги Курки-Табынской вослости, Сибирской дороги Минской и Кудейской волости, Казанской дороги Киргизской и Гирейской волости» сообщили уфимскому воеводе М.М. Бутурлину о том, что в прежние времена ногайские мурзы «…с башкирцев имали ясак лисицами и куницами и бобрами и всякой рухлядью».[3]

Достаточно сложен вопрос о том, что являлось единицей ясачного обложения. Большинство исследователей полностью полагаются на информацию переводчика Уфимской провинциальной канцелярии Килмухамета Уракова о том, что ясак ногайским, сибирским и казанским ханам составлял по лисице и по кунице с лука.[4] Это означает, что в отличие от Казанского ханства, где ясак представлял собой поземельный и подоходный налог[5], в Ногайской Орде был введен принцип ясачного оклада, характерный для кочевых государств. По этой причине ногаи не интересовались правовыми аспектами землевладения своих данников, занимая лучшие пастбищные угодья явочным порядком на праве сильнейшего. Никаких грамот или ярлыков ногайские правители своим подданным не жаловали. Интересно, что башкиры,

---

истории, 1956. № 12. С. 22.

[1] Першиц А.И. Данничество// Доклады советской делегации на IX международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго 1973). Отд. оттиск. М., 1973. С. 1–14. С. 27.

[2] Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 145.

[3] НА ИИЯЛ УНЦ РАН Ф. 23. Оп. 1 Д. 2. Л. 27.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР…Т. III. С. 557.

[5] Дмитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье// Вопросы истории. 1956. № 12. С. 20-25.

будучи вытесненными со своих земель, продолжали считать себя законными их владельцами. Например, в 1686 г. началась длительная судебная тяжба между башкирами и тарханами Юрматинской волости из-за угодий по реке Ашкадар.[1] Пойма рек Ашкадар и других ближайших речек, по утверждению Р.З. Янгузина, представляла собой идеальное место для зимнего кочевья, она богата сочной травой.[2] Не случайно, именно река Ашкадар, «где места лесистые и теплые», стал излюбленным местом пребывания ногаев.[3] Тем не менее, в челобитной 1698 г. отмечено, что вотчиной на Ашкадаре «с устья и до вершины по обе стороны с озеры и истоки и вешними заливы и с бортным ухожьем и звериными ловли и бобровыми гонами и со всякими угодьи до казанского взятия деды и отцы их челобитчиковы деды и отцы владели вместе».[4] Таким образом, челобитчики-юрматинцы свидетельствовали о том, что никаких изменений в их вотчинных правах не произошло в ногайский период.

В башкирском обществе тарханы традиционно освобождались от ясака. Признавали ли правители Ногайской Орды институт тарханства? В.В. Трепавлов установил, что право предоставлять тарханство принадлежало только хану. В Казани и Сибирском юрте действительно правили ханы; в Сарайчуке же сидел бий, т.е. лицо, номинально равное по рангу представителям башкирской патриархальной знати, так что институт тарханства не практиковался и не мог практиковаться в Ногайской Орде.[5]

В.В. Трепавлов не учел возможность существования в Ногайской Башкирии тарханов, которые подчинялись казанским ханам. Он утверждает, что даже если некоторые из местных биев, жившие к востоку от Ика, обладали казанским тарханом, они все же входили в число ногайских подданных.[6]

Источники свидетельствуют о том, что башкирские тарханы из племен, подвластных Ногайской Орде, нередко жаловались суюргалами на территории Казанского ханства. При этом, они продолжали владеть вотчинными угодьями на территории Башкирии и платить ясак ногайским правителям. Некоторые тарханы были вынуждены остаться на территории Казанской земли после её присоединения к Московскому

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1283. Л. 2-12.
[2] Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII—XIX вв… С. 98.
[3] Рычков П.И. История Оренбургская…С. 182.
[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1283. Л. 7.
[5] Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, Уральский научный центр РАН, 1997. 72 с. С. 14.
[6] Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии... С. 15.

государству. В конце XVI в. эти башкирские тарханы, наряду с казанскими мурзами и князьями, были причислены к служилым татарам. О военной службе в Казанском ханстве выходцев с территории Ногайской Орды имеются многочисленные свидетельства. Есть и письменные данные о пребывании как башкир, так и ногайцев в Казанском уезде. Согласно писцовой книге Казанского уезда 1602−1603 гг., в деревне Шатки Ногайской дороги проживал «служилый князь» Тятигач Муралеев[1]. Ш.Н. Исянгулов полагает, что бий юрматинцев Татигас Бурнаков (Мурнаков) жил не в XVI в., как считал Р.Г. Кузеев, а в первой половине XVII в.[2] В советской историографии удревнение факта вхождения башкирских родов в состав России почти на 100 лет было вызвано стремлением показать это событие в виде единовременного процесса, ограниченного двумя-тремя годами. Исследователи не обратили внимание на раздельную грамоту 1649 г., опубликованную В.А. Новиковым, в которой за башкирами Татигасом, Азнаем, Ильчек-Тимером и Кармышом утверждались вотчинные земли по обе стороны реки Белой.[3] На основании этого документа А.-З. Валиди сделал вывод о том, что юрматинцы вошли в состав российского государства только в 1649 г.[4] Ш.Н. Исянгулов предложил интересную, но спорную версию происхождения Татигаса. Факт пожалования ему чина мурзы историк посчитал достаточным основанием для отнесения Татигаса к ногайской аристократии. Однако за 47 лет до этого пожалования в писцовой книге Казанского уезда 1602 – 1603 г. Татигас назван «князем», что, согласно переводу, аутентично титулу «бий». Интересно, что одна из поместных дач была закреплена за ним в Казанском уезде еще в 1581 г.[5]

В 1744 г. служилые татары из деревни Кульшарипово Кульшарип Дюсметев с товарищами приобрели «по крепостной уступочной записи» часть земель у служилых тархан Кульмаметева и Шарипова по реке Кинель и переселились в основанную ими деревню

[1] Писцовая книга Казанского уезда 1602−1603 годов. Публикация текста Р.Н. Степанова. Казань, 1978. С.42-43.

[2] Исянгулов Ш.Н. Генеалогия бия Татигаса и проблема вхождения башкир в состав Русского государства// Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. Вып. V. С. 177–183.

[3] Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, печатня Н. Блохина, 1879. 269. С. 204.

[4] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 47.

[5] Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 г. Казань, издательство Казанского университета, 1978. 240 с. С.63.

Мукменево Тамьянской волости.[1] Согласно родословной росписи тамьянских башкир, Кулшариф сын Дусмухамеда оказался потомком башкира Тамьянской волости князя Шагали Шакмана,[2] принесшего присягу подданства московскому государю от имени тамьянцев. Таким образом, в случае с Татигасом и Кулшарифом мы наблюдаем возвратное движение на родину башкирских тарханов из Казанского уезда, служивших московским властям в качестве служилых татар.

Значительная группа тарханов из табынских родов перебралась в Казанский уезд еще в 20-е гг. XVI в. В 1523 г. Сахиб-Гиреей пожаловал тарханский ярлык Шихахмеду, его сыновьям Абдалу и Балашу Шихахмедовым и их четырем товарищам. Данный документ был предъявлен в судебном деле о вотчинном владении между ясачными татарами Акешом Доскеевым «с товарищи» и башкирами Ирехтинской волости. Копия с ярлыка была представлена татарином Акешом, который заявил, что ярлык был дан «деду ево Доскейке Белякову». В ходе повального обыска башкиры семи волостей дали показания о том, что «та де вотчина татарская Акешкова с товарыщи, а не башкирская и владели исстари деды и отцы их Акешковы и товарыщей ево». Башкиры же Ирехтинской волости, оказавшиеся потомками Абдала Шихахмедова, утверждали, что владения ясачных татар Акешки и его товарыщей располагались «по Зюрейской дороге деревни Малые Суни… да деревня Балтачева Атойма тож… да деревни Ныс». На эти аргументы татары ответили, что «в Казанском уезде деды их живали… как города Уфы не было», а «та де вотчина написана в Казани в прежних ясачных книгах после Казанского взятья в первых летех». Эти тарханы получили землю на поместном праве на территории Зюрейской дороги Казанского ханства, а родовые вотчинные угодья они сохранили на реке Ик. Не случайно, что впоследствии Акеш Доскеев фигурирует в качестве «башкир тарханского роду»[3].

Согласно изысканиям И.Р. Габдуллина, Надыровская волость, основанная в середине XVIII в. на границе Уфимской и Казанской провинций, получила свое название от служилого татарина Надыра Уразметева. Для доказательства своих прав на вотчинные владения им были представлены ярлыки на тарханство. Предки Надыра Уразметова в 921 и 933 гг. хиджры (по григорианскому летосчислению – 1516 и 1526) при казанских ханах Мухамет-Амине и Сафа-Гирее были жалованы тарханными грамотами. Потомки этих тархан, проживавшие в деревне Ермакове нынешней Самарской области в своей «летописи»

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1328. Л. 263, 269 об.
[2] Булгаков Р.М., Надергулов М.Х. Башкирские родословные… С. 130.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 766. Л. 2 об; Д. 769. Л. 7–9; Исхаков Д.М. От средневековых татар… С.147.

утверждали, что их предкам–башкирам были дарованы земли в районе Бугульмы[12]. В числе башкир оказалась и часть тархан, прямые потомки Надыра Уразметова.[1]

Таким образом, башкирские тарханы, получая суюргалы от казанских ханов, а затем и поместные дачи на территории Казанского ханства, не теряли свои родовые вотчины в Ногайской Башкирии. Это обстоятельство объяснялось тем, что ногаев вообще не интересовали правовые аспекты своего господства над территорией Башкирии. Не будучи чингизидами, бии Ногайской Орды не могли утверждать или лишать кого-либо земельных прав. Если им необходимо было вмешаться в земельные права башкир, они прибегали к услугам зависимых чингизидов. В своей работе «Хозяйство и общество» М.Вебер показал, что власть может основываться на насилии, не всегда законном, и на легитимной основе, предполагающей наличие каких-либо правовых норм. Он же отметил, что самая важная черта традиционной власти заключается в опоре на священный характер существующих традиций и правил, нарушение которых влечет за собой дурные магические или религиозные последствия.[2] Если следовать этой классификации, то господство ногаев над башкирами следует отнести к первому типу, а отношения, которые устанавливались между башкирами и казанскими ханами, – к второму.

Идеологическое оправдание своей легитимности ногайские правители пытались обосновать путем сакрализации происхождения своего рода. По утверждению ногайских правителей, Едигей был потомком святого султана Бабаткуля – Баба-Туклес Шашлы-Азиза. Сын Едигея Нураддин демонстративно отказался даже от косвенного родства с чингизидами. Он заявлял: «Я от рождения видел и признал единого бога, сам бог меня всюду покровительствовал, а что я не из рода Чингисхана, то меня это ничуть не угнетает, ибо я из племени славного Хочах-Мата-Баба-Тукляса».[3] По указанию Нураддина была составлена генеалогия Едигея и его преемников, якобы являвшихся потомками среднеазиатского мистика Ходжа Ахмета Ясави, умершего в 1166 г.[4]

Попытка обосновать легитимность своего господства с помощью исламского вероучения кажется тем более странной, что ногаи не обладали репутацией истовых мусульман. В одном из преданий

---

[1] Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., типография ПИК ВИНИТИ, 2006. 320 с. С. 33.

[2] Вебер М. Хозяйство и общество. М., изд-во ГУ-ВШЭ, 2010. 456. С. 106.

[3] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды… С. 56.

[4] Викторин В.М. Мужавират и культ святых мест - аулья в нижневолжском варианте ислама//Ислам, общество и культура. Омск, 1994. С. 41.

говорится о миссии мусульманского проповедника Хусейн-бека, посланца святого Ахмеда Ясави, к «дурным мусульманам» – ногаям Башкирии.[1]

Башкиры, покоренные ногаями, культ Баба-Тукляса не ассоциировали с одним из основоположников суфизма. В башкирских шежере Баба-Тукляс фигурирует лишь в качестве уфимского ногайского мурзы.[2] В башкирских преданиях говорится, что один из первых пращуров ногайских батыров был Тукляс-баба… за ним Идукай, его сын Мурадым, сын Мурадыма Мусса, его сын Идукай был выходцем из простого черного люда, говорят, что поначалу он был начальником тумена».[3] Таким образом, попытка сакрализации своего правящего рода ногаев не нашла отражения в народной памяти башкир.

Тем не менее, существовал еще один вариант, чтобы придать своей власти более или менее законный характер. Это старинный и испытанный путь утверждения марионеточных фигур в лице чингизидов. Ногайской аристократии для этого даже не стоило прилагать много усилий. С ними считались сибирские и казахские чингизиды. При дворе ногайских биев воспитывались юные султаны, которых привлекали к управлению для получения необходимой административной подготовки. Один из таких чингизидов в 30-е гг. XVI в. создал систему господства Ногайской Орды над башкирами. Благодаря всестороннему анализу материалов из фонда «Ногайские дела» РГАДА В.В. Трепавлову удалось идентифицировать легендарную личность, известную по башкирским устным преданиям под именем Акназар.

Историк установил, что в башкирских шежере речь идет о казахском хане Хакк-Назаре, который с 1522 по 1538 г. был наместником Ногайской Башкирии. В 1538 г. он стал казахским ханом.[4] Соглашаясь с датировкой периода наместничества Акназара, все же следует отметить, что в 1522 г. все междуречье Волги и Яика находилось еще под властью казахов. Судя по Ногайским делам, только после вторжения ногаев в Крым, которое произошло в мае 1523 г., Ногайская Орда вернула себе земли на правой стороне Волги.[5]

Хакк-Назар был сыном казахского хана Касима б.Джанибека, который в начале XVI в. вытеснил ногаев за Волгу и установил свое господство на Южном Урале. Шежере племени Мин совершенно

---

[1] Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, УНЦ РАН, 1995.113 с. С.38.

[2] Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству… С. 34.

[3] Башкирские легенды и предания....С. 69.

[4] Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии XV–XVII вв… С. 19.

[5] ПДРВ. Ч. VII. С. 143.

справедливо указывает, что Акназар был «от поколения тутошних старинных ханов».[1] Из казахского предания известно, что в молодости Хакк-Назар жил у одного из ногайских мирз.[2] Из башкирского фольклора можно догадаться об имени мирзы, с которым Хакк-Назар находился в наиболее тесных отношениях; это его зять Шейх-Мамай, чьи кочевья и подданные находились в Западном и Центральном Казахстане. В 1538 г. Саид-Ахмед и Шейх-Мамай, разгромив Казахское ханство, утвердили Хакк-Назара ханом над казахами.

Несмотря на то, что о деятельности Хакк-Назара на посту наместника Башкирии сохранилась довольно скудная информация, она все же позволяет выделить определенные особенности системы управления Башкирией. П.И. Рычков, со слов «сказки» старшины Кидряса Муллакаева, записал следующие сведения: «…наконец один салтан от поколения тутошних старинных ханов, именем Акназар, усилившись, не только всех башкирцев и ногайцев, но и в Великой Татарии разные народы покорил. Усмотря ж их непостоянство и разные от башкирцев бывшие воровства, всячески их изнурял и в бессилие их приводил. Ибо на три двора по одному токмо котлу для варения им пищи допущал и как скот и пожитки, так и детей их, к себе отбирал и землями владеть, тако ж и чрез реку Белую переходить, их не допущал. А кои звероловством промышляли, те за то принуждены были давать ему ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице, от чего наконец пришли они в самое крайнее истощение и убожество».[3]

Наиболее интересный фрагмент этого повествования не попал в поле зрения исследователей. Речь идет о «непостоянстве и разных от башкирцев бывших воровствах». Во времена Кидряса Муллакаева и П.И. Рычкова слово «воровство» толковалось как «нарушение закона, разбой, измена, бунт». Какие проявления «непостоянства и воровства» башкир могли стать причиной гнева наместника Башкирии? Кому и когда могли изменить башкиры до вступления Хакк-Назара в должность наместника Башкирии?

Новый наместник появился в Башкирии в 1523 г., сразу же после того, как ногаям удалось отвоевать территорию у Казахского ханства. Очевидно, что башкиры не были безучастными наблюдателями борьбы между казахским ханом и ногаями, поскольку Хакк-Назар начал свое правление в отвоеванной Башкирии с репрессий, которые были направлены против всего башкирского населения. Наказание башкир за «измену и непостоянство» могло мотивироваться разными причинами.

[1] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере... С. 47.
[2] Абусеитова М.Х. Казахское ханство во второй полезнее XVI в. Алма-Ата, АН Казахской ССР, 1985. С. 49.
[3] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии… С. 97.

Хакк-Назар вполне мог исполнить указание своего родственника Шейх-Мамая и проучить башкир за поддержку казахского хана во времена его кратковременного господства в Башкирии. Но подобным же образом Хакк-Назар мог мстить башкирам и за то, что они не последовали за его отцом - чингизидом Касимом, который на короткое время стал их законным правителем.

Обложение башкир ясаком сопровождалось, по словам Кидряса Муллакаева, неслыханными в кочевой среде репрессиями: Хакк-Назар «на три двора по одному токмо котлу для варения им пищи допущал». Это указание башкирского предания несет в себе важное символическое содержание. По данным археологов и антропологов, еще с гуннских времен котел у кочевников олицетворял власть родовой и племенной знати. Принудительное уменьшение числа котлов у башкир символизировало ограничение власти башкирской знати. Следует указать и на то, что у кочевников юрта не считалась местом пригодным для жилья, если в ней не было трех предметов первой необходимости – большого котла для варки пищи, кожаного мешка для приготовления кумыса и плетеной корзины для собирания аргала. Таким образом, Хакк-Назар стремился предотвратить дальнейшую сегментацию родоплеменных структур башкир.

Особый интерес вызывает указание на лишение башкир возможности переправляться через реку Белую. Очевидно, что какая-то часть башкир, стремясь избежать репрессий Ногайской Орды, попыталась выйти за пределы наместничества. Не случайно, что именно при Хакк-Назаре центром наместничества становится Уфа, контроль из которой за перемещениями башкир был более эффективным, нежели из ставки на Яике или Эмбе. За устьем реки Белой начинались владения Казанского ханства.

Р.Г. Кузеев обратил внимание на то, что в начале XVI в. в приграничных районах Казанского ханства появились племена восточных башкир, которые прежде были на территории, подвластной ногайским ханам.[1] Этот массовый отток башкир можно было остановить, только поставив в местах переправ караулы. Подобные методы сдерживания откочевок подвластных родов применялись бием Исмаилом. С конца 1555 го. он просил правительство Ивана IV поставить на Волге заставы, чтобы не пропускать ногаев на Крымскую сторону.[2]

И.Е. Ерофеева на основании исследования переписки казахских ханов и султанов XVIII–XIX вв. пришла к выводу о том, что личность

[1] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа…С.161.
[2] Трепавлов В.В. История Ногайской орды… С. 112.

Хакк-Назара следует отождествить с легендарным Алаша-ханом.[1] В одном из писем хана Абулхаира И.Е. Ерофеева нашла подтверждение гипотезе, которую еще в 20-е гг. XX в. выдвинул Мухаметджан Тынышпаев. В «Материалах к истории киргиз-казахского народа» он впервые указал на то, что Хакк-Назара и Алаша-хана – имена одного человека. По мнению Тынышпаева, именно Хакк-Назар – легендарный собиратель казахских земель. Не исключено, что мавзолей Алаша-хана в Карагандинской области возведен в его честь. Ерофеева доказала, что «Алаша» не личное имя, а лакаб.

Следует отметить, что из 10 ногайских наместников Башкирии, занимавших этот пост с 1489 по 1523 г., только двое принадлежали к чингизидам. Однако Ахмед-Гирей был наместником в Башкирии уже после ухода основной массы ногаев с территории Южного Урала. Таким образом, система владычества Ногайской Орды над Башкирией была сформирована чингизидом Хакк-Назаром. Бий Ногайской Орды Шейх-Мамай был вынужден прибегнуть к авторитету представителя общепризнанной династии для того, чтобы привести к повиновению и объясачить башкир.

В исторической литературе вследствие некритического восприятия информации некоторых башкирских шежере утвердилось мнение о существовании некого ногайского хана Баба Тукляса, ставка которого находилась на месте Чертова городища в 3 верстах от будущей русской крепости Уфы. А.Н. Усманов прямо утверждает, что перед присоединением к Русскому государству минцы подчинялись ногайскому хану Турэ Баба-Туклясу, находившемуся в Уфе.[2] О «ногайском хане», правящем в Башкирии, упоминают сами башкиры не только в шежере, но и в официальных источниках. Так, в 1734 г. были поданы три коллективных челобитных, в которых утверждалось, что вотчинами роды владели по раздаче ногайского хана.[3] Обратим внимание на то, что все челобитчики башкиры употребляют форму единственного числа «хан». Когда произошло это пожалование? Косвенно можно датировать этот период по коллективной челобитной северо-восточных родов, среди которых отмечены роды айлинского объединения, которые входили в сферу влияния Шейх-Мамая. Именно этот могущественный правитель указан С. Генберштейном в качестве

[1] Ерофеева И.Е. Казахский Алаша хан: правитель реальный или мифический// Международная научно – практическая конференция «От истоков - к современности», посвященная 550-летию Казахского ханства. Уральск, 2015. 368 с. С. 76-84.

[2] Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству… С. 47.

[3] РГАДА. Ф.248 Оп.15. Д.821. Л 34. Л. 263, 278, 675.

властителя части Сибири и окрест лежащей землей.[1] К тому же, именно Шейх-Мамай утвердил султана Хакк-Назара в качестве наместника Башкирии и даже породнился с ним путем заключения брака, выдав за него одну из дочерей.[2] В 1538 г. ханство Хакк-Назара в Башкирском наместничестве закончилось, поскольку его патрон сделал его ханом казахов. Следовательно, «раздача» вотчинных земель башкирским родам была осуществлена Хакк-Назаром не позднее 1537 г.

Иные формы подчинения башкирских племен практиковали правители государств, которые остались в сфере государственного права Золотой Орды. Так, в первой половине XVI в. башкирские племена Еней, Юрми, Гайна, Буляр, Иректе и Уран платили ясак Казанскому ханству. Формально границей, отделяющую Ногайскую Башкирию от Казанского ханства, являлась река Ик. Согласно полевым записям Р.Г. Кузеева, приведенным выше, эта река не просто разделяла ногаев и башкир-юрми; те и другие с противоположных берегов стреляли друг в друга из луков, то есть находились во враждебных отношениях, и юрмийцы не могут считаться ногайскими подданными.[3]

Согласно шежере Герает-бия, потомки этого человека долго проживали к востоку от Ика. Только в конце XVII в. они перешли на его «татарский» берег.[4] Западные и северо-западные башкирские племена, оказавшиеся под властью Казанского ханства, кочевали на территории, которая в русских источниках именовалась Беловолжской землей. Это название сохранялось до XVII в. Ногайскую часть Башкирии в источниках именовали Башкирским улусом или Башкирской землей. В 1469 г., когда казанский хан собрал полки для борьбы с русскими, среди воинов были конница как с Беловолжской земли, так и с Башкирской.[5]

Несмотря на тяжелый казанский ясак и постоянное использование башкир в военных акциях Казанского ханства, некоторые роды Ногайской Башкирии предпочитали ногайскому подданству подчинение Казани. Именно к концу XV – первой половине XVI в. относятся сведения о переселении некоторых родов табынцев, катайцев и других из восточной части Башкирии, подвластной ногаям, в западную часть края, контролировавшуюся казанскими властями. Родословные табынцев повествуют не только о перекочевке, но и о смене

[1] Герберштейн С. Записки о Московии. М., изд-во МГУ, 1988. 430 с. С. 179.
[2] Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии XV–XVII вв… С. 24.
[3] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа… С. 318
[4] Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии XV–XVII вв. … С. 27.
[5] Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству… С. 46.

подданства.[1] Табынцы и катайцы были вынуждены откочевать из малолюдного региона Уральских гор в густозаселенный край с летними кочевьями ногаев и земельными владениями казанских мурз.

Р.Г. Кузеев считает, что служба некоторой части башкир из юго-восточной части Башкирии казанскому хану была инерцией более древних взаимоотношений с правителями волжской Булгарии.[2] Однако, даже в XVI в. кочевники руководствовались более прагматическими мотивами в выборе патрона. Например, «инерция древних взаимоотношений» не помешала башкирам воспротивиться принуждению ногайских правителей, которые, покидая Южный Урал, стремились увлечь с собой и башкир.

Шежере табынцев в легендарной форме рассказывает о взаимоотношениях башкирской знати с казанскими мурзами в период противостояния Казани и Москвы. Легенда о борьбе Исенхана (вождя табынцев) и Чуртмак хана (ставленника казанского хана, или наблюдателя со стороны казанских властей) широко распространена в юго-западных районах Башкирии.[3] Она рассказывается в различных вариантах, одна из них повествует о том, что башкиры в первой половине XVI в. были вынуждены по призыву казанского хана идти на защиту Казани от русских. Башкиры, согласно преданию, были весьма воинственным народом, поэтому и составляли основную опору казанских войск.

Наряду с фольклорными источниками, существуют документальные подтверждения того, что родоплеменная знать западных башкир действительно была интегрирована в служилую иерархию Казанского ханства. С 1521 г. казанский хан Сахиб-Гирей начал активно готовиться к неминуемой войне с Россией. Именно этим периодом (1523 г.) датированы дошедшие до нас тарханные ярлыки, которыми Сахиб-Гирей жаловал бия племени Иректе Шейх-Ахмеда, семь его «товарищей» и «близких огланов».[4]

Примечательно и то, что попытки Сахиб-Гирея привлечь на службу башкирскую знать по времени совпадают с мероприятиями, которыми наместник Башкирии Хакк-Назар стремился ограничить уход башкир за пределы Башкирии. Очевидно, что тарханные грамоты, дававшие права на беспрепятственное владение угодьями, привлекали не только западных башкир, но и тех, что кочевал за Белой, что не могло не вызывать раздражение ногайского наместника Башкирии.

---

[1] Булгаков Р.М., Надергулов М.Х. Башкирские родословные...С. 237.
[2] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа… С. 298.
[3] Башкирские легенды и предания. Уфа, 1985. С. 121.
[4] НА ИИЯЛ УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1 Д. 2. Л. 28.

Таким образом, казанские ханы, в отличие от ногайских правителей, применяли традиционные методы управления кочевниками: они не нарушали вотчинных прав, не вмешивались во внутреннюю жизнь родоплеменных структур. Казанские ханы, как и все чингизиды, стремились инкорпорировать башкирскую знать в служилую иерархию своего государства, предоставляя им податные привилегии и суюргалы на своей территории.

Однако не только традиции управления кочевниками предопределили политику казанских ханов в отношении башкир. В первой половине XVI в. Казань больше нуждалась в вооруженной силе для борьбы со своим западным соседом, нежели в территориальной экспансии на востоке. Немаловажно и то, что казанская знать, в отличие от ногайской, не вела кочевой образ жизни. Для того чтобы так же властвовать над башкирами, как это делали ногайские бии, казанцам следовало либо изменить тип своего хозяйства, либо ограничить свободу передвижения своим башкирским подданным.

§3. Вотчинное право башкирских родов после добровольного присоединения к Русскому государству

А.Н. Усманов показал, что после присоединения башкир Российское правительство не изменило порядка землевладения, закрепив за башкирами их владения, сохранив за ними права вотчинников.[1] С этим положением в целом согласилась и Н.Ф. Демидова, отметившая, что вотчинное право сложилось задолго до присоединения к Русскому государству.[2] Тезис об отсутствии каких-либо существенных изменений в землевладении башкир в ходе присоединения к Русскому государству обрел статус бесспорного положения. Единственным советским историком, кто не принял этой концепции, был У.Х. Рахматуллин. Он не только не согласился с идеей преемственности земельной политики в Башкирии, но и вообще отрицал существование вотчинного права башкир в качестве особого вида земельной собственности, доказывая, что все земли в Башкирии принадлежали государству.[3]

Концепция У.Х. Рахматуллина вполне согласуется с утверждением дореволюционного исследователя В.Н. Витевского,

---

[1] Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству… С. 127.

[2] Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в I четверти XVIII в. //Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству Уфа, 1957. С. 23-67.

[3] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII-XVIII в.в…С. 98.

который еще в конце XIX в. утверждал: «Московское правительство не признало за прежними владельцами-башкирами права собственности, а напротив, сами инородцы обязывались признать за государями права распоряжаться и владеть их землями».[1]

В этой ситуации возникает вопрос, в какой мере российское правительство восприняло традиционное башкирское земельное право и как это отразилось в практике решения земельных споров?

Следует отметить, что многие авторы преувеличивали консерватизм земельных отношений, утверждая, что вотчинное право не претерпело существенных изменений с середины XVI в. до указа 11 февраля 1736 г. В последние годы были обнаружены, пусть и не многочисленные, письменные источники, которые указывают, что в период присоединения башкир российское правительство стремилось узаконить в Башкирии земельные отношения, которые не отличались от других территорий государства, отошедших к России после взятия Казани. Специфические черты земельной собственности башкирских общин формируются постепенно на протяжении XVII в. Стоит отметить, что немалую роль в этом процессе сыграло активное и пассивное сопротивление башкир.

От XVI столетия сохранилось лишь 5 письменных источников, в которых российское правительство определяло земельные права башкир. Наиболее ранний документ был обнаружен в составе фонда «Спорные дела Генерального межевания» Российского государственного архива древних актов. До недавнего времени в историографии было принято считать, что тексты грамот Ивана IV башкирам сохранились только в комплексе башкирских родословных преданий – шежере [2]. Однако шежере, будучи прежде всего памятниками устной народной генеалогии, не могут считаться безупречным источником. Обнаруженный документ представляет собой копию жалованной грамоты башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву с пожалованием земли в Уфимском уезде[3]. Следует отметить, что копия была снята и заверена канцеляристом Казанской губернской канцелярией в 1737 г. Материалы фонда Спорные дела Генерального межевания в определенной мере позволяют восполнить утрату большинства отказных грамот, хранившихся в сгоревшем архиве Приказа Казанского дворца. При проведении межевания в Оренбургской губернии в начале XIX в. чиновники Межевой конторы столкнулись с крайне запутанным положением землевладения башкирских родов. Как

[1] Витевский В.Н. И.И. Неплюев …Вып.1. С.179.
[2] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа… С. 109
[3] РГАДА. Ф. 1324. Оп.1. Д. 1497. Л. 48–50

правило, башкиры-вотчинники не имели точного описания границ своих владений. Существовавшая в XVI – XVII в. практика межевания башкирских вотчинных угодий допускала фиксацию их границ по так называемым «урочищам», под которым подразумевались реки, лесные массивы, горы и т.д. В результате при межевании каждой башкирской дачи или дворянского имения, расположенного по соседству с башкирской землей, возникали споры, приводившие к предъявлению обеими сторонами документов, нередко относящихся к XVI – началу XVII в. Владельцы земель не всегда имели при себе требуемые документы, поэтому они активно разыскивали доказательства своих владельческих прав в местных архивах, запрашивали копии в архивах центральных учреждений. Именно подобным образом был обнаружен этот документ.[1] Он был предъявлен в ходе земельного разбирательства между башкирами Уранской, Енейской волостей и владельцами Камбарского завода – Демидовыми. В итоге эта длительная земельная тяжба закончилась тем, что спорные владения были утверждены за башкирами Уранской волости. Впоследствии Демидовы были вынуждены подписать особый договор с ними. Главным аргументом, сыгравшим на суде в пользу уранцев, стала копия с грамоты Иоанна Васильевича, обнаруженная башкирами в архиве Казанской губернской канцелярии в 1805 г. Таким образом, данный документ официально был

[1] Бил челом государю и великому князю Иоанну Васильевичу Уфимского уезду Осинской дороги Уранской волости башкирец Авдуак Санбаев, а сказал, что де за службы его пожаловал государь царь и великий князь в той волости за Камою рекой пашенной земли шестьдесят две четверти в поле с лесы и сенными покосами и со всякими угодьями, а межа тое пашенной земли и сенным покосам верхняя межа Еловая речка, а нижняя межа речка Бергат в правой стороне, да в той же волости пожаловано мне в добавок по обе стороны Буюн реки верхняя межа Салдав река, нижняя межа Узяр река, а в ней пашенной земли и перелогу 155 четвертей, сена меж поль и по заполью по обе стороны реки Буюн 400 копен, и просил в том, чтобы ту пашенную землю и сенными покосами за ним написать в книги подлинно, и те книги за своими и сторонними людьми привезти в Казань к боярину и воеводе Степану Александровичу Всеволожскому да князю Михаилу Самсоновичу Турянину, да дьяку Ивану Зубову да Афанасию Евдокимову, Иосип Аркатов, подьячий Юрий Смирнов да толмач Иван Чубаров, взяв с собой окольных людей и сторонних и при всех их ту пашенную землю от прочих отделить и по межам за Камою рекой Уранской волости 62 четверти пашенной земли и сенные покосы да по обе стороны Буюн реки тож земли 155 четвертей, а в дву потому же с лесом с сенными покосами и со всякими угодьи написать за ним башкирцем Авдуаком Санбаевым в книги, на подлинной крепости справил подьячий Юрий, а чей сын по прозванию за гнилостью подлинной грамоты не видно.

Копия снята в 1737 году».

признан межевой комиссией в качестве юридического доказательства земельных прав.

Внешняя критика данного источника представляет серьезную проблему. Наиболее спорным является вопрос о времени составления самого оригинала. Канцелярист, снимавший копию в 1737 г., указал, что конечный протокол документа значительно пострадал: «Подлинной крепости справил подьячий Юрий, а чей сын по прозванию за гнилостью подлинной грамоты не видно»[1].

Формуляр аналогичных актов середины XVI в. предполагал указание на дату только в конце документа, который, очевидно, и не был прочитан переписчиком.

Более того, в сохранившихся разрядных книгах XVI в. отсутствуют данные о том, что воеводами в Казани были одновременно Степан Александрович Всеволожский и князь Михаил Самсонович Туренин. В изданных В.И. Бугановым разрядных книгах, охватывающих период с 1557 по 1584 г., фамилия Всеволожских среди воевод вообще не упоминается. Однако князь Михаил Самсонович Туренин был весьма активным военным руководителем. Его имя фигурирует в разрядных книгах уже с 1577 г., когда он в качестве дворянина участвовал в береговой службе. В 1580 г. он числился воеводой в Орле, тогда же он командовал полком левой руки. В 1581 г. он был воеводой в Ржеве, в том же году отправлен воеводой в Смоленск, в 1582 г. возглавлял сторожевой полк в Коломне, в 1583 г. назначен воеводой в Юрьевец Подольской, и наконец, в 1584 г. послан воеводой в Серпухов.[2] Достоверность разрядных книг прежде не подвергалась сомнению, по этой причине будет сложно объяснить данное противоречие.

Верхней хронологической границей составления грамоты можно признать лишь 1584 г., т.е. дату смерти Иоанна Васильевича. Однако в тексте документа упомянуты Уфа, Уфимский уезд и даже административное деление уезда на 4 дороги. Р.Г. Буканова, будучи наиболее авторитетным специалистом по данному вопросу, полагает, что город Уфа был основан только в 1586 г.[3]

Как объяснить этот хронологический казус? Ф.А. Шакурова обратила внимание на то, что подобные противоречия в датировке актов характерны для XVII в., когда в писцовом делопроизводстве была распространена практика «справления грамот».[4] Он заключался в том,

---

[1] РГАДА. Ф. 1324. Оп.1. Д. 1497. Л. 48

[2] Буганов В.И. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II, М., I982. С. 452; Ч. III. М., 1982. С. 119, 192, 213, 217.

[3] Буканова Р.Г. Города крепости Юго-востока России в XVIII в. Уфа, Китап, 1998. С. 49

[4] Шакурова Ф.А. Правовой статус башкирских земель в XVIII-первой половине

что лица, имеющие на руках грамоты, выданные от имени прежних государей, должны были «являть» их, то есть представлять, в приказных избах для записи в специальных книгах приказа. Эти грамоты, помимо записи их в приказных книгах, переписывались на имя нового великого князя или царя, правившего в это время в России. В результате такого «справления» старой грамоты в новый вариант могли попасть не только ненамеренные ошибки переписчиков, но и сознательно привнесение в текст географических реалий или даже персоналий, которых не существовало в изначальной грамоте. Именно этим обстоятельством можно объяснить появление в тексте города Уфы, уезда и дорог.

Определенные вопросы вызывает и не совсем типичный начальный протокол документа. Абстрактный формуляр жалованных грамот середины XVI – начала XVII в. предусматривал такую клаузулу: «Се яз князь Юрьи Иванович пожаловал есми…» или «Божиею милостию мы великии государь царь и великии князь Михаило Федорович всеа Русии самодержец, советовав со отцем своим с великим государем святеишим патриархом Филоретом Никитичем Московским и всеа Русии, по своему царскому милосердному осмотрению пожаловали…». В данном же случае документ начинается со слов «Бил челом…». Еще более неожиданно выглядит указание на мотив пожалования – «за службу». Подобные расхождения с типичным формуляром жалованных грамот потребуют разъяснений специалистов дипломатики. В противном случае, можно предположить, что речь идет не о жалованной грамоте, как указано в спорном деле XIX в., а о разновидности отводной грамоты. Существует структурная схожесть данного источника с документами писцового делопроизводства – отказными и отводными грамотами служилым людям по отечеству. Если сопоставить величину пожалованной башкиру земли с теми отводами, которые получили первые уфимские дворяне в конце XVI в.[1], то нельзя не удивиться тому факту, что Авдуаку отвели поместную дачу, по величине на порядок превышающую земельные владения русских помещиков Уфимского уезда. При этом, расчет пожалованной земли на три поля и четверти, разделение на пашню и сенокосы не должны вызывать вопросов, поскольку в северо-западной Башкирии земледелие стало основным видом хозяйственной деятельности еще задолго до присоединения к Русскому государству. Вполне вероятно, что в центре, на юге и востоке Уфимского уезда подобная форма пожалований не имела места в силу иного хозяйственного уклада.

XIX в. [Электронный ресурс]— Электрон. дан. Режим доступа: http://www.central-eurasia.com/index/articles/?uid=1962. Загл. с экрана. — Яз. Рус.

[1] Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92–1629 гг.)»… С. 245–298.

В отечественной историографии прочно утвердилось мнение о том, что башкиры принимали подданство по родам. Причем, процесс имел характер коллективного волеизъявления. В результате представители отдельных родов и племен, принося присягу царю, оформляли отношения договорного характера. Например, подданство юрматинцев было результатом волеизъявления всего народного собрания.[1] Вполне вероятно, что подобная интерпретация процедуры принятия подданства вполне соответствовала идеологии башкирских родословных преданий (шежере)[2]. Впоследствии башкиры неоднократно утверждали, что подданство принимал народ. В проекте наказа башкир в Уложенную комиссию отмечалось: «В прошлых годах народ наш башкирский и тарханский состоял под властью ногайских ханов и, не хотя под оной быть пришел с самопроизвольного усердия в подданство под высоконаглавую российскую державу».[3] Однако российские государственно-правовые принципы XVI в. не предусматривали установления отношений подданства с народом или родоплеменной структурой, т.е. с сообществом. Только личная присяга (в данном случае шерть) главы такого сообщества сюзерену легитимизировали факт подданства.

В 60-е гг. XX в. Р.Г. Кузеев обнаружил в Ленинградском отделении Института востоковедения шежере племен Уран и Гайна. На основании этого источника историк пришел к выводу о том, что в 1554–1555-х гг. посольство уранцев во главе с их вождем Айсуаком приехало в Казань, а посольство гайнинцев – в Чердынь. Р.Г. Кузеев подчеркивал, что Айсуак привез из Казани царскую грамоту о принятии подданства уранцами, написанную на бересте.[4] Едва ли созвучие имен вождя уранцев из шежере с именем служилого человека из грамоты является случайным. В результате полевых исследований этнографами на территории Янаульского района было обнаружено несколько шежере рода Уран, в которых в числе предков упомянут Аудуак-бей, следующий сразу после Исенбия.[5]

---

[1] Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. ..С. 76

[2] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере...С. 121

[3] РГАДА. Ф. 342. Оп.1. Д. 109. Л. 76.

[4] Кузеев Р.Г. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края// Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, Башкирское книжное издательство. 1982. 386 с. С. 11.

[5] История башкирских родов. Уфа, АНО «ЦИИНБ «Шежере», 2015. Уран. Т.7. С. 113.

Являлась ли поместная форма землевладения уникальной для башкир? Как уже отмечалось выше, башкирские тарханы на территории бывшего Казанского ханства имели поместные дачи еще в середине XVIII в. В 1761 г. «служилый тархан Уфимского уезду Кипчакской волости Юмагул Куламанметьев продал свою поместную землю капитану Ивану Никитину сыну Буткевичу за 70 рублей. В акте особо оговаривалось, что поместная земля была отказана деду продавца «Ишентию Тохтарову в 1700 г. в Казанском уезде».[1] Ишей или Ишентей Тохтаров владел поместной землей на реке Кинель Казанского уезда еще в 1690 г. При этом Ишей являлся внучатым племянником башкирскому тархану начала XVII в. Килею Монашеву, служившему по городу Казани.[2] Формально Авдуаку Санбаеву была отказана поместная дача на территории, население которой до основания Уфы подчинялось и платило ясак казанским властям. Таким образом, этот акт не противоречит аналогичным отводам поместной земли.

Следующий документ так же был представлен в качестве доказательства права на владение вотчинной башкирами Гирейской волости Опасом Тютеевым с товарищами в 1700 г. Башкиры предъявили владенную память 1682 г., которая, в свою очередь, представляла собой справленную грамоту 7083 (1574/1575) г. В ней отмечено, что дьяк Афанасий Битяговский «…отдал на оброк башкирцу Кукею Боскосееву Истукузул волости вотчину бортной ухожей новокрещенскова Саввы Обтякова на сей стороне Камы реки, против Белой волошки, по Бигерде речке… и Кукею тем бортным ухожьем владети, потому как владел тою вотчинной Савва Обтяков, а оброк ему давати в государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в казну по четыре батмана меда пошлин гривна с башкирцы вместе».[3] По содержанию документа видно, что представивший грамоту Опас Тютеев приходится праправнуком отмеченному в грамоте 1574–1575-х гг. Кукею Боскосееву. В отношении этого документа так же имеются некоторые сомнения. Дело в том, что отмеченная волость Истукузул не известна по шежере или по письменным источникам. Есть основания полагать, что данная община все же имела отношение не к Гирейской, а к Енейской волости. Русское написание «Истукузул» возможно принять как искаженное башкирское название «Устугузул», что интерпретируется как «Ус» – верхний, «тугуз» – девять, «ул» – сын.[4] В составе Енейской волости была Тугузларская тюба. Ее еще назвали Тугузбуй. Она,

[1] РГАДА. Ф. 615. Оп.1. Д. 7931. Л. 120.
[2] Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству… С. 31.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 5-7.
[4] Эта интерпретация этнонима «Истукузул» принадлежит С.И. Хамидуллину. С его любезного согласия данная трактовка помещена в текст книги.

действительно, располагалась там, где указано в грамоте – к северу от Камы на территории Агрызского района Республики Татарстан. В Агрызском районе Татарстана есть деревня Девятерня, что представляет собой русскую кальку с башкирского ойконима Тугузаул «девять деревень». По преданию, на правом берегу Камы было 9 деревень. Таким образом, Устугузул означает «Верхний Тугузларский аймак» – подразделение енейцев. У енейцев были еще несколько аймаков – Большой, Малый, Средний, Богадинский, Камбарский. По утверждению Р.Г. Кузеева, род Тугыз в составе енейцев является оставшейся в западной Башкирии группой усерганских башкир.[1]

Обратим внимание и на то, что в 1700 г. в качестве доказательства вотчинных прав была представлена оброчная грамота. Согласно земельному законодательству XVI в., вотчинные и оброчные земли представляли собой различные формы землепользования.[2] Тем не менее, в источниках употребление по отношению к башкирским землям выражения «старинная вотчина на оброке» являлось распространенным явлением. Об этом, в частности, свидетельствует другая грамота Ивана IV. В 1694 г. башкир Казанской дороги Байлярской волости Арык Тохтамышев подал челобитную, в которой были предъявлены доказательства прав на вотчину по реке Каме. Среди различных документов была представлена суду данная грамота от 15 сентября 7089 (1581) г., в которой, по его словам, указан его прадед Тевкель Тохтамышев.[3] В данной грамоте от 1581 г. было предписано отдать «на оброк чуваше Шихдербышу Миткоманову да Тевкелю Тохтамышеву да Бектимиру Еналееву из той их деревни бортный ухожий на Каме реке по обе стороны Камы реки да за Камой по Ику реке на обе стороны выморок Аккозиня Абашево да Тактамышевой Аккозины да Абыша Аккозина да Такказия. А наперед сего та вотчина была на оброке за Абаем Маскариным и у Абая та вотчина взята и отдана Шихдербышу да Тевкелю да Бектимиру, потому что та вотчина старинная, а оброку им дати в государеву казну по Михайла Битеговскому два батмана меду». Обратим внимание, что грамота не жалованная, а «данная», по которым обычно отдавали землю на оброк.

Наибольшее количество оброчных вотчин у башкир отмечено на Казанской дороге. Как правило, подобные владения представляли собой высокодоходные промысловые угодья. Так, в 1632 г. башкир Гирейской волости Кузей Бахтыкильдеев подал челобитную с просьбой дать ему оберегательную грамоту на старинную его вотчину, которая за

[1] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа…С. 332.
[2] Веселовский С.М. Феодальное землевладение Северо-восточной Руси. М., АН СССР, 1947. Т.I. С. 223.
[3] РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1185. Л. 320–321.

ним на оброке, «а платят де они с того озерка в государеву казну оброку полшеста батмана меду да 16 куниц».[1] Необходимо отметить, что на оброк давались только «пустые земли», т.е. не имевшие владельцев.[2] Ф.А. Шакурова отмечает, что в результате Казанской войны, основные действия которой разворачивались в восточной части Казанского края, территории по реке Кама и её притокам запустели.[3] В приведенной выше данной грамоте так же указано, что до отдачи на оброк вотчина представляла собой «выморок», т.е. ее прежних владельцев не было в живых.

Во второй половине XVIII в. оренбургские губернаторы не видели различий между ясаком и оброком. В 1766 г. А.А. Путятин, излагая Сенату аргументы, которые позволили бы правительству изъять вотчинные земли у башкир, писал: «Правительство отдавало эти земли башкирцам из оброку, а по татарскому названию ясак. Однако и этот ясак с них башкир был снят в 1754 г.».[4] Еще в конце XVI столетия оброчные платежи с вотчин и ясак рассматривались как разные статьи обложения. Так, согласно переписной книге 1596 г., в Осинском же уезде отмечены «…бортные угодья, ходят тулвенские башкирцы Кимирбай Аккильдин с товарищи, а оброку с них ни дают никоторый год до государеву указу, а кунный ясак они платят в казну в Казань по 5 куниц на человека и оными бортными ухожьями владели деды и отцы их по Тулве, Барде, Ашипу и по Тунтору рекам по обе стороны до вершины».[5] В 1701 г. началось судебное разбирательство относительно владения рыбными ловлями по рекам Белой и Камой между башкирами и откупщиком И. Симановским. От башкир требовалось только доказать, что они владеют данными угодьями «из ясаку, а не из оброку».[6]

К началу XVIII в. в Уфимском уезде оброчная форма владения вотчинами становится редким явлением. Она применяется только в отношении наиболее доходных рыбных ловель на реках Кама и Белая и на границе с Казанским и Осинским уездами. Так, в своем наказе в Уложенную комиссию смоленские шляхтичи, испомещенные в районе Мензелинска, выразили недовольство тем обстоятельством, что «в их

[1] РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1336. Л. 14.
[2] Спицын А.Н. Оброчные земли на Вятке в XVII в. Казань, типография Казанского императорского университета, 1892. 51 с. С. 12.
[3] Шакурова Ф.А. Правовой статус башкирских земель в XVIII-первой половине XIX в. [Электронный ресурс]— Электрон. дан. Режим доступа: http://www.central-eurasia.com/index/articles/?uid=1962. Загл. с экрана. — Яз. рус
[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. IV. Ч. I. С. 465
[5] РГАДА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 6602. Л. 6.
[6] Там же. Ф. 1324. Оп.1. Д. 1352. Л. 12.

дачах и отводах наших бортные угодья и рыбные ловли содержат из оброка Билярской волости башкирцы по прежним узаконениям, как то их земля, отведенная нам прежде была башкирская, и к тому самая Мензела река с угодьями, на которой город Мензелинск и мы жительство имеем, да и земли наши к той Мензеле …а мы яко в этом месте жительствующие никакого участия в том не имеем».[1]

Почему оброчная форма землевладения не прижилась в крае? Ответ на этот вопрос следует связать с правовым статусом оброчных угодий, которые в XVI в. рассматривались как одна из форм княжеских или черных земель.[2] Как отмечает А.Н. Спицын, каждый владелец оброчной земли имел полное право завещать, продавать, закладывать, менять и передавать в монастырь».[3] Однако в Уфимском уезде начиная со второй половины 30-х гг. XVII в. правительство запретило любые формы отчуждения вотчинных угодий. Интересно то, что указ 1637 г. в документации Уфимской съезжей избы нашел отражение только в судебной тяжбе 1652 г. между башкирами Елдяцкой и Иланской волостей.[4] С 1637 г. была установлена высшая мера гражданской ответственности за нарушение этого запрета: «…в указной блаженной памяти государя Михаила Федоровича, за приписью Федора Панова 1637 г., написано велено на Уфе городе, на посаде, и по слободам, в да в уездах да по дворцовым селам, учинить заказ крепкой и по торгам кликать бирючем по многие дни, чтоб приказные всякие и никакие русские служилые или жилецкие и всяких чинов люди и новокрещены и князья и мурзы и татаровья и вотяки и башкирцов и черемисов и мордвы и их жен и детей и поместных и вотчинных и ясачных и оброчных земель и бортных ухожьев никаких угодий в никакие долгов в закладные записи и в кабалы и в никакие крепости не писали и в заклад себе не имали ни которыми делами, а будет кто учнет каких всяких чинов людей в какие закладные записи или в кабалы и в иные какие крепости себе писать или их жен и детей и всякие земли и угодья в заклад имать и тем людям за то быть в великого государя наказании в смертной казни».[5] При этом, судебное дело, в котором был приведен данный указ, было решено воеводой с явным нарушением действующего законодательства. Дело в том, что положения указа 1637 г. были распространены на сделку, которая была заключена за 50 лет до вступления в силу данной правовой нормы. Суть претензий башкир

[1] РГАДА. Ф. 342. Оп.1. Д. 109. Л. 78.
[2] Веселовский С.Б. .Б. Феодальное землевладение Северо-восточной Руси. М.,-Л. АН СССР 1947. 496 с. Т. I. С. 211.
[3] Спицын А.Н. Указ. соч. С. 26.
[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 431. Л.2-7; Д. 433. Л.2-5.
[5] Там же. Д. 433. Л.3.

Елдяцкой волости заключалась в том, что они платят ясак с вотчины, которой незаконно владеют иланцы. Ответчики предъявили купчую, писанную татарским письмом в 997 г. (1588 г.), [1] согласно которой «башкирец Елдяцкой волости Чикил Епанчин сын продал вотчину свою Сармаш езы с бортными ухожи и звериными и с рыбными ловли и со всякими угодьи и Бозаку да Сеитгалею, а взал тритцет куниц да две епанчи». Истцы отстояли свои права на вотчину, сославшись на указ 1637 г., что и было подтверждено уфимским воеводой Ф.М. Милославским. Воевода проигнорировал положение 15 главы Соборного уложения «О вершенных делах», которая устанавливала правило, что старые дела заново не перерешаются, потому что закон обратной силы не имеет.[2] Лишь в качестве второстепенного по значению обстоятельства воеводой было принято в расчет то, что купчая «на Уфе в Съезжей избе и нигде не записана и той купчей верить нечему».

Указ о запрете приобретения башкирских вотчин вошел и в Соборное уложение. Уфимский воевода Ф.Я. Милославский создал правовой прецедент, который не мог основываться на норме указа 1637 г. Дело в том, что в его тексте, как и в статье 43 XVI главы Соборного уложения, в перечислении сословий, которым запрещалось приобретать вотчины инородцев, не указаны сами инородцы: «В городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у чюваши, и у черемисы, и у вотяков, и у башкирцов, бояром, и окольничим, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и из городов дворяном, и детем боярским, и всяких чинов русским людем, поместных и всяких земель не покупати и не меняти и в заклад и здачею и в наем на многия годы не имати».[3]

До решения Ф.Я. Милославского никаких препятствий в легализации приобретения башкирских вотчин башкиры не испытывали. К примеру, в марте 1638 г. башкиры той же Иланской волости продали часть своей вотчины по речкам Базы, Вареш и Калмыш черемисам за 50 рублей. Воевода П.Ф. Волконский эту продажу утвердил.[4]

Судебные тяжбы, отраженные в делах Уфимской приказной избы, подтверждают вывод о том, что правовой статус башкирских

---

[1] В деле при этом указано, что продажа вотчины произошла «лета их басурманские тому ныне будет 67 годов», т.е. отсчитывая от 1652 года 67 лет мы получим 1685, но не 1588 год.

[2] Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 177.

[3] Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Указ. соч. С. 188.

[4] РГАДА. Ф. 1324. Оп.1. Д. 2414. Л. 39.

вотчинных земель на протяжении XVII в. существенно дополнялся и уточнялся российским законодательством.

В процессе судебной практики вырабатывались алгоритмы решений, которые не отображались в общероссийском законодательстве, что увеличивало зазор между местным земельным правом и общерусским законодательством. В конечном счете, создалась ситуация, когда все основные указы, регулирующие башкирское землевладение, хранились только в Приказе Казанского дворца и Уфимской приказной избе. Именно по этой причине башкиры подлежали судебной ответственности по вопросам землевладения только в Москве и Уфе. В расследовании Сената 1741 г. было отмечено, что «о содержании башкирцев в Уфе имеются указы особые, а в тех местах не имеется оных, поступая с ними равномерно как с прочими русскими людьми, от чего им может происходить не без отягощения».[1]

В 1678 г. началось судебное дело о спорной земле между башкирами Енейской волости.[2] Фактически это разбирательство было первым, отмеченным в источниках процессом, когда земельные отношения выясняли башкиры одной волости, имевшие равные права на одни и те же вотчинные земли. К тому же, впервые объектом спора башкир-вотчинников выступали пашенные земли. Воевода В.Я. Хитрово, не найдя прецедентов в прежней судебной практике, указал уфимскому толмачу Михаилу Сокурову собрать с башкир сказки с объяснением, как поступали башкиры прежде в подобных случаях. В итоге выяснилось, что «…ясачные башкирцы, которые в Уфимском уезде в вотчинах своих живут пашенные земли и вотчины делят по ясаком, которые де ясаку больше платят де землей и вотчиной больше владеют».[3] Однако это объяснение нисколько не помогло воеводе найти решение, поскольку истцы и ответчики заявили, что «мы холопи твои ясак платим с лесу и вод, а не с земли, и наша пашенная земля с ними делить не довелось, потому что у нас земля особая расчистаная». В конечном счете, В.Я. Хитрово прибегнул к правовой аналогии, применив к данному случаю нормы, регулирующие дворянское землевладение в соответствии с главой Соборного уложения о «Поместных землях». К делу была приложена выписка из уложения: «…у которых дворян и детей боярских два или три сына, и те дворяне поместье свое справили за меньшими своими детьми, а больших своих детей написали в отводе, и тех детей, которых они написали в отводе учнут бити челом на меньшую свою братию, чтобы государь пожаловал,

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д.138. Л. 672.
[2] Там же. Ф. 1173. Оп.1. Д. 111. Л. 2-9.
[3] Там же. Л. 5.

велел им то отца их поместье дать всем и разделить жилое и пустое по четвертям для того, что за ними поместье малы и новые и тем челобитчикам отцово поместье смешав с их новым дачей разделить всем братьям поровну, чтобы никто ни от кого изобижен не был».[1] Воеводу нисколько не смущало то обстоятельство, что 34-я статья XVI главы Соборного уложения регулирует отношения собственности между родными братьями, а не всеми представителями волости. Но правовой прецедент был создан, и в случае конфликта между сородичами по вопросу о пахотных угодьях всегда можно было сослаться на данный случай.

В 1696 г. начался судебный процесс между тарханами и ясачными башкирами Юрматинской волости из-за вотчинных угодий по реке Ашкадар.[2] Тарханы и мурзы юрматинцев в ходе судебном процесса доказывали свой приоритет перед ясачными сородичами в пользовании волостными угодьями. В этой ситуации уфимский воевода И.К. Пушкин так же был вынужден обратиться к наиболее авторитетным тарханам Уфимской провинции. Тарханы Ногайской дороги Кипчакской волости Ишмухамет Девлетбаев и Бурзянской волости Якшимбет Янтикеев в своей сказке указали на то, что «служат-де они великому государю тарханскую службу с своею братьею тарханы, а вотчины-де у них с ясашными башкирцы с родственники их, и с тех-де вотчин родственники их платят ясак а они-де с тех вотчин служат службы и всякие посылки».[3] Таким образом, сами тарханы признали, что в Уфимском уезде они не владеют особыми вотчинами отдельно от сородичей.

§ 4. Ясачная реформа начала 30-х гг. XVII в. и учреждение дорог в Уфимском уезде

В трансформации вотчинного права башкирского населения XVI–XVIII вв. можно выделить несколько важных этапов, которые существенно повлияли на последующее развитие этого института. Наименее изученным в литературе является проблема учреждения в Уфимском уезде дорог. Это мероприятие российских властей оказало непосредственное воздействие на ясачные повинности башкир, которые являлись неотъемлемым атрибутом их земельных прав.

Как этимология слова «дорога», так и историография изучения проблемы учреждения дорог в Уфимском уезде обстоятельно изложены

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 111. Л. 8.
[2] Там же.. Д. 1269. Л. 2- 18.
[3] Там же. Л. 6.

в монографии А.З. Асфандиярова «Башкирия после вхождения в состав России».[1] Поэтому нет нужды пересказывать все положения автора, учитывая, к тому же, что это замечательное по уровню научной эрудиции исследование констатирует очень незначительные расхождения во мнениях историков. От себя лишь добавим, что слово «дорога» в качестве пути сообщения и передвижения людей встречается в самых ранних письменных источниках по истории Уфы. Так, в «Отводной книге по Уфе» отмечено, что в 1597 г. служилому новокрещену Рудаку Федорову отведена земля «на Великом поле по Сибирской дороге». Однако речь в данном случае идет не об административно-территориальном делении Уфимского уезда, а о тракте, ведущем в Зауралье. Это становится ясным благодаря уточнению той же «Отводной книги». Границы поместной дачи Рудака Федорова отмечены так: «…на праве дороги межи Асанчюка да Ивана Каловских пашни».[2] Эта дорога начиналась от проезжей Сибирской башни Уфимской крепости».[3]

Принципиальное несогласие с устоявшимся в литературе толкованием термина «дорога» имеет место только в работе Ф.А.Шакуровой «Кочевое наследие в истории и культуре Башкортостана».[4] Исследователь выразила сомнение и в отношении вопроса о времени появления дорог в Уфимском уезде. Во-первых, Ф.А.Шакурова считает, что «даруга» не совпадает с привычным понятием административно-территориальная единица, обозначая, скорее, «население, входившее в данную единицу», нежели конкретную территорию. Кроме того, Ф.А.Шакурова отмечает факт подвижности границ дорог. Она утверждает, что переселение волости в другую местность не меняло принадлежности её к той или иной дороге. Однако внутри этого суждения содержится логическое противоречие. Дело в том, что факт переселения башкир одной волости с одной дороги на другую не изменял отношение самой территории к той или иной дороге. К примеру, табынцы Сибирской дороги, перебравшись на земли минцев Ногайской дороги, не перенесли тем самым границу Сибирской дороги в центральную часть Уфимского уезда. Во-вторых, Шакурова относит учреждение дорог к 30-м гг. XVII в. В данном случае автор ссылается на свидетельство старшины Кидряса Муллакаева, которое, в свою очередь,

[1] Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России. (Вторая половина XVI — первая половина XIX в.). Уфа, Китап, 2006. С. 97-101.

[2] Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92-1629)». Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 251.

[3] История Уфы. Краткий очерк. Уфа,1976. С.32.

[4] Шакурова Ф.А. Кочевое наследие в истории и культуре Башкортостана. Уфа, МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. С. 124-126.

ввел в научный оборот П.И. Рычков.[1] Башкирский старшина связал учреждение дорог с победой объединенных сил уфимских служилых людей и башкир сибирских над войсками царевичей Аблая и Тевкеля, которая имела место в 1635 г. А.З. Асфандияров, полемизируя с этим утверждением, аргументирует свою позицию ссылкой на «шежере четырех родов». Кроме того, он приводит данными одного документа фонда Уфимской приказной избы, которые, по его мнению, ясно указывают на древность деления Башкортостана на дороги.[2]

О корректности использования информации шежере для датировки конкретных событий говорилось в исторической науке немало. Однако даже наименее скептически настроенные к башкирским родословным исследователи предлагают «за историческими справками и датировкой событий обращаться к документам других жанров».[3] Второй аргумент А.З. Асфандяирова, отсылающий читателя к грамоте из фонда Уфимской приказной избы, требует более внимательного анализа. Ввиду необходимости следует привести содержание документа в возможно более полной форме. В 1645 г. подали челобитную «Ногайской дороги Кипчакской волости башкиры Якшиметка да Уразайка Атиевы дети» о том, что их дядя «тое же Кипчакской волости дуван Килей Ижсарин написан в Кипчакской волости в дуваны, а государеву ясаку он Килей не платит для ясачного сбору в дуванех, а он Килей Ижсарин Кучуков тое же волости с 7130 годех был в дуванах же, а государеву ясаку он не бывал же, а отец его Килеев Ижсарин Кучюков в той же волости в дуванах же, а в государеве ясаке он не бывал. А братья Якшиметков да Уразайков тархан Курас Чеголаев поставлен в тарханы в 7133 году, а дядя ж был им по родству того не написано».[4] Далее в источнике указывается ясачный оклад, положенный на челобитчиках. Нигде в данном деле не отмечено, что дядя или отец просителей были дуванами именно Ногайской дороги. Разумеется, что на момент подачи челобитной (1645 г.) дороги в Уфимском уезде уже существовали.

А.-З. Валиди утверждал, что дороги в Башкирии возникают в ногайский период. Но при этом, он никогда не употреблял слова «даруга», предпочитая пользоваться прямым переводом на башкирский язык русского слова «дорога» «юл».[5]

---

[1] Шакурова Ф.А. Кочевое наследие в истории и культуре Башкортостана С. 126.
[2] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 381.
[3] Булгаков Р.М., Надергулов М.Х. Башкирские родословные. Выпуск первый. Уфа, Китап, 2002. С. 411.
[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 381. Л.3-4.
[5] Zeki Velidi Togan. Başkurtların Tarihi. TÜRKSOY Yayınla-rı. Ankara, 2003/ S.36.

На сегодняшний момент нами исследовано 1178 из 1472 дел Уфимской приказной избы, 376 книг Печатного приказа, десятки дел Посольского приказа и копии с делопроизводственных актов из фонда Спорных дел Генерального межевания. С особым вниманием мы изучили документы XVII в., опубликованные в Материалах по истории Башкирской АССР, сборнике «Акты исторические», приложениях к «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Всего выявлено 185 источников различного вида, содержащих адресную локализацию территории Уфимского уезда, однако ни в одном из них до 1631 г. не упоминается ни одна из четырех дорог в качестве территориальной единицы. В данном случае мы сталкиваемся с классическим примером аргумента умолчания (argumentum e silentio). Впрочем, этот прием доказательства применим только в том случае, если удастся выявить факт, что автор источника не упомянул то, что обязан был упомянуть.[1]

В каких видах письменных источников первой трети XVII в. составители не могли проигнорировать указания на дорогу, не нанося тем самым ущерба для адресной локализации описываемого пространственного объекта? Согласно методике изучения делопроизводственных источников в каждом документе, имеющем юридическое значение, были строго регламентированы составные части (клаузулы), последовательность их расположения и даже формулировки.[2] Еще А.С. Лаппо-Данилевский указал на то, что изменение сочетания клаузул в документе не имеет случайного характера, но строго обусловлено историческим процессом.[3] Из всего видового многообразия приказного делопроизводства XVII в. наказные памяти уфимским служилым людям имеют наиболее устойчивый формуляр. Сохранилось значительное количество этих документов, что было обусловлено частыми посылками служилых людей в Уфимский уезд по самым различным поводам. По нашим подсчетам, в XVII в. в среднем за время службы каждый уфимец от 10 до 30 раз отправлялся в башкирские волости как для ясачного сбора, обыска (опроса жителей), земельного дозора (удостоверения границ владений) и т.д. На сегодняшний момент известно более 230 подобных наказов. Диспозитивная часть формуляров всех подобных инструкций содержала типичную клаузулу «…ехать ему в Уфинский уезд …а приехав в тое волости…». До 1631 г. указания на дорогу отсутствуют во всех известных наказных памятях. Например, «Лета 7135 г. августа 8 по

[1] Historical evidence and argument by David P. Henige, 2005. P. 176.
[2] Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976. С. 341.
[3] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 225-273.

государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу и по приказу воеводы Ивана Ивановича Чичерина память приставу Елизарку Борисову ехать ему в Уфинский уезд в Таныпскую волость для того, что били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу вся Руси Таныпские волости башкирцы Акпердейко Чичканов да Бекбайко Янбахтин искали по государевой грамоте по челобитной тое же волости башкирца на Янсуба Яныбекове с товарищи…».[1] В формуляре челобитных башкир до 1631 г. так же отсутствует указание на дорогу. Наиболее показательной в этом отношении является просьба Тогая Белякова от 1620 г. В своей челобитной он называет себя «казанским чувашенином Зюрейской дороги деревни Берсю», однако указывает на то, что «…в Уфинском уезде в Юрминской волости вотчина моя от дедов и прадедов потому, что я, государь, башкирец и с той вотчины плачу ясак на Уфе с юрминскими башкирцами».[2] В данном случае отсутствие упоминания дороги не может быть объяснено сокращением или небрежностью составителя челобитной, ведь просителю было важно дать наиболее точное расположение своей вотчины, из-за которой он и обратился в Приказ Казанского дворца.

Первым известным документом, в котором упоминаются дороги, является память, данная башкиру Уфимского уезда Ногайской дороги Кипчакской волости Качанаю Кырпычакову о снятии с него ясачного оклада.[3] Очень важен адресат документа. Качанай бил челом не уфимскому воеводе Ивану Желябужскому, а «…на съезжем дворе Савве Тимофеевичу Аристову да Богдану Юрьеву». Во всех известных грамотах о пожаловании княжества и тарханства фигурируют исключительно уфимские воеводы. Однако в данном случае просителю было важно добиться не факта пожалования в привилегированный служилый список (он уже в нем состоял), а официального снятия с себя ясака. В результате Аристов распорядился «в ясак его не писать, скрепив память своей печатью». 15 декабря 1631 г. Аристову подал челобитную князь Бурзянской волости Янгирей Янмагулов. Он добился внесения своего имени в уфимские тарханские книги.[4]

Деятельность в Уфимском уезде С.Т. Аристова и подьячего Б. Юрьева хорошо изучена в исторической литературе.[5] Этот казанский

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 303. Л. 2.
[2] Там же. Д. 298. Л. 7.
[3] Асфандияров А. З. Башкирские тарханы… С. 151.
[4] Вельяминов-Зернов В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями…Т. 4. Кн. 2. С. 47.
[5] Фаткуллин И.З. Ясачное население в истории Башкирии//Ватандаш, 2012. № 2. С. 27-38.

дворянин еще до командировки в Башкирию приобрел среди местного нерусского населения репутацию жесткого и корыстного податного сборщика. В начале 1615 г. он собирал налоги с населения Казанского уезда. Именно это обстоятельство стало одной из главных причин восстания нерусского населения уезда. В конце 1615 г. московские власти послали в Казань князя Ромодановского и Кузьму Минина для розыска о причинах недовольства населения. Минин собрал жалобы казанцев и установил, что местный чиновник Сава Аристов отягощал население чрезмерными штрафами – «продажами» и налогами. Минин велел подвергнуть Аристова пытке, невзирая на его дворянское происхождение.[1] По-видимому, система сбора ясака по дорогам, хорошо известная Аристову по Казанскому уезду, была перенесена им на Уфимский уезд.

Аристов прибыл в Башкирию в июне 1631 г. В его задачу входило включение в ясачный оклад башкир-вотчинников, а также учет башкирских князей и тарханов. Кроме того, впервые в Уфимском уезде переписали и пришлое нерусское население – «прихожих гулящих людей черемису и чувашу», с последующим обложением их сбором по 1 рублю со двора. По своим масштабам значение миссии Аристова превосходит итоги добровольного вхождения башкир в состав России в середине XVI в. Если считать ясачный оклад главным маркером подданства, то Аристову удалось увеличить число российских башкир более чем в 2,5 раза. По разрядным спискам 1629 г. числилось 888 ясачных дворов башкир, в 1635 г. их было уже 2217. [2]

Обстоятельства и последствия переписи С.Т. Аристова очень слабо освещены в литературе. Во-первых, деятельность этого казанского дворянина совпала с наиболее массированными военными действиями калмыков и сибирских царевичей на территории Башкирии. Это означало, что с разоренных волостей юга и востока Уфимского уезда российские власти потребовали увеличения ясачных платежей. В конце 1634 г. башкиры всех дорог заявили дворянам, посланным за ясаком в волости: «…твоево государева ясаку добыть стало негде; а где они, башкирцы, преж сего твой государев ясак добывали, и ныне-де в тех вотчинах кочуют колмацкие люди». В отношении новых окладов Аристова башкиры также выразили свое мнение: «А по окладу, государь, и по книгам Савы Аристова да подьячего Богдана Юрьева в твоем государеве ясаке башкирцы им, детем боярским, отказывают: им-

[1] Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский: хроника Смутного времени. М., 2007. С. 126.

[2] Дмитриев А.И. К истории Зауральской торговли. Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. VIII. С. 98.

де и по старому окладу твоево государева ясаку добыть стало негде, не токмо что по Савиным книгам Аристова».[1]

Изучив переписку сибирских султанов с правителями Средней Азии, А.-З. Валиди установил, что с 1630 г. в Уфимском уезде, в местности под названием Кашкарагай, и в Западном Башкурдистане, вблизи от Стерлитамака вокруг горы Туратау находилась ставка сибирского султана Аблая.[2] Ему всемерную военную поддержку оказывал тайша Хоурлюк. В начале 1633 г. российские власти организовали самую значительную по числу привлеченных войск акцию против калмыков, когда уфимский гарнизон под командованием головы И. Черникова-Онучина в составе 1380 служилых людей совершил рейд на юг, на реку Яик.[3] В литературе события первой половины 30-х гг. обычно освещаются в русле противостояния российских властей с калмыками, к которым примкнули потомки Кучума. Башкирам же в этом противоборстве выпадает роль пассивного объекта. Эта точка зрения была выражена еще в работах В.А. Новикова и В.Н. Витевского.[4] С иных позиций рассмотрел эти события А.-З. Валиди. Он, в частности, отметил, что только с начала 30-х гг. XVII в. российское правительство ставит перед собой цель подчинения башкир центральных и восточных областей Башкирии. Уфимские власти осуществили массовое «насильственное» переселение таких башкирских родов, как Кушчи, Бала-Катай, Салжавут, Каратабын и Ай Сибирской дороги, из восточной стороны Урала на западную.[5] Действительно, в наказе от 20 июня 1635 г. командующему уфимскими войсками Ф.И. Каловскому, посланному с войсками по Сибирской дороге, было прямо указано: «…выслать башкир по сю сторону Урала».[6]

О сопротивлении башкир в начале 30-х гг. XVII в. мероприятиям властей сохранилось крайне мало известий. Причина во многом объясняется утратой архива Приказа Казанского дворца. Но даже по тем фрагментам, которые дошли до нас в немногочисленных источниках, вполне вырисовывается картина башкирского восстания, охватившего северо-восточную часть Уфимского уезда. Первые признаки массового протеста башкир проявились уже в 1734 г. 19

[1] История башкирского народа. Сборник документов (1574-1798 гг.). Уфа, Гилем, 2012. С. 38.
[2] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 46.
[3] Миллер Г. История Сибири. М.-Л., 1937. Т. 2. С. 402.
[4] Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1903. С. 55.; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1889-1892. Вып.1. С. 127.
[5] Валиди А.-З. Указ. Соч. С. 46.
[6] Новиков В.А. Указ. Соч. С. 264.

декабря башкиры Шемшадинской, Енейской, Иланской, Гирейской волостей заявили ясачным сборщикам, что «…по окладу-де Савы Аристова да подьячего Богдана Юрьева государева ясаку платить не хотят, отказывают».[1] К началу 1636 г. все башкирские волости Уфимского уезда оповестили уфимского воеводу о своем нежелании платить ясак по новым окладам С. Аристова.[2] По сообщению воеводы Н. Вельяминова, башкиры, скрываясь от сборщиков, «…в юртах своих жен и детей пометали, а сами-де бродят по лесу на лыжах». Фактически воевода недвусмысленно предупредил Приказ Казанского дворца о возможности массового отказа от подданства башкир. Тем самым, он снимал с себя ответственность за последствия действий сборщиков ясака и «пятиной деньги»: «…видя такие многие налоги и правеж, государь, Уфинского уезду башкирцы от твоей царьской милости отступят, и нам б, государь, холопем твоим, от тебя государя, в том опале не быть».[3] В конце своей отписки Вельяминов сообщил о сокрытии прежним воеводой факта перехода части башкир на сторону сибирских султанов: «А в прошлом, государь, во 142-м году при воеводе при Антоне Загоскине да при подьячем Максиме Козлове Уфинского уезду башкирцов откочевала к сибирскому царевичю к Аблаю пятьдесят деветь дворов да четыре двора в Сибирь отъехали. И о том воевода Онтон Загоскин да подьячей Максим Козлов к тебе, ко государю, не писали». Интересно, что в исторической литературе Антон Загоскин вообще не упоминается в качестве уфимского воеводы.[4] Напомним, что ставка Аблая в этот период находилась близ горы Туратау, откуда было организовано нападение на дворцовых крестьян, основавших новую Дуванейскую волость.[5] А в 1635 г. Аблай вместе с братом Тюке (Тевкелем) организовал нападение на Уфу. После неудачи под Уфой военные действия продолжились в Зауралье. Здесь башкиры, окончательно разочаровавшись в сибирских царевичах и калмыках, действовали самостоятельно. В мае 1636 г. в грамоте из Приказа Казанского дворца тюменскому воеводе И.Львову сообщается, что «изменники тарские и уфимские татары приходят под Тюмень и под

[1] История башкирского народа. Сборник документов (1574-1798 гг.). Уфа, Гилем, 2012. С.37.
[2] Там же. С. 38.
[3] Там же. С. 38.
[4] Муратова В.Н. Воеводский аппарат управления в Башкирии в XVII в.// Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале в XVII-XX вв. Межвузовский научный сборник. Уфа, Башкирский университет, 1992. С. 48.
[5] Валиди А.-З. Указ. Соч. С. 47.

Тару на наши слободы войной».[1] Отписка тобольского воеводы М.Темкина-Ростовского от 1647 г. тарским воеводам Ф. Барятинскому и Г. Кафтыреву также свидетельствует об участии башкир в военных действиях против сибирских городов: «В 141 году государевы изменники тарские и уфимские татаровя приходили в Тюменский уезд и громили Алыбаевы юрты…и ходили воевать в Уфимский уезд не по одно время».[2] В своей книге «Турция и Поволжье» турецкий историк Акдес Нимет Кюратт использовал сведения рукописи, хранящейся в Дрезденской библиотеке. Автором этой рукописи является Рахман Колой, который в 1635 г. направил письмо крымскому муфтию. В ней «бии и карттар» Урало-поволжья просились в подданство к крымскому хану: «Один есть народ. …Башкиры-иштяки - 10 тысяч домов. В этом же порядке и будут платить подать… Они также в таком же порядке деньги, мед, соболь, белки и будут платить ясак за землю. Мари, чувашы, иштяк-башкиры, удмурты - все при конях и оружии».[3] Даже спустя четверть века в улусах калмыцких тайшей оставались башкиры, бежавшие из Уфимского уезда после событий середины 30-х гг. XVII в. В 1661 г. к тайше Дайчину для переговоров о вступлении в войну против Крыма был послан дьяк Посольского приказа И.С. Горохов. В улусе тайши Мончака он встретился с башкирами, которые, по их словам, бежали, «не стерпев налогов от ясачного сбора».[4] На призыв российского дипломата «обратиться к великому государю» башкиры ответили, что «обратиться страшно, бежали мы, пограбив государевых людей, а иных и побив до смерти». Таким образом, необходимость учреждения дорог в 1631 г. была вызвана кардинальным увеличением числа ясачных башкир и значительным ростом промыслового ясачного оклада, что стало одной из причин башкирского восстания 1633–1635 гг. Наиболее существенное увеличение промыслового ясачного оклада имело место в центральной и восточной части Башкирии. У одной Кипчакской волости величина «бобрового оклада», который платился с промысловых угодий, превысила волостной ясак в 15 раз.[5] Лишь после разгрома и пленения султанов Аблая и Тевкеля в 1635 г. уфимская администрация подавила открытое сопротивление башкир. По утверждению А.-З. Валиди, это событие оказало сильнейшее удручающее духовное воздействие на сознание табынских, минских и юрматынских башкир, боровшихся против русских.[6]

---

[1] Миллер Г. История Сибири. М.-Л., 1937. Т. 2. С. 435.
[2] Там же. С. 447.
[3] Салихов А.Г. Онготолган тарих битгаре. Эфе, Гилем, 2003. С. 63-64.
[4] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Т. 12. С. 221.
[5] Фаткуллин И.З. Указ. соч. С. 31.
[6] Валиди А.-З. Указ.соч. С. 47.

События 30–40-х гг. XVII в., по мнению А.-З. Валиди, коренным образом изменили ситуацию в Башкирии. В такое сложное время самый важный в Западном Башкурдистане Юрматинский улус в 1649 г. признал владычество русских. Их предводитель Татигес мурза и беи Азнай, Ильчектимер и Кармыш от имени принадлежащих этому улусу 300 дворов приняли русское подданство.[1] Историк сделал подобное заключение на основании грамоты 1649 г., опубликованной В.А. Новиковым.[2] Ш.Н. Исянгулов поддержал точку зрения А.-З. Валиди, подкрепив её генеалогическими исследованиями.[3] При этом, Ш.Н. Исянгулов считает, что существуют достаточные основания для сомнений и в отношении других башкирских родов: «По нашему мнению, не только Татигас, но и все другие вожди родов и племен, известных из шежере, как инициаторы вхождения в состав Русского государства (Канзафар, Шагали Шакман, Бикбау, Иски, Каракужак и другие), жили именно в первой половине XVII в., а не в середине XVI в». [4]

А.З. Асфандиярову удалось обнаружить оригинал документа, который в конце XIX в. включил в свой сборник В.А. Новиков. Стало ясно, что В.А. Новиков пренебрег некоторыми, как ему показалось, излишними подробностями формуляра грамоты. В частности, А.З. Асфандияров обратил внимание на то, что в конце грамоты есть запись: «Оному Татиткачу мурзе и старосте Аднаю впредь для ведома грамота дана лета 7117 года августа 21 дня».[5] На этом основании А.З. Асфандияров отмечает, что у юрматинцев уже была более ранняя грамота от 21 августа 7117 (1609) г., которая подтверждала их права на землю.[6] И.Н. Габдуллин на основании генеалогических изысканий также делает вывод о том, что мурза Тятигач Мурнаков был пожалован земельными владениями по Ногайской дороге Уфимского уезда в 1609 г.[7] А.З. Асфандияров установил, что потомки Татигаса в 1828 г. в числе 28 человек претендовали на звание мурзы, представили в Оренбургскую палату уголовного суда копии с упомянутой грамоты и родословную

[1] Валиди А.-З. Указ.соч. С. 48.

[2] Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, Печатня Н. Блохина. 1879. 269 с. С. 204.

[3] Исянгулов Ш.Н. Генеалогия бия Татигаса и проблема вхождения башкир в состав Русского государства // Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. Вып. V. С. 181.

[4] Там же. С. 182.

[5] Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.). Уфа, Китап, 2006. 504 с. С. 49.

[6] Там же. С. 50.

[7] Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству… С. 187.

башкир-потомков, где утверждалось, что Татигас получил звание мурзы в 7117 г.[1] Ф.А. Шакурова относит данное противоречие в датировке грамоты к разряду недоразумений, вызванных незнанием делопроизводственной практики «справления» грамот, когда в переписанном (справленном) документе могли быть запечатлены реалии, относящиеся к разным эпохам. [2] Следует признать, что мурза юрматинцев Татигас Мурнаков жил не в середине XVII в., но и не в середине XVI столетия, как это утверждает шежере. В данном случае, как это не банально звучит, истина находится посередине.

Писцова книга Казанского уезда 1602–1603 г. фиксирует поместье служилого князя «Тятигеча Муралеева», который входил в число самых крупных помещиков уезда из служилых князей. Ему принадлежала пустошь Шатки Ногайской дороги. Всего за ним числилось 167 четвертей пашни в поле, а в дву по тому ж, сена — меж поль и по заполью и по речке Нысе— 1500 копен; лесу дубровы пашенные — 370 десятины.[3] Первую свою земельную дачу он оформил в Казанском уезде еще в 1591 г.

Интересен сам факт титулования служилым князем выходца из Башкирии. А.А. Зимин утверждает, что звание «служилый князь» выходит из употребления в самом конце XVI в.[4] Писцовая книга по Казанскому уезду начала XVI в. фиксирует 4 служилых князей. А.А. Зимин отмечает, что прослойка служилых князей образовалась в результате присоединения к Русскому государству западнорусских земель. Она занимала как бы промежуточное положение между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, потерявшими к концу XV — началу XVI в. суверенные права на старые княжения. Однако О.А. Шватченко отмечает, что в XVI в. к числу служилых князей относилась значительная по численности группа татарских служилых царевичей и князей городов Мещеры.[5] Основное отличие «удела» от княжения служилых князей сводилось к тому, что это княжение рассматривалось как наследственная вотчина (перешедшая от

[1] Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России… С. 50.

[2] Шакурова Ф.А. Правовой статус башкирских земель в XVIII-первой половине XIX в. [Электронный ресурс]— Электрон. дан. Режим доступа: http://www.central-eurasia.com/index/articles/?uid=1962. Загл. с экрана. — Яз. рус

[3] Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 г. Казань, издательство Казанского университета, 1978. 240 с. С. 42.

[4] Зимин А.А. Служилые князья в Русском государстве в конце XV-первой трети XVI в.//Дворянство и крепостной строй в России XVI-XVIII в. М., Наука, 1975. 342 с. С. 56.

[5] Шватченко О.А. Вотчинное землевладение в России в конце XVI в. М., ИРИ РАН, 2008. 190 с. С. 26.

предков «слуги» или пожалованная ему великим князем). Вотчинное владение служилого князя обусловливалось несением военной службы московскому государю. Таким образом, наличие звания служилого князя у Татигаса вполне логично, если исходить из того, что он сохранил свои права на родовую вотчину в Уфимском уезде.

В пользу того, что упомянутые в грамоте события имели место в 1609, а не в 1649 г., косвенно свидетельствует и челобитная внука Татигаса Мурнакова – Кинзи Москова. 1 марта 1698 г. он просил выдать ему владенную грамоту на вотчину по реке Ашкадар, на которую, в свою очередь, была выдана оберегательная грамота его отцу – Москову Татигисову (Тайдигашеву) в 1649 г.[1] В челобитной особо подчеркнуто «за многие его службы». Возникает вопрос, зачем понадобилось выдавать оберегательную грамоту сыну Татигаса на вотчину, на которую год назад была получена грамота его отцом. Кроме того, если юрматинцы только в 1649 г. приняли подданство России, каким образом Москову Татигисову к 2 февраля 1649 г. удалось выслужить «многие службы»?

1609 г., как время принятия подданства юрматинцами, выглядит предпочтительнее еще по одному обстоятельству. Уход ногаев из центральной Башкирии произошел еще в Смутное время. В 1643 г. башкиры Ногайской дороги известили воеводу М.М. Бутурлина о том, что еще до воцарения Михаила Федоровича, т.е. до 1613 г., ногаи покинули свои кочевья в Башкирии, «потому что их ногайских людей в Смутное время погромили калмацкие люди на Самаре реке и на Току и кочевьями их завладели».[2] По-видимому, бегство ногаев из Башкирии и угроза со стороны калмыков создали почву для принятия российского подданства юрматинцами.

Ошибка старшины Кидряся Муллакаева, отнесшего учреждение дорог к 1635 г., вполне объяснима с точки зрения избирательного характера народной памяти. В ней едва ли отпечатались такие события, как время составления новых ясачных книг или точная дата увеличения податей, однако разгром и пленение сибирских царевичей забыть трудно даже спустя 100 лет. К тому же, новые оклады ясака не могли вступить в силу до завершения военных действий в крае. Кроме того, самые ранние источники, содержащие сведения о 2217 дворах, датируется только 1635, а не 1631/32 г.[3]

---

[1] РГАДА. Ф. 1324. Оп.1. Д. 3001. Л. 189.

[2] История башкирского народа. Сборник документов (1574-1798 гг.). Уфа, Гилем, 2012. С. 34.

[3] Новиков В.А. Очерки колонизации башкирского края. //Историческая библиотека. СПб.,1878. № 12. С.57.

Обстоятельства и время учреждения дорог в Уфимском уезде указывают на их назначение. Татарский историк Р.Г. Галлямов показал очевидные противоречия в концепции Д.М. Исхакова о связи четырех дорог Казанского ханства с четырьмя правящими кланами – даругами, представляющими собой некие правящие роды в государстве.[1] На основании анализа писцовых книг Казанского уезда Р.Г. Галлямов делает вывод о том, что дороги представляли собой податные округа, которые формировались по направлениям основных сухопутных трактов (дорог) ханства.[2] Таким образом, основная функция дорог заключалась в том, чтобы обеспечивать правильность ясачного сбора. Для местной администрации непривычность нового деления Уфимского уезда выражалась в ошибочной адресации, допускавшейся в официальных документах. Когда в 1634 г. по всем дорогам уезда были посланы сборщики «пятиной деньги», то в наказах сборщикам, наряду с Казанской, Сибирской и Ногайской, фигурировала «Гайнинская дорога».[3]

По утверждению Р.Г. Галлямова, податная «даружная» система административно-территориального деления являлась следствием унитарной формы государственного устройства, характерной для восточных монархий, в том числе и Казанского ханства. Попытаемся спроецировать это положение на структуру управления Башкирским наместничеством Ногайской Орды. В.В. Трепавлов полагает, что разделение Башкирии на дороги произошло уже после ухода ногаев, сразу после основания Уфы. Весьма важным является его замечание относительно совпадения будущих дорог с фактическим существовавшим в ногайский период районированием территории Башкирии.[4] Однако Ногайская Орда, как это убедительно показал сам Трепавлов, не являлась «унитарным государством», и дорог в ней не могло быть. Мангыты реанимировали государственную структуру, предшествующую управленческой модели империи Чингисхана. Крыльевая система древних тюрков и монголов никак не укладывалась в рамки унитарной административной вертикали монголов. В.В. Трепавлов сделал весьма интересное предположение, что границы будущих дорог очень точно совпадают с ногайскими методами управления Башкирией: «Ногайская даруга совпадала с регионом кочевых передвижений ногаев, а Казанская и Сибирская даруги – с

[1] Галямов Р.Г. Ясачные сотни XVI - XVIII вв. как реликт эпохи Казанского ханства// Вопросы истории. 2011. № 10. С. 104.
[2] Галямов Р.Г. Указ.соч. С. 100.
[3] История башкирского народа. Сборник документов (1574-1798 гг.). Уфа, Гилем, 2012. С. 34.
[4] Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии… С. 6.

областью расселения башкирских племен, подвластных Ногайской Орде».[1] Однако трудно согласится с предположением Трепавлова о том, что будущее деление на дороги имеет какое-либо отношение к этническому делению башкир на тех, кто кочевал с ногаями (собственно башкиры), и тех, кто проживал на севере, востоке и западе (иштяками). И тем более, нельзя согласиться с утверждением Д.М. Исхакова, настаивающего на том, что это разделение является результатом разной степени кипчакизированности башкир.[2] Дело в том, что российская администрация, учреждавшая дороги в Башкирии, менее всего учитывала степень и уровень «кипчакизированности» ясачного населения. В расчет брались уже существовавшие традиционные виды и оклады ясачного сбора, из которых исходили при формировании собственной податной политики. Действительно, источники свидетельствуют о многообразии как единиц ясачного обложения, так и величины ясачных окладов башкир. К примеру, ногаи, подвластные нураддину, кочевавшие фактически по территории Казанского ханства, были вынуждены мириться с тем, что с их подданных собирали ясак и казанские сборщики.[3] Система двоедданнства башкир существовала и в Зауралье в период могущества сибирских шибанидов. В 1620 г. башкир Гирейской волости Чюрювчей Терегулов с «товарищи» наряду с 13 батманами казанского ясака платил в казну 52 батмана «сибирского царя ясаку».[4] Существенное различие существовало и в единицах ясачного обложения. Если в Казанском ханстве ясак представлял собой, в основном, поземельный налог[5], то в Сибири, по словам С.В. Бахрушина, ясак не имел ничего общего с казанским.[6] Кроме того, по окладу 1631 г. мы видим, что 6188 ответственных плательщиков должны были вносить различное количество куниц – от 10 до 350. Таким образом, они представляли разные по количеству людей группы. По Ногайской и Сибирской дорогам ясак вносился, в основном, крупными родовыми коллективами или даже объединениями родов. Здесь и в 30-е гг. XVIII в. действовали принципы ясачного обложения, утвержденные Ногайской Ордой. В 1734 г. мулла Тохчура Алмяков отметил, что с захваченной сакмарскими казаками вотчинной земли они всей волостью платят ясак

[1] Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии…Указ. соч. С. 7.

[2] Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. //К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 46.

[3] Трепавлов В.В. История Ногайской орды… С. 471.

[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 430 . Л. 20.

[5] Димитриев В.Д. О ясачном обложении в среднем Поволжье// Вопросы истории, 1956. № 12. С. 24.

[6] Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в// Научные труды. М., 1955. Т. III. С. 51.

«6 бобров, 30 книц, да с каждой души по лисице на год, тако же прибавляя от отца, для того на каждой день по сту младенцев родится вашего императорского величества сто лисиц прибавок».[1]

Напротив, в земледельческих районах севера и запада ясак вносили отдельные семьи, которые платили в казну по 5 – 10 куниц. Интересно, что различие в единицах обложения наблюдается и по дорогам Казанского уезда. По словам В.Д. Дмитриева, установленные в конце XVI в. земельные нормы, приходящиеся на один ясак, колебались от 4,5 до 9 десятин пашни. Но по Ногайской дороге Казанского уезда на один ясак приходилось от 15 до 20 десятин пашни.[2]

Следует особо отметить, что разделение волостей на дороги распространялось только на башкир. Существовавшие в XVIII в. такие дворцовые русские волости, как Каракулинская или Дуванейская, а также Надыровская, к дорогам не имели никакого отношения.

Главным принципом, предопределившем разделение Уфимского уезда на дороги, было различие в характере и объеме податного обложения. Это несовпадение связано с тем, что российские власти учитывали традиции ясачного сбора прежних властителей Башкирии.

§ 5. Земельное законодательство Российского государства и вотчинное право башкир

В объяснении происхождения феномена вотчинного права башкир давно и прочно утвердилась концепция, согласно которой, башкирские роды, приняв российское подданство, получили от царского правительства жалованные грамоты, которые инициировали формирование указанного института. Кажущаяся ясность данной схемы вынуждала историков концентрировать все усилия на поисках публично-правовых актов, вместо того чтобы обратиться к изучению вотчинного законодательств. Предполагалось, что обнаруженные жалованные грамоты будут содержать все основные условия договорного подданства башкир.

Нельзя утверждать, что поиски жалованных грамот не имели никаких оснований. Косвенные свидетельства источников различных видов указывали на реальность жалованных грамот. Не только башкирские шежере, но и делопроизводственные источники XVIII в.

[1] РГАДА. Ф.248 Оп.15. Д.821. Л 34. Л. 229.

[2] Димитриев В.Д. О ясачном обложении в среднем Поволжье// Вопросы истории. 1956. № 12. С. 24.

подчеркивали факт получения башкирами жалованных грамот от царского правительства. Так, в наказе башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию, представленном Туктамышем Ишбулатовым, отмечен факт пожалования башкир вотчинными землями в момент их вхождения в состав Российского государства: «Как во вступлении прадедов наших в великославную Российскую державу пожалованы они все без изъятия всем тем, что при бытности их под властью ногайских ханов обитание имели»[1].

Проблема усугубляется почти полной утратой в начале XVIII в. документов архива Приказа Казанского дворца. И если потеря делопроизводственных материалов еще как-то может быть компенсирована хорошей сохранностью фондов местных учреждений, то уничтожение законодательных актов, регулирующих права нерусских народов Поволжья и Урала, не может быть восполнено другими комплексами источников. Дело в том, что население, подведомственное Приказу Казанского дворца, находилось в особом правовом поле, не имеющем аналогов в других регионах страны. Поэтому указы, регулирующие права нерусских народов региона, не фиксировались в общероссийских законодательных сборниках. За весь XVII в. в Полное собрание законов Российской империи вошел только один указ, имеющий отношение к территории Башкирии. Это –грамота 1662 г. пермскому воеводе М. Голенищеву о сборе в Пермском уезде ратников против возмутившихся башкир и татар[2].

Территория, подведомственная Казанскому дворцу, не была интегрирована в правовое пространство Российского государства. И.П. Еромолаев был первым историком, кто обратил внимание на специфику деятельности Приказа Казанского дворца. Он, в частности, указал, что это ведомство приобрело черты учреждения со специальным профилем по определению общей национальной политики правительства в государстве[3].

Можно ли утверждать, что вообще никаких документов эпохи царствования Ивана Васильевича, касающихся башкирского землевладения, не сохранилось до нашего времени? На сегодняшний день обнаружено четыре копии, датированные концом XVII – первой третью XVIII в., с грамот 70 – начала 80-х гг. XVI в., имеющие прямое отношение к башкирскому землевладению.

---

[1] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1 Д. 109. Л. 127.

[2] ПСЗ.-I. Т. IV. № 2207. С. 419.

[3] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье в второй половины XVI–XVII в. (Управление Казанским краем). Казань, издательство Казанского университета, 1982. С. 76.

Следует особо подчеркнуть, по общепринятой классификации только один из представленных источников является актом, по своей цели и структуре соответствующим виду жалованных грамот. Это – уже рассмотренная выше грамота башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву[1]. Однако в данном случае речь идет о испомещении служилого человека, но не о пожаловании вотчиной.

Три других источника представляют собой вполне типичные для писцового делопроизводства конца XVI в.: отказные, межевые и оброчные грамоты. Их нельзя отнести к жалованным грамотам, если руководствоваться дипломатикой С.М. Каштанова. Жалованные грамоты являются публично-правовыми актами, в то время как межевые, оброчные и отказные грамоты относятся к документам писцового делопроизводства.

Как объяснить неудачу многолетних поисков жалованных грамот Ивана IV башкирам?

С.Б. Веселовский показал, что до середины XVI в. в русском земельном праве существовало принципиальное различие между родовыми и жалованными вотчинами. К числу последних со временем стали относить также купленные, заложенные, подаренные и т. д. Первые были собственностью рода, отдельные члены которого являлись держателями части родовой земельной собственности. Башкирские земли не были пожалованы Иваном IV, поскольку они относились к родовым вотчинным землям. С.Б. Веселовский остроумно заметил, что пожалование родовой вотчиной было равносильно «пожалованию отцом»[2].

В указанных архивных фондах РГАДА сохранились более 430 документов судебного производства XVII в., отражающих земельные споры с участием башкир-вотчинников. На какие аргументы чаще всего ссылались башкиры, отстаивая свои права на владение вотчинной землей? По нашим подсчетам, в 353 случаях (74 %) башкиры, наряду с документами о платеже ясака, приводят только один довод: «…исстари-де владели-де прадеды и деды и отцы той вотчинной землей». Следует отметить, что отсутствие документов на право владения вотчинами в XVII в. не являлось экстраординарным явлением. Напротив, в отношении поместных земель правительство поступало жестко и прагматично. Помещик был обязан представить крепости на право владения землей – отказные или отдельные грамоты. В противном случае, служилые люди не только теряли все права на землю, но и наказывались за самовольное владение. Однако в отношении вотчин

[1] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1497. Л. 45.

[2] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение северо-восточной Руси …С. 16.

подобных действий никогда не производилось. Если никаких крепостей на вотчину не было, то писцы должны были, прежде всего, обследовать платежные книги. Как отмечает В.А. Седашев, упоминание в платежных книгах известного лица вотчинником служило надежным средством для разрешения вопроса о принадлежности вотчины и сыск прекращался».[1]

Только в том случае, когда ясачные книги не давали никаких руководящих указаний, в расчет бралась «старина» владения, но старина, документированная или доказанная свидетельскими показаниями. В отличие от башкирских шежере, в которых «старина» владения родовыми вотчинами уходит корнями во времена Золотой Орды, в челобитных башкир древность владения ограничивается временной вехой падения Казани. Пример наиболее развернутого обоснования этого критерия мы обнаруживаем в коллективной челобитной башкир Сибирской дороги конца XVII в.: «В прошлых годех со взятия Царства Казанского пращуры прадеды и деды и отцы, нижайше башкиры 12 волостей Айлинской, Сарты, Сызгинской, Упейской, Чирлинской, Мурзаларской, Тюбеляцкой, Кара-Тавлинской, Тырнаклинской, Айлинской, Тирлярской владели вотчинами землей и всякими угодьи по раздаче ногайского хана и по тамгам и урочищам без письменных крепостей все вообще. И по взятии Царства Казанского тою нашей землей и всякие угодьи владели мы, по-старому»[2]. Следует обратить внимание на то, что для всех отмеченных волостей взятие русским войсками Казани имело исключительно символическое значение. Гораздо актуальнее для зауральских родов было падение дома Кучума или уход ногаев с территории Южного Урала. Тем не менее, именно 2 октября 1552 г. для всех башкир стало своеобразным рубежом, отделяющим новое время от старого.

Наибольший интерес вызывает информация коллективных челобитных о факте владения пожалованными вотчинами без жалованных грамот. В 1697 г. представитель от башкир и тархан всех четырех дорог Тлеш Бегенешев подал челобитную, в которой было отмечено: «Великим государям Уфимского уезда Осинской, Казанской, Сибирской и Ногайской дорог башкирцы, тарханы и ясачные Тляшка Бекенешев, Карманка Бекбов, Ишейка Ишкильдин и Кулчурка Кельмяков с товарищи, великих государей жалованные вотчины за ними в Уфимском уезде, рыбные ловли, бобровые гоны и звериные ловли и всякие угодья, и тех великих государей жалованьем вотчинами исстари пращуры и прадеды наши, и деды, и отцы их владели по своим

[1] Седашев В.Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., типо-литография В.Рихтер 1912. 235 с. С.84.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 621.

урочищам и тамгам, и они тако же владеют по родству по прежним тамгам и урочищам. И на те их старинные вотчины у прадедов и дедов и отцов их письменных крепостей нет кроме ясачной книги».[1] Кстати, о том, что тамги на межевых деревьях служили достаточным основанием для подтверждения вотчинных прав, говорится во многих челобитных. Так, башкир Иланской волости Рысай Исенгулов в 1681 г. в ходе судебного процесса со своими односельчанами отметил: «…а крепостей-де у них на тое вотчину письменных нет, то-де у них крепости, что на деревьях тамги да и породы-де той у кого та вотчина»[2].

Признавала ли российская администрация «старину» за достаточное основание для предъявления владельческих прав на вотчинные земли? Судебные решения по земельным спорам XVII в. свидетельствуют о том, что давность владения служила едва ли не главным юридическим условием для начала судебного расследования. Например, обыск, т. е. опрос «окольного» населения «пряма вправду по их вере по шерти» не мог производиться без указания на древность владения землей в челобитной истца.

«Владение по старине» служило весомым аргументом даже при наличии у противоположной стороны письменных доказательств, подтверждающих владельческие права. Приведем подробности одного из самых крупных разбирательств XVII в., в котором башкиры Минской волости выступили в качестве истцов, обвинив сразу нескольких помещиков в захвате земель по оз. Ольховое, Лебяжье, Березовое и Духовое. При этом ответчики (уфимские помещики М.И. Приклонский, М.И. Артемьев, И.М. Каловский и Г.А. Гладышев) имели официально утвержденные Приказом Казанского дворца отказные и ввозные грамоты на спорные земли.[3] К тому же, помещики к моменту подачи владели землями от 40 до 60 лет. В русском земельном праве срок подачи исков по земельным спорам был ограничен 40 годами. Все поместные дачи давно были застроены и заселены. Однако все эти обстоятельства не были учтены в судебном процессе.

Не было принято в расчет и отсутствие у истцов (башкир Минской волости) документов, подтверждающих выплату ясака со спорных угодий. В качестве единственного аргумента башкиры ссылались на старину владения, утверждая, что «теми озерами и рыбными ловлями отцы и деды их владели». Кроме того, истцы заявили, что при отводе озер в поместье дворянам был нарушен порядок и последовательность сыска. Оказывается, что отказчики М.И. Строшников и А.И. Есипов «разыскивали между башкирами

[1] Там же. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 4 166. Л. 643.
[2] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 423. Л. 5.
[3] Там же. Д. 1320. Л. 2–36.

дальних деревень, а в окольных и ближних деревнях не разыскивали». В результате был устроен повальный обыск, в котором участвовали 14 башкир и 28 уфимских помещиков. Любопытно, что из 28 помещиков 15 заявили, что прежде те земли были за башкирами, что и предопределило результат судебного разбирательства.

Как связать два, казалось бы, противоречивых факта – пожалования и владения «исстари»? Ответ кроется в политике Российского государства XV–XVI вв., которая проводилась по отношению к народам и территориям, добровольно присоединившимся к России. В.Б. Кобрин в своем исследовании, посвященном феодальному землевладению в средневековой России, отметил, что в XV–XVI вв. присоединение к Москве любой крупной территории сопровождалось выдачей жалованных грамот о соблюдении старины. В эти грамоты могло быть включено и запрещение покупки сел в новой земле пришельцами из основной территории великого княжества.[1] Подобные грамоты, (как, к примеру, жалованная грамота Смоленскому княжеству), необходимо классифицировать как законодательные, но не публично-правовые акты. Они декларативно подтверждали соблюдение прежних привилегий на территории вновь присоединенной области. Эти акты не предназначались для утверждения правовых отношений между государством и каждым смоленским вотчинником.

Подобный тип управления практиковался в первой половине XVI в. российским правительством и в отношении управления территорией Окско-Ценско-Сурского междуречья. Темниковские князья, в бытность их российскими подданными, обладали иммунитетом, близким к удельно - княжескому русских земель того времени, что видно из жалованных грамот XVI – начала XVII в.[2] В жалованной грамоте царя Ивана Васильевича темниковскому князю Еникею Тенишеву, выданной в 1539 г., говорится: «Татар из тарханов и башкирцев и можарян, которые живут в Темникове, судить и ведати их по старине, по тому же, как наперед сего судил и ведал отец Тениш».[3]

Очевидно, что подобные грамоты после взятия Казани были отправлены и в башкирские селения. Шежере рода Юрматы свидетельствует о том, что после взятия Казани во все земли были

---

[1] Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России XV–XVI вв. М., Мысль, 1985. С. 76.

[2]Первушкин В. В., Шишлов С. Л. Эволюция представлений о средневековой политической истории Окско-Ценско-Сурского междуречья (Темниковской Мещёры) в XIX—XX вв// Отечественная культура и развитие краеведения. Пенза, 2001. С. 128.

[3] Цит.по: Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999. С.36-37.

направлены послы с грамотами, которые известили: пусть никто не убегает, пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи.[1] После подобных призывов российских властей башкирские роды решились принять условия подданства, суть которых сводилась к обязательству российской стороны соблюдать традиционные отношения власти и подчинения.

Близкие по своему виду к декларациям с обязательством соблюдать прежние традиционные институты башкир, эти указы жаловались населению и после официального вхождения башкирских родов в состав России. В 1664 г. башкирам Ногайской и Казанской дорог была дана «жалованная грамота за государскою красною печатью, написана на дву листах руским и татарским письмом».[2] Этой грамотой, адресованной башкирам после восстания, российские власти отнюдь не жаловали башкир вотчинными землями, а лишь декларировали незыблемость правовых норм, касающихся земельных привилегий вотчинников. Следует подчеркнуть, что в делопроизводственных и законодательных документах Уфимской приказной избы XVII в. понятие «жалованная грамота» употребляется только в отношении утверждения тарханского звания и вышеуказанной царской грамоты 1664 г.

Для российских властей XVI в. решительная готовность блюсти старину выливалась порой в неожиданные идеологические казусы. К примеру, московское правительство признало легитимность земельных актов, выданных башкирам казанскими ханами. Тем самым российские власти признавали себя правопреемниками казанских чингизидов во всех вопросах, касающихся земельных прав населения. В 1680 г. началась земельная тяжба между ирехтинскими башкирами и ясачными татарами Казанского уезда. В итоге все разбирательство свелось к выяснению одного вопроса: чьим предком был Шихахмед Мухаммедов, которому в 1523 г. казанский хан Сахиб Гирей пожаловал тарханские привилегии на вотчинные угодья, ставшие на полтора столетия предметом спора.[3]

В башкирском вотчинном землевладении привилегии удельной архаики сохранялись гораздо дольше, нежели в родовом вотчинном владении бояр и князей. Например, до середины XVI в. в дворцовых хозяйствах посевные площади измерялись в десятинах, поместные и оброчные – в четвертях, что являлось показателем того, что данная

[1] Кузеев Р.Г.Башкирские шежере... С. 37.
[2] Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798)… С. 66.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 767. Л. 2.

земля является условным держанием. Однако вотчинная земля учету не подлежала и описывалась только «сохами», т. е. податными единицами.

У.Х. Рахматуллин, указав на то, что башкиры-вотчинники получили землю без меры, увидел в этом «немалые особенности» башкирского землевладения[1]. Однако отсутствие измерения земельных угодий – типичная привилегия родового вотчинного владения бояр и князей. В середине 50-х гг. XVI в. была проведена писцовая перепись, в результате которой были измерены земли всех категорий землевладельцев. Все владения были исчислены в четвертях. Таким образом, вотчинники были приравнены к помещикам и должны были служить царю в соответствии с величиной владения.[2] С этого времени правительство брало под свой контроль не только пахотные земли, но и вообще все угодья, имеющиеся на территории вотчин. Устанавливается размер сенокосов в копнах, леса – в десятинах. Из документов исчезает клаузула: «куда соха, коса и топор ходили». Тем самым правительство закрепило за собой полномочия единоличного распоряжения землей на всей территории страны.

Однако эти нововведения в вотчинном законодательстве не затронули башкирское родовое землевладение. Вплоть до начала XIX в. башкирские вотчинные земли, за редким исключением, не подлежали измерению, а величина земельных угодий, как в старину, соразмерялась с ясачным окладом.

А.П. Чулошников, отмечая отсутствие различий в правовом статусе башкирских, татарских, чувашских, удмуртских и марийских земель, не счел необходимым указать на то, что только у башкир в XVI – XVII вв. собственником земли являлась волость, а не отдельная сельская община. В материалах Печатаного приказа за 1645 г. находится 35 челобитных башкир, вызванных нарушением вотчинных прав. В 7 исках башкиры обвиняли русских служилых людей и крестьян. В тяжбах с русскими людьми башкиры выступали всей волостью, даже несмотря на то, что нарушались земельные права отдельного родового подразделения. Так, от имени всех башкир Минской волости бил челом Исеней Бейтуганов и Толубай Токубаев, обвинившие уфимских дворян и крестьян села Богородского в незаконном пользовании землями и рыбными ловлями по реке Белой. Башкиры всей Минской волости жаловались на уфимского дворянина К. Нармацкого.[3] Интересна формировка жалобы башкир этой же волости на уфимского стрельца Б. Шанчурина, который «поставил на их земле свой юрт».[4]

---

[1] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв…С. 65.
[2] Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI в. М., Наука, 1987. С. 13.
[3] РГАДА. Ф. 233. Оп.1. Д. 671. Л. 457.
[4] Там же. Л. 119, 127, 131.

Боярский приговор 11 мая 1551 г., запретивший продавать родовые вотчины в чужие руки, не имеет однозначной интерпретации в исторической науке. В.Б. Кобрин решительно не согласился с выводом И.И. Смирнова о том, что этот запрет был направлен против тех, кто владел вотчинами.[1] В.Б. Кобрин связал этот указ с нормой удельного времени, запрещавшей покупать земли в чужом княжестве. Причина запрета заключалась в том, чтобы не выводить землю из службы. Эта мера, безусловно, была предпринята в интересах вотчинников.

Однако следующий указ, затронувший вотчинные права бояр, резко ограничил прежнюю норму. С 1562 г. вотчины могли наследоваться только тем кругом родственников, между которыми могли заключаться браки. Таким образом, четвероюродная степень родства уже не являлась основанием для наследования родовой вотчины. Даже троюродные братья не могли наследовать друг другу без разрешения царя. После 1562 г. в документах перестает встречаться термин «вотчич», так как он охватывал более далекие степени родства, чем троюродные братья. При ограничении круга наследников должно было расти число выморочных вотчин, переходящих в казну.

Как отразились оба этих указа на башкирском вотчинном землевладении? Анализ судебных документов XVII в. показывает, что в Уфимском уезде вплоть до 1736 г. соблюдался приговор 1551 г. о продаже родовых вотчин. Первый законодательный запрет на продажу и заклад вотчинных угодий в Уфимском уезде вводит указная память царя Михаила Федоровича за приписью Федора Панова. Обращает на себя внимание суровая санкция (смертная казнь) за нарушение данного запрета[2]. Кроме того, в области санкции эта указная память отличается от аналогичной статьи Соборного уложения. Если в судебнике предусматривалась конфискация «на государя» вотчинных земель, приобретенных незаконно у башкир[3], то в памяти 1637 г. все подобные сделки объявлялись недействительными: «те крепости – не в крепости, а деньги пропадут, и те вотчины, которые были вотчины преж сего и покупаны, и те вотчины велено опять поворотить опять»[4]. Таким образом, незаконно приобретенные у башкир вотчинные земли должны были быть возвращены вотчинникам. Они не могли быть переданы государству.

Указ 1562 г., ограничивающий право наследования родовых вотчин только кругом ближайших родственников, никогда не

---

[1] Кобрин В.Б. Власть и собственность … С. 132.
[2] РГАДА. Ф. 1 173. Оп. 1. Д. 433. Л. 3.
[3] Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 188.
[4] РГАДА. Ф. 1 173. Оп. 1. Д. 433. Л. 2.

применялся в отношении башкирских вотчин. Даже в конце XVII в. в своих челобитных башкиры называют своими родичами не только жителей одного с ними аймака, но и всей волости.[1]

По нашему мнению, истоки представления о пожаловании башкирам вотчинных земель следует искать в специфических особенностях дипломатики Улуса Джучи. В золотоордынском делопроизводстве любой акт, выданный ханом собственным подданным, являлся жалованным ярлыком.[2] Переводя на русский язык – жалованной грамотой. Например, в челобитной башкир Гирейской волости 1688 г. приводится перевод XVII в. тарханного ярлыка, выданного ханом Ибрагимом: «И с сего списка перевод. А в переводе написано: Ибрагима царя жалованная грамота по милости божией сироте вдовину сыну пожаловал я Кулбустана вдовина сына.»[3]

В 1733 г. башкиры Гайнинской волости потребовали от уфимских властей предоставить им «жалованную грамоту на землю прадедам и отцам, пожалованную по Осинской дороге в Уфимском уезде в 1589 г.». По их убеждению копия сохранилась в Уфимской провинциальной канцелярии. В итоге в архиве этого учреждения действительно было найдено документальное свидетельство 1589 г. Однако это была отнюдь не жалованная грамота, а фрагмент переписной книги по пригороду Осе, составленной Федором Аристовым.[4] В уже отмеченном земельном споре 1800 г. башкир Кущинской волости и татар деревни Емангильдиной последние обвиняли башкир в том, что те называют жалованными грамотами воеводские памяти: «Даны им были не грамоты, и не от монаршей власти, а памяти или по нынешнему названию приказы от бывших тогда в городе Уфе воевод Головина и Кондырева».[5]

В какой период для башкир-вотчинников владение землей по жалованным грамотам становится более приоритетным, нежели владение «исстари»? И.О. Энгельман отмечает, что для русских вотчинников этот процесс начался с выходом первых судебников, т. е. с конца XV в. Причем, этот историк аграрного права особо отмечает, что первоначальные княжеские пожалования представляли собой лишь правовую санкцию фактического владения: «Настоящий хозяин земли уже владел и пользовался ею независимо от пожалования князя, но прибегал к верховной власти в видах утверждения и санкции его прав

[1] РГАДА. Ф. 1 173. Оп. 1. Д. 1312.
[2] Усманов М.А. Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 15.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1381 Л. 6.
[4] Там же. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 6602. Л. 6.
[5] Там же. Д. 352. Л. 7.

через жалованную грамоту».[1] Согласно указу 1624 г., сыск по спорным земельным делам должен был производиться, в первую очередь, по книгам вотчинным, записным, писцовым и дозорным. В случае утраты документов запрещалось производить розыск местному начальству. Суд предписывал, чтобы весь процесс размежевания спорных земель проводился исключительно писцами.[2] Если до 1624 г. основным доказательством на право владения землей считались показания свидетелей, имена которых были отмечены в документах на землю, то начиная с указа 1624 г. показания свидетелей допускались лишь в крайних случаях. Однако для Уфимского уезда эта правовая норма была введена в действие значительно позже. Только в 1697 г. в грамоте Петра Алексеевича было предписано уфимским воеводам: «О землях и всяких угодьях, в которых были суды и очные ставки отставить, а быть вместо судов и очных ставок розыску в крепостных делах по крепостям».[3] Таким образом, с конца XVII в. ссылка на владение «исстари», пусть и подтвержденная свидетелями, перестает приниматься в судах в качестве первоочередного аргумента. Теперь требовались документы, которые представляли собой санкцию верховной власти на вотчинное владение. Впрочем, рецидивы прежней правовой практики имели место и в начале XVIII в. Так, в 1701 г. был проведен сплошной опрос окрестных жителей (повальный обыск) по челобитной башкир Гирейской волости, отстаивавших свои вотчинные права на рыбные ловли по реке Белой.[4]

Сопоставление земельных прав башкир-вотчинников вместе с вотчинным законодательством России XVI в. приводит нас к выводу о том, что башкирскому землевладению в правовом отношении были свойственны не уникальные, но наиболее архаичные черты эпохи собирания русских земель вокруг Москвы. Длительный период башкирское вотчинное право сохраняет все древние привилегии, утраченные аристократическими землевладельцами в середине XVI в. До середины 50-х гг. XVI в. существовало принципиальное различие между родовой вотчиной (вотчиной в узком смысле) и вотчиной, приобретенной другими способами – куплей, закладом, дарением или княжеским пожалованием. Только с 50-х гг. XVI в. появляется понятие «монастырская вотчина», неизвестное в прежнее время.[5] Неродовые вотчины в своих основных элементах были конструированы по образцу вотчин родовых, но права собственника неродовой вотчины были

[1] Энгельман И.О. О приобретении права собственности на землю по русскому праву. СПб., Лань, 2013. 211 с. С. 46.
[2] Там же. С. 59.
[3] РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 4166. Л. 643.
[4] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 4.
[5] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение…С. 14.

несколько шире – его право отчуждения вотчины не было ограничено правом родичей давать или не давать согласие на отчуждение.

Как отмечает С.Б. Веселовский, после писцовой переписи середины 50-х гг. XVI в. это различие было ликвидировано. Тем не менее, башкирское вотчинное право удерживает архаические свойства родовой вотчины вплоть до конца XVIII в. Причину столь долгого сохранения традиции в правовом статусе башкирского землевладения следует искать в системе административного управления Башкирией. До конца XVIII в. у российского правительства отсутствовали действенные методы по интеграции башкир в правовую структуру государства. Башкирское общество оказалось не восприимчиво к социальной политике российских властей, направленной на подавление центробежных устремлений прежних региональных лидеров. В каком-нибудь Смоленском княжестве достаточно было лишить местную элиту поддержки их дружин, состоящих из детей боярских и боевых холопов, чтобы навсегда забыть о пожалованных ранее грамотах и привилегиях. Именно для этого великие московские князья массовым порядком перемещали служилую мелкоту из присоединенных регионов в центральную часть государства.

Итак, башкирское вотчинное право было традиционным институтом, «владением исстари». Сложившийся в историографии стереотип о «пожалованном» характере земельного права в действительности был позднейшей новацией, призванной легитимировать права на землю в единственно возможных для российского самодержавного государства юридических понятиях.

11 февраля 1736 г., в обстановке разгорающегося башкирского восстания, был утвержден комплекс указов, которые внесли кардинальные изменения в систему управления башкирами.[1] Глава Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов, столкнувшись с неожиданным противодействием местного населения, предложил программу постепенной интеграции башкирского населения в систему российского законодательства и административного управления. Основные положения указа 11 февраля 1736 г. реализовались правительством на протяжении всего XVIII в., и, следует отметить, достигли своей цели. До этого почти полтора столетия башкиры находились в состоянии перманентной войны с Россией. Вооруженные восстания следовали с периодичностью 15–20 лет. К началу XIX в. башкиры стали одним из наиболее лояльных к России мусульманских народов, сыгравшим важную роль в присоединении к империи Казахстана и Средней Азии. Основные положения указа 11 февраля 1736 г. не были подчинены

[1] ПСЗ –I.. Т. IX. № 6889.

репрессивной цели. Более того, указ не отменял прав и привилегий, которые получили башкиры в период вхождения в состав Российского государства. За общинами были сохранены вотчинные права. Земельных владений должны были быть лишены только те, кто был наказан за участие в восстании. Однако конфискация государством «бунтовщичьих» земель не противоречила принципам вотчинного права, в соответствии с которыми отказ от российского подданства означал потерю прав на земельные владения. Впрочем, эта мера так и не была проведена в задуманном масштабе. Только в 1766 г., после того как мишари Оренбургской губернии потребовали передать им башкирские земли, местные власти всерьез задумались над данной проблемой. В итоге оренбургский губернатор А.А. Путятин пришел к выводу, что изъятие башкирских земель может привести к новым волнениям. Он, в частности, указал на то, что на бунтовщичьих землях жили родственники повстанцев, которые сами в бунте не участвовали. Губернатор предлагал воздержаться от земельных конфискаций.[1] Согласно подсчетам А.З. Асфандиярова, только мишарям шести деревень Уфимской провинции удалось закрепить за собой башкирские вотчины.[2] По предложению оренбургского губернатора Игельстрома, на основании того, что «сын за отцовские прегрешения не отвечает», иск мишарей был уничтожен указом 18 ноября 1790 г.[3]

И.К. Кирилов внес в башкирское земельное законодательство нововведение, которое без преувеличения можно назвать самым эффективным административным решением за всю предшествующую историю взаимоотношений между башкирами и государством. По указу 11 февраля 1736 г. башкирам было разрешено продавать свои вотчинные земли местным дворянам, офицерам, мишарям и тептярям. И.К.Кирилов мотивировал эту меру тем, что прежнее «запрещение им башкирцам весьма не полезно». С точки зрения земельных отношений XVIII в., эта законодательная мера не ограничивала, а напротив, поднимала правовой статус земельной собственности. В XVII – начале XVIII в. предоставление подобного права служилым людям рассматривалось как награда. Однако для традиционного сознания башкир это нововведение, безусловно, разрушало цельность вотчинного права как института регулировавшего отношения башкир с другими народами в крае.

Последствия этого решения трудно переоценить. Во-первых, была создана экономическая база для активной помещичьей, заводской и крестьянской колонизации Башкирии. В начале XIX в. за всеми

[1] РГАДА. Ф. 1173. Д. 815. Л. 112.
[2] Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Уфа, Китап, 1994. Т. 5.С. 113
[3] Там же. С. 114.

помещиками и заводовладельцами Оренбургской губернии числилось около 6,5 млн десятин земли. Из них более 5 млн (76%) были куплены у башкир.[1] При этом самыми крупными землевладельцами являлись собственники металлургических заводов. Их земельные владения образовались исключительно за счет покупки у башкирских общин. После того, как в середине XVIII в. в Оренбургской губернии было свернуто казенное заводское строительство, все заводовладельцы были обязаны урегулировать земельные вопросы с вотчинниками на договорной основе. Конфискованные в казну башкирские земли составляли в начале XIX в. 1 298 726 десятин, т.е. около 4,2% от площади земельных угодий Оренбургской губерний.

Во-вторых, распространение рыночных отношений на башкирские земли вынуждало собственников активно включаться в систему правовых отношений с русским населением и российской администрацией. Земельные дела в Уфимской провинции находились в крайне запутанном состоянии, поэтому продажа вотчин превращалась в сложнейший юридический процесс. Прежние редкие контакты башкир с представителями местной администрации сменились постоянными вызовами в Уфу старшин, свидетелей, самих вотчинников, их поверенных для урегулирования земельных споров, утверждения или отмены уже заключенных договоров.

В-третьих, любой договор по продаже вотчинной земли считался законным только при условии согласия всех полноправных членов общины. До 1736 г. распоряжение земельными владениями являлось исключительной привилегией глав родоплеменных образований. На этом праве родовой знати основывалось вся система самоуправления башкирских общин, в том числе и организация племенного ополчения. По указу 1736 г. рядовой вотчинник и глава рода юридически оказались в равных условиях по отношению к праву распоряжения общинными землями. Таким образом, этот закон лишал родоплеменную знать главного инструмента ее власти – распоряжения земельными владениями.

Однако И.Кирилов понимал, что заменить родовую знать можно только людьми, имеющими безусловный авторитет в общинах. Несмотря на очевидные выгоды, правительство не имело возможности заменить родовых старшин назначенцами от администрации. Для этого необходимо было располагать соответствующим административным аппаратом. Кирилову необходимы были люди, которые, обладая необходимым авторитетом среди сородичей, тем не менее, были бы зависимы от российской администрации. В этой сложной ситуации

[1] РГАДА. Ф. 1355. Оп.1. Д. 929. 1874, 1876, 932, 1879, 938, 1881, 940, 1866.

Кирилов нашел единственное оптимальное решение: он отверг обычай наследования старшинской должности в пользу принципа выборности. Общины должны были предоставить трех кандидатов на должность, из которых уфимская администрация производила назначение на старшинскую должность сроком на один год. Новые старшины принимали присягу и давали клятву на верность царю. Уфимская администрация определяла полномочия, имела возможность штрафовать или поощрять новых башкирских старшин.

Таким образом, впервые у российского правительства появились действенные административные средства управления башкирскими общинами. Лояльность старшин к администрации была введена в строгие рамки служебных обязанностей, с периодической отчетностью и личной ответственностью за порядок в волостях. Выборность старшин на практике стала эффективным инструментом контроля за обстановкой внутри башкирских волостей. В башкирских волостях всегда находилось несколько претендентов на должность, вокруг которых группировались сторонники. Дух партийности окончательно подорвал традиции беспрекословного подчинения родовой знати, что препятствовало формированию общего оппозиционного настроения и единства действий. Противоборствующие стороны апеллировали к российским властям, благодаря чему администрация получила подробную информацию о претендентах на старшинскую должность. Кроме того, у властей появилась возможность отслеживать любые антиправительственные акции на начальном этапе.

Российские власти не только сохранили вотчинное право, но и использовали этот институт для создания новых служилых организаций не из башкирского населения. В этой связи не совсем справедливым является утверждение Ф.А. Шакуровой, что в XVII–XVIII вв. волости существовали только у башкир.[1] Так, в 1734 г. на землях в районе Закамских крепостей была создана так называемая Надыровская волость. Она обладала всеми без исключения вотчинными правами, но не являлась башкирской как по сословному, так и по этническому составу.

Ее основатель Надыр Уразметев в самом конце XVII в. перебрался из Казанского уезда Арской дороги деревни Адаевой в Уфимский уезд. Он поселился на Казанской дороге в деревне Чюпты. В 1704 г. он платил оброк башкирам Казанской дороги Гирейской волости деревни Аткуль Бекметку Тойбахтину в размере окладного ясака (по две куницы в год).[2] В переписи 1719 г. он был отмечен как ясачный татарин

[1] Шакурова Ф. А. Башкирская волость …С. 69.
[2] РГАДА. Ф.248. Оп.67. Д.5959. Л. 449.

деревни Чюпты Казанской дороги. В 1729 г., в возрасте 43 лет, он поверстался в список служилых татар и мещеряков в Уфе.[1]

Выйти из ясачного сословия Надыру Уразметеву удалось благодаря тарханным ярлыкам, которые были пожалованы предкам Надыра Уразметева в 1516 и 1526 гг. при казанских ханах Мухамет-Амине и Сафа-Гирее. Как известно, правительство Ивана IV признало тарханские звания, пожалованные казанскими ханами. Кроме того, его дядя в начале XVIII в. просил о верстании в служилый список, ссылаясь на то, что его родственники служили в Уфе в тарханах еще в 90-е гг. XVII в.

В ноябре 1734 г. в Уфу прибыл глава Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов, который стремился всеми мерами увеличить число служилых людей из башкир и татар. Если в 1699 г. всех башкирских тархан не превышало 160 человек, то к началу 1735 г. И.К. Кирилов довел это число до 733 человек.[2] Надыр Уразметев воспользовался этим спешным набором, и в конце 1734 г. подал прошение Кирилову о выдаче ему указа, «подобного тому, который уже имел старшина уфинских служилых мещеряков Муслюм Кудайбирдин».[3] Этот документ позволил Надыру Уразметеву «служилым татаром давать на татарском писме копии, а им ясашных иноверцов желающих писать в службу». Таким образом, ко времени выступления И.К. Кирилова на реку Орь, Н. Уразметеву удалось сформировать шестую сотню в дополнении к пяти сотням мещерякского старшины Муслюма Кудайбердина.

И.К. Кирилов незамедлительно оценил организаторские способности Надыра Уразметева и своим указом от 31 декабря 1734 г. пожаловал ему земли, которые были «отделены он от Иланской волости и велено именовали ту волость Надыровской волостью».[4] В данном указе Надыру Уразметеву было предписано подать «…росписи о желающих на порозжей земле, лежащей по реке Зай селиться служилых, ясашных и безъясашных татарах, кто из них желает служить мещеряками и платить тептярской ясак и откуда они сошли».[5] В соответствии с этим указом, Надыр Уразметев уже к 22 января 1735 г. набрал в «свою сотню в службу сто пятдесят три и на ясак девяноста человек».

Однако официальное назначение старшиной Надыровской волости было произведено только в 1736 г. командиром Башкирской

[1] РГАДА. Ф.248. Оп.67. Д. 5959. Л. 450.
[2] Там же. Оп.13. Д.750. Л. 301.
[3] Там же. Оп.67. Д.5959. Л. 469.
[4] Там же. Л. 481.
[5] Там же. Л. 430.

комиссии генерал-майором М.С. Хрущевым.[1] До начала восстания 1735–1740 гг. Надыр Уразметев имел возможность многократно «показать службу» начальнику Оренбургской экспедиции. В его послужном списке отмечено, что был с командою своею во многих походех и несколко языков, ловя приводили к командам и в городы.[2] В ходе восстания поставлял старшина семенной хлеб в Оренбург, за что был удостоен особой награды со стороны генерала-лейтенанта А.И. Румянцева.

В 1743 г. его команда состояла уже из 259 человек. Она ежегодно наряжалась на летнюю пограничную службу в Сорочинскую крепость. В 1745 г. в возрасте 59 лет он добился передачи своей должности сыну.[3]

Земли Надыровской волости оспаривались башкирами на протяжении 30 лет. Байлярская и Юрминская волости не могли смириться с таким масштабным изъятием родовой земли. Тем не менее, в 1765 г. губернская канцелярия вынесла решение, что «Юрминской и Байлярской волостей башкирцам в оспариваемых ими землях по рекам Заю и Ику и по впадающим в них речкам и урочищам отказать, а за сим всем состоящим в Надыровской волости обывателям имеющимися под поселением их землями и угодьями, впредь владеть беспрепятственно, для чего, дабы в оные земли никто из посторонних не мог вступаться, дать им владенный указ».[4]

Примечательно, что в реестрах и росписях башкирских волостей Уфимского уезда в 1730—1760-х гг. Надыровская волость не упоминается. Лишь в историко-административных сведениях о башкирском народе, составленных по приказанию графа П.И. Панина в 1775 г., была отмечена «Недырова» волость с 94 дворами.[5]

Надыровская волость – единственная из 43 волостей Уфимской провинции, которая не являлась родоплеменной организацией. Немногие представители башкир, приписанные к Надыровской волости, являлись выходцами из Байлярской, Кыр-Иланской, Елдятской, Дуванейской, Киргизской и Каратабынской волостей. Однако подавляющее большинство населения этой волости составляли служилые и ясачные татары (более 82%).[6] Общая площадь волости равнялась 10,4 тыс. квадратным километрам, т.е. около 1 млн. десятин земли. В 1751 г. в волости существовало 47 татарских деревень.

[1] РГАДА. Ф.248. Оп.67. Д.5959. Л. 439.
[2] Там же. Оп.67. Д.5959. Л. 473
[3] Там же. Ф. 246. Оп.67. Д.5959. Л. 481.
[4] Там же. Оп.67. Д.5959. Л. 483
[5] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа… С.51.
[6] РГАДА. Ф.248. Оп.67. Д.5959. Л. 473

Большинство этих населенных пунктов было поселено на территории волости с разрешения Надыра Уразметова и его товарищей, выступавших на новом месте как полновластные вотчинники.

История создания Надыровской волости показывает определенную специфику поземельного права башкир XVII – XVIII вв. Эта волость была создана как военная организация (6-я мещерякская сотня) для несения военной и пограничной службы в составе Оренбургской экспедиции. Инициатором создания новой волости выступил служилый татарин, имевший тарханные грамоты, полученные еще в первой половине XVI в. До 1735 г. служилые татары и мещеряки никакими вотчинными правами в Уфимском уезде не владели. Большая часть служилых татар арендовала земли у башкир, лишь отдельные представители имели небольшие поместные дачи. Надыру Уразметеву было представлено право самостоятельно набирать вотчинников из числа служилых и ясачных людей. Таким образом, формирование военно-административной структуры предшествовало утверждению земельных прав. Лишь после официального создания служилой организации администрация Оренбургской экспедиции узаконила вотчинные права на выделенные земли.

Особо следует подчеркнуть, что уже при своем создании Надыровская волость была выведена из ведомства уфимских властей и подчинена непосредственно администрации Оренбургской экспедиции.

Кроме того, в отличие от башкирских волостей, в Надыровской волости не делалось попыток создать генеалогию, объединяющую всех ее вотчинников родственными связями. Объясняется это тем, что жители Надыровской волости вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Они не нуждались в поддержании традиций кочевого общества, в котором любое объединение владельцев общинной земли неизбежно скреплялось узами родства, если не фактического, то символического. Надыровская волость с самого своего создания являлась не родоплеменной организацией, а территориальным объединением. Вотчинники волости подчинялись своему старшине не как главе рода, а как военному и административному должностному лицу.

Несмотря на то, что новая волость была создана искусственно, распоряжениями глав Оренбургской экспедиции и Башкирской комиссии, ее статус полностью соответствовал действующему вотчинному праву.

Начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов рассматривал вотчинное право только с точки зрения службы, которую несли вотчинники. В 1736 г. И.К. Кирилов предложил Сенату передать земли башкир верным татарским и мишарским старшинам. Он указал

только на то, что «…службы от башкир было не много. Полезнее интересу е.и.в. когда отписывая воровские земли, раздавать в раздачу русским и служилых татарам, которые служили верно и служат».[1]

Пример создания Надыровской волости свидетельствует о том, что в системе управления башкирами в 30-е гг. XVIII в. российским властям удалось радикально развернуть тенденцию, которая после восстания 1704–1711 гг. грозила вывести регион из сферы влияния государства. Почему правительству Анны Иоанновны удалось то, от чего отступился её великий отец? Несмотря на декларируемые модернизационные правительством цели, ближайшее окружение Петра I по своим ценностным установкам оставалось старым московским боярством, уважающим традиционные устои государства. Достаточно вспомнить, что в самый разгар восстания 1704–1711 гг. башкиры без труда добились заступничества от Б.П. Шереметева и П.И. Хованского от «новых людей» из Ижорской канцелярии. Для воеводы Хованского или фельдмаршала Шереметева башкиры были служилыми людьми государства, уже по этой причине с ними необходимо было находить общий язык.

Однако к 30-м гг. XVIII в. прагматичное правительство Бирона в достатке имело рационально мыслящих исполнителей, таких, например, как И.К. Кирилов, видевших в предшествующем опыте управления башкирами только нагромождение ошибок и «нерадения воевод». Только в эту странную эпоху такие высокопоставленные лица империи, как И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, А.П. Волынский, могли всерьез задаваться вопросом, нужен ли вообще государству народ, не приносящей общественной пользы? В итоге рационализаторская линия в отношении к башкирам вытеснила традиционный курс политики в Башкирии, что привело к самому масштабному восстанию в регионе, на подавление которого правительству пришлось мобилизовать половину всех полков регулярной кавалерии страны. Башкирское же население, будучи поставлено на грань демографической катастрофы, потеряло более 30% своей численности.

[1] Добросмыслов А.И. Материалы по истории России… Т. 2. С. 72.

Глава 4. Башкирская полития XVII–XVIII вв.

§ 1. Представления башкир о государственной власти

К середине XVI в. башкиры обладали многовековым опытом пребывания в различных государственных образованиях. Культурный капитал кочевых обществ выражался не только в военных преимуществах номадов перед оседлыми народами, но и в возможности выбирать условия подданства, которое кочевники считали для себя наиболее выгодным. Г.И. Перетяткович, описывая феномен калмыцкого подданства, приводит слова И.Бичурина о том, что «кочевые народы полагают принятием подданства выиграть четыре процента на один, поэтому при случае они даже соперничают в готовности подданства. Клятву они считают средством выиграть, а клятвопреступление пустыми словами. Таково общее качество кочевых народов; кроме того, они ищут свободы и возможности служить в войне для грабежу».[1] В 1663 г. в письме башкир Ногайской дороги уфимскому воеводе А.М. Волконскому эта же мысль выражена в форме народной идиомы: «Мы и в степи дорогу найдем».[2] Действительно, башкирская знать свободно переходила на службу не только ханам Казани, Сибири, Астрахани, но и Темникова и Касимова.[3]

Осознавая свои привилегии, башкиры не только разбирались в подчас сложных податных сборах XVII в. Российского государства, но и добивались особых преференций в таможенных налогах и торговых операциях с русскими купцами. Судя по тому, что башкирские тарханы получали землю на территории Казанского ханства, они имели представление о правовом статусе условного служилого землевладения. Таким образом, в политическом отношении башкиры XVI–XVIII вв. были способны не только устанавливать определенные отношения с государством, но и формировать государственные структуры. Это свойство этноса актуализируется в период восстаний, когда башкиры прибегали к созданию ханства. К числу подобных мероприятий можно отнести выборы и приглашение хана, принесение ему всенародной присяги, внешнеполитические акции, призванные утвердить суверенитет башкирского ханства, введение податной системы, создание военно-административной иерархической структуры и даже малоуспешные попытки сакрализировать личность хана.

---

[1] Перетяткович Г.И. Поволжье XVII начале XVIII в. Очерки из истории колонизации края исследование. Одесса, 1882. С. 127.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 167.

[3] Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV–XVI вв. (социально-политический аспект). Уфа, Гилем, 2009. 192. С.9.

Как показывает история некоторых подобных акций в XVII–XVIII вв., именно проблема сакрализации главы государства оказалась главной причиной эфемерности государственных образований башкир. В первую очередь, священный статус главы государства требовался для легитимации применения насилия. В оседлых цивилизациях монополия на применение насилия находится в руках господствующего класса или государства. Классическое определение государства Макса Вебера, наделяющее власть «монополией на легитимное насилие», апеллирует именно к этому факту.[1] На территории Евразии XIII-XVII вв. безусловным основанием законности являлась принадлежность правителя государства к династии, по прямой линии восходящей к Чингисхану. По утверждению В.П. Юдина и И.Л. Измайлова, в улусе Джучи была создана особая этнополитическая идеология, названная им «чингисизмом». И.Л. Измайлов определяет чингисизм как новую парадигму монгольской и золотоордынской политической идеологии: созданная в улусе Джучи иерархия кланов во главе с чингизидами трактовалось не просто, как учреждение государства, а как акт творения общества, упорядочения макрокосма.[2] В основе этого политического сознания находилась система мифологем, ядром которых был культ Чингисхана. Сфера действия этого права не ограничивалась как клановыми, так и этнополитическими границами: каждый чингизид независимо от того, какой именно династической ветви потомков Чингисхана он относился, мог реально претендовать на ханский титул в любой стране, где еще существовали традиции права монгольской империи. В.П. Юдин, которому принадлежит первенство в открытии феномена «чингисизма», отмечает, что раздел Монгольской империи Чингисханом, произведенный им при жизни между его сыновьями и внуками, стал таким прецедентом, который послужил источником права для многих народов и действовал в некоторых районах вплоть до XX столетия. Возникшие на основе этих разделов представления и, более того, непререкаемые психологические императивы являлись достаточными обоснованиями претензий на верховную власть, территориальные притязания, поводом для войн, основаниями для заключения мира и мирных договоров и т. д. «Раздел Чингизхану» и

[1] Вебер М. Политика как призвание и профессия// Избранные произведения. М., Прогресс, 1990. 808 с. С. 696.

[2] Измайлов И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюркско-татарской исторической традиции//Источниковедение истории улуса Джучи. Казань, 2002. С. 45.

«разделы» его преемников стали у кочевых и некоторых других народов высшими категориями правосознания, мировоззрения и идеологии.[1]

В башкирских шежере сакральная роль Чингисхана редуцирована до креационистской функции. В представлении башкир основатель Монгольской империи принадлежит к чрезвычайно отдаленной пространственной и временной реальности. В религиоведении подобные запредельные сакральные сущности классифицируются как «праздное или ленивое» божество (Deus Otiosis). Деяния Чингисхана и его потомков признаются в качестве причины существующего мироустройства, однако дальнейшее развитие социума происходит уже без их руководящей роли. Чингисхан, согласно башкирским шежере, утвердил за башкирскими родами границы их владений, определил каждому роду свою тамгу, уран, дерево и птицу.[2]

Однако демиургическая роль Чингисхана не стала основой для сакрализации его потомков. В качестве примера можно привести противоречивую историю взаимоотношений башкирских родов с шибанидами. Когда во времена Великой замятни в улусе Джучи почти одновременно вымерли линия Орду Ичэна, старшего сына Джучи, правившая в Кок Орде, и линия Бату — верховных ханов улуса Джучи, шибаниды остались единственными представителями законной линии потомков Джучи. Старшая линия шибанидов захватила власть в Сибири, с перерывами царствуя до присоединения к России. Таким образом, сибирский хан Кучум и его потомки имели приоритет власти на территории бывшей Золотой Орды. Тем не менее, на протяжении всего XVII в. башкиры демонстрируют вполне прагматическое отношение к кучумовичам и в конфликтных ситуациях не только лишают их власти, но и свободы и жизни. Так, в 1662 г. восставшие башкиры Сибирской дороги решились на переговоры с российскими властями, что явно не входило в планы сибирских кучумовичей, которые на короткий срок взяли на себя роль руководящего центра восстания в зауральской Башкирии. Намерения султанов Кучука и Чучалея воспрепятствовать переговорам привело к тому, что почти весь сибирский дом шибанидов оказался в плену у башкир. Уфимский дворянин А.И. Приклонский, посланный с проезжей станицей на Сибирскую дорогу, сообщил уфимскому воеводе Ф.И. Сомову, что «Сибирской дороги башкирцы в своих вотчинах на Кияте реке сибирских царевичей Бокая Ишимова да Кучука да Чучалея да Кансуяра с женами и детьми и со всеми улусными людьми взяли, а де Аблай царевича с женой и детьми и с сыном

[1] Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая// Чингиз-наме. Алма-Ата, Гылым. 1992. 296 с. С.16.
[2] Кузеев Р.Г.Башкирские шежере... С. 51.

Чичигула да дочерью и Бокай царевич с племенником и с детьми у башкирцев ушли, а привезли на Уфу с Андреем Приклонским башкирцы сибирских царевичей Кансуяра Аблаева с женой и с сыном Муратом да брата его родного Чучалея царевича жену с Уфы посланы к Москве».[1]

Правнук Кучума – Кучук бин Аблай фактически стал руководителем башкирского восстания 1662–1664 гг. Однако титул хана он получил уже после завершения восстания в 1667 г.[2] Одной из причин последовавшего конфликта между башкирскими волостями Зауралья и Кучуком стало принесение последними «повинной» российским властям. В ряде случаев дело дошло до вооруженных столкновений. Тем не менее, даже после восстания часть зауральских башкир поддержала Кучука. В «Материалах по истории каракалпаков» отмечены сведения о том, что Кучук с 1671 г. находился среди каракалпаков.[3] Тем не менее, в 1675 г. известный тархан Кипчакской волости Ишмухаммед Давлетбаев отправил двух сыновей для переговоров к этому хану.[4] Наиболее сложным является вопрос о его гибели. Захваченный в плен под Тереком башкирский султан Мурад сообщил властям, что «Отец де его Кучук был каракалпацких и киркиских народов хан и убит на войне у Гречанех от Аюки хана, тому назад лет с 30», т.е. приблизительно в 1679 г.[5] Однако племянник Карасакала, Шейбак утверждал, что Кучука убили башкиры.[6] Интересно, что спустя 4 года, в 1683 г. брат Кучука – Хасан, возглавляя отряд калмыков, напал на башкир. Ж. Сабитов считает, что этот набег был местью за убийство брата.[7] Если бы Кучука убил Аюка, то его родной брат Хасан вряд ли продолжал быть союзником калмыков.

Еще более показательной является история другого потомка Кучума – Мурада бин Кучука, который в 1708 г. выступил в качестве претендента на роль хана Башкирии. В.В. Трепавлов высказал предположение о самозванстве султана Мурада.[8] Согласно рассказу Султан-Мурата, он около 1688–1689 гг. отправился по призыву своего

[1] НА УНЦ РАН Ф. 23. Оп. 1 Д. 1. Л. 54.

[2] Трепавлов В.в. Сибирский юрт после Ермака. Кучум и кучумовичи в борьбе за реванш. М., Восточная литература , 2012. 231 с. С. 119.

[3] Материалы по истории каракалпаков. Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. VII . М. - Л., 1935. С. 146.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 203.

[5] Там же. С. 238.

[6] Там же. С. 490.

[7] Сабитов Ж. Кучумовичи в Восточном Дешт-и-Кипчаке в середине XVII–начале XIX// История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. 148 с. С. 78.

[8] Трепалов В.В. Сибирский юрт после Ермака…С. 123.

племянника Ибрагим-султана, находящегося в плену у ойратов, в Джунгарию к будущему хунтайджи Цэван-Рабдану и прослужил у него 3 года советником по различным делам. Но в начале 1690-х гг., когда в кочевья Цэван-Рабдана приехали башкиры Бегим Кайбуллин с товарищами, принял их предложение поехать в Башкирию и быть у восставших башкиром – султаном. Поселившись среди башкир в верховьях реки Яик, он, тем не менее, не спешил провозглашать себя ханом из опасения быть выданным башкирами царским властям: «…а сказывать про себя, что он ханов сын, не велел для того, чтоб, ему не утвердяся с ними башкирцы себя не объявить, потому что и наперед сего у них башкирцев по призыву сродник ево Сунчелей салтан был владельцем и отдан от них в полон русским людем».[1]

Впоследствии различные лидеры восставших башкир вполне бесцеремонно пытались использовать этого чингизида в своих целях: «И они башкирцы, приняв ево Мурата себе в салтаны, советовали, чтоб им с ними пройти в Крым под владенье крымского хана, а другие де большая половина башкирцев с ним салтаном в Крым итти не хотели, чтоб с домами и с юртами не разорится».[2] Об этих событиях Аюка написал турецкому султану: «Иштеки чувствуют себя в последнее время достаточно сильно, их принц возглавил войско и совершил набег на русскую крепость названную Терк, расположенную на реке Итиль... Они были схвачены. Русский царь приказал казнить князя иштеков. Тогда иштеки, каракалпаки и киргиз-казахи, все мусульмане заключили соглашение о союзе. Они поставили во главе иштеков одного из предводителей каракалпаков».[3] Весной 1708 г. Султан-Мурат был захвачен царскими войсками при попытке взять штурмом Тарки.

Наиболее странной и противоречивой в длинной череде ханов, появлявшихся в ходе восстаний XVII–XVIII вв., выглядит фигура некоего Салтана-Хази. Только в отношении этого человека в источниках мы находим стремление учредить определенный церемониал, утверждающий хана в качестве вершины социальной иерархии, и даже создать образ заговоренного от смерти правителя. Пойманный в 1708 г. правительственными войсками татарин Булат Акбулатов в ходе пыток сообщил казанским властям, что «…посылали к салтану турецкому и к хану крымскому посланцов все башкирцы и мещеряки, чтоб им дал кому ими владеть. И те их посыльщики привезли с Кубани Салтан-

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С.239.
[2] Там же. С. 240.
[3] Лемерсье-Келькеже Ш. Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива)// Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, Институт истории АН РТ, 2009. С.269.

Хозю, что называетца ханом, и все ему куран целовали, чтоб им быть всем ему послушны; а откуды он Салтан и какой, того де он не ведает, только де батыри и все башкирцы за святого его почитают и воздают ему честь. Батыри и лутчие башкирцы целуют ево в полу, а иным целовать не дают».[1] Незадолго до этого эпизода крестьяне Арамильской слободы, бывшие на ловле рыбы на озере Торгуяк, встретили башкира Елпу, который предупредил их о скором выступлении башкир. Он поведал рыбакам: «…стоит де наш царь Салтан под Уфинским городом на речке Чесноковке в 3000-х, и с Ураковым у него де Салтана был бой, и прислал де к ним в вотчины башкирские свое знамя и коня, и велит под знамя нам башкирцем всем збиратца, и притти к себе в войско под Уфинской город на Чесноковку речку; и хочет Уфинской город взять и уездные деревни вырубить, и хвалитца итти на сибирские слободы и деревни, и говорит де такие речи, я де вашь прямой царь и не берет де меня ни огонь ни вода».[2]

Подобная искусственная, если не сказать, театральная ритуализация статуса чингизида выглядела подозрительно даже для современников. Уфимские власти сразу назвали его самозванцем. И.Г. Акманов даже выдвинул версию о том, что под именем Султана-Хази скрывался один из предводителей восстания, ближайший сподвижник Алдара Исекеева – Хази Аккускаров.[3] По-видимому, Хази или Хозей – не настоящее имя султана, а его лакаб. А.-З. Валиди даже видит в нем прозвище, происходящее от слова «хозяин». По мнению А.-З. Валиди, Хозей – сын хана Каипа бин Кучука,[4] т.е. племянник Мурада.

Не был чингизидом предводитель восстания 1681–1684 гг. Сайид-Джафар (Сеит Садиир), будучи духовным лицом, он был провозглашен ханом под именем Джафар. В его лице впервые мы наблюдаем соединение авторитета мусульманского лидера, возможно, принадлежавшего к сакральной группе сеитов, и харизмы хана. Впервые, вопреки многовековым традициям, башкиры решились на избрание хана, не принадлежащего золотому роду. Примечательно, что современники посчитали главной причиной его поражения «неверность» башкир. Анонимный автор «Дафтар-и Чингизнаме», живший в конце XVII в., так описывает эти события: «В 1091 г. среди башкирского народа появился один мусульманский хан, который призвал народ к вере. В нем самом были свойственные святым чудотворения. Именовали этого хана Сайид-Джафгар-ханом. Напоследок весь людской [и] весь башкирский народ перестали его

[1] Лемерсье-Келькеже Ш. Указ. соч. С. 115.
[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 213.
[3] Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII—начала XVIII вв… С. 64.
[4] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 78.

считать ханом; не действовали по его указаниям; изменили [в пользу] иноверцев-русских, проявляя к ним любовь, опять перешли к этим неверным. Наконец, по изволению грозного гнева всевышнего Бога, [башкиры] оказались связанными и обессиленными у русских, которыми были и истреблены, а [оставшиеся] лишились истиной веры. Участь изменников всегда такова».[1]

В начале XX столетия башкирские духовные лидеры обвиняли башкир в неспособности довериться единому руководителю. Шейх Мурат Рамзи в своем труде «Завоевание Россией Восточного Закамья и страны башкир» главной причиной поражения башкирских восстаний видит в отсутствии у народа почтения к своим лидерам. Он пишет, что башкиры «не объединились под руководством единого предводителя, напротив, население каждой части фанатично следовало своему предводителю. А у этих предводителей почти отсутствовали качества предводительства, нет, даже отсутствовали вообще. Не было среди них ни одного, подобного Чингисхану или грозному султану Салим-хану, который бы объединил их под одним знаменем силой и принуждением. И хотя с их стороны предпринимались многократные и продолжительные по времени выступления против русских, все же из-за того, что эти выступления не строились на продуманных основаниях и не приобрели общественной формы, они не принесли ничего, кроме пролития крови с обеих сторон и гибельных последствий для побежденной стороны.[2]

Все источники, повествующие о правящих в Башкирии султанах и ханах, отмечают прагматическое отношение башкир к чингизидам, нескрываемое желание использовать их в своих целях. В апреле 1738 г. сакмарской казак Кубек Байназаров, приехавший от хана Абулхаира, сообщил российским властям, что живущий среди башкир Кубалякской и Телевской волостей хан Младшего Жуза не только не может самостоятельно писать послания, но даже письма, адресованные к нему, вскрывают и читают сначала «воры-башкирцы». От них же сакмарский казак узнал, что вожди восстания не думают оставлять его в живых.[3] Переводчик Араслан Бекметев, побывавший у Абулхаира, сообщил В.Н. Татищеву, что «башкирцы его хана лицом только почитают, а в деле ни

[1] Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, изд-во Казанского государственного университета, 1972. 223 с.136. С. 122.

[2] Мурад Рамзи Завоевание Россией Восточного Закамья и страны башкир и события, которые происходили там после этого завоевания. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака'и‘ Казан ва булгар ва мулук ат-т-татар. Оренбург, на араб. яз., типография издательства Каримов, Хусаинов и К°, 1908 . Т. 2. С. 204-215.

[3] Материалы по истории Башкортостана… Т.VI. С. 555.

во что не ставят и не слушают». Причем, переводчик прямо сообщил об этом хану, однако Абулхаир ответил, что «я де и сам вижу да нечего делать». Переводчик сообщил Татищеву, что башкиры и хан к этому времени вполне осознали бесперспективность дальнейшего сотрудничества и сохраняли лишь видимость отношений: «Он башкирцов обманывает и в послушание себе приводит, токмо башкирцы оному не токмо смеются, но и ругаются».[1]

Статус правителя башкир был достаточным основанием для признания за тем или иным чингизидом ханского титула. По утверждению В.В. Трепавлова, именно сплоченная поддержка сторонников стала «очевидным стимулом для принятия Кучуком ханского венца».[2] Основной костяк его окружения в это время составляли башкиры.[3] В декабре 1735 г. И.К. Кирилов сообщил в Кабинет о происхождении ханского титула у Абулхаира: «новоподданной Абулхаир-хан, был салтан, а ханом назван и призван бывшим бунтовщиком Алдаром для общаго с ним воровства. И как за Камою от полку Суязова разбит, то, возвратившись, титуловал себя ханом, в чем бухарской хан утвердил по их обычаю данною ханскою печатью.»[4]

Таким образом, башкирские общины рассматривали ханскую власть в качестве института, прибегать к которому следует только в определенных политических обстоятельствах, требующих максимальной мобилизации социальных ресурсов общества. Сами башкиры считали подобный вариант политической структуры общества вынужденным и временным. При этом, башкиры не восприняли идею полного суверенитета власти хана. Он был обязан соблюдать ряд соглашений и исполнять определенные обязанности в отношении общества. Это нашло свое отражение и в башкирских поговорках: «Народную силу и хан не одолеет», «обычаям страны и хан подчиняется», «хан ворует, народ расследует», «слаб народ — хан наглеет», «дай хану шапку — покажи саблю», «хана, враждующего со своим народом, бог наказывает».

§2. Концепция «чифдома» и башкирское общество XVII–первой трети XVIII в.

Вопрос о сакральном характере власти чингизидов тесно связан с концепцией «чифдома», которую предложила В.А. Шакурова для

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 108. Л. 160.
[2] Там же. С. 120.
[3] ДАИ. Т. 5. С. 289.
[4] Материалы по истории Башкортостана… Т.VI. С. 102.

характеристики социальной структуры башкирских волостей. Она утверждает, что башкирские волости второй половины XVI в. по целому ряду признаков сохраняли близость к протогосударственным образованиям типа «чифдом».[1] При этом, исследователь проецирует модель протогосударства на башкирскую родовую структуру, используя интерпретацию понятия «чифдом» советского этнолога Л.С. Васильева, который несколько видоизменил формулировку, предложенную автора концепта Э. Сервисом.[2] Последний считал, что для чифдома характерны появление социальной стратификации, отстранение масс от процесса принятия решений.[3]

Согласно трактовке Л.С. Васильева, «чифдом» в эволюционном ряду предшествует раннему государству. Более того, Васильев отмечает, что кочевники в своем социально-политическом развитии не были способны подняться выше «чифдома».[4] С критикой этого положения выступил В.В. Трепавлов. Он, в частности, доказал, что некоторые из отмеченных Л.С. Васильевым аспектов «чифдома» (основополагающая роль генеалогического родства, главенство сакрализованного лидера, разделение труда и обмен) не просматриваются в Монгольской империи и ряде подобных ей образований.[5]

Л.С. Васильев выделил следующие основные черты чифдома или протогосударства: «Чифдом – это основанная на принципах конического клана, возглавляемая сакрализованным лидером и знакомая с социальной стратификацией, разделением труда и обменом деятельностью политическая структура, главной функцией которой являлась административно-экономическая».[6]

Насколько приложим концепт «чифдома» к башкирскому обществу XVII–XVIII вв.? Мы уже показали выше, что в экономическом плане все основные хозяйственные процессы в башкирском обществе

---

[1] Шакурова Ф.А. Кочевое наследие в истории и культуре Башкортостана. Уфа, изд-во Уфимск. фил. ГОУ ВПО МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 199 с. С. 109.

[2] Васильев Л.С. Феномен власти-собственности: К проблеме типологии докапиталистических структур// Типы общественных отношений на Востоке в середине века. М., Наука, 1982. С. 60-99.

[3] Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y.: Norton. Thapar R. 1981. The State as Empire // The Study of the State I Ed. by HJ.M.Claessen and P.Skalnik. The Hague, pp. 409-426.

[4] Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., Наука, 1983. С. 268.

[5] Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., Восточная литература, 1993.168 с. С.17.

[6] Васильев Л.С. Феномен власти-собственности… С. 67.

протекали в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине нуклеарные семьи не испытывали экономической необходимости для объединения с целью поддержания непрерывности производственных процессов. Тем более, мы не обнаруживаем никаких признаков разделения труда в рамках отдельных волостей или существования внутреннего обмена. Неубедительно звучит тезис о сакральности власти биев. Если башкиры не испытывали никакого священного трепета по отношению к чингизидам, то можно ли говорить о сакрализации власти родовых или племенных лидеров? Сервис полагал, что одной из ключевых характеристик чифдома является факт отстранения масс от принятия решений. Это право монополизируется главой вождества. Насколько это утверждение применимо к обществу, в котором все важнейшие вопросы решаются только на народных собраниях – йыйынах?

Таким образом, проекция концепции «чифдома» на башкирское общество представляется не корректным по всем основным критериям этого понятия. Следует отметить, что в башкирском обществе отсутствовали обряды сакрализации лидеров. Более того, чингизиды, оказавшиеся на территории башкир, утрачивали властные полномочия в том случае, если они не утверждались йыйынами в качестве башкирских ханов. Ш.Н. Исянгулов приводит сведения татарских письменных источников, согласно которым, на месте слияния Белой и Уфы, еще до прихода в Башкирию ногаев, была крепость Кунгурат; жители оттуда переселились в Ургенч. Там соорудили крепость и ее назвали тоже Кунгуратом.[1] Остатки укреплений на горе Туратау так же, по мнению Ш.Н. Исянгулова, связаны с именем кунгуратского хана.[2] На основании этих упоминаний Ш.Н. Исянгулов предлагает версию о том, что правящие в Башкирии в конце XV – начале XVI в. ханы принадлежали к династии арабшахидов. А.-З. Валиди действительно полагал, что в указанный период все население Башкирии подчинялся Шибанидам.[3] Весьма показательно, что эти потомки Джучи, занимая в Башкирии центральное стратегическое положение, не создали сколько-нибудь устойчивой системы власти и иерархии, сохранив в устной памяти некоторых башкирских родов (Юрматы) весьма смутные воспоминания.[4]

Уход шибанидов из Башкирии в начале XVI в. Ш.Н. Исянгулов связывает не с приходом в край ногаев и не усилением оппозиции со

[1] Исянгулов Ш.Н. Башкиры и кочевые узбеки в XV - начале XVI вв.// Проблемы востоковедения, 2011. № 1. С. 29-33.
[2] Там же. С. 30.
[3] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 36.
[4] Булгаков Р.М., Надергулов М.Х. Башкирские родословные… С. 67.

стороны башкирской знати, а стремлением этих чингизидов «прочно осесть». Подобное объяснение массовой миграции узбекских племен из Башкирии в Среднюю Азию представляется не совсем убедительным. Следует обратить внимание, что начало их исхода с территории Урала совпадает по времени с усилением вооруженного противостояния между сторонниками и противниками политической системы, которую условно можно назвать ханской вертикалью.

В литературе сторонников и противников чингизидов принято помещать по разные стороны Уральского хребта. Действительно, некоторые зауральские роды составляли главную опору кучумовичей. Как отметил В.В. Трепавлов, каратабынские башкиры имели репутацию самых преданных сторонников Кучума.[1] В 1596 г. тюменские служилые люди «повоевали» деревни Каратабынской волости.[2] В 1600 г. зауральские башкиры сообщали российским властям, что местные табынцы, даже платя ясак в Уфу, «государям ни в чем не примят не доброхотают».[3] В том же году уфимский воевода Михаил Нагой назвал табынцев и сынрянцев «людьми» сибирских царевичей Каная и Алея. По словам уфимского боярского сына Гаврилы Артемьева, в бытность его «в 1601 г. в посольстве к Кучумовым детям, в Каратабынскую башкирскую волость пришло двадцать семей башкирцев с женами и детьми, а бывали до они преж сего тое ж Каратабынской волости есашные же башкиры были с Кучумом».[4] На основании фольклорных материалов Н. Катанов показал широкое участие табынских волостей в борьбе Кучума и его детей с русскими.[5]

В 1623 г. тюменский воевода Федор Бобрищев-Пушкин сообщал, что царевич «Ишим кочует на Уфском устье и пошел в Уфимские волости старых своих людей табынцов сыскивати».[6]

Однако не только восточные, но и западные табынские роды являлись приверженцами иерархической модели общества. История рода Каратабын, записанная Гали Сокорой, повествует о происхождении табынцев от Майкы-бия, который во время Чингисхана обитал на реке Миасс. Его внук – Ахмедшейх, под давлением завистливых братьев отца, был вынужден переселиться на запад, потому что там «сыновья» Чингиза основали свое ханство.[7] Мухаметсалим Уметбаев приводит

[1] Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака… С. 120.
[2] Миллер Г.Ф. История Сибири…. Т.II. С. 159.
[3] Там же. С. 156.
[4] Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, Иркутское областное издательство, 1941. 424 с. С. 369.
[5] Там же. С. 370.
[6] Миллер Г.Ф. История Сибири …С. 293.
[7] Булгаков Р. М., Надергулов М. Х. Башкирские родословные…С.15.

более конкретную причину переселения табынцев на запад. Он пишет, что бии табынцев подобным образом избежали мести сибирского хана Ибака (Ибрагима)[1], который пришел к власти при помощи мангытов. В 1523 г. Ахметшейх получил ярлык от казанского хана Сафа-Гирея на свои владения в районе реки Ик. Установив, таким образом, отношения с казанскими чингизидами, потомок Ахметшейха – Исян начинает выстраивать иерархию башкирских родов. Шежере племени иректе свидетельствует о том, что «если и были у башкир кайпан, и герей, и уран, и тазлар, и байки, и балыкчи, если и были у (этих) башкир над ними свои тюря, то главы всех этих тюб все признавали Исяна своим главой и считали над собой ханом. По этой причине в его присутствии разные роды были слугами».[2]

Приверженность табынцев к иерархической структуре общества резко отличает их от других башкирских родов, предпочитавших прибегать к институту ханской власти лишь в критических ситуациях.

В этой связи уместно привести версию И.В. Зайцева относительно происхождения термина «табин», которое встречается в западно-русском переводе письма хана Большой Орды Муртазы польскому королю Казимиру, написанного в 1584 г. И.В. Зайцев считает, что это слово следует переводить с чагатайского языка как военный чин, обладатель которого был близок к хану и служил ему кем-то вроде адъютанта или пажа. Автор предположил, что такие особые элитные военные объединения могли существовать при дворах большеордынских ханов подобно тому, как они существовали у современных им Тимуридов.[3] На территории Поволжья и Южного Урала этнонимы, ведущие происхождение от титулов или чинов, действительно имели место. К ним следует отнести родовые подразделения мурзалар, тархан и дуван.

Неслучайным является и то обстоятельство, что сохранение письменных исторических свидетельств в башкирском обществе так же связано в основном с табынцами. Потребность в фиксации исторических событий возникает с формированием структур государственной власти, т.е. с появлением иерархизированного общества во главе с ханом.

П.И. Рычков своим сведениям о башкирах времен Золотой Орды и Ногайского владычества обязан исключительно информации старшины Каратабынской волости Кидряса Муллакаева. По словам П.И. Рычкова, у Кидряса Муллакева хранилась некая «татарская история»,

---

[1] Уметбаев М. Ядкар. На башк. яз. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1984. 100 с. С. 53.

[2] Булгаков Р. М., Надергулов М. Х. Башкирские родословные…С. 379.

[3] Зайцев И.В. Из чагатайско-золотоордынской терминологии: «табин»//Золотоордынское обозрение. № 1(3) 2014. С. 119-123.

рукопись которой была утрачена во время восстания 1735–1740 гг.[1] Табынцы Гали Сокорой и Мухаметсалим Уметбаев в своих исторических изысканиях так же опирались на письменные источники, которые не дошли до нас.

Выскажем предположение, что и знаменитое «Дафтар-и Чингизнаме» было составлено в табынской среде. Не случайно, его анонимный автор ставит родоначальника табынцев – Майкы-бия выше других тюркских биев, пришедших на помощь Чингисхану. Только Майкы-бий сидел вместе с Чингисханом и давал ему полезные советы. М.А. Усманов отрицает принадлежность автора «Дафтар-и Чингизнаме» к башкирам на том основании, что автор памятника путает родоплеменные отношения башкир с общетюркскими, и вообще, о башкирах говорит как об отдаленном третьем лице.[2] Следует отметить, что по причине слабой изученности проблемы и недостатка источников, мы не можем с точностью установить границу, отделяющую родоплеменные структуры башкир Зауралья от общетюркских родов XVII–XVIII вв. К примеру, до недавнего времени считалось, что среди башкир не было родовых подразделений кунграт[3] и джилаир[4]. Относительно употребления этнонима «башкиры» в третьем лице следует отметить, что именно приверженность к ханской власти ставила табынцев в особое положение по отношению к другим башкирским родам. К началу 80-х гг. XVII в., т.е. ко времени завершения работы над произведением, прошло менее пяти лет после ухода, из Сибири (или убийства) Кучука. Для зауральских табынцев, сохранивших верность кучумовичам, это событие стало катастрофой, вину за которую они были склонны возлагать на все башкирские роды, не проявившие желания отдать последние силы для защиты легитимного правителя. Однако наиболее критическое отношение автора «Дафтар-и Чингизнаме» вызывает отношение башкир к хану Сайиду-Джагфару, призвавшему их к восстанию в 1681 г. Отход участников от восстания анонимом квалифицируется как измена «праведному хану» всего башкирского народа.[5]

Кунгурский бургомистр Юхнев, побывавший в Башкортостане в 1726 г., общую численность табынских башкир определил в 60 000 человек. Если эти цифры верны, то табынцы в то время составляли четвертую часть всего башкирского населения края. Тем не менее, приверженцы идеологии степной государственности, оказавшись в

[1] Рычков П.И. История Оренбургская…С. 194.
[2] Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв…С.128.
[3] Новиков В.А. Материалы по истории уфимского дворянства…С. 189.
[4] РГАДА. Ф. 248. Оп.15. Д. 821. Л. 263.
[5] Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв…С. 128.

окружении башкирских родов, не смогли навязать им свои представления о иерархизированном обществе. Не последнюю роль в этом сыграла и башкирская политическая традиция неприятия прямого подчинения ханской власти.

Интересно, что именно среди зауральских башкир мы находим противников власти чингизидов. Речь идет о племени Салъют (салжауты) и исторически тесно связанных с салжаутами катайцах.

В начале XVII в. среди башкирских родов противостояние сторонников и противников шибанидов приобретало характер гражданской войны. В 1606 г. султан Алей готовился к походу на башкир Уфимского уезда. Узнав об этом намерении сибирского царевича, башкиры «Айские и Челзеуцкие волости побежали з женами и з детьми в крепи, пометав животы». При этом, войско Алея состояло в основном из представителей башкирских родов: «…и у царевичев людей ево, и тобынцов, и сырянцов и нагайцов человек с 1000».[1]

В 1695 г. начался длительный земельный процесс, в котором крестьяне Зауральских слобод обвиняли башкир в захвате угодий на сибирской стороне Урала. Большой фрагмент дела с претензиями крестьян был опубликован в «Материалах по истории Башкирской АССР»,[2] но, по неясным причинам, встречный иск башкир не был включен в сборник. Его текст был опубликован В.Н. Шишонко в «Пермской летописи».[3] Суть челобитной башкир Улукатайской и Салзаутской волостей состояла в том, что их вотчины были утверждены за предками челобитчиков, которые участвовали в строительстве города Уфы. Перечисляя «службы своего деда Шугур Девлет Кокузова», башкиры отметили его роль «в строении города Уфы и подговоре под высокую державную руку блаженныя памяти великого государя и великого князя Михаила Феодоровича всея России касимовского царя Араслана Алексеевича, и за то де пожаловали его Шугура княжим именем».[4]

А.-З. Валиди указал на то, что роды Салжаут и Катай относились к главенствующим племенам, на которых опирались ханы.[5] На территории Башкирии племена Салъют и Катай всегда расселялись на смежных территориях. Этот факт вместе с преданиями, в которых салъюты и катайцы называются «братьями», свидетельствует о глубокой

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 155
[2] Там же. С. 87.
[3] Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263 – 1881 г. Пятый период. Ч.2. С 1695-1701 г. Пермь, типография Сибирской земской управы. 1887. С. 45 – 51.
[4] Там же. С. 45.
[5] Валиди А.-З. История башкир…С. 52.

традиционности их взаимосвязей.[1] В этой ситуации возникает вопрос, к какой родоплеменной структуре относился Шугур-Девлет Кокузов? В челобитной 1695 г. особо подчеркивается, что челобитчики живут на реках Караболка и Синара. В своем очерке, посвященном истории зауральских башкир, Р.Г.Кузеев отметил, что в XVI в. салъюты раньше катайцев переселились в Зауралье и заняли угодья по реке Синара и Караболка. На их землях в качестве припущенников жили не только катайцы, но и роды Сынрян и Терсяк, также переселившиеся из тех же мест, что салъюты, но позднее.[2]

Наиболее важным замечанием А.-З. Валиди является указание на то, что салжауты являлись главным туменом Тайбуги: «В период правления Махмудек Ходжа-хана стали известными туменские беи Конграта и Салжавута. Воюя во главе (с родами) Туринского вилаята против туменов Конграта и Салжавута, победил их и объединил вокруг себя всю страну».[3] На основании этого упоминания Д.М. Исхаков проделал источниковедческий анализ татарских родословных, что позволило ему первоначально поддержать концепцию, согласно которой, тайбугиды происходили из клана салджигут.[4] В 2009 г. татарский ученый кардинально пересматривает свою позицию. На основании вновь обнаруженных источников Д.М. Исхаков приходит к выводу, что Тайбуга принадлежал к клану Буркутов.[5] По мнению Ж. Сабитова, буркуты происходили от Буркыт-бия, одного из племенных вождей эпохи Чингисхана и Джучи. Его потомок (сын, внук или правнук) был Тайбуга.[6] Понятия «правящий клан» и «тайбугиды» не обязательно должны совпадать по смыслу. А.-З. Валиди не утверждал,

---

[1] Кузеев Р.Г.Происхождение башкирского народа…С. 233.

[2] Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.)// Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. I. С. 171-267.

[3] Там же. С. 53.

[4] Исхаков Д. М. Институт сибирских князей: генезис, клановые основы и место в социально-политической структуре Сибирского юрта. // Гасырлар авазы –Эхо веков. журнал. Казань, Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2008. С. 137.

[5] Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана// Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.). 17 марта 2009 г. Казань, Фэн АН РТ, 2009. Вып.1. С.24-30.

[6] Сабитов Ж. К вопросу о буркутах в западной Сибири XV в.// Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции Сулеймановские чтения 2012. Тюмень, 2012. С. 135-138.

что Тайбуга происходит из рода Буркут, он лишь отмечает, что сын Тайбуги был беем Салжаутского тумена.[1]

Если Тайбуга был буркутом, то салъюты вполне могли занять позиции правящего клана в условиях ослабления буркутов в конце XV – начале XVI в. А.-З.Валиди свое мнение о главенствующей роли салжаутов высказал на основе «Утемыш-хаджы» – источника, возникшего в середине XVI в. К этому времени о буркутах мало кто помнил в Сибири. После смерти Абулхаир-хана Умар буркут был убит Ибаком, сведшим влияние буркутов в Сибири к минимуму. Одной из причин таких репрессий было родство буркутов с Мухаммедом Шейбани: бабушка Мухаммеда Шейбани была из племени буркут.[2]

По мнению В.В. Трепавлова, к 60-м гг. XVI в. беки из клана буркутов были полностью оттеснены от власти ханом Кучумом.[3] Этот шибанид сделал ставку на джилаиров, возвышение которых приходится на период его правления. До недавнего времени считалось, что в номенклатуре башкирских родов не было джалаиров. Ш.Н. Исянгулов обнаружил в одном из вариантов башкирского эпоса «Бабсак и Кусяк» упоминание о хане Масиме из рода Джалаир, властвовавшего над народами бараж и бурзян.[4] В 1734 г. Секум Тупаров, представлявший интересы башкир двенадцати волостей Сибирской дороги, в своем прошении на имя Анны Иоанновны заявил, что волости «Айлинская, Дуванская, Сартская, Сызгинская, Упейская, Черлинская, Мурзаларская, Тюбеляцкая, Каратавлинская, Тырыяклинская, Алыская, Жилаирская владели вотчинною землею и всякие угодьи по раздаче ногайского хана по тамгам и по урочищам без письменных крепостей всю вообще».[5]

А.-З. Валиди указывает на то, что борьба биев салжаутов с представителями шибанидского дома, отмеченная еще в годы правления Махмудека Ходжа-хана в 30-е гг. XV в., не утихала и в XVI в. В это время Кучум-хан воевал с Ядыгар Мирзой, сыном бея Салжавутского тумена Тайбуги.[6]

Историческая судьба Сибирского княжества в составе Монгольской империи совпадает с характером тех отношений, которые сложились у башкирских родов с чингизидами. «Сибирские летописи» передают идеологическое оправдание возникновения фактически

[1] Валиди А.-З. Указ .соч. С.33.
[2] Там же. С. 138.
[3] Трепавлов В.В. Сибирский юрт…С. 18.
[4] Исянгулов Ш.Н. Предания и легенды "акташского" цикла как исторический источник: из истории башкир в домонгольский период. ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, Гилем, 2015. 186 с. С. 167.
[5] РГАДА. Ф. 248. Оп.15. Д. 821. Л. 263.
[6] Валиди А.-З. Указ.соч. С. 40.

автономного княжества, пожалованного князю Тайбуге за верную службу Чингисханом: «Царь же Чингис, слыша от Тайбуги, яко покори ему многия и подручны сотвори, наипаче честь ему дарует. Паки же Тайбуга прося от царя Чингиса, яко да отпустит его, и деже хощет, тамо да пребывает. Царь же отпусти его: Идеже,— рече,— хощеши, тамо да пребывавши. Изыде же князь Тайбуга со всем домом своим на реку Туру, и тамо созда град, и нарече его Чингиден; ныне же на сем [месте] град Тюмень».[1] Впоследствии правящие кланы Сибирского княжества не могли простить чингизидам нарушения этого установления. Поэтому когда российские войска появились за Уралом, сибирские воеводы быстро обрели союзников в лице салжаутов. Один из местных биев Шугур-девлет Кокузов со своими людьми даже переселился из Зауралья поближе к новой русской крепости в бывшей ногайской Башкирии. Некоторые салжаутские роды ушли дальше на запад. Еще в начале XIX в. в окрестностях Мензелинска была Салжаутская тюба, вотчинники которой вступили в судебный спор со смоленской шляхтой, испомещенной по рекам Мензеле и Кумьяде.[2] «Отводная книга по Уфе» фиксирует довольно раннее возникновение татарской слободы на реке Урюзя. Уже в первый год официальных отводов поместных дач в 1591 г. поместными окладами были пожалованы «уфимские вожи слободские татаровя без хлебного жалования Шугарко Коккузов и Игиличко Земанов. Дано им государева жалованья пашни на Великом поле по той же реке под Высоким же бугром подле Шугуровы же да Игиликовы пашни по 4 чети в поле человеку, а в дву потому ж, оклад их сполна».[3] Распространенная практика явочного землевладения XVII в. предполагала, что первые три-четыре года земля обрабатывалась без официального оформления документов на нее. Многочисленные указания в самой отводной книге свидетельствуют о том, что еще до 1591 г. слободские татары Шугур Кокузов «с товарищи» распахали не менее 140 десятин пашни. В источнике отмечено, что помещику дается земля, что ранее пахали слободские татары.[4] Таким образом, Шугур Кокузов владел пашней еще до 1591 г. К началу XVII в. его именем была названа татарская слобода. Речка Урюзя, на которой она находилась, с 1612 г. именуется Шугуровкой. Следовательно, сведения из челобитной 1695 г. об участии Шугура Кокузова в строительстве Уфы вполне достоверны. Поселение слободских татар возникло одновременно с городом Уфой.

[1] ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. М., Наука, 1987. Ч. 1.С. 46-47.
[2] ГАОО. Ф. 6. Оп.4. Д. 8823. Л. 78.
[3] Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92-1629)»… С. 266.
[4] Там же. С. 99.

Исследователей не должно вводить в заблуждение то, что население подгородней слободы в источниках представлено как татары. А.-З. Валиди по этому поводу отметил, что татарами называли те племена, которые составляли отдельные «тумены», формировавшиеся по десятичной системе. Возможно, именно по этой причине башкирское племя Салъют не имело родовой структуры.[1] По утверждению А.-З. Валиди, эти племена «после прихода русских обрели вид уфимских татар, но впоследствии обашкирились.[2] Интересно, что «уфимские вожи» Шугур с товарищами получили землю по окладам служилых татар, сохраняя за собой вотчинные владения в Зауралье. Судя по челобитной 1695 г., потомки Шугура Кокузова, башкиры Салжаутской волости, доказывая свои права на вотчинные земли по рекам Синаре, Миассу, Исети, Ревле, Багаряку и д.р., ссылались на факт владения «прадедов и дедов».[3] В начале XIX в. поверенный от Салжаутской волости Торгай Явгелев в ходе межевания вотчинных угодий волости заявил, что в 1694 г. их предок Яшагуза Аккузин получил жалованные грамоты на земли «по реке Ревде и по речке Сысояде, и по реке Исети, да по речке Решеле, да по озеру Синару, да по реке Синаре же, да по речке Багаряку, да по озеру Савнину, да по речке Торя, да по озеру Сохояку, да по озеру Алида, да озеру Ивель, да по реке Мияссу, да по речке Караболке».[4] В отношение соседних башкирских родов в категорической форме было заявлено: «По оной нашей грамоте сказали Улукайтацам и Балдыкатайцам и прочим русским живущим людям разослать по своим жилищам, кроме сынрянцев, и тою нашей землей не владеть, а приняли мы в общее владение улукайтацев и балдыкатайцев из одного подобострастия кантонного начальника Абеселима Маратова».[5]

Прямо подтверждается другими документами и информация челобитной 1695 г. об участии Шугура Кокузова в дипломатических миссиях к сыновьям хана Кучума. В 1601 г. из Уфы на Тобол были отправлены «к царевичам к Кучумовым детям к Алею, да к Канаю с братьею уфинские татары Шугурдевлет да Кульзара князя да табынец Утумыш с товарищи, 10 человек, чтобы царевичи ехали на государево царское имя в Уфинский город, и Шугур де с товарыщи наехали Каная царевича в тобольской вершине, меж тобольские и ишимские вершины, 20 днищ от Уфы».[6] В том же 1601 г. уфимец Гаврила Артемьев был

[1] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа…с. 70.
[2] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 40.
[3] Шишонко В.Н. Указ. соч. С. 46.
[4] РГАДА. Ф. 1327. Оп.2. Д. 3518. Л. 71.
[5] Там же. Л. 72.
[6] История Сибири. М., Восточная литература, 2000. Т. II. С. 194.

послан «к царевичом вместе с ними слободского татарина Шугура Кокузова да Кипчасские волости Иселемана князя; а приехав, велели им по наказу царевичом говорить, чтобы царевичи ехали на государево имя».[1]

Относительно участия Шугура Кокузова в судьбе будущего касимовского царя Араслана Алексеевича в исторических работах до сего времени нет ясности. В тексте челобитной 1695 г. недвусмысленно указано на роль Шугура Кокузова в «подговоре под высокую державную руку блаженныя памяти великого государя и великого князя Михаила Феодоровича всея России касимовского царя Араслана Алексеевича».[2] А.В. Беляков, целенаправленно изучавший биографию этого кучумовича, указал на то, что Алп-Араслан – пасынок царевича Алея – вместе с другими детьми и женами Кучума оказался в русском плену в результате разгрома на реке Обь войска Кучума 20 апреля 1598 г.[3] Однако имя Алп-Араслана отсутствует в многочисленных списках, где перечисляются все члены плененного семейства сибирского хана.[4] При этом, в составе плененных сибирских татар назван дядька царевича Алп-Араслана и его люди.[5] По этой причине мы не можем согласиться с версией А.Б. Белякова о пленении Араслана, тем более, что Г.Ф. Миллер прямо указывает на то, что сын Алея Араслан был послан в Москву в 1605 г. Алей ожидал его возвращения в 60 километрах от Тюмени.[6] В том же году тюменский воевода получил информацию от «терсяцких татар», что «поехал де Алеев сын Араслан царевич к государю к Москве, а того де неведомо, жив ли он или умер».[7] Таким образом, Араслан отправился в Москву не в качестве пленного, а самостоятельно, спустя 7 лет после сражения на реке Обь. Вполне возможно, что решение о поездке в Москву было принято под влиянием салжаута Шугура Кокузова. Именно в эти годы салжаут активно участвовал в переговорах с кучумовичами. Интересно, что потеряв надежду на возвращение из Москвы пасынка, Алей в отместку решил напасть на башкир Уфимского уезда, очевидно, считая их виновными в потере родственника.[8]

---

[1] История Сибири. М., Восточная литература, 2000. Т. II. С. 196.
[2] Шишонко В.Н. Указ. соч. С. 46.
[3] Беляков А.В. Араслан Алеевич — последний царь касимовский// Рязанская старина, 2004-2005. Рязань, Край, 2006. Вып. 2—3. С. 9.
[4] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т.II. С.1-23.
[5] Там же. С. 21.
[6] Миллер Г.Ф. История Сибири…. Т.II. С. 223.
[7] Там же. С. 225.
[8] Там же. С. 226.

Еще в конце XVI в. у Шугура Кокузова в источниках отмечен довольно взрослый сын – Мангатай Шугуров. В 1591 г. по соседству со слободой уфимских татар зафиксирована пашня Мангатая с товарищи.[1] Интересно, что в этом источнике он упоминается как «башкирец», а не служилый татарин. Документы Уфимской приказной избы называют его и служилым татарином, и «башкирцом». 18 ноября 1634 г. сборщик пятиной деньги М.С. Сыч направил пятиннщика М. Семенова на Красный Яр в Минскую волость к башкирцам Мангатаю Шугурову с товарищи.[2] В другой наказной памяти М.С. Сыча от 16 декабря 1634 г. отмечено: «Ехати им в Уфинской уезд на Красной яр и взяти для государева дела служилово татарина Мангатая Шугурова сына».[3] По-видимому, сохраняя статус служилого татарина, Мангатаю Шугурову удалось стать вотчинником Минской волости еще в конце XVI в.

Кучумовичам все же удалось отомстить роду Шугура Кокузова, однако сделал это не Алей, а его брат – султан Аблай, который в 1635 г. совершил стремительный рейд на Уфу из района горы Туратау. Согласно источникам, который обнаружил А.-З. Валиди, в 1635 г. сын Кучум-хана Абылай султан, объединившись с калмыками, вырезал беев, находившихся в связи с русскими.[4] Поскольку основной ударной силой султанов Аблая и Тевкеля были калмыки, то в официальных документах было отмечено, что уфимские слободские татары были убиты в калмыцкий приход. В 1645 г. по воеводскому наказу уфимец П. Ураков отправился в «старую Минскую Багауровскую деревню по сю сторону Уфы реки на пустую на выморочную на мангатаевскую и на кузубаевскую на пустошь да Шугуровскую гору позади максимовских озер по исток и по Уфу реку, где живали на перед сево служилые татаровя Мангат Шугуров, да Кузубаш и Артаул с товарыщи» для того, чтобы отвести эту землю в поместье К. Нармацкому. По поводу прежних владельцев земли было отмечено, что наперед сево на пустоши живали уфинские служилые татаровя Магатай да Кузубай с товарыщи, и тех де татар побили калмыцкие люди, а иные де померли. А та де пустошь порозжа лет с десят и больши, в поместье и на оброк не отдана никому».[5]

Спустя 27 лет после гибели жителей татарской слободы зауральские родственники Шугура Кокузова добились реванша в противостоянии с кучумовичами. Именно салжауты и катайцы в 1662 г.

---

[1] Текст «Отводной книги по Уфе …С. 267.
[2] РГАДА. Ф. 396. Оп. 26. Д. 41 395. Л. 5-6.
[3] Там же. Л. 9.
[4] Валиди А.-З. Указ. соч. с. 59.
[5] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1.Д. 143. Л. 2-5.

пленили сына Аблая – Кансуяра с женой и детьми и отправили их в Уфу.[1]

Следует отметить, что в исторической литературе политическую ситуацию в Зауральской Башкирии XVI–XVII вв. принято трактовать несколько упрощенно. Так, в обобщающем труде по истории башкирского народа отмечается: «Большая часть зауральских башкир вошла в состав Русского государства по собственной воле, меньшая — была завоевана».[2] В другом месте этого исследования уточняется, что в середине XVI в. южные зауральские башкиры добровольно вошли в состав Русского государства.[3] В источниках XVIII в. отмечается, что башкиры Сибирской дороги разделяются на три тюбы или аймака: катайскую, айлинскую и табынскую.[4] Этнические взаимоотношения этих групп исследованы в работе Р.Г. Кузеева и Н.В. Шитовой.[5] Мы предполагаем, что эти объединения имели политическую основу. Если табынская тюба была опорой для кучумовичей и несла в себе имперскую государственную традицию чингизидов, то айлинское объединение ориентировалось на потомков Едигея. В первой трети XVIII в. они старшины родов, входивших в айлинский союз, помнили о земельных пожалованиях ногайского хана.[6] Катайская тюба, куда входили салжауты, представляла собой роды, поддержавшие сибирскую княжескую династию. Отношение к российским властям во многом предопределялось традиционными политическими предпочтениями. Если катайцы и салжауты добровольно приняли подданство России, руководствуясь неприятием власти кучумовичей, то табынцы вплоть до ухода кучумовичей к каракалпакам стремились поддерживать сибирских чингизидов. Отношение к России айлинского союза было таким же противоречивым, как и политика ногайских правителей в отношении России.

При этом, башкирская знать отнюдь не отказывалась от преимуществ государственного права чингизидов, закрепившего за башкирскими родами их земельные владения. Это символическое признание значения золотого рода оставляло за ним только дистанционное внешнее регулирование жизни башкирских общин, причем только в тех вопросах, которые сами башкиры считали сферой полномочий ханов и султанов. Этот же стереотип был перенесен и на отношение к подданству Русскому государству.

---

[1] Шишонко В.Н. Указ. соч. с. 46.
[2] История башкирского народа… Т.3. С. 58.
[3] Там же. С. 51.
[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 499.
[5] Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры… С.210-211.
[6] РГАДА. Ф.248 Оп.15. Д.821. Л.263.

§3.Институты власти в башкирском обществе

Исследователи теорий социальной эволюции кочевых обществ (Н.Н. Крадин, В.В. Трепавлов, Г.Е. Марков) отмечают, что государственность не была необходимой для кочевников. Все основные процессы у кочевников протекали в рамках отдельных домохозяйств. Все политические и социальные противоречия разрешались в рамках традиционных институтов. Нужда в объединении кочевников возникает только в случае войны за природные ресурсы, организации грабежей земледельцев и экспансии на территорию с целью установления контроля за торговыми путями. С этой точки зрения, создание кочевых империй – это частный случай, укладывающийся в рамки популярной в свое время завоевательной теории политогенеза (Гумплович Опенхаймер), согласно которой, война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.[1]

Основанием для формирования государственной структуры у кочевников является фактор военного господства, необходимый для фиксации неравенства. Насколько вообще кочевникам свойственен эгалитаризм в отношениях между сегментами общества? Следует отметить, что данной проблемой в основном занимались не историки, а этнологи, что неизбежно привело к определенной абсолютизации устойчивости социальных состояний.

В этой связи нельзя не отметить дискуссию между сторонниками и противниками концепции существования конических кланов у евразийских кочевников. В своей книге А.М. Хазанов подверг критике Л. Кредера за перенесение принципа примогенитуры, который был сформулирован Кирхоффом для полинезийского общества, на евразийских кочевников.[2] Очевидно, что следует согласиться с основным выводом А.М. Хазанова о том, что у евразийских кочевников не прослеживается зависимость социальной позиции индивида от порядка его рождения. Однако это не говорит еще об отсутствии неравенства между родовыми структурами. Определенная иерархия между сегментами кочевого социума прослеживается у древних монголов, крымских татар, ногаев и калмыков. В качестве наиболее известных примеров можно указать на отегю-бойолов (otegu-boyol) Монголии XII — начала XIII вв. или эмбинских ногаев в улусе Дайчина в середине XVII в. В обоих случаях подчинение основано на факте

[1] Крадин Н.Н., Бондаренко Д.М. Кочевая альтернатива социальной эволюции…С. 17.
[2] Хазанов А. М. Указ. соч. С. 292.

завоевания, хотя зависимые кочевники сохраняли свободу передвижения и родовую организацию. Но главное в том, что ранжирование сегментов общества происходит в результате военного подчинения одних кочевников другими. Одновременно специфика кочевого хозяйства и традиции самоуправления неизбежно создают условия для разрушения подобной зависимости. Дело в том, что хозяйство кочевников ограничивалось экономическими возможностями каждой отдельной семьи. Все политические и социальные противоречия разрешались в рамках традиционных институтов. По этой причине появление отношений господства и зависимости в кочевой среде вызывало перенапряжение всего социума, с которым невозможно было справиться только внутренними ресурсами общества. Выход из критической ситуации, как правило, выражался либо во внешней экспансии, либо в намеренной консервации эгалитарных структур общества. В последнем варианте наблюдается формирование социальных институтов, которые ограничивают развитие социальной стратификации и исключают вероятность концентрации власти в одних руках.

В историографии, по вполне объяснимым причинам, наиболее исследован именно первый вариант. Покорение оседлых народов позволяло кочевым социумам в значительной степени нивелировать социальную структуру. Неполноправные прежде кочевые сообщества получили возможность выйти из зависимого положения. Некоторые из монгольских боголов смогли даже войти в господствующую элиту порабощенных оседлых обществ. Появление лидера, обладающего неограниченной властью, было логическим завершением перестройки общества в обстановке внешней агрессии.

У некоторых зауральских родов башкир, оказавшихся в сфере непосредственного подчинения тайбугидов и шибанидов, иерархия родовых структур сохранялась вплоть до XVI в. А.-З. Валиди отмечает, что главенствующие племена, на которых опирались ханы, имели общее название «карачы». Они составляли отдельные «тумены».[1] Однако большинство представителей этих родов ушли из Башкирии в Мавераннахр в XV–XVI столетиях. Оставшиеся на Южном Урале представители некогда могущественных кланов быстро смешались с башкирами. По утверждению А.-З. Валиди, эти роды до сих пор считаются знатными (эшрафами) у башкир.[2] Тем не менее, в XVII в. представители этих кланов в Башкирии не имели никаких правовых преимуществ по отношению к незнатным башкирским родовым структурам. Более того, многие «эшрафы» были вынуждены занимать

[1] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 52.
[2] Там же. С. 53.

зависимое положение припущенников. В этом они нисколько не отличались от ногаев, оставшихся в Башкирии после ухода основной массы мангытских элей из Башкирии в начале XVII в. Однако там, где сохранялась ханская власть, иерархия родовых структур оставалась важным социальным институтом государственного управления. Согласно исследованию Д.М. Исхакова, в Крымском и Казахском ханствах ведущая роль в управлении государством принадлежала 4–5 кланам.[1]

Несмотря на то, что некоторые башкирские родоплеменные образования были основаны бывшими пленными или переселенцами, между башкирскими общинами никогда не существовало иерархии старшинства. Это отличало родоплеменную структуру башкир от кочевого общества казахов, в котором были старшие и младшие роды. У башкир даже те родовые подразделения, которые образовались в результате сегментации, имели равные права со старыми родами на вотчинные угодья. Как гласит башкирская поговорка: «Степь — широкая земля, для молодых и старых — равная земля».[2]

Примечательно и то, что ногайцы – прежние властители Башкирии, при включении в башкирское сословие в конце XVI – начале XVII в. не имели никаких преимуществ во владении вотчинными землями перед другими башкирскими родами. Более того, часть оставшихся в Уфимском уезде ногайцев была вынуждена сначала стать припущенниками у башкир. В прошении Бабиша Аслаева из Телевской волости, написанном в 1680 г., видно, что его дед Кубеляк в конце XVI в. был ногайцем и состоял припущенником у башкир Табынской волости. Припущенником был и его отец Бабища, и он сам. Их припустили в вотчину на условиях выплаты ясака.[3] Потомки этих ногайцев – припущенников получили вотчинные права на занимаемые ими земли и стали владельцами части угодий башкирского племени Табын. Впоследствии они даже основали отдельный род – Кубеляк, ставший башкирской волостью уже в начале XVIII в. В башкирском предании рода Кубеляк ногайское происхождение его основателя передается путем иносказания. Так, после смерти охотника Баймухамета, скрывавшегося от преследований хана, остались вдова и два его сына. Вскоре к вдове забрел странник, он сговорился со старухой и стал жить вместе с ней. Сыновья об этом не знали. И вот родился у старухи сын. На первых порах родители растили его в тайне, а когда он подрос, решили им обо всем рассказать. Это известие

[1] Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени …С. 12.
[2] Башкирское народное творчество… Т.7. С.50.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1 Д. 770. Л. 1.

обрадовало сыновей старухи. «Почему не сказали нам об этом раньше, он был бы нам юным другом», — сказали они. А через некоторое время умер и старик-странник. Оставшегося малолетнего сына его еще не было имени. Что делать? Смотрели братья на малыша, смотрели и решили: «Этот малыш чисто как бабочка-кубаляк, так пусть и имя его будет Кубаляк». Вырос, окреп Кубаляк, стал братьям верным другом. Они обосновались на той же земле, что и он, сделали его своим воспитанником.[1] Легендарная версия интеграции ногаев в башкирский этнос представлена в виде варианта адопции – усыновления.

Интересно, что в некоторых родовых преданиях башкир адопция иноплеменника совершалась вопреки желанию членов рода, но согласно санкции правительства. Предание рода яиксыбы-мингцев гласит: «У старика Яиксыбы было восемь сыновей: Суракай, Камыш, Сурай, Альшэй, Ташлы, Аккылай, Кайын, Дюртюли. По их именам образовались аулы с теми же названиями. Таким образом, род Яиксыбы-мин состоял из восьми деревень. Глава рода нанял переводчиком одного татарина и послал его в Петербург для выплаты ясака. Тот татарин представился девятым сыном старика Яик-сыбы и записал себя под именем Туктар-Абдрашит. Поэтому эта татарская ара считалась башкирской и вошла в состав минцев девятым аулом».[2]

Историческая судьба могущественных некогда сибирских кланов и прежних властителей края ногаев, оставшихся в Башкирии, свидетельствует о том, что башкирскому обществу был свойственен эгалитарный тип социальных отношений. Неприятие башкирами иерархических структур обнаруживается даже в генеалогических легендах, которые отражали установление зависимости от ханской власти. Башкирский вариант Дафтар-и Чингизнаме» фиксирует отношения между башкирскими родами, принесшими клятву верности Чингисхану, как абсолютно равные. Особые полномочия и хитроумие, продемонстрированные уйшином Майкы-бием, не вознесли его выше сыновей побежденных врагов Чингисхана, которые стали равноправными членами союза. Интересно и то, что к девяти родам присоединились два главы башкирских родов (Бурджан-Бек и Джорматы-Бек), о которых ранее не упоминалось. Причем произошло это уже после прихода к Чингисхану его активных противников. Почему бии Юрматы и Бурзян не участвовали в поисках Чингисхана? Можно высказать предположение о том, что позднее включение этих родов в союз объяснялось тем, что в первой половине XIII

[1] Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Сост. и отв. ред. Ф.А. Надрщина. Уфа, Китап, 1987. Т. II. С. 126-129
[2] Там же. С. 122.

в. Бурзян и Юрматы занимали наиболее отдаленные от империи территории на западе, соседствуя с Волжской Булгарией.

Является ли стремление к сохранению эгалитарной акефальной структуры признаком социально-политической незрелости общества? Положительный ответ может быть дан только в том случае, если мы признаем однолинейность в качестве единственной модели эволюции общества. Как, например, М. Фрид, который в своей «Эволюции политического общества» избирает фактор растущего неравенства среди людей и, таким образом, выделяет четыре уровня сложности: 1) эгалитарное общество, 2) ранжированное общество, 3) стратифицированное общество и 4) государство.[1]

Еще в конце XX столетия исследователи негосударственных социумов обратили внимание на то, что, наряду с развитием жестких надобщинных политических структур (вождество – сложное вождество – государство), всегда существует альтернатива в виде развития структур внутриобщинных вместе с эволюцией мягких межобщинных систем, не отчуждающих общинного суверенитета (разнообразные конфедерации, амфиктионии и т.д.). Одним из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении являются греческие полисы.[2]

Своеобразная коммутативная структура получила развитие в предисламской Аравии. Авторы исследования «Возникновение ислама» установили, что большинство социально-политических систем Северной и Центральной Аравии вполне адекватно отреагировало на кризис VI в. отторжением надплеменных политических структур (т. е. большинства аравийских «царей», политических лидеров вождеств и агентов их власти), поскольку те начали представлять реальную угрозу для элементарного выживания рядовых членов аравийских племен.[3] Однако арабы не просто разрушили большинство из этих жестких надобщинных политических структур, отчуждавших племенной суверенитет; они также выработали альтернативные «мягкие» структуры надплеменной культурно-политической интеграции, не представлявшие угрозы племенному суверенитету.

Наиболее примечательным в данном случае представляется развитие системы священных анклавов и регулярных паломничеств к ним, сопровождавшихся ярмарками. Это, конечно, был, прежде всего,

---

[1] Классен Хенри Дж. М. Эволюционизм в развитии// История и современность. 2005. №2. С. 3-22.

[2] Альтернативные пути к цивилизации. Под ред. Н.Н.Крадина, А.В.Коротаева, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынши. М., Логос, 2000. 368 с. С. 34.

[3] Коротаев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Возникновение ислама: социально-экологический и политико-антропологический контекст. М., Цивилизационное измерение, 2007. 112 с. С. 27.

религиозный ареал, однако он имел и очевидные политические измерения. Именно во время паломничеств-ярмарок к упомянутым выше святилищам «традиционное племенное общество развивало разнообразные межплеменные связи, производило обмен религиозными и культурными идеями, как впрочем, и обычными товарами. Кроме того, решались и разнообразные юридические проблемы (заключение перемирий, выплаты долгов, компенсаций за убийство, выкуп пленных, подыскивание клиентов, розыск пропавших без вести, решение вопросов наследования и т. д.).[1]

Таким образом, безгосударственные политии отнюдь не уступают по уровню сложности социальной жизни и развития культуры жестким стратифицированным государственным образованиям.

А.В. Коротаев на основании концепции Р. Адамса, создавшего энергетическую теорию власти, убедительно доказал, что безгосударственные общества в определенных условиях способны контролировать большие потоки энергии, нежели централизованные государства.[2] Объяснение этого парадокса состоит в эффективности использования ресурсов, поскольку в безгосударственных политиях доля политического участия в контроле за ресурсами несравненно выше, нежели в доиндустриальных империях. Кроме того, таким политиям свойственен более жесткий контроль за эффективностью использования аккумулированных ресурсов. Всаднические социумы, находившиеся в состоянии постоянной военной готовности, могли контролировать огромные территории, не прибегая к созданию отделенного от общества централизованного органа управления. К примеру, в 1675 г. начался спор между двумя тарханами Курпес-Табынской волости Бокой Чермышевым и Коскильдой Акыровыми. В списке князей, тарханов и дуванов 1681 г. было отмечено, что на реке Ик «живут» только два этих тархана с детьми.[3] Тем не менее, они не смогли поделить между собой обширнейшую территорию, представлявшую собой степь с многочисленными реками и озерами от левобережья Волги в районе Самарской луки до реки Яик вместе с соляными озерами в районе реки Илек. Площадь владений двух тарханов была сопоставима с территориями таких стран, как Румыния или Белоруссия.

В этой связи представляется весьма дискуссионной апелляция Н.Н. Крадина к теории Ш.Л. Монтескье относительно корреляционной связи между формой политии и величиной занимаемой ей территории: «Для маленьких обществ характерна республика, для средних –

[1] Коротаев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Возникновение ислама… С. 29.
[2] Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., Восточная литература, 2003. 278 с. С. 64.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 381. Л. 3.

монархия, для больших —деспотия».[1] Однако территория и население Башкирии трудно квалифицировать как «маленькое» общество. По расчетам Р.Г. Кузеева, в середине XVI в. башкир и ногайцев, кочевавших в Башкирии, насчитывалось около 200 тысяч душ обоего пола.[2] Площадь территории, на которой они проживали, составляла около 366,8 тысяч квадратных километров.[3] Очевидно, что возможности контроля за ресурсами определялись не только количественными (величина территории), но и качественными свойствами конкретного социума (всаднический, воинственный).

Тем не менее, с другим фактором, определенным Н.Н. Крадиным в качестве необходимого элемента возникновения неиерархизированных акефальных сообществ – наличие естественной защиты от соседей, – следует целиком согласится.[4]

Следует отметить, что, как правило, подобные общества не являются политически изолированными. Безгосударственные полукочевые и кочевые общества Евразийского ареала являлись частью несравненно более сложной общности, с многочисленными экономическими политическими и культурными связями и общими политико-культурными нормами. Это позволяло акефальной политии переадресовывать внешнему имперскому центру часть управленческих функций, которому кочевые социумы подчинялись формально. Как правило, подобные вопросы не могли быть урегулированы внутри самой акефальной политии без ущерба для единства социума. Внутренний мир в башкирском обществе в значительной степени поддерживался благодаря передаче российской администрации таких проблемных вопросов как урегулирование земельных споров между башкирскими родами, наказание неисправимых преступников, запрещение тусначества и т.д. Дело в том, что традиционное разрешение этих проблем внутри башкирского общества сводилось к санкционированию родовой мести (карымта), ответного набега на нарушителя вотчинных прав с захватом имущества обидчика (барымта) и т.д. Эти древние формы восстановления справедливости на практике приводили к бесконечным конфликтам внутри общества и не способствовали укреплению политического единства. Исследователи, настаивающие на том, что перечисленные полномочия российских властей были закреплены за ними по их же инициативе, не обратили внимание на противоположную тенденцию в общероссийском законодательстве. В

[1] Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., Логос, 2004. 272 с. С. 170.
[2] Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа… С. 112.
[3] Рахматуллин У.Х. Указ. соч. С. 67.
[4] Крадин Н.Н. Политическая антропология…С. 172.

эти же годы российская власть передает татинные и убийственные дела губным старостам, избираемыми уездными людьми на местах.

Башкирское общество, став частью политического пространства Российского государства, должно было принять на себя и все его внешнеполитические вызовы. Мир-системный подход, предложенный в 1984 г. Валлерстайном, позволяет выйти за узкие рамки анализа исключительно внутренних процессов, происходящих в башкирских общинах. Обратимся к конкретному примеру. С 20-х гг. XVII в. башкирское общество существовало в условиях непрерывного военного противостояния с калмыками. Многократное численное преимущество позволило калмыкам захватить башкирские вотчинные угодья на юге Уфимского уезда. Российская администрация военными и дипломатическими средствами стремилась защитить башкир как своих подданных. Причем, это делалось даже в тех случаях, когда башкиры нарушали достигнутые российско-калмыцкие соглашения. Однако к середине 50-х гг. XVII в. отношение российских властей к башкирам радикально изменяется, когда один из наиболее влиятельных калмыцких лидеров очередной раз обратился к российскому правительству с просьбой принять калмыков в подданство. Калмыки обещали в подтверждение своей шерти не только дать аманатов, от чего прежде категорически отказывались, но и начать военные действия против Крыма.

В условиях тяжелейшей войны с Польшей военная помощь калмыков сыграла важную роль в нейтрализации крымской угрозы. Калмыки честно выполнили свои обязательства перед российским правительством. Более того, калмыцкий тайша Мончак предупредил Москву о контактах башкир с крымским ханом. Он узнал, что «хан намеревался принять их к себе и ходить с ними вместе под государевы города».[1]

Российская администрация так же выполнила условия соглашения с калмыками. Приказ Казанского дворца не только подтвердил указ 1648 г. о запрете башкирам нападать на калмыков, но и дал специальное задание уфимскому воеводе Ф.И. Сомову: «..про башкир сыскать всякими сысками накрепко, а все взятое ими у калмыков вернуть обратно». Впоследствии правительство не придавало большого значения фактам злоупотреблений, предпочитая объяснять причину восстания башкир вынужденными мерами по изъятию калмыцкого полона. В 1664 г. правительство заявило калмыкам, что башкирское восстание 1662–1664 гг. было результатом соглашения

[1] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., Мысль, 1961. Кн. 6. Т. 11-12. С. 237.

российского правительства с калмыками: «...уфимские башкиры за то, что у них взят полон и отдан вам тайшам Великому государю изменили и будучи в измене учинили русским людям многое разоренье».[1] Главной причиной башкирского восстания 1662–1664 гг. стало резкое изменение внешнеполитического курса российского правительства. Выполнение условий договора с калмыками неизбежно должно было привести к вмешательству властей в дела башкирского самоуправления.

Таким образом, именно мир-системный подход показывает, насколько фундаментальным было влияние на жизнь башкирских общин внешнеполитического фактора. И это воздействие ясно воспринималось башкирами, осознававшими себя в качестве субъекта международных отношений. Многочисленные башкирские делегации и переговоры с калмыцкими, крымскими, кубанскими, турецкими, джунагарскими, казахскими и каракалпакскими правителями свидетельствуют о том, что в XVII–XVIII вв. у башкир существовало представление о себе как о народе, обладающим политическим единством и представлением о своем международном статусе.

В такой же мере, как аравийские племена VI–VII вв, башкирские общины XVI–XVII вв. представляли собой части единой децентрализованной коммуникативной сети. Еще до вхождения в состав Российского государства все башкирские роды в социальном отношении были противопоставлены ногаям в качестве данников. Несмотря на то, что каждый род самостоятельно решал вопрос о добровольном вхождении в состав Российского государства, в XVII в. в Москву направлялись представители от всех башкир. Н.Ф. Демидова в своей статье, посвященной истории башкирских посольств в Москву, отметила, что делегации башкирских представителей в Москве в XVII в. преследовали цель конкретизации отдельных положений из привилегий, установленных в XVI в.[2] Многие вопросы управления башкирами не могли быть определены в ходе принятия подданства.

Однако, в отличие от аравийских племен, башкирские роды объединялись не столько для решения юридических, религиозных и культурных вопросов, сколько для урегулирования территориальных и внешнеполитических вопросов. Все башкирские родовые структуры представляли собой часть военной организации, формировавшейся на основе племенных ополчений. Когда в 1649 г. отряд калмыков Чокулы вторгся на территорию Уфимского уезда, то в его разгроме участвовало

[1] Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 годов…С. 128

[2] Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в.//От древней Руси к России Нового времени. М., Наука, 2003. С. 180.

башкирское войско, в котором были представлены племенные ополчения 11 волостей.[1]

Какая надплеменная структура выполняла интегративную функцию в башкирском обществе, кто регулировал применение военной силы в башкирском обществе? Документы, отображающие историю многочисленных башкирских восстаний, свидетельствуют о том, что такой властью обладали только йыйыны – народные съезды. При этом они созывались не только во время восстаний и войн. Общебашкирские йыйыны собирались в тех случаях, когда необходимо было принимать решения, затрагивающие интересы всех башкир. Так было, например, в 1721 г., когда башкиры решали вопрос о возобновлении российского подданства.[2]

Йыйыны координировали общие действия, вырабатывали единые позиции в отношении тех или иных мероприятий правительства. В памяти уфимского воеводы А.М. Волконского от 1663 г. упоминается, что башкиры прислали человека для переговоров «ко мне всем миром четырех дорог».[3] На йыйынах принимались решения о начале или завершении военных действий, избрании хана, выделении дополнительных военных подразделений, назначении командиров, обсуждались новые подати или указы верховной власти. Инициатором созыва йыйына, как правило, являлась группа влиятельных башкир. Однако нет ни одного свидетельства, подтверждающего факт созыва съезда ханом. Решение, принятое на йыйыне, было обязательным для всех, независимо от присутствия на съезде или несогласия с его постановлением. О предстоящем съезде башкиры узнавали из писем, которые рассылались по волостям и особым знакам и тамгам, которые нарезались на палках. В 1736 г. воеводе Уфимской провинции было приказано: «…где станут присылать письма и тамги по своему обычаю на палках нарезанныя, для приезду на какия-либо затейные воровския зборища, тех не слушать и, потому ж, ловя с теми письмами и с тамгами отвозить в городы».[4]

Башкирские йыйыны утверждали мирские сборы средств для отправки посланников от народа в Москву и Санкт-Петербург. Из справки, составленной в 1729 г. в коллегии иностранных дел о поездке Максюта Юнусова с посланцами от казахских старшин в Санкт-Петербург, отмечено, что «когда наша братья посылаются в другие

[1] РГАДА. Ф. 116. Оп.2. Д. 1649. Л.2.
[2] Там же. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 172.
[3] Материалы по истории Башкирской АССР... Ч. 1. С. 176.
[4] Там же. Т. VI. С. 340.

города, хотя и не для его величества дел, и тем дается от миру подмога по гривне и по две з дыму».[1]

Башкирские йыйыны не были только собраниями башкирской знати. Мнение биев, тарханов или батыров учитывалось только в том случае, если оно совпадало с позицией большинства йыйына, в котором мог участвовать любой взрослый мужчина. Не случайно, в делопроизводственных документах йыйыны назывались «мирскими советами».[2] О том, что йыйыны отнюдь не были советами знати, говорят и масштабы подобных собраний. В феврале 1737 г. руководители восстания на Ногайской дороге предложили башкирам Казанской дороги «послать во все волости дабы съезжались к ним для совету, почему в показанную деревню Козееву съехались со всей Казанской дороги дворов тысяч 5»,[3] т.е. в принятии решения участвовало не менее 15 тысяч человек, способных носить оружие. В башкирском обществе считалось, что никакие меры, затрагивающие интересы народа, не могут приниматься без «мирского согласия». В июне 1735 г. сотник Надыровской волости Надыр Уразметев сообщил властям о состоявшемся на реке Дема собрании башкир Ногайской дороги. На йыйыне Надыр Уразметев и другие башкиры, побывшие в Москве и подписавшиеся «служить без мирского ведома» были приговорены к смерти.[4] В 1745 г. один из участников событий 1735–1740 г. Сапар Осипов сообщал властям, что уже в 1731 г. правительство нарушило установленный порядок, согласно которому, любые действия российских властей в Башкирии должны согласоваться с решениями йыйынов. По его мнению, именно это обстоятельство стало одной из причин восстания: «В прошлом 1731 г. приезжал из Санкт-Питербурха в Уфу Иностранной колеги бывшей переводчик Алексей Тевкелев, кой ныне брегадиров, взял к себе в товарыщи из оных башкирцев коштанов без мирского совету, отменил вышеписанной порядок, и поехал в Киргиз-Кайсацкую Орду. А некоторые башкирцы были с ним по службе, токмо была между народу молва, что де он, Тевкелев, поехал для призыву киргиских ханов с их владениями е.и.в. в подданство и положения на них ясаку. На что оной башкирской народ между собою разсуждали, что де оного киргиского народу состояние их издревле знаем, они де люди не постоянные е.и.в. подданные, и с нами жить не будут».[5] Аналогичная ситуация повторилась в начале июня 1735 г., когда на реке Чесноковке собралось 500 башкир, направивших в Уфу

[1] Гайсин А.А. Посол белого падишаха…С. 165.
[2] Там же. С. 658.
[3] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 368.
[4] Там же. С. 30.
[5] Там же. С. 659.

двух представителей с просьбой разъяснить цель подготовки похода И.К. Кирилова. По приказанию главы экспедиции выборных башкир высекли и заключили в тюрьму. Вторая партия их выборных была уполномочена собранием добиваться разрешения на поездку в Петербург. Их снова высекли (один от побоев умер) и бросили в тюрьму.[1] Попрание обычая мирского обсуждения мероприятий властей башкирским обществом воспринято как уничтожение обратной связи, гарантировавшей стабильность отношений между башкирами и правительством. Следующим шагом должен был быть запрет непосредственного обращения к главе государства (привилегия, закрепленная за башкирами в XVI в.), чтобы окончательно убедить население в отказе от всех прежних принципов отношений с башкирами.

Йыйыны, представлявшие интересы башкир Уфимского уезда, собирались на Чесноковской горе в 18 верстах от города Уфы. Имеющиеся источники не позволяют определить, когда эти съезды приобрели периодический характер. В своем обращении к Анне Иоанновне вожди башкирского восстания Акай Кусюмов и Кильмяк Нурушев в 1735 г. указали, что в урочище Безсучан «дедам и отцам наперед сего при всем собрани указы объявляли».[2] Тем не менее, самый ранний чесноковский съезд, отмеченный в документах, состоялся только в 1704 г. 5 октября 1704 г. приехавшие из Москвы прибыльщики сообщили башкирам указ, учреждающий новые подати и налоги. Собравшиеся башкиры выразили сомнение в том, что подобный указ мог быть подписан царем: «И они де спорили и тех прибыльных дел на себя не приняли и сказали ему, Андрею, что они воры те прибыльные дела великий государь имянно ведать не изволит».[3] Здесь же 7 июня 1720 г. полковник Иван Головкин должен был передать трехтысячному собранию башкир «великого государя грамоту» о возобновлении российского подданства и добровольной передачи башкирами российских «сходцев».[4] Календарные даты чесноковских съездов позволяют установить характер их созыва. Если съезд 4 октября носил чрезвычайный характер, обусловленный необходимостью введения новой фискальной системы в обстановке войны, то собрание 1720 г. можно отнести к традиционным, регулярно собиравшимся мероприятиям. В декабре 1735 г. И.К. Кирилов предложил правительству по завершении восстания «оставить обыкновенной старинной мирской збор о семике съезжатца к речке Чесноковке, в кое

[1] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 492.
[2] Там же. Т. VI. С. 86.
[3] Там же. Ч. 1. С. 110.
[4] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 152.

время о нуждах мирских советывать и письменно доносить».[1] Если учесть, что в 1720 г. празднование пасхи состоялось 20 апреля, то семик (седьмой четверг после пасхи) приходится на 6 июня. Интересно, что 7 июня соответствует пятничному дню. Первая пятница июня являлась днем начала празднования главного башкирского йыйына.[2] Территория, на которой собирались съезды, до начала XVIII в. была предметом судебного спора между башкирами Табынской волости и монахами Успенского монастыря. В 1690 г. Умитбай Мурзашев сумел получить оберегательную грамоту на большую часть спорных угодий.[3] Его прямой потомок башкирский просветитель Мухаметсалим Уметбаев писал: «Русские все время старались оттеснить башкир от Уфы. Для этого и попытались было передать земли, что между Агиделью и озером Ювалы-Куль, Успенскому монастырю. С другой же стороны вторгались на башкирские земли чесноковские мужики. «Каратонами» называли их башкиры, т.е. «черными кафтанами». По преданиям, башкиры долгое время не давали чесноковским крестьянам поселиться здесь. Даже соорудили на Каратонской горе ложементы для перестрелки. Так пытались они препятствовать расширению городских земель».[4] Судя по наказам, дававшимся посольским головам Уфы, речка Чесноковка являлась границей, на которой было принято встречать посольские и торговые миссии, следовавшие с южной стороны. В наказе от 1658 г. стрелецкому голове Никите Юрьевичу Аничкову было отмечено, что он должен встретить послов, «как они приедут к речке Чеснаковке и за речку и велено ему Никите ставить уфимских конных стрельцов в рядах стройно и по посольскому обычаю, а самому Никите сшедши с лошали и тому посланнику Яныбечку и торговым тезикам велеть сойти с лошади и говорить речь великого государя и царского величества».[5]

Единого руководителя, который мог бы взять на себя принятие решений за всех участников восстания, у башкир не было даже в ходе самых длительных и упорных восстаний. Это обстоятельство значительно усложняло деятельность российских властей по умиротворению башкирского народа. В ходе подавления башкирского восстания 1704 – 1711 гг. казанский губернатор П. Апраксин пожаловался Петру I: «Народ их проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никаких над собой начал, хотя бы такого как на Дону атаманы, и таких не имеют, приняться не за кого и чтобы особно

[1] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 100.
[2] НА РБ. Ф. И-1. Оп.1. Д. 852. Л.3.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1047. Л. 3-4.
[4] Уметбаев М. Башкиры//Ватандаш. 1998. № 2. С. 161.
[5] РГАДА. Ф. 119. Оп.1. Д. 1 Л.13.

послать не кому».[1] В начале 1735 г. в своем «рассуждении», представленном в кабинет, И.К. Кирилов и А.И. Румянцев отметили отсутствие в башкирском обществе ответственной элиты, способной принуждать своих сородичей: «Хотя не скорого, но впредь порядочного учреждения интерес требует, чтоб башкирцы тех волостей, от коих воровство было, каждая волость имели у себя вместо волостных старост выборных старшин 2-х или 3-х, на которых бы мочно было взыскать всякое преступление или неисправу, а ныне не имеют никого, но всяк большой, и для того посылаемыя указы пишут обще тарханам, батырям и всем башкирцем, чего взыскать ни на ком нельзя».[2] Отсутствие в башкирском обществе властной элиты, обладающей правом на насилие, осознавалось и одним из самых проницательных администраторов России XVIII в. В декабре 1736 г. В.Н. Татищев сообщил в Сенат о предпринятой им реорганизации управления башкирами: «Их безначальных в страхе и добром порятке содержать неудобно, разсудил выбрать из них до указа е.и.в. старшин и сотников».[3] По существу, Татищев предложил создать в башкирских волостях иерархическую структуру административного подчинения по типу управления помещичьими крестьянами: «Для того у нас в шляхетских деревнях в каждой десятник, над несколькими сотник, потом выборной и староста, над тем прикасчик, которые над людьми надзирают и их в страхе содержат; подчиненные их почитают и слушают беспрекословно».[4] Эту же мысль В.Н. Татищев стремился донести и до башкирской элиты, чей авторитет не признавался даже собственными детьми: «Лучшие же люди и особливо богатые, а паче старики умные, тому не пристали, разве по нужде в обсчестве находились, многия же детей своих не могли от того зла удержать». В беседе с тарханом Таймасом Шаимовым В.Н. Татищев объясняет причины бедствий, обрушившихся на башкирский народ («многие тысячи пропали»), тем, что «междо вами никакого начальника нет».[5] В 1737 г. А.И. Тевкелев противопоставлял порядки в башкирских волостях деревенскому устройству мещеряков: «Оные ж мещеряки привычны жить под командою, а не в своевольстве, что весьма полезно и для содержания их в добром порядке».[6] В своей записке о состоянии башкирского народа от 1743 г. вице-губернатор П.Д. Аксаков присоединяется к общему мнению всех администраторов

[1] РГАДА. Ф. 119. Оп.1. Д. 1 С. 179.
[2] Материалы по истории Башкортостана. …Т.VI. С. 100.
[3] Там же…С. 269.
[4] Там же. С. 264.
[5] Там же. С. 264.
[6] Там же. С. 313.

края о том, что башкиры «доселе никакого на себе начальства из своих не имели».[1]

Сама терминология делопроизводственных источников XVII–начала XVIII в. свидетельствует об отсутствии в башкирском обществе лиц или групп, способных принимать решения за всех членов сообщества. Обратим внимание на форму адресации в переписке между представителями российской администрации и башкирами. Распространенным оборотом в посланиях, направляемых восставшим, в XVII в. становится фраза «ко всем башкирцам».[2] В свою очередь, башкиры Ногайской дороги, обращаясь в 1663 г. к уфимскому воеводе А.М. Волконскому, указывали «письмо от нас башкир».[3] Практика обращения ко всему башкирскому народу была продолжена и в XVIII в. В качестве примера приведем указ В.Н. Татищева от 28 декабря 1735 г.: «Сибирской дороги башкирского народа обывателем, как духовным, так и свецким старшинам и прочим всякого звания людем».[4] В XVII в. подобной адресации во взаимоотношениях российских властей с другими народами мы не находим. Субъектом переговоров с российскими властями выступают не калмыки, ногайцы, кабардинцы и сибирские народы, а исключительно представители их знати. Очевидно, что подобный характер обращений к башкирам был положен не российской стороной, а самими башкирами. Башкирские главы родов постоянно ссылаются в своих челобитных на то, что все вопросы, связанные с состоянием войны и организацией военной службы, решаются только «мирским согласием».[5]

Характерно и то, что в обращении к «добрым людям» из башкир уфимские воеводы употребляет выражение «у великого государя в милости быть, а перед своими вытить», «промеж своих людей только ты хочешь вытнее их быть». Термин «вытнее» отражает различное имущественное положение членов одной общины, но не сословное деление. Таким образом, российская администрация до середины 30-х гг. XVIII в. не ставила башкирскую родовую знать над общиной и не стремилась наделить ее особыми сословными правами.

В своем исследовании «Социальная антропология» К. Леви-Стросс доказал, что наиболее наглядно социальную структуру общества отображает планировка поселений.[6] Этнографы, изучавшие расположение домов в башкирских селениях XVIII–XIX вв., отметили,

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Т.III. С. 430.
[2] Там же. Ч. I. С. 168-171.
[3] Там же. С. 166.
[4] Там же .Т. VI… С. 132.
[5] Там же. С. 133.
[6] Леви-Стросс К. Структурная антропология…С. 110.

что чаще всего для деревень характерна внешняя беспорядочность расположения жилищ.[1] Учитель Уфимской духовной семинарии В. Зефиров писал о башкирских деревнях: «Смотря на них, невольно подумаешь, что набежавший вихрь перевертел, перекрутил все по-своему и оставил деревню в самом хаотическом положении. Едешь, кажется, по улице и вовсе неожиданно встречаешь на пути то плетень, то ворота, то амбар или что-нибудь подобное».[2] С.Н. Шитова отмечает только два фактора, влиявшие на планировку поселений – выход к реке и соседство родственников.[3] И только в условиях военной опасности башкиры прибегали к кольцеобразному расположению юрт, что в своей первооснове объяснялось удобством организации обороны и надежной защиты старейшины, находящегося в центре.[4] При этом, данная планировка была характерна только при размещении войлочных юрт, но не зимних поселений, состоящих из рубленых изб.

Чем же было обусловлено отсутствие институализированной властной элиты в башкирском обществе XVII– первой трети XVIII в.? У соседей башкир (калмыков, казахов и ногайцев) существовали правители, облеченные полнотой власти в решении важнейших вопросов жизни общества. По-видимому, башкиры исторически имели совершенно иной политический опыт. Отсутствие улусной структуры на территории Башкирии предопределило специфически дистанционный тип имперского управления краем. Лояльность к главе государства основывалась, в том числе и на том обстоятельстве, что хан находится за пределами обитания башкирских родов, т.е. он практически не вмешивался в дела внутреннего самоуправления, в котором важнейшие решения всегда принимались на народных собраниях. Даже начало военный действий санкционировалось не ханом, а йыйыном, представлявшим собой высший орган самоуправления.

Йыйын являлся наиболее древним башкирским праздником,[5] т.е. обладал сакральным значением. А.Н. Усманов утверждает, что на йыйыны съезжалась, главным образом, кочевая знать: бии, тарханы, батыры и духовенство, которые решали вопросы, исходя, прежде всего, из собственных интересов.[6] Характер народного празднества не

[1] Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир.(Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М., Наука, 1984. 256 с. С. 41.
[2] Оренбургские губернские ведомости. 1847. № 7; 1851. № 3.
[3] Шитова С.Н. Указ. соч. С. 42.
[4] Калимуллин Б.Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1978. 132 с. С. 12.
[5] Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Быт башкир. Л., 1925. Ч.2. С. 177.
[6] Усманов А.Н. Указ .соч. С. 29.

позволяет видеть в башкирских йыйынах только собрания знати, своего рода консилиумы феодалов. Эти многолюдные собрания выполняли свою главную функцию – поддержание социальных и политических связей между родовыми структурами башкир. Йыйыны представляли собой традиционный институт, консолидирующий политическое единство башкирского народа. В 1724 г. В.Н. Татищев, предлагая правительству меры по предотвращению башкирских восстаний, полагал, что начинать процесс по обузданию башкир следует с ликвидации съездов, на которых один бездельник из богатых мурз многих на пакости и своевольства обратить может.[1] О фундаментальном значении башкирских йыйынов в деле сохранения автономного статуса башкирской политии писал и А.-З. Валиди: «Царица Анна 9 июля 1737 г. в своем указе запретила собрание этих «йыйынов». Тем самым был положен конец самостоятельности Башкурдистана».[2] Однако даже после утраты своего политического значения башкирские йыйыны продолжали выполнять функцию по налаживанию общественных связей между башкирами разных родов и селений.

Праздничный йыйын включал в себя широкий спектр различных ритуалов сближения и торможения агрессии внутри башкирского общества. Этому способствовали не только совместные молебны и угощения, но и традиционные соревнования спортивного и артистического характера. Скачки, борьба, соревнования в стрельбе и песенные состязания трансформировали прежние межродовые обиды и естественную агрессию в законное русло праздничного сакрального действия, в конечном счете, направленного на укрепление единства социума. Л.А. Иткулова, исследуя архетипические сюжеты башкирской сказки, обратила внимание на то, что для героя сказки агональность имела важное значение даже в таких вопросах, как выбор дальнейшего пути или определения методов достижения цели.[3]

Эту же функцию выполняли на йыйынах поэты-импровизаторы – сэсэны. Традиционные состязания сэсэнов назывались айтыш. Эти поэтические и ораторские поединки могли преследовать как эстетические, так и политические задачи. Однако главной целью выступления сэсэнов было достижение мира и улаживание конфликтов между родами. Свой сэсэн был у каждого значимого рода башкир. Особенно славились сэсэны из племени Катай, что и запечатлела башкирская поговорка: «Катаец создан богом для распрей, бурзянец —

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Т.III. С. 483.
[2] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 140.
[3] Иткулова Л.А. Состязательность в народной сказке//Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Уфа, Восточный университет, 2000. С. 165-166.

для войн».[1] Авторы русскоязычного тома «Башкирского народного творчества», посвященного пословицам и поговоркам, перевели слово «дау» как «спор». В результате перевод башкирской поговорки приобрел противоположный смысл: «Сэсэн — первый в споре, батыр — первый в борьбе».[2] Однако в данном случае следует понимать, что сэсэн не начинает, а завершает спор между родами. Решение йыйына во многом зависело от аргументов сэсэнов, участвующих в полемике. В «Баике Алдар-сэсэн» повествуется о поэте-импровизаторе Айдаре Байназарове (1710–1814), который, будучи участником башкирского восстания 1735–1740 гг., в столетнем возрасте обратился к башкирам на йыйыне с призывом забыть старые обиды и идти воевать за царя против Наполеона:

Когда на голову грянет беда,
Пусть в обычной жизни плохой,
Все же хорош человек
Двое братьев будут ссориться,
Сядут на коней — помирятся! [3]

Несмотря на официальное запрещение башкирских йыйынов в 1829 г., они продолжали собираться под контролем военной администрации. М. Уметбаев в воспоминаниях о своем отце, кантонном начальнике Ишмухамете, отметил, что тот до самой смерти (1861) посылал своих лошадей на джиин и часто выходил победителем, как, например, на знаменитом Дуванском джиине Циалковского и Сергеева, когда две лошади Уметбаева прискакали первыми.[4]

А.З. Асфандияров отметил, что строгие запреты проведения йыйнынов в 30-е гг. XIX в. объяснялись необходимостью прекращения массового пьянства, грабежей и насилия над женщинами, однако истинный смысл запрещения заключается в другом: органы власти боялись общения жителей нескольких деревень, не предусмотренного регламентом военно-феодального режима.[5] Бирский земский исправник И.И. Михайлов в своем доношении Оренбургскому губернскому правлению от 10 июля 1829 г. писал, что в «дзиины проводятся на обширных полях, на которых бывает до двух тысяч человек обоего пола».[6] При этом праздник не проводится в одном месте, «переходит из

[1] Башкирское народное творчество… Т. 7. С. 65.
[2] Там же. С. 192.
[3] Сулейманов, А.М. Башкирские сэсэны // Ватандаш, 2012. №9. С. 129
[4] Уметбаев М. Башкиры//Ватандаш, 1998. № 2. С. 166.
[5] Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России… С. 144.
[6] НА РБ. Ф. И-1. Оп.1. Д. 852. Л.2.

селения в селение», таким образом, во всеобщем взаимном угощении участвует нескольких деревень одной волости.[1] М. Мосс показал интегративную роль межплеменных празднеств в поддержании социальных связей между отдельными кланами и родами. По его наблюдениям, в ходе подобных праздников взаимные обязательства берут на себя не индивиды, а коллективы. Обязательным элементом таких мероприятий являются знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств — лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора.[2]

О том, что решения, принятые на башкирских йыйынах, представляли собой договорные обязательства, подтверждается фактом фиксации их в соответствии с требованиями ислама. Избрание в 1708 г. башкирским ханом Салтан-Мурата сопровождалось ритуалом клятвы на коране «чтоб им быть всем ему послушным».[3] Летом 1735 г. Акай Кусюмов склонял к восстанию колеблющихся башкир тем, что «у нас де по закону нашему башкирцы были у Курану и положили, чтоб итти к статскому советнику и мурзе против русского войска».[4]

В башкирском обществе только йыйыны санкционировали карымту.[5] Эпический персонаж Бабсак, схватив убийцу своего отца, старика Каракулумбета, не решился произвести обряд кровной мести без решения йыйына: «Что будем делать с этим стариком, пощадим его или убьем?» Только согласие собрания башкир позволило Бабсаку отомстить за отца.[6] Однако йыйыны не только санкционировали родовую месть, но и обладали правом приговаривать преступников к смертной казни. В 1729 г. в своем доношении в Сенат уфимский воевода П.И.Бутурлин просил разъяснить, что делать, «ежели башкиры будучи на сборах между собой с согласия своего своих же людей за воровство убивают».[7] В ответном послании Сената от 29 июня 1729 г. П.И.Бутурлину рекомендовалось выяснить, «имеют ли башкиры какие-либо судебники или книги», по которым определяют степень вины и вид наказания. Н.Г. Мухтаров установил, что в обычном праве башкир

[1] НА РБ. Ф. И-1. Оп.1. Д. 852. Л. 3.
[2] Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., КДУ, 2011. 416 с. С.145-146.
[3] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.1. С. 43.
[4] Там же. Т. VI. С. 238.
[5] Мухтаров Н.Г. Смертная казнь в обычном праве башкир//Ватандаш. 2001. № 10. С.74.
[6] Там же. С. 75.
[7] РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д.734. Л. 507.

существовало 18 видов смертной казни.[1] Тем не менее, письменные источники сообщают нам только об одном виде казни и только в отношении пойманных с поличным конокрадов. Вице-губернатор П.Д. Аксаков в своем «Кратком известии о народе башкирском» свидетельствует: «В некоторых делах розбирались или судились миром… и винных за кражи, привязывая к коневьеву хвосту».[2] Особенностью данного вида казни является то, что между приговоренным и исполнителем экзекуции есть живой посредник, на которого возложена самая ответственная часть процедуры. Привязывание осужденного к хвосту лошади отчасти напоминает ордалию – божий суд, в котором роль человека сводится лишь к созданию условий для свершения казни. В башкирском фольклоре лошадь выполняет сакральную роль посредника-проводника между двумя мирами – потустороннего и миром людей.[3] Ситуация, в которой орудием казни служит предмет преступления соответствует архаическому принципу талиона, т.е. эквивалентного возмездия.

Следует отметить, что факт отсутствия постоянного института экзекуторов является одним из важнейших маркеров, характеризующих социальную структуру общества. Роже Кайуа заметил, что фигура палача являет собой своего рода зеркальный образ верховного правителя: «Он оставляет верховному владыке престижную часть, а на себя берет часть позорную. Кровь, обагряющая его руки, не пятнает суд, который выносит приговор, потому что палач берет на себя весь ужас казни».[4]

П.Д. Аксаков отмечает, что все иные виды преступлений в башкирском обществе, в том числе и убийства, наказывались денежной пеней: «В протчих платежей разводили».[5] Это подтверждает и И.К. Кирилов: «Между собою и пришлецами бывают у них смертныя убийства, по которым никогда надлежащим розыском не оканчивается, но денежною бедою вершитца».[6] В качестве пени за убийство родственники преступника могли расплатиться не только деньгами, но и частью своей вотчины.[7]

---

[1] Мухтаров Н.Г.Указ. соч. С. 72.
[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 424.
[3] Котов В.Г. Башкирский эпос Урал-батыр. Историко-мифологические основы. Уфа, Гилем, 2006. 408 с. С. 315.
[4] Роже Кайуа Социология палача//Олье Дени. Коллеж социологии. СПб., Наука, 2004. С.368.
[5] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 424.
[6] Там же. 406.
[7] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 443. Л. 4.

Однако в краткие периоды существования в башкирском обществе ханской власти йыйыны передавали преступников для совершения казни в руки верховной власти. В феврале 1737 г. по просьбе «мирских людей» хан Абулхаир повесил за воровство 4-х человек.[1] Башкирская поговорка лаконично разграничивает экзекуторские полномочия ханов и родовой элиты: «От хана — кол, от бия — дубинка».[2]

Документы Приказной избы и Сената говорят о том, что преступников из пришлого населения башкирские общины сами не наказывали, а передавали в руки уфимских властей. Так, в 1700 г. башкиры Кудейской волости поймали с поличным двух гулящих татар, укравших у одного из башкир 12 рублей. Воров не передали шариатскому суду, но, связав, повезли за 150 километров в Уфу.[3] В 1735 г. И. Кирилов после инспекции колодников Уфимской провинциальной канцелярии сделал вывод о том, что «самых природных башкирцев в воровствах весьма мало…все пришлые из других уездов, а не настоящие Уфимского уезду башкирцы».[4] Действительно, все 11 человек были татарами и мещеряками, среди которых числились уфимские служилые люди, бобыли и даже «не написанные ни в какой оклад». 5 человек были пойманы и приведены в канцелярию башкирами, 3 – «объявлены башкирцами ворами». Отсутствие среди уфимских колодников башкир объясняется не тем, что воров-башкир не отсылали в Уфу и судили в своих шерагатах. И.К. Кирилов указал на правовую коллизию, обусловленную сложностью применения норм Соборного уложения в Уфимском уезде в отношении преступников, не являвшихся рецидивистами. В соответствии с законодательством, башкир, совершивших 1-2 кражи, в тюрьме не держали. Их наказывали и отпускали в свои волости «на поруки».[5] У пришлого нерусского населения своей волостной организации в Уфимском уезде не было, поэтому отдавать их на поруки было некому. В результате таких преступников вынуждены были держать в Уфе. Для того, чтобы как-то компенсировать затраты на их содержание администрация устраивала своего рода аукционы. И.К. Кирилов по этому поводу писал: «В самом деле такими людьми изстари торговля воеводская происходит, что во время держания всякую работу на них и на приказных людей работают, а потом, кто больши даст, тот скорея и освободитца».[6] Подобная

[1] Материалы по истории Башкортостана… Т.VI. С. 537.
[2] Башкирское народное творчество… Т.7. С. 47.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1339. Л. 13.
[4] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 397.
[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 68.
[6] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 498.

практика не могла не сказаться на отношении местного населения к воеводскому правосудию. И по мере утраты доверия башкир российскому суду возрастало значение шерагатов. Историк права А.Ф. Волков отмечает, что разочарование в официальном судопроизводстве укрепляло авторитет третейского суда: «С течением времени избрание частных судей могло происходить вследствие сомнения у сторон в том, что публичный суд может найти истинное право, или, даже, просто, вследствие недоверия порождаемого абсолютной властью публичного судьи».[1] В 1729 г. толмач Арслан Бекметев привез письмо от башкир всех 4 дорог, в котором были изложены причины недоверия населения уфимским судам: «Раньше воров поймав в Уфу отдавали, но не добрые воеводы тех воров правыми делали. От таких воевод в Уфу стало ездить не возможно и потому таких судили по закону своему и мирских людей».[2] В 1742 г. уфимский вице-губернатор П.Д. Аксаков дает общую характеристику провинциального суда: «В город Уфу просить же приезжали, по которым прошениям странности бесчеловечные бывали лихоимственные с великим им отягощением, виня правых для одного только достатку ево, что есть с ково взять. А порядок приказной тогда бывшей и по самой приезд покойного стацкого советника Кирилова такой был, что нигде такова безпутства найтить невозможно, крайне о том только тщались, что б наживать, а что до правосудия им и удовольствия б в пользу казенную касалось, тога никогда думано не бывало».[3] Наиболее негативно к уфимской администрации были настроены башкиры Гайнинской волости. Еще кунгурский бургомистр Юхнев писал, что они «уфинских судей не слушают и собою судят».[4] Через семь лет, будучи в Петербурге, башкиры Гайнинской волости попытались официально утвердить свое право на независимый от Уфы суд. В 1733 г., находясь в Санкт-Петербурге, Абдук Козягулов от лица всех башкир Гайнинской волости подал челобитную, в которой просил «указ учинить в том, что между нами в наиме два человека выборных людей, которых мы выбрали по оному указу для собирания всяких сборов и для изготовления всякую службу и для всякие дела и для сочинения между нами башкирцами в мелких делах не допуская город Уфу окончать между собою по шерагату нашему с дальностью города Уфы».[5]

---

[1] Волков А.Ф. Торговые третейские суды. СПб., Типография Редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1915. 292 с. С. 12.
[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 511.
[3] Там же. С. 411.
[4] Там же. С. 487.
[5] РГАДА. Ф.248 Оп.15. Д.821. Л 34.

Уфимский уезд, где решения третейских судов нередко выходили за рамки предоставленных им полномочий, разительно отличался от областей, подчиненных Сибирскому приказу. В Сибири любое судебное производство производилось при обязательном присутствии представителей воеводской администрации. Б.Н. Чичерин отметил, что в Сибири даже незначительные гражданские дела (с иском не выше 5 рублей) должны были рассматриваться служилыми людьми и целовальниками вместе с их князьями и лучшими людьми в гражданских делах.[1] В 1724 г. В.Н. Татищев полагал, что именно независимость от российской власти третейских судов создавала условия для «самовольства» башкир. В своем представлении в Кабинет В.Н. Татищев предлагал подчинить башкир нескольким судебным центрам, «подобием того, как казанские татары разделены были по пригородам и для того сделать в разных пристойных местах городки».[2]

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что сфера башкирских третейских судов на протяжении XVII- первой трети XVIII в. оставалась крайне неопределенной. Стремление некоторых исследователей провести строгую границу, отделяющую сферу третейского суда от суда правительственного, не подтверждается данными судебной практики. К примеру, запрещение третейским судам рассматривать криминальные преступления или земельные тяжбы на практике оставалось декларативным пожеланием. Исследователи башкирского общества XVII-XVII вв. определяют полномочия башкирского шерагата на основании прошения Шарыпа Мрякова, датированного в 1734 г. Он, в частности, просил правительство: «Мне нижайшему с муллою которой будет в моей деревне жить кроме смертные и креминальные и важные дела по возможности нашего закона мелкие дела по курану по шерагату и по третейскому суду».[3] Тем не менее, «важные дела» нередко вершились именно в третейских судах. С другой стороны, бывали ситуации, когда правонарушения, находящиеся в безусловной компетенции мусульманского права, выносились на суд уфимских воевод. В 1674 г. башкир Минской волости Бачурка Ишмаметев подал челобитную, в которой потребовал «жонку Куречку в иску его Бачурка в порче пытать».[4]

Земельные споры между вотчинниками нередко выносились на третейские суды. Именно в этих процессах мы наблюдаем совмещение функций третейского суда с воеводским и приказным судом. А.Ф.

---

[1] Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М., тип. Александра Семена, 1856. 592 с. С. 164.
[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. III. С. 68.
[3] Там же. Л. 311.
[4] РГАДА. Ф.233. Оп.1.Д. 180. Л. 239.

Волков, исследуя третейские суды, обратил внимание, что выносимое ими решение являлось не судебным приговором, воспрещавшим или повелевавшим что-либо проигравшей стороне, а простым мнением— «sententia». Исполнение его со всеми вытекающими при этом последствиями было предоставлено самим сторонам.[1] Уфимские власти, расследовавшие случаи нарушения земельных прав между башкирами, допускали в качестве процедурной меры обращение к суду третьих. Их мнение рассматривалось в качестве доказательства правоты одной из стороны. Однако окончательное решение всегда оставалось за администрацией, поскольку только она имела право подтверждать право на владение землей соответствующим актом. Обращение к конкретным земельным тяжбам свидетельствует о том, что в Уфимском уезде нарушались нормы Соборного уложения, регулирующие третейские суды. Согласно XXV главе, тяжущимся сторонам запрещалось подавать апелляцию на решение третейского суда, «потому что третьих себе сам излюбил, и быти тому делу по тому».[2] Однако в Уфимском уезде имели место случаи, когда мнение третейских судей со временем отменялось по челобитной одной из сторон. В качестве примера обратимся к земельному конфликту между башкирами Бурзянской и Кипчакской волостей, который длился веками и даже оказал влияние на фольклорно-эпическое наследие башкирского народа. В начале XVIII в. эта земельная тяжба обострилась в связи с изменением политической ситуации на юго-восточной окраине Уфимского уезда. В конце 90-х г. XVII в. присутствие калмыков на прежних землях башкир стало менее ощутимым. Хан Аюка, увлеченный перспективой подчинения Средней Азии, казахов и захвата легкой добычи на Кубани и в Крыму, ослабил свое давление на башкир. Согласно шертной записи от 13 июля 1697 г., калмыцкий хан обязался вести войны «против бухарцев, каракалпаков и киргиз-кайсаков» и «ради государевой службы и своей добычи посылать своих людей легким делом на Крым, Кубань и в горы». В отношении башкир Аюка занял оборонительную политику. Он добился от царского правительства обещания оказывать помощь калмыкам в случае нападения башкир.[3] Это позволило башкирам Кипчакской и Бурзянской волостей возобновить эксплуатацию прежних своих промысловых угодий по Яику, Тече и Иргизу. В феврале 1700 г. группа башкир Кипчакской волости из 30 человек во главе с тарханом Шекаром

[1] Волков А.Ф. Указ. соч. С. 12.

[2] Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 178.

[3] Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 2003. 476 с. С. 118.

Уразаевым добыла на реке Иргиз 26 бобров.[1] В том же месяце на них подали иск башкиры Бурзянской волости во главе с Деветеем Исекеевым и Якшимбетем Янтикеевым. Ни одна из сторон не представила владенных грамот на спорные владения. Однако в процесс вмешался и влиятельный тархан Алдар Исекеев, вернувшийся из Азовского похода и получивший звание тархана по личному указанию Петра I. Он настоял на привлечении к суду показаний третьих, мнение которых и решило исход тяжбы. «Третьи ногайские дороги Юрматинские волости башкирец Мекей Игибердин да Табынские волости Каскын Зиянбахтин да Мурат Кулкаркаев с братом ево Нурапталом да Сибирские дороги Каратабынские волости Кысан Зиренев» единогласно показали, что спорные владения принадлежали бурзянам. В результате ответчики были обвинены во вторжении в чужую вотчину и нанесении материального ущерба в 52 рубля. На основании показаний третьих»башкирам Бурзянской волости была выдана владенная грамота на спорные угодья. Однако уже в 1702 г. башкиры Кипчакской волости сумели добиться пересмотра воеводского приговора. Тарханы Шегыр Уразаев и Тлевкей Конкасов потребовали проведения повального обыска с участием башкир всех волостей, которые проживали вблизи спорных угодий.[2] В итоге 46 из 47 опрашиваемых башкир из Юрматинской, Тамьянской и Усерганской волостей заявили, что данные угодья находились в общем владении башкир Кипчакской и Бурзянской волостей. Таким образом, мнение третейского суда было упразднено воеводским судом. Подобная ситуация вполне соответствует представлениям башкир о земельном владении рода как пожаловании верховной власти. Эта установка нашла свое отражение во всех шежере. Башкирские роды не подвергали сомнению легитимность государства в сфере земельных споров вследствие прагматической ставки на объективность верховной власти, равноудаленной от частных интересов родовых структур. Решение третейского суда могло быть предопределено сиюминутной политической конъюнктурой или неформальным давлением на третейских судей одной из сторон.

Несмотря на декларируемую башкирами «святость» шерагатов,[3] нередко их решения игнорировались проигравшими сторонами. Согласно челобитной Шарыпа Мрякова 1733 г., эта тенденция в начале 30-х гг. XVIII приобрела пугающие судей масштабы. Он жаловался властям, что участники шерагата «многие опорочат и спорят и вяжутся

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1312. Л.3.
[2] Там же. Д.1358. Л.2.
[3] Лепехин И.И. Записки путешественника академика Лепехина. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1821. Т. 3. С.57

вторично в тяжбу и разоряются в конец и многие отбывают платежа вашего императорского величества ясака».[1] Будущий старшина Каршинской волости просил правительство «об учинении по разводу нашему виноватых наказанье дать мне нижайшему вашего императорского величества указ». В данном прошении речь шла о наделении башкирских третейских судов беспрецедентным правом. Прежде эти традиционные институты выполняли роль инстанции, призванной не доводить спор в башкирском обществе до воеводского или приказного суда. Кроме того, третейский суд был призван выносить мнение, которое принималось российскими властями в качестве экспертного заключения в тех случаях, когда отсутствовали все другие виды доказательства истины. Однако в 1733 г. Шарып Мряков убеждал правительство в необходимости закрепить за третейскими судьями исполнительные полномочия. Более того, он полагал, что российские власти должны взять на себя защиту этого права третейского судьи. Согласно обычаям, исполнение решений суда возлагалось на самих участников процесса. Никакой общественной системы исполнения постановлений суда не существовало. Отсутствие общественной системы исполнения угрожало социальным связям башкирского общества, поскольку создавало благоприятную почву для кровной мести и захвата чужого имущества. К.Р. Усеинова, исследуя социальную функцию барымты в казахском обществе, пришла к выводу о том, что барымта представляла собой способ обеспечения реализации решения суда биев или какой-либо законной претензии, не выполняемых стороной ответчика. Кроме того, барымта имела место и тогда, когда стороны не могли достичь согласия при решении конкретного вопроса, а также в случае вынесения судом биев несправедливого решения.[2] Однако «законное» осуществление подобного решения мало отличалось от начала военных действий между родами. Внутреннее перенапряжение общества создавало угрозу политическому единству башкирского общества. В этой ситуации наиболее прагматичным вариантом урегулирования конфликта являлось переложение полномочий по исполнению судебных решений на плечи российской администрации. В наибольшей степени подобная форма реализации решений третейского суда подходила для земельных споров. К примеру, за весь XVII в. известен лишь один случай, когда вотчинный спор между башкирами привел к вооруженной стычке и пролитию крови. В 1681 г. башкиры Табынской волости Юсуп Коскильдин и Бока Черемышев

[1] РГАДА. Ф.248 Оп.15. Д.821. Л 311.

[2] Усеинова К.Р. Барымты в традиционном обществе казахов//Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 1. С. 76—74. С. 72.

вступили в судебную тяжбу за охотничьи угодья на «луговой стороне Волги реки пониже Самары города в степь к Яику».[1] В ходе расследования обнаружились подробности, которые вывели дело за рамки вотчинного спора. Бока Черемышева жаловался на Юсупа Коскильдина, что тот угрожал ему смертью и неоднократно совершал нападения на его родственников: «бросался на брата его Усейна с ножом и дождався на дороге били и увечили не на живот, а на смерть и ныне мой брат от тех побоев лежит при смерти». Однако опрос свидетелей происшествия показал, что Бока Черемышев несколько изменил картину события. В ходе общего сыска башкир Минской волости Кебес Бекбов «сказал по своей вере и по шерти Бокин де брат брат Усенка с Юсуповым братом Исергапом промеж собой бились плетьми, а он де Юсупко с товарищи к той драке не приставал и брата его Бокейково не бил и он Юсупков на него Усейка с ножем не кидался».[2] Поединок в форме своеобразной дуэли на нагайках известен у многих кочевых народов с древнейших времен. Он сохранился до XX в. у киргизов.[3] У запорожских казаков предпочтение, оказываемое дуэлям на нагайках, было обусловлено не стремлением убить противника, а желанием получить удовлетворение.[4] Тем не менее, Бока Черемышев, неудовлетворенный исходом этого традиционного поединка, обратился к российским властям. Он не только обвинил ответчиков в криминальных преступлениях, но и сообщил властям об их антироссийских действиях: «В прошлых де годех он Юсупко с племянниками своими наехал под Самарой на самарских стрельцов воинским обычаем и у самарских стрельцов отняли они 9 лошадей».

В некоторых случаях административный ресурс использовался башкирами не только для официального оформления российскими властями решений третейского суда соответствующими актами, но и для фиксации финансовых обязательств в качестве гарантии предотвращения нарушения судебного решения. В 1700 г. начался вотчинный спор между башкирами Сибирской дороги Каратабынской и Кудейской волостей.[5] Для определения границы спорных владений обе стороны решили положиться на мнение третейских судей. При этом, тяжущиеся стороны обговорили и процедуру вынесения решения. Показания третейских судей должны были зафиксировать избранные

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 790. Л.5.
[2] Там же. Л. 7.
[3] Соловьев А. И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с. С.55.
[4] Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. СПб., тип. Имп. Академии наук. 1848. Ч.9. С. 336.
[5] РГАДА. Ф. 1172. Оп1. Д. 1339. Л. 3-22.

тяжущимися сторонами «отказчики» уфимский дворянин Михаил Дерюшкин и ахун Кипчакской волости Ногайской дороги Бекбулат Кекеев. На основании показания третейского суда башкиры Каратабынской волости добились от властей оформления владенной грамоты на спорные угодья. После этого обе стороны оформили в Уфимской приказной избе долговую память, в которой они обязывались соблюдать решение третейского суда под угрозой выплаты 500-рублевой пени. После регистрации этот документ был отдан башкиру Мурзаларской волости на хранение с обещанием «тое запись нам без нас друг без друга не отдавать».[1]

Известны случаи, когда третейский суд избирался для решения земельного спора между башкирами и татарами. В 1695 г. возобновился давний спор за вотчинные угодья по реке Ик между башкирами Иланской волости и ясачными татарами Казанской дороги деревни Тынламас.[2] Обе стороны избрали третьих, численность которых несопоставима ни с одним из известных случаев. В состав третейского суда вошло 36 человек, представлявших 15 башкирских волостей Казанской дороги. При этом, лишь один избранный был ясачным татарином. Тем не менее, башкиры Иланской волости на третейский суд в положенный срок не явились.[3]

В какой мере шерагаты, или третейские суды, руководствовались правовыми нормами шариата. Ф.Ф. Шаяхметов, исследуя проблему соотношения мусульманского и обычного права в судебной практике башкирских третейских судов, пришел к выводу о том, что применение норм шариата в разных социальных сферах в башкирском обществе имело различный характер. Так, нормы ал-фикх (право) не получили большого распространения в экономической сфере, в области владения и собственности. А вот в семейно-брачных отношениях, наследственных делах, в области нравственности и других социальных сферах башкирского общества нормы ал-фикх составили серьезную конкуренцию местным доисламским традициям и обычаям, а также нормам российского законодательства.[4] Н.В. Бикбулатов отмечает, что и в наследственных делах башкиры не восприняли сложную, разветвленную шариатскую систему родственников. На практике они оставили лишь те положения, которые отвечали их духу и нравам: предпочтение прямым наследникам, неравноправие женщины и

[1] РГАДА. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 1339. Л. 18.
[2] Там же. Д. 121. Л. 2.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Шариат и обычное право в структуре социальных отношений башкир // Шариат: теория и практика. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, ТАУ, 2000. С. 136-144. С. 139.

т. д.[1] По утверждению Н.В. Бикбулатова, шариатское деление всех наследников на три группы с приоритетным правом фарадитов, т.е. мужа, жены, отца, матери, дочери, деда по отцу, бабки, сестры и брата над прямыми наследниками – асабитами противоречило основам вотчинного права башкир. Дело в том, что у них право на владение землей передавалось по наследству, главным образом, по мужской линии, т.е. по линии асабитов. Асаба, таким образом, означало прямой «потомственный владелец земли», [2] т.е. в данном случае башкиры воспользовались языковой калькой «владелец землей по отцу», т.е. вотчинник.

Ф.Ф. Шаяхметов отмечает, что муллы выступали против норм обычного права, карымты (кровной мести) и барымты (захвата чужого имущества), распространенных среди башкир и являвшихся архаическим наследием норм адата.[3] Вместе с тем, относительно широкого распространения практики барымты и карымты внутри башкирского общества нет никаких доказательств. В 1736 г. А.И. Румянцев, характеризуя ситуацию в Башкирии, сообщал в Кабинет о начале столкновений восставших с лояльными правительству башкирами. Он обратил внимание, что эти нападения приводят к актам возмездия, невиданного прежде у башкир: «Что многих доброжелательных и знатных башкирцев побили и домы их без остатку изграбили, чего между ими еще не бывало, то оставшие на них в великой злобе остались и будут им мстить».[4] О глубоких традициях барымты у башкир можно говорить только по отношению к другим кочевым народам.[5] Внутри общества эта норма обычного права широко не применялась вплоть до самого катастрофического по своим последствиям восстания 1735–1740-х гг., когда вооруженные столкновения между «благожелательными» и восставшими башкирами приобрели крупномасштабный характер.

Таким образом, башкирское общество восприняло только те регулирующие нормы из адата, шариата и российского права, которые в

[1] Бикбулатов Н.В. Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX –XX вв. М., Наука, 1991. 189 с. С. 160.
[2] Там же. С. 160.
[3] Шаяхметов Ф.Ф. Формирование правового плюрализма среди мусульман Южного Урала//Ислам и право. Сост. и ред. И.Л. Бабич и Л.Т. Соловьева. М., 2004. Вып. 2. С.63-78. С. 69.
[4] Материалы по истории Башкортостана… Т.VI. С. 240.
[5] Хуббитдинова Н.А. Художественное отражение обычая «барымта» в повести «Абдряш» П.М. Кудряшева (К проблеме русско-башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей//Вестник Челябинского государственного университета. 2009. Филология, Искусствоведение. № 31. С. 134-137.

наибольшей степени отвечали потребности укрепления социального единства и сплочению этноса перед лицом внешних вызовов.

§ 4. Военная организация и структура общества

Башкирские съезды плохо соответствовали требованиям большой войны, поскольку были неоперативными и громоздкими. У других кочевых народов, не только во время войны, эту роль брал на себя верховный глава – хан. В этой связи нельзя обойти давнюю дискуссию об отношении башкир XVII – XVIII вв. к созданию собственной государственности. Историки XIX в. были убеждены в том, что башкиры в 1662 – 1664 гг. намеревались восстановить Сибирское ханство или создать мусульманское государство под протекторатом Крыма. Н.В. Устюгов более осторожно отметил, что поиски башкирами покровительства кучумовичей, калмыцких тайшей или крымского хана были связаны с желанием переменить сюзерена.[1] Н.Н. Крадин и Г.Е. Марков на основании всестороннего изучения государственных образований кочевников доказали, что кочевые империи представляли собой высшую степень военной консолидации. Эти объединения приобретали на время видимость государства, однако по многим существенным признакам они отличались от государств оседлых земледельцев, поскольку были эфемерны и не долговечны. Они не имели прочной социальной и экономической базы. В их рамках продолжала существовать общинно-племенная организация, переживавшая кочевые империи.[2] Г.Е. Марков для объяснения этого факта вводит понятие «агрегатное состояние кочевого сообщества». В эпохи войн и крупных миграций племенная структура укреплялась на основе военной организации, наступало военно-кочевое агрегатное состояние. При этом подразделения племен становились элементами военной организации, состоящей из племенного ополчения.[3]

В XVII в. башкиры вели постоянные военные действия с калмыками. Как правило, башкирским разрозненным отрядам приходилось отражать противника, который не только численно превосходил башкир, но и имел единое командование. Тем не менее, сами калмыки считали башкир одним из самых опасных противников. С.М. Соловьев и Д.И. Иловайский отмечали эффективность

[1] Устюгов И.В. Башкирские восстание 1662 – 1664… С. 132.

[2] Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция…С 299.; Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., изд-во МГУ, 1976. С. 119.

[3] Марков Г.Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии// IX МКАЭН (Чикаго), Доклады советской делегации, М., 1973. С. 118.

оборонительной тактики башкир в войне против калмыков. Д.И. Иловайский, в частности, писал: «…одетые в кольчуги и шлемы, вооруженные стрелами, копьями и короткими, прямыми саблями, калмыки первое время наводили большой страх на крымцев и одним своим появлением обращали их в бегство. Только башкиры умели наносить поражения калмыкам».[1] Этот факт прямо признавали наиболее влиятельные калмыцкие тайши. В 1644 г. в ходе переговоров с уфимским дворянином И.Черниковым-Онучиным тайша Дайчин рассказал о неудачном завершении последних походов на башкир: «…а коли мы на них башкирцев хаживали, и мы де с потеркой к себе прихаживали». Дайчин не терял надежды привлечь их на свою сторону, если не силой оружия, то мирным путем: «Чаю что и добром будут башкирцы у меня. А только учнут башкирцы кочевать у меня и нам де окроме Бога, кому то сделать?»[2]

В 1646 г. воеводы Астрахани и Уфы доносили в Посольский приказ, что «у башкирцов с калмыками учла быть ссора и не дружба и калмыки де башкирцов боятся».[3] Спустя 15 лет тот же тайша Дайчин в 1661 г. жаловался русскому послу Горохову: «Злее всех башкирцы: всегда всякое зло калмыкам от башкирцев».[4] Именно из-за набегов башкир калмыцкие правители отказывались послать свои отряды в Крым на помощь русской армии, ведущей тяжелую войну с Речью Посполитой. Калмыки ответили послу, что надобно прежде покончить дело о башкирских набегах: недавно еще башкирцы отогнали у калмыков 2000 лошадей. Как тут идти на государеву службу? Необходимо учесть и то обстоятельство, что на стороне калмыков оказалась значительная часть ногаев, которые прекрасно знали башкир.

Обращение к исследованию военной тактики башкир XVII–XVIII вв. показывает определенные отличия от традиций системы, воспринятых от Золотой Орды. Р.Н. Рахимов в свой работе «Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII–XVIII вв.» показал, насколько значительным было влияние тактики монгольской армии для руководителей башкирского ополчения.[5] Калмыцкие тайши (многие из

[1] Иловайский Д. И. История России. Сочинения. Алексей Михайлович и его ближайшие преемники. М., типография товарищества И.Д. Сытина, 1905. Т. 5. С. 234.
[2] РГАДА. Ф.119. Оп.1. Д.84. Л.12.
[3] Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1646. Л. 23.
[4] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., Соцэкгиз, 1961. Кн. 6. Т. 11-12. 682 с. С.224.
[5] Рахимов Р.Н. Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII – XVIII вв.//Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной

них вели свое происхождение от Чингисхана) так же придерживались проверенных временем военных приемов своего великого предка. Военное искусство ногаев, оказавшихся под властью калмыков, так же не отличалось от монгольской тактики ведения войны.[1] Таким образом, все степные народы Волго-уральского региона так или иначе руководствовались традициями монгольской империи и Золотой Орды. Тем не менее, каждый из них вносил свою неповторимую лепту в развитие военного опыта.

На наш взгляд, преимущество башкирского ополчения над калмыками имело место только в условиях горнолесного ландшафта Южного Урала. В открытой степи башкиры безнадежно уступали калмыкам. Однако следует учесть и фактор социального устройства башкирского общества XVII–XVIII вв. В наибольшей степени башкиры отступили от классической системы монголов в деле организации обороны своей территории. К примеру, калмыки, защищая свои кочевья, по словам К.П. Шовунова, никогда не шли навстречу вражескому войску. Все улусное население (женщины и дети) гнало навьюченных верблюдов, табуны лошадей и стада домашних животных в безопасные места, а позади них следовали вооруженные отряды.[2] Бескрайние степи, в случае выступления калмыцкого войска навстречу неприятелю, могли их увести от него, а последний имел возможность беспрепятственно напасть на безоружных людей улуса и безнаказанно скрыться от вооруженных калмыцких отрядов. Башкиры, при получении первых известий о вторжении неприятеля, отправляли женщин и детей в заранее определенные укрытия в горах, пещерах и ущельях, а сами двигались навстречу неприятелю. Фольклористы собрали огромное количество башкирских легенд и преданий, связанные с использованием подобных укрытий во время внезапных набегов противника. В степном Зауралье для этой цели использовались болота, топкие берега рек и озер, представлявшие серьезную проблему для вторгнувшихся войск. В отличие от калмыков, в обороне основные силы башкир не кружили по степям, а искали подходящее для нападения место, дававшее им преимущество. К примеру, в сражении 1648 г. под Соловарным городком объединенное войско нескольких башкирских родов разгромило калмыцкий отряд под командованием тайши Чокула.[3] О

конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» Казань, «Фэн», 2009. Вып. 1. 526 с.

[1] Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., «Восточная литература» РАН, 2001. 752 с. С.578.

[2] Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII-XIX вв.). Элиста, Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с. С. 67.

[3] РГАДА. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1645. Л. 17-19.

предстоящем нападении калмыков башкиры узнали от казанского слободского татарина, бежавшего из калмыцкого плена. Согласно его сведениям, в Уфимский уезд направлялся отряд в 500 человек для взятия языков. Получив это известие, башкиры спрятали жен и детей «в крепкие места», а сами «собрався с разных волостей с 560 человек и по приметным местам стали разъезжать, дабы им по тем вестям наехать на калмыцкую сакму». Это им удалось делать в районе реки Иген неподалеку от Табынского острожка. По характеру следов башкиры выяснили направление движения неприятеля и его численность. После этого в Уфу был послан гонец с вестями. Не дожидаясь уфимцев, руководители ополчения направили свои отряды наперерез калмыцкому войску. Опередив калмыков, башкиры организовали засаду около у речки Армынта в 10 верстах от Соловарного острожка. Выждав момент, когда половина калмыков переправилась через реку, башкиры напали на них. Калмыки, не успевшие переправиться, были прижаты башкирами к руслу реки. Это лишило калмыков возможности быстрого маневра. Таким образом, еще до нападения башкиры разделились на две группы, одна из которых преследовала отряд, а другая поджидала калмыков у переправы через речку, миновать которую калмыки не могли. Любопытно, что в 922 г. Ибн Фадлан, описывая переправу своего посольства через реку Багнади (Чеган), отметил, что больше всего охрана миссии боялась нападения башкир. Он отметил, что сначала пришлось переправить отряд бойцов, имеющих при себе оружие, прежде чем переправить что-либо из каравана. Они – авангард для людей, (следующих) за ними, (для защиты) от башкир, (на случай) чтобы они (т.е. башкиры) не захватили их, когда они будут переправляться.[1] По-видимому, нападение на противника в момент переправы являлось древним башкирским способом ведения оборонительной войны. Кроме того, башкиры, в отличие от калмыков, умели быстро возводить укрепления, часто используя для этого естественные природные препятствия. О существовании у башкир военных «острожков» указывается в донесениях уфимских дворян.[2] Иногда основой для подобных сооружений служила засека или даже двойной плетень. Для калмыцкой конницы, не имевшей навыков осадного искусства, даже штурм тележного городка являлся недостижимой целью.

Существенно отличалась от калмыцкой и тактика нападения башкир. Как отмечает К.П. Шовунов, калмыки старались вести войны, даже незначительные сражения с соседями, большой массой конницы,

[1] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М-Л., АН СССР, 1939. С. 66.
[2] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 566. Л. 12.

для которой были присущи высокая подвижность и умелое маневрирование на местности. Однако у башкир мы не встречаем крупных соединений конницы, насчитывающих более 3000–6000 воинов, участвующих в сражении в одной местности. Как правило, в одном столкновении отмечены конные отряды в 500–1000 человек. Крупномасштабные военные сражения с участием нескольких тысяч человек башкиры в редких случаях проводили успешно. В качестве примера приведем нападение, которое совершили 3000 башкир на вологодские роты, направлявшиеся к реке Орь в 1735 г. Руководители ополчения использовали все известные им тактические приемы: от конной лавы до пешего прорыва под прикрытием деревянных щитов. В конечном счете, понеся значительные потери, башкиры отступили. При этом, «башкирцы говорили, что де оных драгун и в дождь взять неможно, хотя де и с 30000 оных драгун взять нельзя».[1] Сражение, в котором участвовало 6000 башкир, произошло в 1737 г. в Каратабынской волости на реке Уй, когда отряды ополчения нескольких волостей окружило продовольственный обоз прапорщика Гладышева.[2] Когда руководители осознали бесперспективность блокады обоза, они были вынуждены разделиться и отступить. Редким исключением является сражение, имевшее место в ноябре 1707 г., когда семитысячному отряду Алдара Исекеева удалось разгромить уфимский солдатский полк под командой П.И. Хохлова. В этом десятидневном сражении, произошедшем в 90 верстах от города Уфы, сразу несколько фатальных просчетов командования привело к полной потере боеспособности. Сенатское расследование, начатое в 1716 г., показало, что полковник П.И. Хохлов еще в начале похода утратил контроль над своими подопечными. Все началось 4 декабря, когда в урочище Коштаб башкиры, находившиеся в уфимском полку, закололи своего начальника Гладышева и «…изворотясь почали им ворам в помочь на русские роты». Затем по «совету» дворян Тимофея и Степана Аничковых П.И. Хохлов начал отступление к Уфе. Башкиры, узнав от перебежчиков об изменении маршрута движения полка, преградили полку пути отступления. П.И. Хохлов был вынужден повернуть обратно к Соловарному городку. У горы Юрактау башкиры захватили все пушки и обоз полка. Оставшиеся в живых служилые люди заняли оборону в лесу, где в течение недели отбивали башкирские подступы. Из этого лагеря на сторону башкир перешли уфимские дворяне О. Лопатин, И. Рукавишников, А. Жуков и М. Аничков. Последний, по словам В. Уракова: «…с боя бросил лук свой ушел к ним ворам башкирцам в

[1] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 39.
[2] Там же…С. 636.

измену». К башкирам перешла и целая группа служилых новокрещен, стрельцов и казаков. Перебежчики не только сообщили восставшим, что в полку кончился весь порох, но и приняли активное участие в нападении на укрепленный лагерь полка. П.И.Хохлов был вынужден вновь вступить в переговоры с башкирами. Башкиры соглашались пропустить Хохлова в Соловарный городок, но в ответ они потребовали новых аманатов и все панцири, которые имелись в полку. Несмотря на достигнутое соглашение, на следующий день башкиры напали на лагерь Хохлова. При этом башкиры «…приступили и били на них за щитов из луков и пищалей непрестанно, а в управлении тех щитов были уфимские служилые люди Дмитрий Сюзьмин, Максим Аничков, Осип Лопатин Василий Гладышев, сотник Петр Шапошников и иноземец Алексей Жуков». Уфимскому полку грозило полное уничтожение. Однако в решающий момент сражения подоспела помощь стрельцов Соловарного городка, которые внезапно напали на башкир с тыла. Стрельцы во главе с Яковом Ушаковым сняли осаду лагеря и отбили у башкир весь захваченный обоз, артиллерию, многих пленных и аманатов.[1]

Несколько иная ситуация сложилась в 1733 г., когда башкиры зауральских волостей разгромили десятитысячный отряд хана Среднего Жуза Семеке. С.У. Таймасов так описал это событие: «В 1733 году хан Среднего Жуза Семеке был разбит Таймас-батыром, когда с десятитысячным отрядом совершил набег на Сибирскую дорогу».[2] Однако ни в башкирской топонимике, ни в фольклоре место, в котором произошло сражение с участием нескольких десятков человек, не отразилось. Обращение к документам Сената показывает, что Таймас Шаимов не мог руководить этим сражением, поскольку с казахами было не одно, а несколько столкновений в различных волостях.[3] В сентябре 1733 г. башкир Сибирской дороги Куваканской волости Акмулла Камакаев сообщил уфимским властям: «Оные киргис-кайсацкие войска разделились на три партии и наезжали воинским случаем к ним в башкирские улусы порознь, местами и волостями, а именно в Катайскую и в Табынскую и Куваканскую, и по полученным де от присланных Абулгаира хана с известиями и они башкирцы Акмулла с товарищи собрався с товарищи немалое число людей против тех киргис-кайсаков, вооружась воински подобным образом, выехали и учинился с оными киргис-кайсаками великий бой и с бою де они башкирцы побили многих киргис-кайсаков, а которых поранили и отбили у них с 500 лошадей тысячу копей и ружей, два пансыря».[4]

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д.104. Л. 27.
[2] Таймасов С.У. Указ.соч. С. 153.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 114. Д. 57. Л.4.
[4] Там же. Л.5.

Таким образом, традиционная башкирская тактика ведения военных действий вступала в противоречие с неоходимостью создания сложной иерархической структуры командования во главе с ханом или султаном. Башкиры предпочитали действовать сравнительно небольшими отрядами. Децентрализованная тактика ведения войны имела свои преимущества и недостатки. Так, в отличие от калмыков, а позднее и казахов, башкирские отряды действовали более инициативно и оперативно, поскольку над ними не довлела власть сакрального лидера. К тому же, для небольших отрядов, совершавших набеги на калмыцкие улусы, война являлась выгодным предприятием. Захваченная добыча позволяла быстро поправить свое материальное положение. Напротив, рядовые воины в крупных соединениях под предводительством ханов не могли рассчитывать на достойную часть захваченной добычи, поскольку львиная доля трофеев доставалась ханской знати. В этом отношении не следует преувеличивать роль родовой знати в организации военных акций. Нередко отряды повстанцев возглавлялись рядовыми башкирами. В 1760 г. башкир Бурзянской волости команды старшины Мамбетчюры Абтрякова ездил по волостям Ногайской дороги с призывом совершить набег на казахские улусы. За два дня ему удалось собрать отряд в 800 «охотчих» человек, состоящий из башкир 6 волостей. На сборе для долгого похода было отобрано только 350 башкир. Несмотря на противодействие старшин и сотников, Даут Аднашев сумел беспрепятственно переправить отряд через Яик и совершить рейд к побережью Аральского моря, продолжавшийся 22 дня.[1] Интересно, что сам Даут Аднашев в столкновениях с казахами участия не принимал, поскольку «стоял человек в 50 на кошу у присмотру заводных лошадей и на бой против киргисцев за старостью».[2] В 1663 г. представитель Минской и Юрматинской волостей Актай Досмухаммедов предостерегал уфимские власти от излишней доверчивости. Он предупредил А.М. Волконского, что несмотря, на достигнутое перемирие, даже могущественный тархан Кипчакской волости Ишмухаммед Давлетбаев был не в силах удержать своих молодых подопечных от внезапных нападений на горожан: «Для того, что ево Иш-Маметя своя братья молодые люди не слушают; и ведают де оне, что многие руские люди на рыбной ловле, а иные по деревнам и для сен поехали, чтоб де над ними какова дурна не учинили, потому что де оне люди безначальные».[3] Летом 1736 г. башкиры, плененные в ходе подавления восстания, на допросах говорили: «Изо

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 114. Д. 57. Л. 2-7.
[2] Там же. Л.9.
[3] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. I. С. 172.

всех оных собраниев старики соглашаются к миру, а молодые к войне, и от стариков для воровства уходят по ночам тайно».[1] В августе 1736 г. В.Н. Татищев в письме к А.И. Румянцеву утверждал, что «…оное воровство наиболее происходило от бездельных и молодых людей, которые сами ничего разсудить не могут, и старшин, не имея страха, ни в чем не слушают».[2]

Если военная организация башкир не предполагала сложную систему субординации, в таком случае, зачем башкиры призывали ханов и султанов? Согласно расчетам руководителей восстаний, приглашение хана должно было обеспечить внешнеполитическую поддержку, выражавшуюся в военной силе. К примеру, Карасакал сумел добиться уважения и приобрести влияние на башкир не только благодаря образованности и харизме. Не менее существенную роль в его возвышении сыграло постоянное обещание башкирам значительной военной поддержки. В апреле 1740 г. он сообщил своим единомышленникам, что уходит для того, чтобы привести в Башкирию 80 000 «своего войска».[3] Потерпев очередное поражение и бежав к башкирам Тамьянской волости, он сообщил им, что у него на реке Иргиз стоит 30000 человек. Тамьянцы не поверили хану и дважды посылали людей, чтобы убедиться в его лжи. Карасакал попытался развеять недоверие башкир, полагаясь на их простоту: «Не видали ль де они около тех мест куда ездили сайгаков и тарпанов, ежели ж видели, то ево и войско, а им де ево узнать невозможно».[4] Когда же Мандар и Алазиянгул прямо потребовали от Карасакала точных сведений о приходе его армии, то хану пришлось сослаться на погодные условия: «ныне за великими снегами никак им быть не можно». Лидеры восстания на этот раз не поверили Карасакалу. Тем не менее, было решено дождаться вестей от разведчиков, посланных навстречу обещанному войску. Мандар не исключал варианта, что «ежели де у него вора Карасакала не будет людей, как он им сказывал, то де поймав ево отдадут в городы, где способнее».[5]

Таким образом, военная тактика башкирского ополчения, не порывая с золотоордынскими традициями, имела определенную специфику. Башкиры, ведя боевые действия, избегали создания крупных тактических соединений, которые потребовали бы формирования строгой иерархии командиров разных уровней. Венчать эту военно-административную лестницу должна была сакральная фигура хана или

[1] Материалы по истории Башкортостана… Т.VI. С. 184.
[2] Там же. С.251.
[3] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. I. С. 421.
[4] Там же. С. 428.
[5] Там же. С. 392.

султана. Башкирская военная структура формировалась на иных началах. Их волости стали основой для организации отрядов ополчения, возглавляемых родовыми старейшинами или батырами, которые руководствовались только решениями своих йыйынов. Отсутствие жесткой иерархической структуры предопределило отказ от деления войска на центр, правое и левое крыло. Десятеричный принцип организации войска воссоздавался только в короткие периоды учреждения ханской власти. Только в зауральских волостях, где сохранился пиетет перед ханской властью, волостные старшины в XVII в. назывались сотниками.[1] Должности есаулов у башкир, как правило, вводились ханами. В период восстания 1735–1740-х гг. такие назначения производили Абулхаир и Карасакал. Судя по документам, есаулы обладали не только военными полномочиями, но и по приказанию хана выступали в качестве судебных приставов.[2] В источниках обнаружен единственный случай, когда есаулы были назначены в результате решения башкирского йыйына. В 1735 г. на реке Терекле состоялся сбор, в котором участвовало 3000 человек, «Ис которого собрания выбраны у них, башкирцев, в ясаулы на каждую сотню по человеку».[3] Решения, принятые на съезде на реке Терекле, нельзя отнести к обычным постановлениям башкирских йыйынов. Здесь не только было создано единое управление межволостным ополчением, но и учреждены знамена для войска и для каждой сотни, произведена мобилизационная раскладка (по одному воину с 2–3 дворов), был организован общий сбор продовольствия. У населения принудительно изымались стрелы.[4] Однако после неудачных атак на войска экспедиции летом 1735 г., произведенных крупными силами, лидерами восстания было решено отказаться от создания громоздких управленческих структур и перейти к тактике нападения небольшими отрядами.

История башкирских восстаний свидетельствует о том, что участники движения прибегали к институту ханства только в крайних ситуациях и на очень короткие сроки. К тому же, ни одному хану не удавалось объединить под своей властью вооруженные отряды всех башкир. Горнолесной ландшафт предоставлял уникальные возможности для ведения эффективной партизанской войны небольшими отрядами. В то же время, маневрирование значительными массами конницы, характерное для классической тактики монголов, было ограничено обилием рек, болот и озер.

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. I.. С. 69,71,85,90, 92.
[2] Материалы по истории Башкортостана… Т. VI. С. 362.
[3] Там же. С. 38.
[4] Там же. М. 39.

§ 5. Башкирская служилая элита XVII–первой трети XVIII в.

Отсутствие постоянного института ханской власти в башкирском обществе предопределило неустойчивость служилой элиты. Титулы и звания исчезали и вновь появлялись в зависимости от политической конъюнктуры. К примеру, Карасакалу удалось возобновить забытую у башкир практику пожалования княжеским званием. «Верный башкирец» Теникей Текелев в начале мая 1740 г. сообщил властям, что при Карасакале «…воровского собрания Тамьянской волости 1000 человек, а собственных ево людей никого нет, при нем воре имеющейся Дуван-Табынской волости башкирец Салтан Арасланбеков определен был князем…А башкирец Тлевкей Володимеров определен им Карасакалом князем же».[1] К 1720 г. башкиры возродили забытый титул дувана. В феврале 1721 г. башкиры Казанской дороги после съезда решили выдавать беглецов только за последние 14 лет. Среди башкир подписавших, письмо с этим решением, фигурирует дуван Табынской волости Онзягул батыр Тилявов.[2] Тем не менее, в российской номенклатуре служилых инородцев лишь тарханское звание закрепилось и получило свое обоснование в военном делопроизводстве. Служилые татары и башкирские тарханы в уфимских служилых десятнях составляли один список.[3]

В XVII в. уфимская администрация делала постоянные запросы относительно прав и обязанностей башкирских тарханов. Сами тарханы видели в своем положении лишь привилегию, освобождавшую их от уплаты ясака. Когда в 1694 г. были посланы уфимские служилые люди для переписи тарханов по всему Уфимскому уезду, то башкирские тарханы вооруженным путем сорвали это мероприятие. Следует отметить, что 90-е гг. XVII в. отмечены как наиболее мирный период во взаимоотношениях властей и башкир. По сообщению воеводы Д.Н. Головина: «Ногайские дороги разных волостей башкирцы многие называютца тарханы и тарханскими детми и братею и племянники и внучеты, а великих государей служеб никаких не служат и ясаку и податей не платят живут в избылых».[4] Служилый иноземец Яков Кинишемцов, ездивший в Бурзянскую и Кипчаскую волости, сообщил воеводе, что тарханы нескольких деревень «…говорили что-де деде отцы их истари бутто были в тарханех, а они-де ныне называюца тарханами потому что-де деды и отцы их истари служили в тарханах, а Сеит Тезиков и Танатар Елышев з братею и всею деревнею, собрався

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.I. С. 423.
[2] Там же. 358.
[3] Вельяминов-Зернов Указ. соч. Т.4. Кн. 2. С. 46.
[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1189. Л.4.

вымысля воровские воякова, били и в стрелцов стреляли из луков, хотели из деревни вон выбили, и с них стрелцов кресты посорвали и подвод не дали».[1]

В период крупных восстаний наблюдается полное исчезновение тарханского звания среди башкир. В таких случаях ключевую роль в военной структуре общества начинают играть не тарханы, а батыры. Например, в результате восстания 1704–1711 гг. произошел фактический выход башкир из российского подданства. В 1722 г. возникла необходимость возобновить прежние отношения. В ходе переговоров все башкирские роды представляли только батыры и муллы.[2] Статус батыра, в отличие от положения тархана или князя, не был непосредственно связан с благородным происхождением или материальным достатком. Исключение делалось только в отношении некоторых наиболее прославленных ханов или султанов. Согласно свидетельству В.Н. Татищева, у башкир слово «батыр» значит храбрый или мужественный, оное дается тому, кто на съезде неприятеля копьем или саблей убьет, и оные когда ту честь получают, должны на бою впереди быть прочие им почтение и послушание отдают, оное же прилагают частью ханам и ханским детям или султанам.[3] Ж. Батай отметил сущностную близость победы, одержанной в схватке, к акту дарения. Конечно, замечает он, эта победа позволяет присваивать себе место или блага, но следует учесть и феномен человека, полностью ставящего самого себя на кон. Собственно, дарственный характер применения животной силы очевиден при борьбе за общее дело, которому боец отдает себя.[4]

Победа в рукопашном поединке выходила за привычные рамки тактики боя башкирского ополчения. Для рядового воина-башкира вплоть до начала XIX в. основным, если не единственным, оружием являлись лук и стрелы. В этом легко убедиться, если проанализировать характер вооружения трехтысячной башкирской команды, отправленной в 1772 г. в Польшу. В соответствии с указом от 17 октября 1711 г. командование должно было обратить особенное внимание на то, чтобы «все те башкирцы… были люди лучшие к службе способнейшие и исправнейшие и совершенно по их обыкновению вооруженные».[5] На

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1189. Л.6.
[2] Там же. Ф. 248 Оп. 3 Д. 115. Л. 34-39.
[3] Татищев В.Н.Лексикон. Российский, исторический, политический и гражданский. СПб., 1793. Ч. 1 . С. 119.
[4] Батай Ж. Указ. соч. С. 152.
[5] Башкирское войско в Польском походе (1771-1773). Сборник документов// Сост.: И.М. Гвоздикова, Б.А. Азнабаев, К.А. Мухамедьярова. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 178 с. С. 11

всю трехтысячную команду пришлось всего 20 сабель и 320 копий.[1] Таким образом, участвовать в поединке имел возможность только каждый десятый воин. По-видимому, в данном случае следует учесть психологический фактор. Далеко не каждый человек способен убить противника в рукопашной схватке. Эйбл-Эйбесфельдт полагает, что только изобретение дистанционного оружия (от лука до ракет) стало одним из трех оснований феномена войны с этологической точки зрения. Он объясняет этот факт тем, что удаленность людей друг от друга не дает реализоваться импульсам торможения агрессивности, действующим лишь при близком, лицом к лицу, контакте людей.[2] В этом смысле «храбрость» батыра – вполне определенное психологическое качество воина, которое прямо не сопрягается со знатным происхождением или богатством.

Р.С. Липец на основании исследования образа батыра в тюркско-монгольском обществе приходит к выводу о том, что многие из тюркских воинов-батыров, выделившихся из народа, конечно, не вошли в класс феодалов. Носители феодальной идеологии в эпосе, по существу, ханы, а не батыры, не воины («батыр» ведь могло означать не только младших по рангу военачальников, но и особо отличившихся храбрецов-воинов).[3] По свидетельству К.К Мейендорфа, к батырам у казахов относились «люди храбрые, справедливые и предприимчивые, во время войны – это наездники».[4] В башкирском эпосе батыры нередко являются антиподами ханов. Так, хан Мясем, убив честного и справедливого батыра, вызвал последствия, имевшие драматические последствия для всего общества.[5]

Отметим, что титул батыра фигурирует только в источниках политического характера, отражающих дипломатические отношения: в период башкирских восстаний или военных столкновений с соседями. В частноправовых актах и делопроизводственных документах можно встретить даже титул дувана[6] или князя[7], но не батыра.

---

[1] Башкирское войско в Польском походе (1771-1773)… С. 13.

[2] Eibl-Eibesfeldt I. Ritual and Ritualization from Biological Perspective// Human Ethology. Claims and Limits of a New Discipline. Cambridge etc., 1979. P. 42.

[3] Липец С.Р. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., Наука, 1984. С. 47.

[4] Мейендорф Е.К.Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., Наука, 1975. 180 с. С. 112.

[5] Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1970. С. 81.

[6] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 434. Л.20.

[7] Там же. Д. 401. Л. 3.

Таким образом, из ограниченного круга титулов и званий, принятых у башкир в XVII – начале XVIII в., только статус тархана определялся государством. Бии и дуваны, подтверждая свое положение перед российской администрацией, просто приравнивались к тарханам по привилегиям и обязанностям. Именно по этой причине в условиях потери всех связей управления башкирами после восстания 1704–1711 гг. правительство решило воспользоваться традиционной структурой служилых тарханов для возобновления отношений с башкирской знатью. В 20-е гг. XVIII в., когда стал очевиден провал всех преобразований в Уфимской провинции, произведенных в правление Петра I, правительство официально заявило о возвращении к административной практике XVII в. В наиболее ясной форме эта реставрации прежних порядков нашла свое отражение в инструкции 1728 г. уфимскому воеводе П.И. Бутурлину, где было указано: «С башкирцами поступать по данным от предков наших Великих Государей жалованным грамотам».[1] Причины неудачи преобразований в Башкирии понимали современники событий. Еще в начале 20-х гг. XVIII в. В.Н. Татищев считал, что власти, приступая к реорганизации системы управления башкирами, должны были воспользоваться принятыми у башкир военными обычаями, которые дают возможность создать эффективную модель их интеграции.[2] В традиционной структуре башкирского общества существовал институт тарханства, который, в отличие от других символов подданства, таких как, ясак и вотчинное право, предполагал наличие сословной группы с особыми интересами и правами. После монографии В.В. Вельяминова-Зернова[3] исследование феномена башкирского тарханства осуществил А.З. Асфандияров.[4] Благодаря этой работе мы имеем возможность ограничить рассмотрение этого сословия только в ракурсе той роли, которую сыграл институт тарханства в разрушении традиционной структуры башкирского общества.

Выше уже отмечалось, что башкирские тарханы известны по письменным источникам еще в период существования Казанского ханства и Ногайской Орды. Д.М. Исхаков высказал мнение, что при перечислении этносов Казанского ханства автор Никоновской летописи под тарханами называет именно башкир.[5] Действительно, в летописном тексте тарханы помещаются рядом с «Башкирдою», т.е. тарханы представляли собой знать башкир, находившуюся на службе у

[1] ПСЗ –I. T.VIII. № 5318. С. 69- 70
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д.138. Л. 672.
[3] Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Т. 4. Кн.2. С. 39.
[4] Асфандияров А. З. Башкирские тарханы. Уфа, Китап, 2006. 160 с.
[5] Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени…С. 62.

казанского хана. При этом статус башкирских тарханов на территории Казанского и Касимовского ханств существенно отличался от правового положения на территории Ногайской Орды. Если в Казанском ханстве тарханы пользовались правом владения суюргалами, а после 1552 г. и поместными дачами, то в Ногайской Башкирии, как и на территории Уфимского уезда, тарханы входили в число вотчинников с теми же правами, что и рядовые ясачные люди.

Впрочем, некоторые исследователи отмечают, что башкирское общество XVI – XVII вв. было знакомо с частной собственностью на землю. У.Х. Рахматуллин отметил, что немногочисленные представители башкирской феодальной верхушки были наделены царским правительством землей отдельно от волости.[1] Н.Ф. Демидова так же отмечает, что наличие общинного владения не препятствовало существованию частной собственности на землю. Наиболее ярким ее выражением было право тарханов на владение любыми землями в пределах волости.[2]

Относительно особых владельческих прав тарханов вполне четкое разъяснение в 1777 г. дал оренбургский губернатор П.Д. Мансуров. Он отметил: «Тарханы имели вольность перед ясачниками в том, что где хотят землей владеть сено косить и рыбу ловить, в том ясачники спорить не могли, токмо до бортных угодий и бобровых гонов не касались, однако и поныне тот обычай у них вышел, понеже всякий имеет земли довольно и угодий довольно».[3] Тем не менее, Обращение к судебным процессам, которые имели место в XVII в. между ясачными башкирами и тарханами, свидетельствует о еще более ограниченных владельческих правах башкирских тарханов. Например, в 1696 г. уфимскими властями разбиралось дело, в котором истцами выступили ясачные башкиры Юрматинской волости, обвинявшие целую группу тархан в нарушении вотчинного владения по реке Ашкадар.[4] Судебное разбирательство зашло в тупик, поскольку в приказной избе не нашлось указов и документальных свидетельств, подтверждающих наличие особых вотчинных угодий у башкирских тарханов. В результате, как уже было рассмотрено выше, уфимский воевода Д.И Молостов был вынужден санкционировать опрос наиболее авторитетных башкирских тарханов относительно земельных прав тарханов. В результате выяснилось, что тарханы никогда не владели особыми вотчинами, а «вотчины-де у них с ясашными башкирцы с родственники их, и с тех-де вотчин родственники их платят ясак, а они-де с тех вотчин служат

[1] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII-XVIII в.в… С. 135.
[2] Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии…С. 123.
[3] Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Т. 4. Кн.2. С. 39.
[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1269. Л. 1-17.

службы и всякие посылки».[1] П.Д. Мансуров отметил, что тарханы имели право «землей владеть, сено косить и рыбу ловить, в том ясачники спорить не могли», однако ясачные башкирцы не только «спорили», но и выиграли судебный процесс с тарханами. Только орлиные гнезда на реке Ашкадар были оставлены в исключительном владении юрматинских тарханов. Процесс изобиловал выяснением таких подробностей, которые позволяют усомниться в том, что ясачные башкиры испытывали какой-либо пиетет перед служилыми тарханами. Ясачные башкиры Метеш Бердышев с товарищами показали на суде: «Ясак с тое вотчины в казну великого государя преже сего и ныне платим мы, Метешка с товарыщи, по сту куниц на год по вся годы без недобору, а они Кулман с товарыщи преже сего с нами ясаку никокава не плачивали и нам не платят, и тарханами и мурзами называют себя напрасно и всякия великого государя службы служим мы Метешка с товарыщи с ними Кулманка с товарыщи в ровенстве, и тое нашу опчую ошкадарскую вотчину они Кулман с товарыщи называют своею».[2] Таким образом, ясачные башкиры возмущались тем, что службы они с тарханами служат «в ровенстве», а ясак платят только они. Интересно, что ясачные башкиры свободно вторгались в вотчинные угодья сына знаменитого юрматинского князя Татигаса Муралеева – Москова Тайдигашева. В 1649 г. он бил челом на своих ясачных родственников: «а сказал, служит-де он всякие наши службы и как он бывает на наших службах и без нево владеют ево братья вотчины ево всякими угоди и лес секут и зверя ловят и нам бы сво Москайка пожаловати от уфинских башкирцов велеть оберегать, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты бы уфинского служилого башкирца Москайка Тайдигашева от уфинских башкирцов велел оберегать, чтоб в угодье ево насилством не въезжали и без суда и без сыску абид и продажи не чинили».[3]

Традиционно у башкир существовало частное пользование отдельными землями и угодьями – пашнями, бортями, мельницами, то есть, к чему уже был приложен индивидуальный труд.[4] Особый вид индивидуального владения – тарлау, т.е. пашня, находилась в владении отдельных лиц. Поднятие целины, распашка и огораживание земель для пашни поблизости к деревням превращали эти земли в фактическую собственность населения деревни. Таким образом, преимущественное право тархана на пользование лучшими землями волостной территории ограничивалось по мере увеличения площадей тарлау. Тархан имел возможность реализовать свои законные права на землю только в

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 1269. Л. Л. 12.
[2] Там же. Л. 10.
[3] Там же. Л. 7.
[4] Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии …С. 125

условиях неразделенной родоплеменной территории. Однако с развитием земледелия родовая территория дробилась на жребии и повытья между отдельными аулами и даже группами семей.

К тому же, в малоземельных башкирских волостях уже в конце XVII в. вся вотчинная земля делилась по участкам в соответствии с уплачиваемым ясаком. Как отмечается в одной из челобитной башкир Енейской волости: «Которые де братьи башкирцы живут в вотчинах своих деревнями и где мало пахотных земель, и они де те земли делят по ясакам, кто больше ясаку платит то де большей землей владеет».[1] В 1681 г. по челобитной Ногайской дороги Табынской волости «башкирцев Янымбетка Атипердеева с товарищи велено их вотчины с их земли смешав разделить по ясакам».[2] В подобных условиях ясачные башкиры не позволяли тарханам, не платившим ясак, пользоваться лучшими угодьями. Тархан Акынса Таникеев жаловался на то, что башкиры Демской волости его со своих земель сгоняли в буйне владеть не дали.[3] В 30-е гг. XVIII в. старшина Бурзянской волости Алдар Исекеев жаловался на нарушение своих тарханских прав башкирами Тангаурской и Бурзянской волостей.[4]

Нередко земельные права тарханов нарушались по причине частых отлучек на станичную службу, которую они были обязаны нести наравне с уфимскими служилыми людьми. Иногда башкирских тарханов задерживали на станичной службе дольше, чем это позволяли собственные продовольственные запасы. В 1669 г. все башкирские тарханы Уфимского уезда били челом «для прокормления им дать хлеба по невеликому, чтобы им не разбрестись».[5]

В составе фонда Уфимской приказной избы и материалах Печатного приказа содержатся более 145 выписей из указов о пожаловании башкирам тарханского звания. Ни в одном из них не упоминается о том, что тарханы имели право закреплять за собой родовые земли или отчуждать их.

Таким образом, статус тархана сам по себе не гарантировал никаких преимуществ в башкирском обществе, если не был сопряжен с такими свойствами, как лидерские качества, богатство, щедрость и военная удача. В противном случае их привилегии оспаривались сородичами. К примеру, Ишмухамед Давлетбаев пользовался уважением

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп.1 Д. 767. Л.4.
[2] Там же. Ф. 233. Оп.1. Д.221. Л. 236.
[3] Асфандиаров А.З. История сел и деревень Башкирской АССР… Ч. 1. С. 45.
[4] Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся до управления и устройства оренбургского края. 1734 год. Оренбург. 1900. Т. 1. С. 127.
[5] РГАДА. Ф.233. Оп.1. Д.156. Л. 69.

как со стороны уфимской администрации, так и калмыцких лидеров. Тем не менее, когда в 1675 г. уфимский конный казак Афанасий Сивилов начал укорять сородичей Ишмухамета Давлетбаева в нежелании последовать за своим тарханом в крымский поход, то получил от «его братии» откровенный ответ: «На службу де великого государя нам итить мочи нашей нет, Иш-Мамет де государевыми листы жалованье берет, он-де и поедь; а только великий государь изволит нас послать на свою государеву службу неволею, мы де возьмем жен своих и детей и покочюем совсем».[1]

В 40-е гг. XVII в. последовала целая серия челобитных ясачных башкир, обвинявших тарханов в несправедливом дележе военной добычи, захваченной во время набегов на калмыцкие улусы. Наиболее существенная из таких претензий была адресована тархану Бильбудаю Колебаеву «с товарищи», который обидел сородичей в ходе распределения трофейных лошадей и пленных калмычек.[2]

Таким образом, тарханы представляли собой сословную группу, статус и престиж которой определялся не общинными институтами башкирского общества, а особыми правами и обязанностями в отношении государства. Этим объясняется тот факт, что сословная группа тарханов в башкирском обществе отнюдь не представляла собой устойчивой страты. А.З. Асфандияров утверждал, что титул тархана был наследственным (потомственным) и личным. Об этом говорится и в работе П.И. Рычкова: «Сей у них заслуженный чин одним давался вечно детям и внучатам, другим – на одну персону».[3] В отношении этого свидетельства П.И. Рычкова есть определенные сомнения, и не только потому, что подобное деление напоминает разграничение российских дворян – на потомственных и личных. Если обратиться к характеристике, которую дал башкирским тарханам В.Н. Татищев, то нетрудно заметить, что им отпускалось 9 вин за исключением измены.[4] Следовательно, все тарханы, принявшие участие в восстании или откочевавшие за пределы своих волостей, теряли этот статус вместе с прежними заслугами. К примеру, после успешного для башкир восстания 1704 – 1711 гг., в Уфимской провинции тарханов не осталось. Когда в 1719 г. башкиры обратились к царскому правительству с просьбой восстановить прежнее подданство, то среди отмеченных в документах башкир встречается много бывших тарханов, однако без указания на прежний статус. Например, Алдар Исекеев именуется не

[1] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 203.
[2] РГАДА. Ф. 233. Оп.1. Д. 671. Л. 451.
[3] Асфандияров А.З. Башкирские тарханы… С. 19.
[4] РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 216. Л. 147.

тарханом, а изменником,[1] несмотря на то, что звание тархана было пожаловано ему лично Петром I за победу в поединке перед сражением под Азовом.

В списке лучших башкир, которые должны были явиться на аудиенцию к графу И.Г. Головкину, отмечены только батыры, старшины и муллы.[2]

Однако полное отсутствие тарханов в 1720 г. с избытком было восполнено в 1735 г. Следует отметить, что во второй половине XVII в. количество тарханов едва ли превышало 200 человек. Согласно сводным данным Уфимской приказной избы, в 70–90-е гг. XVII в. во всем Уфимском уезде было не более 155 тарханов. 134 человека проживали по Ногайской, 13 – по Сибирской и 8 – по Казанской дороге. Не было тарханов на Осинской дороге. Последняя дорога была значительно отдалена от пограничных областей, в то время как от тарханов требовалось ежегодное участие в станичной службе на южных рубежах Уфимского уезда. Наряду с тарханами, непременными участниками станичной службы являлись уфимские дворяне. В 70-е гг. XVII в. ежегодно из Уфы направлялось по 15–20 станиц, каждая из которых состояла из 3–4 человек. [3] Таким образом, служилый список в 150 – 200 человек башкирских тарханов предоставлял уфимской администрации полноценный резерв для нормального функционирования станичной службы. В этой связи совпадение количества служащих по Уфе дворян с числом башкирских тарханов представляется не случайным.

Однако глава Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов намеревался использовать башкир для других целей. Согласно его намерениям, служилые башкиры должны были стать едва ли не главной военной силой экспедиции. Грандиозность подобных планов отражена в переписке И.К. Кирилова с сенатом: «Также между башкирским народом есть изстари, как они в Российское подданство пришли, жалованные тарханы, то есть заслуженные люди, которые никакого ясаку не платят и так их расплодилось, что мне лучшие их люди, некоторые богатыри, сказывали тысяч пятьдесят собраться может».[4] Для И.К. Кирилова, поначалу не видевшего никаких препятствий для осуществления своих намерений, башкирские тарханы представлялись наиболее подходящим для целей экспедиции военным контингентом. Их

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 104.
[2] Там же. Л. 110.
[3] Там же. Ф. 1173. Оп.1. Д. 485. Л.3-4.
[4] Добросмыслов А.А. Материалы по истории России: сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края 1734 г. Оренбург, 1900. Т.1. 303 с. С. 21.

служба практически не требовала затрат из казны, поскольку снабжение всем необходимым осуществлялось за счет собственных ресурсов. В то же время, такое войско было мобильным и эффективным при отражении нападения потенциального противника в лице казахов и каракалпаков.

Начало самого масштабного в истории башкирского восстания перечеркнуло все первоначальные планы экспедиции. В результате основные ресурсы экспедиции были потрачены на подавление сопротивления местного населения, а И.К. Кирилову пришлось заниматься не строительством порта на Аральском море, а мобилизацией войск для подавления башкирского восстания. И.К. Кирилов столкнулся с той же проблемой, о которой писал в 1712 г. казанский губернатор А.П. Апраксин. В башкирском обществе отсутствовал социальный слой, способный стать низовой администраций российской власти. Башкирские старшины зависели не от российских властей, а от «мирского» решения. В обществе действовали традиционные формы организации, которые в принципе исключали внешний контроль за деятельностью глав родовых структур. И.К.Кирилов, основательно изучивший башкирское общество в ходе непрерывных карательных акций, убедился, что в башкирских волостях, наряду с родоплеменной знатью, всегда существовало сословие служилых людей, в податном отношении отличающихся от основной массы ясачных общинников. К тому же, И.К. Кирилов уловил напряженность отношений, которая имела место между тарханами и ясачными башкирами в вопросах вотчинного владения.

Привилегированное положение тарханов основывалось на факте личной службы царю, поэтому престиж тархана не зависел от общинного самоуправления. Еще в XVII в. тарханы были включены в иерархию русского служилого сословия, когда в Уфе были заведены первые тарханские книги. С 1650 г. башкирские тарханы были вписаны в уфимскую десятню вместе со служилыми татарами, т.е. номинально были приравнены к служилым людям по отечеству. Тем не менее, статус башкирского тархана в правовом отношении имел существенные особенности. В отличие от служилых татар, все башкирские тарханы были равны между собой в правах и обязанностях. Татарская служилая среда была иерархизирована в зависимости от происхождения и службы. Как отмечает историк татарского дворянства И.Р. Габдуллин: «Поместные и денежные оклады мурз и служилых татар были неодинаковы».[1] Башкирские тарханы служилыми окладами не верстались, потому что процесс верстания предполагал отнесение к тому или иному роду, обладавшему строго определенным местом в

[1] Габдуллин И.Р. Указ. соч. С. 13.

иерархии. Как уже отмечалось, все башкирские роды имели равный статус, независимо от древности, заслуг предков или лояльности.

Тем не менее, в правовом отношении башкирский тархан находился за пределами башкирского сословия, так как он исключался из ясачного сбора. В военных акциях с участием русских служилых людей тарханы имели приоритет перед родовой знатью. Таким образом, И.К. Кирилову не было нужды в формировании нового служилого сословия, он воспользовался уже имеющимся в башкирском обществе социальным институтом. Статус личной службы царю, который прежде был прерогативой тарханского звания, был распространен на всех глав башкирских общин. Именно по этой причине реализация указа 11 февраля 1736 г. не привела к массовым отказам от выбора новых старшин. Новые башкирские старшины подчинялись гражданским властям на тех же основаниях, что и башкирские тарханы – уфимским воеводам.

Внешне это преобразование выглядело как перенос принципов военного управления на гражданские дела, однако это не противоречило традициям кочевого общества. Г.Е. Марков отмечает, что в эпохи войн и крупных миграций племенная структура кочевников укреплялась на основе военной организации, наступало военно-кочевое агрегатное состояние. При этом подразделения племен становились элементами военной организации, состоящей из племенного ополчения.[1] Общество кочевников знает только одну форму безусловного подчинения. Это военная иерархия, которая в определенных условиях способна не только ограничить, но и полностью вытеснить власть родоплеменной знати. Улусная система империи монголов показала насколько легко разрушаются родоплеменные структуры в обстановке военной экспансии.

Милитаризация гражданского управления башкирами началась в условиях военного конфликта между казахами и башкирами, приобретшего в 30–40-е гг. XVIII в. характер затяжной степной войны. Логическим завершением реформ, начатых в 1736 г., стал полный перевод башкир в военно-служилое сословие в 90-е гг. XVIII в. Как было показано выше, в башкирском обществе господствовали горизонтальные связи, которые не позволяли иерархическим структурам, возникавшим в военное время, приобрести постоянный институциональный характер. С преобразованием башкирского общества на принципах военной субординации у российских властей впервые появилась возможность непосредственного управления

[1] Марков Г.Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии… С. 118.

башкирскими общинами. Навязывание несвойственной для башкир структуры военного управления неизбежно деформировало традиционные основы башкирского общества.

§ 6. Башкирская полития в период независимости 1711–1722 гг.

В начале 10-х гг. XVIII в. перед башкирами возникла уникальная перспектива в условиях относительно мирного времени создать самостоятельное ханство. Тем не менее, башкирские общины выбрали иной путь, решив восстановить прежние отношения с Российским государством. С.У. Таймасов первым из исследователей обратил внимание на то, что после завершения восстания 1704–1711 гг. башкирам удалось временно обрести самостоятельность.[1] Российское правительство отказалось от попыток полного приведения башкир к повиновению. В 1712 г. казанский губернатор обратился к своему влиятельному брату адмиралу Ф.А. Апраксину, чтобы тот исходатайствовал для него разрешение царя организовать военный поход против башкир. По мнению П.А. Апраксина, масштабная военная акция должна была пресечь бегство в Башкирию ясачного населения и привести башкир в «прямое подданство, учинить их данниками прямыми».[2] Казанский губернатор находился под влиянием служащих Ингерманландской канцелярии, возглавляемой А.Д. Меншиковым. Н. Кудрявцев, А. Сергеев и С. Аристов требовали от казанского губернатора активных военных действий непосредственно на территории Уфимской провинции. В отличие от прибыльщиков Меншикова, Апраксин указал не только на экономическую целесообразность жесткого подавления восстания, но и на политическое значение усмирения башкир. Он писал своему брату: «Не можно терпеть, видя таких домашних злодеев толь преславному и великому монарху противных и не послушных».[3] Тем не менее, правительство не поддержало инициативу казанских властей. С 1711 по 1734 г., т.е. до прибытия в Уфу Оренбургской экспедиции, правительство не предприняло никаких активных военных действий на территории Уфимской провинции. За эти годы на территории Башкирии имели место крупные антироссийские военные акции. В 1717 г. объединенное десятитысячное войско казахов, башкир и каракалпаков, пройдя весь Уфимский уезд, вторглось в район Закамских крепостей и взяло штурмом Новошешминск.[4]

---

[1] Таймасов С.У. Указ. Соч. С. 113.
[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч. 1. С. 224
[3] Там же. С. 129.
[4] Фирсов Н.А. Указ. соч. С. 557.

В этих условиях российские власти фактически свертывают свое военное присутствие в Башкирии. Уфимская администрация отказалась от намерения отстроить заново уничтоженный башкирами Соловарный городок. В начале 20-х гг. XVIII в. с обветшавших стен и башен Уфимского острога сняли всю артиллерию. Значительно уменьшилось и служилое население Уфимского уезда. В 1715 г. в Уфе находилось на службе 770 солдат уфимского полка, 75 дворян и 300 казаков.[1] В уезде имелся еще гарнизон Бирского городка, в котором несли службу 200 стрельцов. Таким образом, служилое население сократилось почти на 500 человек (25%) по сравнению с 1699 г. В реальности же ситуация выглядела намного серьезнее. Из доношения 1720 г. ротмистра первой дворянской роты Уфы А.Аничкова видно, что в Уфе не было и половины войск от количества, предусмотренного штатом. Только 310 из 770 служилых людей по возрасту и здоровью были готовы к гарнизонной службе. Аничков отметил, что в двух дворянских ротах Уфы осталось на лицо 35, а не 75 человек.[2]

Имеющийся гарнизон не мог контролировать ситуацию в крае, о чем весьма ясно было отмечено в докладе в Сенат уфимского коменданта Д. Бахметьева. В 1720 г. отъезжие караулы не удалялись от Уфы далее 10 верст.[3] Таким образом, контроль над территорией провинции ограничивался границами владений уфимских помещиков. Еще в середине XVII в. уфимские станицы ежегодно отправлялись к границам провинции, к Яику.[4]

Следует обратить внимание на то, что именно в 20-е гг. XVIII в. в официальной документации впервые появляется политоним «Башкирская Орда». Ротмистр Аничков употребил это выражение в следующем контексте: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и до ныне живут посреди Башкирской Орды… и их город стал украинной и от иных городов в дальнем расстоянии и посреди оной басурманской воровской Орды».[5] В.П. Юдин пришел к выводу, что в русский язык слово «орда» вошло в значении «степное кочевое объединение, кочевая держава».[6] Употребление его в официальной документации означало признание независимого статуса башкирского объединения.

---

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д.107. Л. 224-227.
[2] НА ИИЯЛ УНЦ РАН. Ф. 23. Оп.1. Д. 12. Л. 54.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д.107. Л. 199.
[4] Там же. Ф. 1173. Оп.1. Д. 485. Л. 8.
[5] Там же. Ф. 248. Оп.3. Д.107. Л. 201.
[6] Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая// Чингиз-наме. Алма-Ата, Гылым. 1992. 296 с. С. 24.

Интересно и то, что даже после возобновления российского подданства, состоявшегося в 1722 г., в сенатских делах по-прежнему продолжали именовать коренное население Уфимской провинции «ордой». Например, П.И. Рычков использовал этот термин в официальном сенатском отчете от 1734 г.: «Выписанные города Уфы середина всей Башкирской Орды, Бирск подчинен Уфе, а построенные для помощи Уфе Мензелинскские, хотя в Казанском уезде, но при самых же башкирцах».[1]

Таким образом, на протяжении почти 12 лет, с 1711 по 1722 г. башкиры были предоставлены сами себе и имели все возможности для создания государственности с ханом во главе. Как показывают события первых двух десятилетий самостоятельности, башкирские роды в это время не испытывали недостатка в претендентах на ханский престол. В ходе восстания, наряду с таинственным Султаном-Хази, в Башкирии появился настоящий чингизид – кучумович Рыс-Мухаммед. Однако его статус свидетельствует о том, что он был марионеточной фигурой при всесильном Алдаре Исекееве. Рыс-Мухаммед бин Бошай был кучумовичем, родным племянником повешенного в Казани Султан-Мурата.[2]

В челобитной башкир всех дорог от 1722 г. отмечено, что этот чингизид был передан российским властям после его пленения башкирами: «В прошлых годех, когда приходил в Уфимский уезд на Ногайскую дорогу из каракалпаков Рысмухамед хан с воинскими людьми на вашу императорского величества вотчину, умышляя разорение и мы все четырех дорог с ними билися, и на том бою из нас и их многие побиты и ранены, а его Рысмухамеда поймали да наших башкирцев, которые к тем каракалпакам пристали, чинили дурна, а именно Ногайской дороги Юрматинской волости Бакалана Топанова, Исентея Тлевлина, Бурзянской волости Сатлыка Утяпова, да из них же каракалпаков, которые пристали к ним ходил на Сибирской дороге Мухамед-хан, а Сибирской дороги Гайнинской волости Текниша да Арслана Яныурсова, поймав с ним Рысмухаметем отдали на Уфу».[3] Однако наиболее важным свидетельством этой челобитной является известие о том, что знаменитый впоследствии хан Младшего Жуза Абулхаир еще до своего избрания принимал участие в башкирском восстании 1707 г. В частности, в челобитной отмечено: «Да в прошлых годех как приходили из Киргискайсацкой Орды два хана Зангыр да Абулхаир с воинскими людьми под Уфу город, и многие жилища

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп.13. Д. 750. Л. 224.
[2] Материалы по истории каракалпаков…С. 162.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 679.

башкирских и русских людей вырубили, а коней и животы побрали и вашего императорского величества рабов многих побили и в полон взяли и поранили, и мы со всех дорог собрався на скоро, за ними гнали, и догнав в урочищах на Ногайской дороге под Юряктавом горою с ними билися и на том бою Абулгаир хан ранен ушел, а из войска его поимали двух человек постельника да трубача, да и кто к тому Абулагиру приставали из нашей братии башкирцев из воровства и злоумышления Ногайской дороги Тангаурской волости Ногайчуру Минские волости Арасланбека Аднагулова, Асана Бегишева и отдали на Уфу». По свидетельству ташкентского купца Нур-Мухаммета Алимова, который встречался в 1735 г. с И.К. Кириловым: «В последний башкирский бунт башкирцы – Алдар и товарищи призвали к себе оного Абулхаир-салтана, тогда назвали ханом...». [1] Два этих источника говорят о том, что у чингизидов, оказавшихся в начале XVIII в. в Уфимской провинции, были последователи среди башкир. Более того, в то время как большая часть башкир начала склоняться к тому, чтобы восстановить прежние отношения с Россией, группа башкирской знати активно вела переговоры с каракалпаками и казахами с целью приглашения в Башкирию очередного хана. Полковник И.Г. Головкин, прибывший в Уфимскую провинцию в 1720 г. для урегулирования отношений с башкирами, узнал от уфимца Антропова, что двое башкир Ногайской дороги ездили к хану Абулхаиру. В итоге они вернулись с ним в Бурзянскую волость.[2] Тот же источник сообщал властям о прибывших в Бурзянскую волость каракалпаках, которые предложили башкирам установить контакты с неким ханом Муратом. Вопреки официальной версии, утверждавшей, что этот хан был повешен в Казани, каракалпаки привезли свидетельства того, что Мурату удалось спастись. А-З. Валиди отмечает, что после казни Султан-Мурата к башкирам прибыл некий сарт Абдурахман и выдавал себя за спасшегося бегством Султан-Мурата.[3] Посланцы сообщили башкирам, что хан ждет к себе «знатных башкирцев».

Несмотря на избыток претендентов на ханство, башкиры в 1719 г. решили обратиться к российскому правительству с предложением восстановить свое подданство. Что им двигало? Чаще всего кочевые или полукочевые сообщества ищут покровительства большой державы для защиты от внешней угрозы. К примеру, для элиты Младшего Жуза в 30-е гг. XVIII в. вполне актуальной была джунгарская угроза. Сложившаяся расстановка сил на юго-востоке России в 20–30-е гг. XVIII в. говорит о

[1] Таймасов С.У. Указ.соч. С. 164.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 675.
[3] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 104.

том, что башкиры в этот период не испытывали особых проблем внешнеполитического характера. Об этом, в частности, свидетельствует разгром башкирами войск хана Семеке.

В 20-е гг. башкиры специально собирали йыйыны для решения вопросов об организации пограничной службы по рекам Самаре, Кинелю, Ика, Садефа и Чермасана.[1] В указе 1722 г., который формально восстановил российское подданство башкир, им прямо вменялось в обязанность самостоятельно принимать меры по защите края от внешних угроз: «Когда каракалпаки и киргис-кайсаки в Российские городы возымеют намерение приходить для воровства, и они бы того приостерегали и проходить в Российские пределы не допускали, и в таких случаях свойски на них ходили и о том заблаговременно на Уфу и другие городы, куда надлежит к воеводам ведомости подавали».[2] Таким образом, башкиры в 20-е гг. XVIII в. отнюдь не являлись беззащитным народом, нуждающимся в военном покровительстве могучей державы.

Свое решение о возвращении в подданство России башкиры связывали с совсем другой проблемой, касавшейся не внешних, а внутренних вопросов жизни их общин.

Процесс восстановления подданнических отношений с Россией начался с переписки Сената и Камер-коллегии в 1719 г. Предметом обсуждения стали ясачные жители Казанского уезда, которых «башкирцы разорили и побрали в полон, а иные сами бежали и ныне живут у оных башкирцев на Уфе». Об этом подал челобитную некий татарин Бекбав Чимкин. Он же взялся представлять перед правительством не только этих поселенцев, но и башкир. В ходе сенатского расследования выяснилось, что сходцы из Казанского уезда уже обращались к коменданту Уфимской провинции Д. Бахметьеву с просьбой обложить ясаком по новому месту жительства, однако Бахметьев челобитную принять отказался. Относительно башкир Бекбав Чимкин сообщил властям, что они «покорны и подати платить будут».[3] Одновременно в Сенате разбирали письмо башкир, адресованное частному лицу, казанскому дворянину Д.И. Молостову. В конце XVII в. Д.И. Молостов был воеводой в Уфе. В 1698 г. ему было поручено возглавить отряд башкир всех 4 дорог для участия в Азовском походе.[4] Примечательно, что когда была возможность, башкиры апеллировали не к своим гражданским начальникам, а к командирам, под началом которых они участвовали в боевых действиях. Так было в 1662 г. в обращении восставших башкир к Г.С. Черкасскому и в 1705 г. в случае с

[1] Валиди А.-З. Указ. соч. С. 326.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 697.
[3] Там же. Л.5
[4] Там же. Л. 6

подачей челобитной от всего народа Б.П. Шереметеву. Башкиры просили Молостова походатайствовать за тех казахов и каракалпаков, которые решили переселиться в Уфимскую провинцию. Башкиры особо настаивали на том, чтобы «для того послать розыщика, а казанским судьям того не ведать».

Поскольку в обеих челобитных речь шла о плательщиках ясака одной провинции, то в Сенате два дела объединили. В процессе их слушания обнаружилось, что подданство башкир со времени восстания 1704–1711 гг. вызывает большие сомнения. Фискальное дело, начатое Камер-коллегией, переросло в политическое мероприятие по возвращению башкир в «в прежнее подданство к царскому величеству». Однако ни в челобитной, которую представил Чимкин, ни в письме башкир Д.И. Молостову не было прямого свидетельства о готовности всех башкир вернуться в российское подданство. Поэтому сенаторы приняли решение исследовать вопрос более обстоятельно. В Сенате резонно было выражено сомнение: «…что из того усмотреть можно ли, что они челобитчика татарина прислали и покорность свою приносят ли, и ясак платить хотят ли, или не прихотят, и нет ли от оного доносителя какова подлогу». При выяснении этих обстоятельств Сенат обязал ответственных лиц соблюдать максимальную осторожность: «…исследствовать рассуждается не без опасения, чтобы не произошло паки ребелии».[1] В итоге 17 июля 1719 г. было принято решение «…к ним башкирцам послать с грамоты великого государя из сената выбрав, кого знатного человека, а в той грамоте написать, чтоб они башкирцы были его императорского величества в подданстве по-прежнему, а за то обнадежить его царского величества милостью, что всех их прежде показанные противности оставлены будут».[2]

В ходе дальнейшего изучения вопроса правительству стало ясно, что башкиры стремятся не просто обложить ясаком земледельцев, большинство которых они сами переселили в свои вотчинные земли после последнего восстания. Многие из башкир-вотчинников добивались выселения беглых и сходцев за пределы Уфимской провинции: «Они де, башкирцы всех дорог, писали пришлые де люди, которые живут у них выбрали челобитчиков, чтоб им поселиться на их башкирском земле, и по тому прошению, дабы великий государь селиться не повелел, а указал оных пришлых от них взять». В 1720 г. башкиры Дуванейской волости подали челобитную казанским властям,

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л.7.
[2] Там же. Л.5.

в которой потребовали содействия в высылке ясачных людей, поскольку «оные беглецы чинятся им противны».[1]

Тем не менее, когда в Уфимскую провинцию приехал комиссар Ф. Люткин с указом от казанского губернатора А.П. Салтыкова о возвращении беглых, некоторые башкирские волости оказали вооруженное сопротивление: «Из оных башкирцев Смаил мулла с товарищи приезжали к нему многолюдством с ружьем и копьем, и в отдаче пришлых учинились не послушны, и прислали письмо, чтобы тех беглых у них ясаком обложить против их окладу».[2] Далее Ф. Люткин приводит интересные расчеты, которые помогают понять, что влекло в Уфимскую провинцию казанских ясачных людей и почему некоторые башкиры категорически отказывались возвращать их: «А они (башкиры – А.Б.) токмо платили с 8 ясаков по одной кунице, которой цена 8 гривен и обойдется ясака токмо по гривне в год, а с двора по 4 деньги, а в Казани с ясака в год денежных сборов сбирается по 8 рублев по 26 алтын с полуденьгою, и оные беглецы с оных пустых ясаков живут у них башкирцов не токмо одни иноверцы, но и русские люди и на них всякую работу работают и пашню их пашут».[3]

Эта противоречивость в настроениях башкир создала обстановку крайней нервозности и взаимного недоверия между властями и населением. В итоге была сорвана торжественная церемония вручения башкирам «подлинной грамоты с посольскою государственной печатью», которая должна была состояться 7 июня. Обе стороны так и не смогли договориться о месте вручения царской грамоты. Башкиры настаивали на том, чтобы это произошло на берегу Белой у Чеснаковской горы на привычном для башкир месте йыйынов. Полковник И.Г. Головкин убеждал башкир, что уполномочен передать документ только в Уфе. Обе стороны откровенно боялись. Башкиры отказывались отправляться в Уфу, потому что «в прежние годы показали царскому величеству великие противности». Полковника же накануне предупредили, чтобы он «на песок не выезжал». Тем не менее, Головкин сумел добиться главного. Через посредников ему сообщили, что башкиры готовы отдать беглых и не будут противодействовать дворянам в их поиске.

Только через 2 месяца, 13 сентября 1720 г., две царские грамоты были вручены в Уфе 4 представителям от башкир всех дорог. Одна из них содержала обращение к башкирам в связи с возвращением в подданство, в другой говорилось о необходимости выдать всех сходцев

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 102.
[2] Там же. Л. 130.
[3] Там же. Л. 150.

и беглецов. Однако и в данном случае представители башкир выдвинули свои условия, они согласились выдать только тех переселенцев, кто обосновался в крае после 7186 г., т.е. 1677 г. Представители башкир объяснили Головкину, почему они заинтересованы в выдаче властям беглых, потому что «иные происком своим назвав их башкирские земли своими землями и взяв от губернаторов указ, живут поселились деревнями на их башкирских землях». Несмотря на это, целые волости башкир отказывались выдавать властям сходцев. Так, башкир Кипчакской волости Козяк батыр Кулумбетев с товарищами выразили согласие выдать только тех беглецов, кто пришел к ним в последние 14 лет: «Сказали, что в письме их написано беглецов отдавать за 14 лет, потому что многие пришлецы до того году с ними башкирцы посвоились».[1] Многим башкирам переселенцы задолжали деньги за проживание на их землях. Вотчинники соглашались отпустить их только после уплаты долгов. Некоторые доводы башкир были рассчитаны на понимание дворянами, которых послали собирать сходцев по волостям. Так, башкиры Иланской волости на требование поручика В. Милкевича отдать беглецов ответили ему: «Ежели де те работников станут от них требовать, то де никаких отдавать не станут, за что де государь ваших крестьян из вас не выводит».[2]

Однако самый важный документ, объясняющий суть разногласий в башкирском обществе, был перехвачен драгунами гарнизонного казанского полка. Служилый иноземец Яган Александров обнаружил послание на татарском языке, которое содержало обращение башкир Казанской и Осинской дорог к башкирам Ногайской и Сибирской дорог. Перевод был весьма неумело сделан толмачом Юсупом Акбулатовым. Тем не менее, текст письма позволяет понять, что между двумя группами башкир возникли серьезные противоречия, которые, естественно, почти не нашли отражения в официальной документации. Письмо, в частности, содержало оскорбительные обвинения в адрес юго-восточных башкир: «Все мы говаривали, что в степной стороне живут воры, к калмыкам и каракалпакам уехать хотят, хан судья ваш, Смаил вор и к нему приставые и вы воры, так все говаривали: после войны, которые перешли чюваша отдадите, ничево не будет».[3]

Уникальность этого источника обусловлена тем, что обычно для российских властей башкиры стремились подчеркивать свою сплоченность. В качестве адресантов коллективных челобитных, как

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л.482.
[2] Там же. Л.647.
[3] Материалы по истории Башкирской АССР… Т. I. С. 293.

правило, выступают башкиры «всех четырех дорог». В башкирских посольствах в Москву XVII в. были случаи, когда делегация из 10 человек представляла все башкирские волости Уфимского уезда.[1]

Лишь немногочисленные эпизоды из длинной череды восстаний свидетельствуют о некотором расхождении интересов у двух групп башкир. Действительно, башкиры, обитавшие на границе степей, находились в более выгодном положении. До 30-х гг. XVIII в. у них была возможность откочевывать за пределы досягаемости правительственных сил. Например, еще на этапе подготовки общего восстания 1662–1664 гг. определись два центра руководства повстанческими действиями: сибирские царевичи Кучук и Абугай и калмыцкие тайши Аюка и Дайчин. Несмотря на определенную зависимость кучумовичей от калмыков, сибирские царевичи в ходе восстания 1662–1664 гг. действовали вполне самостоятельно. Таким образом, местная администрация в процессе усмирения башкир должна была учитывать различные, нередко противоречивые, интересы калмыцких лидеров и сибирских царевичей. Почему в 1662 г. башкиры не выдвинули единого лидера восстания? Подчинение всех башкирских племен одному руководителю не могло быть реализовано в силу различного положения волостей Северо-восточной и Юго-западной Башкирии. Башкиры Ногайской и Казанской дорог имели открытую границу с калмыками, которые всеми средствами стремились привлечь башкир на свою сторону. Астраханский сын боярский Петр Шубников, побывавший в улусах Дайчина в январе 1663 г., обвинил калмыков в том, что те, «забыв шерть великого государя, вечных холопей великого государя к себе призывают».[2] Он сообщил в Москву о том, что тайша Аюка подговорил к отъезду в улусы 1500 дворов башкир. Зимой 1663 г. из Ногайской дороги к Дайчину и Аюкаю перешло 8000 башкир. Самый влиятельный тархан Ногайской дороги Ишмухамед Давлетбаев признал над собой власть Аюки и получил от него район кочевий по Яику. Тайше Дайчину подчинился башкир Ицкой волости Карабаш Утеев, который со своими стадами и людьми намеревался кочевать с калмыками в Поволжье.[3] Южные и юго-западные башкиры поступили так, как обычно поступают кочевники в случае конфликта со своим верховным правителем – они откочевали. Таким образом, в отношении башкир Ногайской и Казанской дорог власти должны были использовать, главным образом, меры дипломатического характера,

[1] Демидова Н.Ф. . Башкирские посольства в Москву в XVII в.//От Древней Руси к России нового времени. Сб. ст. М., Наука, 2003. С. 180.
[2] РГАДА. Ф.119. Оп.1. Д. 163 Л. 144.
[3] Устюгов Н.В. Башкирские восстание 1662 – 1664… С. 137.

направленные на возобновление вражды между башкирами и калмыками.

Совершенно иные методы подавления восстания требовались на Осинской и Сибирской дорогах Уфимского уезда. Значительная часть башкир северной части Уфимского уезда к этому времени вела оседлый образ жизни. Возможность откочевки была ограничена, поэтому сопротивление властям приняло здесь наиболее ожесточенный и длительный характер. Население башкирских волостей Осинской и Сибирской дорог в середине XVII в. составляло не более 30% от численности башкир Уфимского уезда.[1] Самым значительным успехом восставших следует считать взятие Кунгура, в штурме которого принимали участие только башкиры Осинской и Сибирской дорог. В то же время, богатые и многолюдные кочевые волости Ногайской и Казанской дорог предпочли пассивную тактику сопротивления властям. По официальным оценкам, численность башкир Ногайской дороги, откочевавших в ходе восстания к калмыкам, превышала все башкирское население Осинской дороги.[2]

Н.В. Устюгов утверждал, что восставшие башкиры действовали так, как это свойственно кочевникам в условиях степной войны, однако в ходе восстания 1662 – 1664 гг. наиболее ожесточенной была борьба на севере Башкирии, т.е. там все население было оседлым, большая часть башкир занималась земледелием.

Ведение длительной вооруженной борьбы требует большого количества лошадей, массово гибнущих в ходе сражений и длительных рейдов. В этом плане северные башкирские волости ощутимо уступали своим южным соседям. Так, башкиры Ногайской дороги были самими богатыми скотоводами, они же обладали лучшими бортными угодьями и обширнейшими охотничьими вотчинами.[3] Башкирские волости Казанской дороги, согласно сведениям кунгурского бургомистра Юхнева, отличались наиболее успешным сочетанием земледелия и полукочевого скотоводства.[4] На юге Башкирии существовали крупнейшие племенные союзы, возникшие еще в период набегов ногаев и вторжения калмыков. Однако именно оседлые башкиры Севера и Зауралья продолжали борьбу даже после того, как башкиры Казанской и Ногайской дорог принесли присягу правительству. Западные и южные башкиры первыми проявили интерес к предложению начать мирные переговоры уже в конце 1662 г.[5] При этом, восстание началось на

[1] Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа…С. 87.
[2] Там же. С. 123.
[3] Материалы по истории Башкирской АССР…Ч. 1. С. 198.
[4] Там же. С. 201.
[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д.132. Л. 121.

Ногайской дороги в среде кочевников, обиженных новыми требованиями российской администрации.

Типичным лидером степных башкир предстает тархан Кипчакской волости Ишмухамет Давлетбаев. Он прожил довольно долгую, даже по современным меркам, жизнь. В 1645 г. в своей челобитной он указал на свою службу в тарханах, т.е. был уже вполне сложившимся зрелым человеком. Последнее упоминание о тархане Ишмухамете Давлетбаеве датировано 1703 г. В своем послании к турецкому султану предводитель калмыков Аюка представляет Высокой порте «главу мусульман нашей страны, нашего приближенного и доверенного человека — Иш-Мухаммед-агу».[1] Еще в 1662 г. тархан Ногайской дороги Ишмухамед Давлетбаев признал над собой власть тайши Аюки и получил от него район кочевий по реке Урал. Несмотря на то, что лидер кипчаков никогда не порывал с Аюкой, Ишмухамет Давлетбаев был в числе первых башкирских старшин, выразивших правительству свое желание принести повинную за участие в восстании 1662-1664 гг. В 1664 г. Ишмухамет Давлетбаев, первым из тарханов Ногайской дороги, по призыву Ф.Ф. Волконского приехал в Мензелинск и сопровождал последнего в Уфу. 1 марта 1664 г. Волконский обратился к Ишмухамету с похвальной грамотой. Находясь в союзе с калмыками до конца жизни, тархан поддерживал контакты и с сибирским султаном Кучуком. В 1775 г. Ишмухамет отправил к нему двух сыновей. Ишмухамет был почти единственным представителем башкирской знати, откликнувшимся в 1675 г. на призыв правительства отправиться в Крымский поход.[2] Таким образом, у башкир, живших у открытой границы, всегда оставалось поле для политического маневра между различными центрами власти в лице московского государя, сибирского кучумовича или калмыцкого тайши.

Мулла Батырша Алеев, посещавший по делам мусульманского права северные волости Уфимской провинции в начале 50-х г. XVIII в., отметил традиционное соперничество между лесными и степными башкирами. Башкиры-гайнинцы поведали ему: «Люди нашей лесной стороны по молодечеству, не то, что люди степной стороны, наши башкиры и прочие, весьма воинственные и искусные стрелки из лука. Наши санайские луки ценою в 40–50 копеек лучше, чем 10–20 рублевые адрианопольские луки степных башкир, потому что, несмотря на любую жаркую погоду, после каждой стрельбы становятся они все крепче, выпущенные из них наши стрелы пробивают любого дикого зверя

[1] Исламов Р. Эюкэ ханныц Баш вэзиргэ хаты// Гасырлар авазы. Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 37-39.
[2] Материалы по истории Башкирской АССР… Ч.1.С. 203.

насквозь. Наши люди столь искусны в ходьбе на лыжах, что убегающий в лесу дикий зверь от них не спасется; они перепрыгивают через встречающиеся по пути деревья, вышиной в лошадь; рысистая лошадь, идущая дорогой во всю рысь, не может догнать наших лыжников, бегущих по снегу. И в храбрости она таковы, что в сражении прошлых лет, когда в Гайнинскую волость прибыл русский полк в 1000 человек и устроил укрепление из телег, чтобы напасть на Гайнинскую волость, тогда наши гайнинцы, около 400 человек, вооруженные стрелами и пиками, напав на русских и занял укрепление».[1] Культурное различие между горнолесными и степными башкирами нашло свое отражение и в башкирском фольклоре. Одна из башкирских поговорок, явно возникшая в степной среде, гласит:

Серый гусь пустыни цену озер не знает,
Черная утка озер цену пустыни не знает,
Человек, росший в горах,
Цену домашнего уюта не знает [2]

Хозяйственно-культурные различия между лесными и степными башкирами до начала XVIII в. крайне редко переходили на уровень открытого конфликта. Общие политические и экономические интересы, обусловленные защитой вотчинных прав и охраны границы, создавали основу для этнической солидарности. Однако после восстания 1704–1711 гг. возникла угроза этому единству. С новой проблемой свои элиты уже не могли справиться при помощи традиционных институтов башкирского общества. Появление большого числа припущенников в лице сходцев и беглецов не только угрожало захватом башкирских земель. Переселение на башкирские земли создавали реальную опасность раскола общности в связи с тем, что каждый вотчинник имел право припускать переселенцев на свои земельные паи. Все башкиры прекрасно осознавали экономические выгоды, которые появлялись у них с приходом на их земли исконных земледельцев, готовых платить им за пользование землей.

Некоторые башкирские общины выигрывали от земледельческой колонизации, однако были и те, кто рисковал потерять землю и права вотчинников. В этой ситуации наиболее недовольными были башкиры малоземельных северных, северо-восточных и западных волостей, где уже с начала XVII в. источниками фиксируются земельные конфликты из-за увеличения плотности населения.

[1] НА УНЦ РАН Ф.3. Оп.2. Д. 139. Л. 122.
[2] Башкирское народное творчество… Т.7. С. 49.

В 1734 г. башкиры 12 волостей, входивших в Айлинский союз, подали коллективную челобитную на одного из своих товарищей, башкира Тырнаклинской волости Мандара Мещерева. В челобитной было особо отмечено, что «…прадеды и деды наши нижайших, меж собой письменно утвердили, что нам всеми 12 волостями владеть тою нашей землею и всякими нашими угодьями по старому нашему владению бесспорно, и кто где жить пожелает и с того места не ссылать и всяких угодий не отнимать токмо ныне Тырнаклинской волости башкирец Майдер Мещерев чинит нам нижайщим обиды и разорение и с той нашей вотчинной земли, где жили прадеды и деды и отцы наши и всякие угодья исстари владели, нас нижайших ссылает».[1] В челобитной разъяснено, каким образом один человек сумел присвоить вотчинные земли довольно значительного союза родов. Дело в том, что Мандар собрал у себя «много пришлых из других городов людей».

В то же время полукочевники юго-востока Башкирии за счет земледельческого уклада переселенцев имели возможность максимально отдалить безрадостную перспективу седентаризации. Еще Р.Г. Кузеев справедливо заметил, что на первых порах распространения припуска взимание башкирами арендной платы и покрытие им ясака тормозили у башкир развитие земледелия, способствовали сохранению у них традиционного уклада.[2]

Нельзя списывать со счетов и стремление некоторой части кочевой башкирской элиты использовать подчиненных припущенников для укрепления своего статуса среди сородичей. Не случайно, именно старшины Ногайской дороги в 1763 г. написали оренбургскому губернатору Д.В. Волкову письмо, в котором изложили основные причины недостаточного развития хлебопашества в их волостях. Они, в частности, указали на то, что «…для хлебопашеств у нас земли довольно и скота достаточно имеем…только мы пашни пахать много не обвыкли… у нас же есть люди одинакие и имеют по одной и по две жены, а и такие есть у кого сыновья имеются, а у других и сыновей нет, а сыновей более 20 лет отцы при себе не держат, ибо оженя и сделав собой дом отпускают… от чего и пашни пахать нам время не бывает, а работников нам содержать с действительными паспортами не велено и мы, вашего превосходительства, просим тех работников содержать нам позволить».[3]

Назревающий конфликт из-за вопроса о переселенцах угрожал нарушить солидарность башкирского общества. Речь шла не только о

[1] РГАДА. Ф.248 Оп.15. Д.821. Л 34.
[2] Кузеев Р.Г. Историческая этнография…С.121.
[3] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1 Д. 813. Л. 24.

сохранении этнического единства. Раскол общества неизбежно привел бы к потере всех привилегий, которые были сохранены башкирами только благодаря непрерывным вооруженным выступлениям. История башкирского общества XVII – первой трети XVIII в. свидетельствует о том, что башкиры ставили политическое единство народа выше частных интересов отдельных родовых структур. Ясное осознание грядущего раскола подтолкнуло лидеров народа обратиться к традиционным формам поддержания внутреннего равновесия – переадресовать имперскому центру проблему, которая несла в себе угрозу для всего общества.

Следует отметить, что в 1719 г. этот конфликт не мог быть урегулирован в том случае, если бы башкиры пошли на создание собственного государства. Любой хан начал бы свое правление с выстраивания иерархии родов, в которой оседлые башкиры-вотчинники неизбежно заняли подчиненное положение. Тем не менее, некоторые предводители башкир Ногайской дороги в 1720 г. не поддержали инициативу своих северных и западных соплеменников, вынесших решение о возобновлении российского подданства и выселения из Башкирии переселенцев. В 1720–1721 гг. Алдар Исекеев постоянно находился в казахских и каракалпакских владениях. Намереваясь противодействовать новому соглашению башкир о российском подданстве, он внушал ханам Абулхаиру и Ишиму, что российское правительство готовит вооруженные силы для вторжения в их владения. Алдар просил казахского хана предоставить войска (7000 человек), которые он предлагал разместить у себя в Бурзянской волости.[1]

Итак, после 11 лет самостоятельного политического существования башкирское общество решило возобновить свое российское подданство. При этом, башкиру увязали этот процесс не с защитой от внешней угрозы, а с вопросом выселения с их вотчинных земель пришлого населения.

Являлась ли подобная ситуация уникальной для башкир с исторической точки зрения? Башкирское шежере семи племен гласит о том, что первой и единственной просьбой четырех биев, прибывших к Ивану IV для подданнической присяги, было их ходатайство о разделе: «Отмерить, то есть определить их границы. Для этого в Ногайскую и Сибирскую дороги царь направил повелительные письма; опираясь на эти письма, народ ете ырыу, то есть «семи племен», посоветовавшись между собой и согласившись друг с другом, решили земли, которыми владели их племена, как-то степи и леса, разделить».[2] Таким образом,

[1] Материалы по истории Башкирской АССР…. Ч.1. С. 299.
[2] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере…с. 89.

семиродцы испытывали потребность разрешить внутренние проблемы с помощью внешнего арбитража в лице российского государства. Апелляция к вотчинному суду царского правительства выводила земельный конфликт из сферы вооруженного противостояния. Исследуя мотивы, побуждавшие башкир добровольно признавать себя подданными, нельзя не учитывать социальные процессы, происходившие в это время в башкирском обществе. В данном случае, их значимость для целостности этнического организма имела большее значение, нежели угроза военного подчинения.

Изучение структуры башкирского общества XVII– первой трети XVIII в. свидетельствует о преобладании горизонтальных социальных связей, повлиявших на формирование у башкир особой формы безгосударственной (акефальной) политии, которая представляла собой союз формально автономных родоплеменных структур. Однако, несмотря на слабую централизацию и отсутствие надобщинных иерархических структур, эта полития не только консолидировала этнос для противостояния внешним угрозам, но и вырабатывала и поддерживала общие для всех сегментов данной структуры правовые традиции, культурные ценности и политические стратегии. Именно эти качества политического объединения башкирского народа представляли собой неопределимое препятствие для утверждения прямого управления со стороны российских властей. Правительство, вплоть до начала 30-х гг. XVIII в., не обладало действенными средствами для административного вмешательства в дела башкирского общества.

Заключение

До сего дня социальные отношения в башкирском обществе XVII–XVIII вв. принято было рассматривать как феодальные или феодально-патриархальные. Эта концепция по-прежнему доминирует в современных исследованиях по истории башкирского общества. Следует отметить, что приверженность к марксистской теории обусловлена не столько консерватизмом методологических позиций, сколько господством эволюционистской парадигмы, согласно которой, государство является единственной формой политической организации этноса. В этой концепции возникновение государства рассматривается в качестве закономерного итога развития классовых отношений. Как совершенно справедливо заметил по этому поводу Н.Н. Крадин, поскольку государство не могло существовать без классовых отношений, историческое существование кочевых государств предполагало их существование.[1]

Вопрос о государственности башкир в XVI – начале XVIII в. самым тесным образом связан с феноменом сакрализации верховной власти в общественном сознании этноса. Вторым аспектом проблемы является вопрос о том, насколько башкиры нуждались в государственных структурах для регулирования повседневной хозяйственной жизни. В ходе исследования мы постарались привести аргументы в пользу того, что у башкир институт ханской власти в этот период не имел приоритета в принятии важнейших решений жизни общин. Башкиры не испытывали никакого священного трепета по отношению к власти чингизидов. Документы, отображающие историю многочисленных башкирских восстаний, свидетельствуют о том, что высшей властью в башкирском обществе обладали только йыйыны – народные съезды. Не только во время восстаний, но и в ситуации, когда необходимо было принимать решения, затрагивающие интересы всех башкир, созывались общебашкирские съезды.

Все основные хозяйственные процессы в башкирском обществе протекали в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине нуклеарные семьи не испытывали экономической необходимости для объединения с целью поддержания непрерывности производственных процессов. Тем более, мы не обнаруживаем никаких признаков разделения труда в рамках отдельных волостей или существования внутреннего обмена.

---

[1] Кочевая альтернатива социальной эволюции. Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. М., Институт Африки РАН, 2002. С. 51.

Отсутствие улусной структуры на территории Башкирии в период существования Золотой Орды предопределило специфически дистанционный тип имперского управления краем. Лояльность к главе государства основывалась, в том числе и на том обстоятельстве, что хан находится за пределами обитания башкирских родов, т.е. он практически не вмешивался в дела внутреннего самоуправления.

Исследование башкирского общества XVII–XVIII вв. свидетельствует о преобладании горизонтальных социальных связей, повлиявших на формирование у башкир особой формы безгосударственной политии, которая внешне представляла собой союз разрозненных автономных родоплеменных структур. Однако, несмотря на слабую централизацию, эта форма политического объединения не только консолидировала этнос для противостояния внешним угрозам, но и вырабатывала и поддерживала общие для всех сегментов данной структуры правовые традиции, культурные ценности и политические стратегии. Эти качества данного политического объединения представляли собой неопределимое препятствие для организации прямого внешнего управления. Российские власти, вплоть до начала 30-х гг. XVIII в., не обладали действенными средствами для административного вмешательства в дела башкирских общин.

Начало разрушения башкирской политии было положено в ходе деятельности Оренбургской экспедиции в 30-е гг. XVIII в. Для этой цели её глава И.К. Кирилов воспользовался традиционным институтом башкирского общества – сословием тарханов. Статус личной службы царю, который прежде был прерогативой тарханского звания, был распространен на всех глав башкирских общин. Именно по этой причине реализация указа 11 февраля 1736 г. не привела к массовым отказам от выбора новых старшин. Новые башкирские старшины подчинялись гражданским властям на тех же основаниях, на каких башкирские тарханы подчинялись уфимским воеводам. Внешне это преобразование выглядело как перенос принципов военного управления на гражданские дела. Однако это не противоречило традициям кочевого общества.

Милитаризация гражданского управления башкирами началась в условиях военного конфликта между казахами и башкирами, приобретшего в 30–40-е гг. XVIII в. характер затяжной степной войны. Логическим завершением реформ, начатых в 1736 г., стал полный перевод башкир в военно-служилое сословие в 90-е гг. XVIII в. Как было показано выше, в башкирском обществе господствовали горизонтальные связи, которые не позволяли иерархическим структурам, возникавшим в военное время, приобрести постоянный характер. С преобразованием башкирского общества на принципах

военной субординации у российских властей впервые появилась возможность непосредственного управления башкирскими общинами. Навязывание несвойственной для башкир структуры военного управления неизбежно деформировало традиционные основы башкирского общества. Рационализаторская линия в отношении к башкирам возобладала над сторонниками традиционного курса управления Башкирией. В конечном счете, это привело к самому масштабному восстанию в регионе, на подавление которого правительству пришлось мобилизовать половину всех полков регулярной кавалерии страны. Башкирское же население, будучи поставлено на грань демографической катастрофы, потеряло более 30% своей численности.

Библиография

1. Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. //Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 28, 1957. С. 28–34.
2. Абрамзон С.М. Очерки по истории хозяйства народов средней Азии и Казахстана» //Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Л., Наука. Ленингр. отд–ние, 1973. 260 с.
3. Абусеитова М.Х. Казахское ханство во второй полезнее XVI в. Алма–Ата, Наука Казахской ССР, 1985. 103 с.
4. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (сер. IX – I четв. XVIII в.в.) М., Элиста, 1994. 250 с.
5. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в. Уфа, РИНЦ БашГУ, 2005. 210 с.
6. Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии. Уфа, Китап, 2000. 208 с.
7. Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII–первой половине XVIII в. Свердловск, Издание Уральского университета, 1991. 153 с.
8. Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII в. Уфа, Китап, 1993. 224 с. С. 37.
9. Аминев З.Г. Основы башкирской мифологии//Ватандаш. 2014. № 9. С. 15–153.
10. Аминев З.Г. Ямаева Л.А. Региональные особенности ислама у башкир. Уфа, «ДизайнПолигафСервис», 2009. 182 с.
11. Аминев З.Г. Эпос «Урал батыр» и мифология башкир. Уфа, ДизайнПресс, 2013. 160 с.
12. Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма–Ата, Издательство Академии наук Казахской АССР,1848. 255 с
13. Асписов Д. И., Граков Н. Н., Морозов В. Ф. Куница и ее промысел. М., Экономика, 1967. 87 с.
14. Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа, Китап, 1997. 104 с.
15. Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в). Уфа, Китап, 2006. 504 с.
16. Асфандияров А.З. История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации. Т. 10, Уфа, Китап, 2000. 188 с.

17. Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, Китап, 2006. 160 с.
18. Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа, Китап, 2009. 600 с.

19. Асфандияров А. 3. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, Китап, 2009. 744 с.
20. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., Ленингр. ин–т изучения живых вост. яз. 1926. 326 с.
21. Бартольд В.В. Памяти Раддова// В.В.Бартольд Сочинения: в 9 т. Т. 9. М., Наука, 1977. С. 665–689.
22. Барфильд Г. Мир кочевников–скотоводов// Альтернативные пути к цивилизации. Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши М., Логос, 2000. 368 с.
23. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М., «Ладомир», 2006. 742 с.
24. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в//Историческое изучение народов Севера // Научные труды, М., изд–во АН СССР. Т. III, часть 2. Стр. 225 – 226.
25. Башкиры: Этническая история и традиционная культура». Под редакцией Р. М. Юсупова. Уфа, Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. 248 с.
26. Беляков А.В. Араслан Алеевич — последний царь касимовский. // Рязанская старина, 2004–2005. Рязань, Край, 2006. Вып. 2— 3.472 с.
27. Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., Изд–во Ленингр. гос. ун–та, 1951. 262 с.
28. Бикбулатов Н.В. Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX – XX вв. М., Наука, 1991. 189 с.

29. Богданов А.П., Плигузов А.И. Книги Псковской приказной избы XVII в. // Советские архивы. 1987. № 4. С. 7–83.
30. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в//Исторические записки. М.,1939. № 5. 48–101.
31. Булгаков М.Б. Состав документации Ростовской приказной избы первой половины 60–х гг. XVII в. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2001. С. 46–49.

32. Булгаков Р. М., Надергулов М. Х. Башкирские родословные. Уфа, Китап, 2002. 480 с.
33. Булгаков Р.М. Предварительное сообщение о рукописи «Кисас ал–Анбийна» Рабгузи. //Вопросы истории башкирского

литературного языка. ИИЯЛ. БФ АН СССР. Уфа, 1985. С. 29–34.
34. Вайнштейн С.И. Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX – нач. XX)//Советская этнография. 1959. №6. С. 67–94.
35. Валиди А.–З. История башкир. Уфа, Китап, 2010. 352 с.
36. Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. Издательская фирма «Восточная литература» РАН. М., 1999. 217 с.
37. Васильев Л.С. Феномен власти–собственности: К проблеме типологии докапиталистических структур// Типы общественных отношений на Востоке в середине века. М., Наука, 1982. С. 60–99.
38. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., Наука, 1983. 327 с.
39. Васильев С.М. К вопросу о землепользовании пришлого населения Башкирии в конце XVII – начале XVIII в.в. //Материалы научной сессии, посвященной 400–летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, Акад. наук СССР. Башкир. филиал. Ин–т истории, языка и литературы. 1958. 243 с. С. 98 – 121.
40. Васильев С.М. Припущнники на башкирских землях в первой половине XVIII в.в. (Тепятро–бобыльское население Башкирии). Автореф. на соиск. канд.истор. наук. М., 1950. 37 с.
41. Вебер М. Хозяйство и общество. М., Изд–во ГУ–ВШЭ, 2010. 456 с.
42. Вебер М. Политика как призвание и профессия// Избранные произведения. М., Прогресс, 1990. 808 с.
43. Вельяминов–Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., тип. Имп. акад. наук, 1864. 48 с.
44. Вернадский Г.В. Московское царство. М., Аграф, 2000. Т. 2. 512 с.
45. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., Аграф, 1997. 476 с.
46. Веселовский С.М. Феодальное землевладение Северо–восточной Руси. Т.I. М., АН СССР, 1947. 496 с.
47. Визгин В.П. На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М., Языки славянской культуры, 2004.800 с.
48. Викторин В.М. Мужавират и культ святых мест – аулья в нижневолжском варианте ислама//Ислам, общество и культура. Омск, ОмГТУ, 1994. С. 40–42.

49. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, Типолитография В.М. Ключиникова, 1897. Т.1. 299 с
50. Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. М.Л., Изд–во АН СССР, 1934. 223 с.
51. Волков А.Ф. Торговые третейские суды. Сп(б)., Типография Редакции периодических изданий Министерства Финансов 1915. 292 с.
52. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., Типография ПИК ВИНИТИ. 2006. 320 с.
53. Гайсин А.А. Посол белого падишаха: юго–восточная политика Петра I и его преемников. Уфа, Гилем, 2014. 320 с.
54. Галимжан Таган. Этнографические заметки о башкирах и других тюркских народах. Уфа, Гилем, 2005. 160 с.
55. Галям Р.Г. Ясачные сотни XVI – XVIII вв. как реликт эпохи Казанского ханства// Вопросы истории. 2011. № 10. С. 100–107
56. Галлямов Р.Ф. После падения Казани … Этносоциальная история Предкамья (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Казань, Татар. кн. изд–во, 2001. 143 с.

57. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., АСТ, 2005. 512 с.
58. Гуревич А.Я. Избранные труды: В 4 т. М., СПб., Унив. кн., 1999 Т. 2: Средневековый мир. 559 с.
59. Давлеткулова Л.Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте. (На примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области). Автореф.дисс. на соискание канд. филолог. наук. Челябинск, 2014. 26 с.
60. Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии : сочинение тайного советника Иосифа Дебу, М, Универс. тип., 1837. 224 с.

61. Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735 – 1736 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1955. 44 с.
62. Демидова Н.Ф. Социально–экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в.в//Материалы научной сессии, посвященной 400–летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Акад. наук СССР. Башкир. филиал. Ин–т истории, языка и литературы. Уфа, 1958. 243 с.
63. Демидова Н.Ф.Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVII вв// Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы. 1960. Минск, 1962. С.12–128

64. Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения уфимской провинции в первой трети XVIII в//Исторические записки. Т. 68. М., 1961. С. 45–72.
65. Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.)// Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 253–354.
66. Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в//От древней Руси к России Нового времени. М., Наука, 2003. 511 с. С. 176–184.
67. Димитриев В. Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII в//История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, ЧНИИ, 1974. Вып. 3. С. 288–289.
68. Димитриев В.Д. О ясачном обложении в среднем Поволжье//Вопросы истории. 1956. № 12. С. 20–25.
69. Дмитриев А. А. К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации//Пермская старина. Вып. VIII. Пермь, тип. Ф.Б. Сачкова, 1900. 172 с.
70. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк//Известия Оренб. Отдела Русского географического общества. Вып. 15. Оренбург, Тип–лит. П.Н. Жаринова. 1900. С.1–124.
71. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии АН СССР. М., Ин–т этнографии им. Н. Н. Миклухо–Маклая, 1960. Т. 55. 622 с.
72. Доннелли Алтон С. Завоевание Башкирии Россией: 1552–1740. Страницы истории империализма. Уфа, Китап, 1997. 230 с.
73. Дубман Э. Л. Формирование крупной феодальной собственности // Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII в.: по материалам церковно–монастырских владений. Куйбышев, Самарский государственный университет, 1991. 90 с.
74. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Сост. А.Н. Красникова. М., Канон+, 1998. 230 с.
75. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., Канон, 1995. 352 с.
76. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., Наука, 1985. 246 с.
77. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, «Гилем», 1999. 355 с.

78. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во II половине XVI – XVII в. (управление Казанским краем). Казань, Изд. Казанского ун–та, 1982. 221 с.
79. Ефремов В.А. Из истории Уфимского края//Вестник Оренбургского учебного округа. Вып. I. С. 1–16. Уфа, 1913.
80. Ерофеева И.Е. Казахский Алаша хан: правитель реальный или мифический// Международная научно – практическая конференция «От истоков - к современности», посвященная 550-летию Казахского ханства. Уральск, 2015. 368 с. С. 76-84.
81. Ешевский С.В. Колонизация северо–восточных окраин России. Вестник Европы. СП(б).,1866 г. Т. I. С. 48–57.
82. Житецкий И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки).Условия жизни, формы труда// Сборник трудов ПОИАК. Астрахань, 1892. С. 23–76.
83. Жуковский И.В. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края расположенных с 1246 по 1832 г. СПб., Типография Н. Греча, 1832. 79 с.
84. Зайцев И.В. Из чагатайско–золотоордынской терминологии: «табин»//Золотоордынское обозрение. № 1(3) 2014. С. 119–123.
85. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., Знак, 2006. 488 с.
86. Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. Одесса, гос. Изд–во Украины, 1923. 412 с.
87. Зиманов С.З. О патриархально–феодальных отношениях у кочевников скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 63–67.
88. Зимин А.А. Служилые князья в Русском государстве в конце XV–первой трети XVI в//Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII в. М., Наука, 1975. 342 с. С. 56.
89. Иванич М. «Дафтар–и Чингиз–наме» как источник по истории кочевых обществ. //Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Материалы Международного научного семинара «Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. 428 с. С. 314–328.
90. Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // Оренбургские губернские ведомости, 1862. № 6– 9.
91. Игнатьев Р. Г. Иван Кирилович Кирилов, основатель Оренбургского края. //Уфимские Губернские ведомости. 1880. № 16, 18, 20, 23–25, 27, 28, 32–34.

92. Игнатьев Р.Г. В. Н. Татищев, второй начальник Оренбургского края. Уфимские губернские ведомости. 1881. № 4, 6,7, 26–32, 34–38, 40, 42, 46, 47.
93. Игнатьев Р. Г. Князь В. А. Урусов, третий начальник Оренбургского края. //Уфимские губернские ведомости. 1882. № 10, 14, 17, 20, 24, 27, 29–32.
94. Игнатьев Р. Верхнеуральск. // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г. Изд. Оренбург. губерн. стат. ком. Оренбург, Губерн. тип., 1865. 135 с.
95. Измайлов И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюркско–татарской исторической традиции// Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, Институт истории АН РТ, 2001. 428 с. С. 244–262.
96. Иловайский Д. И. История России. Сочинения. Алексей Михайлович и его ближайшие преемники. Т. 5. М., Типография Т–ва И. Д. Сытина, 1905. 663 с.
97. Исламов Р. Эюкэ ханныц Баш вэзиргэ хаты // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 37–39.
98. История башкирского народа: в 7 т. Под ред. М.М. Кульшарипова. Уфа, Гилем, 2011. Т. 3. 467 с.
99. История Казахской ССР: (С древнейших времен до наших дней). В 5–ти томах. Т.2. Развитие феодальных отношений. Образование казахской народности и казахского ханства. Алма–Ата, «Наука» КазССР, 1979. 424 с.
100. История Уфы. Краткий очерк. Под ред. Ганеева Р.Г. Уфа, Башкирское кн. изд–во, 1976. 598 с.
101. Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. //К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 36–65.
102. Исхаков Д. М. Институт сибирских князей: генезис, клановые основы и место в социально–политической структуре Сибирского юрта// Гасырлар авазы. Эхо веков: журнал. Казань, Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2008. № 2. С. 137.
103. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго–уральских татар XV–XVII вв.). Казань, Мастер Лайн, 1998. 276 с.
104. Исянгулов Ш.Н. Башкиры и кочевые узбеки в XV – начале XVI вв// Проблемы востоковедения (Уфа). 2011. № 1. С. 29–33.

105. Исянгулов Ш.Н. Предания и легенды «акташского» цикла как исторический источник (из истории башкир в домонгольский период). Уфа, Гилем, Башк. энцикл., 2015. 188 с.
106. Исянгулов Ш.Н. Генеалогия бия Татигаса и проблема вхождения башкир в состав Русского государства// Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Вып. V. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 177–183.
107. Иткулова Л.А. Состязательность в народной сказке//Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Уфа, «Восточный университет», 2000. С. 165-166.
108. Калимуллин Б.Г. Планировки и застройка башкирских деревень. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1959. 107 с.
109. Калимуллин Б.Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1978. 132 с.
110. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад.. М., Традиция, 2000. 344 с.
111. Киньябаева Г.А. Семья и брак у башкир в первой половине XIX в.: Демографический анализ материалов ревизских сказок. Автореф. канд. истор. наук. Уфа, 1998. 26 с.
112. Классен Хенри Дж. М. Эволюционизм в развитии// История и современность. Вып. № 2. 2005. С. 3–22.
113. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России XV–XVI вв. М., Мысль, 1985. 278 с.
114. Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI в. М., Наука, 1987. 229 с.
115. Коротаев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Возникновение ислама: социально–экологический и политико–антропологический контекст. М., Цивилизационное измерение, 2007. 112 с.
116. Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., Вост. лит., 2003. 278 с.
117. Котов В.Г. Башкирский эпос «Урал–батыр. Историко–мифологические основы. Уфа, Гилем, 2006. 408 с.
118. Крадин Н.Н. Бондаренко Д.М. Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. 187 с.
119. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблема формационной характеристики). Владивосток, Дальнаука, 1992. 248 с.
120. Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., Логос, 2001. 312 с.
121. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004. Логос, 272 с.

122. Крафт И.И. Принятие киргизами русского подданства//Известия Оренбургского отдела Русского географического общества. Вып.12. Оренбург, Тип–лит. П.Н. Жаринова. 1887. С.2–52.
123. Кром М.М. Антропологический подход к изучению русского Средневековья: заметки о новом направлении в американской историографии. // Отечественная история. 1999. № 6. С. 90–106.
124. Кузеев Р.Г. К этнографической истории башкир I – начала II тысячелетия нашей эры. Археология и этнография башкир. Уфа, Акад. наук СССР Башк. фил., Ин–т истории, яз. и лит. 1968. Том III. 462 с. С. 228–248.
125. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1978. 263 с.
126. Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч.1. Родоплеменная организация башкир в XVII–XVIII вв. //Кузеев Р.Г. Собрание научных трудов в 7 т. Т.1. Уфа, Китап, 2015. 360 с.
127. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., Наука, 1974. 571 с.
128. Кузеев Р.Г. Башкиры и ногайцы: этнографические взаимосвязи//Основные аспекты историко–географического развития Ногайской Орды. Тез. докладов. М., Терекли–Мектеб, 1991. С. 119–123.
129. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., Наука,1992. 347 с.
130. Кузеев Р.Г. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края//Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, Башк. книж. изд–во. 1982. 386 с. С. 6–18.
131. Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, Башк. кн. изд–во, 1960. 304 с.
132. Кульпин Э.С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М., Ком. Книга. 2006. 176 с.
133. Кушкумбаев А.К.История военного дела кочевников Золотой Орды XIII–XV вв. Автореф. Дисс… докт. Ист. Наук. Алматы, 2010. 54 с.
134. Лавров А.С. Записные книги Новгородской приказной палаты 1686–1689 гг. //Из истории Библиотеки Академии наук: Сб. науч. тр. БАН СССР. Л., БАН, 1989. 218 с. С. 148–154.
135. Лаппо–Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., Изд–во «Северная звезда», 2007. 285 с.
136. Лебедев В.И.Башкирское восстание 1705 –1706 гг//Исторические записки. Т. 1 М., 1937. С. 24 –65.

137. Леви–Стросс К. Раса и история//Путь масок. М., Республика, 2000. 400 с. с. 323–356.
138. Леви–Строс К. Структурная антропология. М., Изд–во ЭКСМО–Пресс, 2001. 512 с.
139. Левшин А. И. Описание киргиз–казачьих или киргиз–кайсацких гор и степей. Алматы, Санат. 1996. 656 с.
140. Лемерсье–Келькеже Ш. Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива)// Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, Институт истории АН РТ, 2009. 428 с. С. 255–271.
141. Лепехин И. И. Дневныя записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российскаго государства... Ч. 3. в 1771 г. СПб., 1780. 376 с.
142. Липец С.Р. Образ батыра и его коня в тюрко–монгольском эпосе. М., Наука, 1984.266 с.
143. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX в. М., Московский Университет, 1996. 688 с.
144. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времён до XVI в. Уфа, Китап, 1994. 360 с.
145. Майский И. М. Современная Монголия: Отчет монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всерос. центр. союза потреб. о–в «Центросоюз». Иркутск, Госиздат «Знание — Сила», Иркутское отделение. 1921. 472 с.
146. Марискин И.С., Марискин О.И. Кученяевская мордва: страницы прошлого. Саранск, Издат. Центр Историко–Социологического Инст. МГУ Им. Н. П. Огарёва, 2012. 351 с.
147. Марков Г.Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии//IX международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго. 1973. С. 27–44.
148. Марков Г.Е. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории. //Восток, 1998, № 6. С. 110–123.
149. Марков Г.Е. Кочевники Азии Хозяйственная и общественная структура в эпохи возникновения расцвета и заката кочевничества. Автореф. Дисс. докт ист. наук. М., 1966. 43 с.
150. Маркузон Ф.Д. Население мира от начала н.э. до середины XX в// Вопросы экономики, планирования и статистики, М., 1957. С.388–404.

151. Масанов Н.Э. Проблемы социально–экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX в. Наука, Алма–Ата, 1984. 176 с.
152. Мейендорф Е.К.Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., Наука, 1975. 180 с.
153. Миллер Г.Ф. История Сибири. Том II. Издание 2–е, дополненное. М., «Восточная литература», РАН. 1999. 630 с.
154. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., РОСПЭН, 1998. 573 с.
155. Минцлов С.М. Уфа. Дебри жизни. Дневник 1900–1915 гг. Предисл. М.Г.Рахимкулова. Уфа, Башк. кн. изд–во, 1992. 172 с.
156. Миркин Б.М. Повышение продуктивности сенокосов и пастбищ. Сборник статей. Уфа, БФАН СССР, 1975. 191 с.
157. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., Дм. Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.
158. Мирхайдарова М.Р. История этнокультурных контактов башкир и казахов в XVIII – I половине XIX вв. Уфа, РИЦ БашГУ, 2011. 137 с.
159. Модестов Н.М. Село Табынское и Вознесенская пустынь//Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXXI. Оренбург, Электро–Тип. Тург. Обл. Правления. 1914. 227 с.
160. Моппель Э.Л. Приходно–расходные книги Псковской приказной избы// Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 22. С. 204–217.
161. Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск, «Мангазея», 1997. 208 с.
162. Мордкович В. Г. Степные экосистемы. Новосибирск, Наука, 1982. 206 с.
163. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., Изд–во «КДУ», 2011. 416 с.
164. Муллагулов М.Г. Соколиная охота у башкир. Ин–т этнол.Уфим.науч. центра РАН. Уфа, 2013. 156 с.
165. Муллагулов М.Г. Отлов и дрессировка охотничьих беркутов у башкир//Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30. С. 86–90.
166. Муллагулов М. Г. Собирательство и рыболовство у башкир. Уфа, АН РБ, 2007 г. 158 с.
167. Мурад Рамзи. Завоевание Россией Восточного Закамья и страны башкир и события, которые происходили там после этого

завоевания». Фрагменты из исторического сочинения «Талфик ал–ахбар ва талких ал–асар фи вака'и' Казан ва булгар ва мулук ат–т–татар». Оренбург, на араб. яз., типография издательства «Каримов, Хусаинов и К», 1908. Т. 2. С. 204–215.
168. Муратова В.Н. Воеводский аппарат управления в Башкирии в XVII в// Социально–политические и этнодемографические процессы на Южном Урале в XVII–XX вв. Межвузовский научный сборник. Уфа, Башкирский университет, 1992. С. 43–48.
169. Мурзабулатов Б. С. Особенности формирования почв Зауралья Республики Башкортостан и оценка их плодородия как основы земельного кадастра. Автореф. дисс. канд. сельскохоз. наук. Уфа, 2009. 28 с.
170. Надергулов М.Х. Башкирские рукописание исторические источники конца XIX – начала XX вв. и письменное наследие Г. Киикова//Уникальные источники по истории Башкортостана. Материалы первой межрегиональной научно–практической конференции и ассамблеи народов Республики Башкортостана 19 декабря 2000 г. Уфа, Башкирская энциклопедия, 2001. С. 52–57.
171. Насимович А. А. Роль снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. М., Изд–во АН СССР, 1955. 143 с.
172. Небольсин П. О башкирах. //Вестник РГО, отделение этнографии. Кн.4. 1852. 544 с.
173. Небольсин, П. И. Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. // Вестник ИРГО. Ч. IV. Кн. I. СПб., Тип. Э. Праца, 1852. С. 1–34.
174. Никитин Н. И. Военно–служилые люди и освоение Сибири в XVII в. // История СССР. 1980. № 2. С. 99–111.
175. Новиков В.А. Очерки колонизации башкирского края//Историческая библиотека. СПб.,1878. № 12. С. 30–62.
176. Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, печатня Н. Блохина. 1879. 269 с.
177. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
178. Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., Тип. «Правда», 1911. 554 с.
179. Оглоблин Н.Н. Провинциальные архивы в XVII в. // Вестник археологии и истории (издание СПб–го Археологического ин–та). СПб., 1886. Вып. 6. С. 136–151.

180. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., Изд–во СПбГУ, 2008. 274 с.
181. Очерки по истории Башкирской АССР. Под ред. А.П.Смирнова. Уфа, Баш. книж. изд–во, 1956. Т.1. 198 с.
182. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Изд–во «Наука», Москва, 1967. 480 с.
183. Паллас П.С. Путешествия русских людей в чужие земли. II ч. Печ. Н. Власов. Спб., тип. Н. Власова, 1837. 139 с.
184. Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., Тип. Императорской Академии наук, 1867. 184 с.
185. Первушкин В.В., Шишлов С.Л. Эволюция представлений о средневековой политической истории Окско–Ценско–Сурского междуречья в XIX—XX вв. // Отечественная культура и развитие краеведения. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Пенза, 2000. С. 119 – 131.
186. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации). М., Тип. Грачева, 1877. 331 с.
187. Перетяткович Г.И. Поволжье XVII начале XVIII века. Очерки из истории колонизации края исследование. Одесса, Тип. П.А.Зеленого. 1882. 403 с.
188. Першиц А. И., Семенов Ю.Л., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. Т.2. 247 с.
189. Першиц А.И. Данничество// Доклады советской делегации на IX международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго 1973). Отд. оттиск. М., 1973. С. 1–14.
190. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., Политическая энциклопедия, 2014. 1063 с.
191. Порталь Р. Башкирия в XVII – XVIII вв. Пер. с фр. и нем. Уфа, Китап, 1999. 312 с .
192. Потапов Л.П. О сущности патриархально–феодальных отношений у кочевых народов средней Азии и Казахстана. //Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, Изд. АН УзбССР, 1955 С. 17–42.
193. Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири в конце XVI–середине XVII вв// Вопросы истории. М.,1981. № 10. С.77 –89.

194. Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов–на–Дону, Изд. Ростовского университета, 1989. 414 с.
195. Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племён Южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1887. 26 с.
196. Ратцель Ф. Политическая география//Геополитика: Хрестоматия. Сост. Б. А. Исаев. СПб., Питер, 2007. С. 15–36
197. Рахимов Р.Н. Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII – XVIII вв. Золотоордынское наследие. Сборник статей. Выпуск 1. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально–экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1. Казань, «Фэн», 2009. 526 с. С. 121–128.
198. Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго–востока России в XVIII–первой половине XIX в. М, «РИСИ», 2014. 544 с.
199. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., Наука, 1988. 188 с.
200. Ремезов Н.В. Землевладение в Уфимской губернии//Записки императорского географического общества. Отделение статистики. СПб.,1889. Т.VI. С.7–134.
201. Роже Кайуа Социология палача//Олье Дени. Коллеж социологии. СПб., Наука, 2004. С.355–372.
202. Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., Изд–во Восточной литературы. М, 1961. 86 с.
203. Руденко С.И. Башкиры: историко–этнографические очерки. Уфа, Китап, 2006. 376 с.
204. Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии». Ч.2. «Быт башкир». Л., [б. и.], 1925. 330 с.
205. Рычков Н.П. Ответы на вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъяснения в рассуждении Оренбургской губернии. //Труды ВЭО. Ч.XII. СПб.,1787. С.179.
206. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, Изд–во УНЦ РАН, 2002. 210 с.
207. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии// Коммент. И. В. Кучумов, Ф. А. Шакурова. Уфа, Китап, 1999. 312 с.
208. Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Т.2. СПб.,1866. 358 с.

209. Сабитов Ж. Кучумовичи в Восточном Дешт –и Кипчаке в середине XVII –начале XIX// История, экономика и культура средневековых тюрко–татарских государств Западной Сибири. Курган, Изд–во Курганского гос.ун–та, 2014. 148 с. С. 28–31.
210. Сабитов Ж. К вопросу о буркутах в западной Сибири XV в// Материалы XV Всероссийской научно–практической конференции «Сулеймановские чтения–2012». Тюмень. 2012. С. 135–138.
211. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., «Русский мир», 2006. 636 с.
212. Салихов А.Г. Онготолган тарих битгаре. Эфе, Гилем, 2003. 64 с.
213. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, Изд–во МГУ им. Н.П.Огарева, 1960. 279 с.
214. Седашев В.Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., типо–литография В.Рихтер 1912 г. 235 с.
215. Семенов С.Ю. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества//Советская этнография. 1982. № 2. С.49–55.
216. Семенов Ю.И. Народ, этнос, нация//Философия и общество. № 1 (69) / 2013. С. 28.
217. Семенюк Г. И. К проблеме рабства у кочевых народов: на материалах Казахстана//ИАН КазССР. Сер. ист., арх. и этн. Вып. I. 1958а. С.55—82.
218. Симаков Г.Н. Культ хищных птиц у народов Средней Азии и Казахстана: На примере соколиной охоты. СПб., 2000. Автореф. дисс. док. истор. наук. 47 с.
219. Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский: хроника Смутного времени. М., Молодая гвардия, 2007. 330 с.
220. Слудский А.А. Джуты в евразийских степях и пустынях// Тр. Ин–та зоологии АН Каз. ССР. 1963. Т. 20. С. 5–88.
221. Соловьев А. И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, ИНФОЛИО–пресс, 2003. 224 с.
222. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., Соцэкгиз, Мысль. 1961. Кн. 6, т. 11–12. 682 с.
223. Спицын А.Н. Оброчные земли на Вятке в XVII в. Казань, Типография императорского университета, 1892. 51 с.
224. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки. (Истор. очерк) Оренбург, Типолитогр. И.И. Евфимовского–Мировицкого, 1881. 200 с.
225. Сташевский Е. Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII в. М., Т–во «Печатня С.П. Яковлева»,

1911. 237 с.
226. Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения// Сборник научных работ. Вторая итоговая конференция молодых ученых города Казани. 27–28 марта 1964 г. Казань, 1966. С. 98–99.
227. Сулейманов, А.М. Башкирские сэсэны// Ватандаш. 2012. №9. С. 108–148.
228. Сулейманов Ф.М. Башкирский двор по материалам ревизий первой половины. XIX в. // Научное наследие башкирских ученых и вопросы современности. Вторые Валидовские чтения. Тезисы конференции. Уфа, 1995. С. 132–135. С. 135.
229. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., Наука, 1982. 160 с.
230. Сураганова З.К. Традиционный обмен дарами у казахов. Автореф. канд. истор. наук. 07.00.07. Томск, 2007. 23 с.
231. Тагирова Л.Ф. Система управления Башкиро–мещерякским войском в кантонную эпоху (1798–1865 гг.). Уфа, 2014. 172 с.
232. Таймасов С.У. Башкирско–казахские отношения в XVIII в. М., Наука, 2009. 317 с.
233. Татищев В.Н.Лексикон. Российский, исторический, политический и гражданский. Ч. 1 . СП (б)., в Тип. Горного училища, 1793. 312 с.
234. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. СПб. Тип–я ИАН, 1884. 564 с.
235. Титова З.Д. Барабинские татары (Историко–этнографический очерк)// Из истории Сибири. Томск, изд–во Томского пединститута. 1976. Вып. 19. С.120.
236. Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых обществах//ИГАИМК. Выпуск 103. М., 1934. С.98–122.
237. Толыбеков С.Е.Кочевое общество казахов в XVII – начале XX в. Политико–экономический анализ. Алма–Ата, Издательство «Наука» Казахской ССР, 1971. 636 с.
238. Толыбеков С. Е. Общественно–экономический строй казахов в XVII–XIX вв. Алма–Ата, Казгосиздат, 1959. 448 с.
239. Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: опыт этнической итории башкирского этноса в новое время. Уфа, Китап, 2002. 238 с.
240. Тортика А. А., Михеев В. К., Кортиев Р. И.. Некоторые эколого –демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ//Этнографическое обозрение, 1994, № 1. С.49–62.

241. Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI – XVII вв//Отечественная история. 2003. № 3. С. 164–174.
242. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности.М., «Восточная литература», 1993.168 с.
243. Трепавлов В.В. Бий мангытов, коронованный cheef: вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии//Альтернативные пути к цивилизации: Под ред. Н.Н.Крадина, А.В.Коротаева, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынши. М., Логос, 2000. 368 с. С. 347–357.
244. Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, Урал. науч. центр РАН, 1997. 72 с.
245. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., Восточная литература, 2002. 752 с.
246. Трепавлов В.В. Тюркские народы Средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, Фолиант, 2011. 252 с.
247. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., Восточная литература, 2012. 231 с.
248. Уметбаев М. Башкиры// Ватандаш. 1998. № 2. С. 159—173.
249. Усеинова К.Р. Барымты в традиционном обществе казахов//Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 1. С. 76—74.
250. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1982. 194 с.
251. Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, Изд–во Казанского государственного университета, 1972. 223 с.
252. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, Изд–во Казанского ун–та, 1979. 318 с.
253. Устюгов Н.В. Башкирские восстание 1662 – 1664 гг.//Исторические записки. Т. 24. М.Л., 1947. С 112–176.
254. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737 – 1739 гг. М., АН СССР, 1950. 155 с.
255. Фаизов Г.Б. Государственно–исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, УНЦ РАН, 1995.113 с.
256. Файзуллин М.Г. Эколого–биоресурсные основы оптимизации охото–хозяйственной деятельности в степной зоне Южного Урала. Автореф.дисс. на соискание канд. биол. наук. Оренбург, 2005. 26 с.

257. Файзуллин Ф.С. Зарипов А.А. Грани этнической идентификации. //Социологические исследования. 1997. №8. С.40–47.
258. Фаткуллин И.З. Ясачное население в истории Башкирии//Ватандаш, 2012. № 2. С. 27–38.
259. Федоров–Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., Московский университет, 1973. 181 с.
260. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. 2–е изд. // Труды ГИМ. М., 1956. Вып. 31. 120 с.
261. Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель// Уч. зап. Казанского университета. Т. VI. Казань, Тип. Каз. ун–та, 1871. С. 297–401.
262. Фурсов А. И. Некоторые общеэкономические проблемы развития Монголии в новое время. М., 1976 (дел. ИНИОН № 968).
263. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3–е, доп. Алматы, Дайк–Пресс, 2002. 604 с.
264. Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, Фэн, 1994. 144 с.
265. Ханыков Я.В. Географическое обозрение Оренбургского края // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые, с Высочайшего соизволения, при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. Отделение II. СПб., Типография МВД, 1839. С. 1–42.
266. Хисамитдинова Ф. Г. Формирование ойкономической системы башкирского языка : автореферат дис. доктора филологических наук, 10.02.06. Москва, 1992. 55 с.
267. Хуббитдинова Н.А. Художественное отражение обычая «барымта» в повести «Абдряш» П.М. Кудряшева (К проблеме русско–башкирских фольклорно–литературных взаимосвязей//Вестник Челябинского государственного университета. 2009. Филология, Искусствоведение. № 31. С. 134–137.
268. Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра–Мауро//ТСУАК. 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 247–251.
269. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М., В тип. Александра Семена, 1856. 592 с.
270. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно–статистическом этнографическом и

промышленном отношении. Уфа, типография Оренбургского Губернского Правления, 1859, 472 с. С. 131.
271. Чернавский Н. М. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Вып. 1. // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. VII. Оренбург, Тип. Оренбургской духовной консистории, 1900. С.176–177.
272. Чулошников А.П. К истории башкирского землевладения и русской поземельной политики в Башкирии после указа 1832 г// Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1921. Вып. 1.С. 12–13.
273. Чулошников А.П. Истории феодальных отношений в Казахстане в XVII– XVIII вв// Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1936, № 3.С. 489–501.
274. Чулошников АП. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII – первой половины XVIII в//Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в 17 и первой половине 18 вв. М.–Л.: АН СССР. 1936. 631 с. С. 5– 87.
275. Шакурова Ф.А. Кочевое наследие в истории и культуре Башкортостана». Уфа, «МГГУ им. М.А. Шолохова», 2009. 199 с.
276. Шакурова Ф.А. Правовой статус башкирских земель в XVIII–первой половине XIX в. [Электронный ресурс] Электрон. дан. Режим доступа: http://www.central–eurasia.com/index/articles/?uid=1962. Загл. с экрана. — Яз. Рус.
277. Шакурова Ф. А. Башкирская волость в середине XVIII – первой половине XIX в. Уфа, БНЦ УрО РАН, 1992. 137 с.
278. Шахматов В. Ф. О происхождении двенадцатилетнего животного цикла летоисчисления у кочевников. //Вестник АН КазССР. 1955. № 1. С. 43–55.
279. Шахматов В. Ф. К вопросу о классовой и антиколониальной борьбе и ее формах в Казахстане в XIX в. // Вестник АН КазССР. 1951. № 8. С. 35—44.
280. Шаяхметов Ф.Ф. Между степью и оседлостью: процессы седентаризации башкир и распространение земледелия в XVII–XIX вв. Уфа, РИЦ БашГУ, 2005. 282 с.
281. Шаяхметов Ф.Ф. Формирование правового плюрализма среди мусульман Южного Урала//Ислам и право. Сост. и ред. И.Л. Бабич и Л.Т. Соловьева. М., 2004. Вып. 2. С.63–78
282. Шаяхметов Ф.Ф. Шариат и обычное право в структуре социальных отношений башкир. // Шариат: теория и практика. Материалы межрегиональной научно–практической конференции. Уфа: ТАУ, 2000. С. 136–144.

283. Шватченко О.А. Вотчинное землевладение в России в конце XVI в. Изд–во Ин–та росс. истор. РАН, М., 2008. 190 с.
284. Шипилов А.В. Русская культура питания в первой половине XVIII в//Вопросы истории, 2003, № 3. С. 146–152.
285. Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы. Кн. 1. Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2001. 99 с.
286. Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир.(Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М., Изд–во «Наука», 1984. 256 с
287. Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд–во, 1991. 189 с.
288. Эренджен Хара Даван. Чингис–хан как полководец и его наследие. Культурно–исторический очерк монгольской империи XII–XIV в.в. Элиста, Калм. кн. изд–во, 1991. 196 с.
289. Энгельман И.О. О приобретении права собственности на землю по русскому праву. СПб., Лань, 2013. 211 с.
290. Эткинд А. Бремя бритого человека, или внутренняя колонизация России//Ab imperio. 2002. № 1. С. 265–298.
291. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая// Чингиз–наме. Алма–Ата, Гылым. 1992. 296 с. С 14–56.
292. Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV–XVI вв. (социально–политический аспект). Уфа, Гилем, 2009. 192 с.
293. Яминов А.Ф. Монголо–татары и «страна Паскатир». //Ватандаш, 1999, № 1. С. 156–157.
294. Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Автореф. Дисс. докт ист. наук. М., 1990. 46 с.
295. Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX в. Уфа, Китап, 1998. 240 с.
296. Янгузин Р. З.Традиционный хозяйственный уклад башкир прошлого столетия (до 60–х гг). Уфа, Изд–во БашГУ, 1979. 47 с.
297. Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа, «Китап», 1998. 240 с.